Я ВЫЖИЛ В ХОЛОКОСТЕ

ДЭНИЭЛ М. КОУЭН

Реальная история Тибора «Тэдди» Рубина — жертвы Холокоста и героя Корейской войны, награжденного медалью Почета.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Реальная история Тибора «Тедди» Рубина – жертвы Холокоста и героя Корейской войны, награжденного Медалью Почета.

В 1944 году тринадцатилетний венгерский мальчик по имени Тибор Рубин был схвачен фашистами и отправлен в концлагерь Маутхаузен. После окончания войны, ему удалось выбраться из лагеря живым, и, пережив Холокост, он прибыл без гроша в Америку, едва говоря по-английски.

Через пять лет в 1950 году Тибор поступил добровольцем на военную службу в армию США для участия в корейской войне. Тибор попал в плен, где благодаря опыту пребывания в лагере Маутхаузен смог уберечь товарищей от смерти.

Из Кореи он смог вернуться только в 1953 году, однако потребовалось более полувека, чтобы признать заслуги еврейского иммигранта перед вторым отечеством, как вышедшие за рамки служебного долга.

- Дэниэл М. Коуэн
  - ○
  - ○
  - ○ Вашингтон, 2005-й
  - ○ Пасто, 1938-й
    - ■ 1
    - ■ 2
    - ■ 3
    - ■ 4
    - ■ 5
    - ■ 6
    - ■ 7
    - ■ 8
  - ○ Маутхаузен, 1944-й
    - ■ 1
    - ■ 2
    - ■ 3
    - ■ 4
    - ■ 5
    - ■ 6
    - ■ 7
    - ■ 8
    - ■ 9
    - ■ 10
    - ■ 11

- 12
- После Лагеря, 1945-й
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
- Война, 1950-й
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
- В плену, 1950-й
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35

○ Возвращение домой, 1953-й

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13

○ Медаль, 1981-й

- 1
- 2
- 3
- 4

- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26

○ От автора
○ Благодарности
○ Библиография
- Книги
- Периодические издания и сайты

○ Заметки

Дэниэл М. Коуэн
Я выжил в Холокосте

Daniel M. Cohen
SINGLE HANDED
Печатается с разрешения издательства the Penguin Group, the Berkley Publishing Group.
© Daniel M. Cohen
© Антон Городецкий, перевод
© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Посвящается Мэнли и Джорджу, двум моим братьям, участникам разных войн. Вы навсегда в моих мыслях.

Вашингтон, 2005-й

Пожилой ветеран выходил из лимузина, и по всему было видно, что ему очень плохо. Его больное колено раздулось до размеров мяча для софтбола. Оба бедра не давали покоя. Руки жег артрит, особенно правую, в которой до сих пор оставалась шрапнель. Атеросклероз сбивал дыхание, голова кружилась из-за джетлага. Шаг был невропатически неровный.

В прошлом году бывшего капрала клали в больницу пять раз. Целая когорта болезней, от сердечной недостаточности до диабета, не обещала ему ничего хорошего. Но он говорил врачам не переживать за него: все было под контролем – он твердо решил жить. В скором времени он доказал, что сильнее своих болезней, и сейчас, когда он вошел в элегантную гостиную, каждое новое ощущение – будь то глухое жужжание взволнованных разговоров, ароматы сладкого парфюма или шорох дорогих костюмов – все сильнее заглушало его хроническую боль.

Старый солдат предпочел бы присесть, но ему было велено стоять. Оставаться на ногах было тяжело, зато так он мог разглядывать собравшихся. Самые дорогие ему люди располагались прямо перед ним: его жена, Ивонн, и двое детей; Дик и Лео, единственные пережившие корейскую войну друзья; Бад, ветеран, которого он в шутку называл своей «офицерской женой»; и Мишель, активистка, помогавшая ему на протяжении двадцати лет отупляющих душу неудач и унижений. Наконец, была Глория, невестка – единственная, кто осталась в живых из всей его семьи, женщина, которая никогда его не любила и, наверное, до сих пор считавшая его бабником и бездельником. Остальные 150 человек – высокопоставленные бюрократы, мужчины и женщины в парадной форме (только что, похоже, доставленной из химчистки), группка бородатых раввинов – были ему незнакомы. Он кивнул – всем и каждому одновременно.

Шквал фотовспышек осветил комнату. Гости встали единой волной. Ветеран выпрямился и улыбнулся президенту Джорджу Бушу – Бушу-младшему, – который энергично вошел и занял место возле трибуны. Военный священник открыл церемонию. «Господь Всемогущий, мы всегда в руках Твоих…»

Ну вот, снова Господь. За последние семьдесят лет старик молился ему, спорил с ним и иногда проклинал Его. В самые тяжелые для него моменты он обещал сам себе, что если когда-нибудь они встретятся, он Его засудит. Совсем недавно он представлял себе, что Бога нет. А теперь вот Он вернулся. Хорошо это или плохо, Бог пришел с ним в Белый дом.

Священник продолжал: «Мы собрались здесь сегодня, чтобы почтить великого солдата и американского героя, капрала Тибора Рубина…»

После молитвы президент Буш с признательностью в голосе говорил о венгерском подростке, который пережил год в немецком концлагере, эмигрировал в Америку, поступил в ряды армии США и отправился добровольцем на корейскую войну. Дальше последовал внушительный послужной список.

Тибор Рубин в одиночку, с помощью одного пулемета, защитил стратегически важный холм от массивного наступления северокорейцев. В китайском лагере для военнопленных он помогал сослуживцам пережить два с полвиной года заключения. Используя знания, полученные в концлагере, он сумел выходить больных товарищей и рисковал жизнью, воруя для них еду. А когда китайское командование предложило отправить его обратно в коммунистическую Венгрию, он объявил, что предпочтет остаться здесь, со своими американскими братьями, даже несмотря на то, что он не был гражданином США.

Президент верно пересказал ключевые достижения Тибора, но в его повествовании были зияющие дыры. Например, он, очевидно, забыл упомянуть сержанта-антисемита, который неоднократно отправлял Рубина «добровольцем» на опасные миссии и который отдал ему приказ остаться на складе боеприпасов, пока остальная рота отступала. Президент не сказал также, что тот же самый сержант как минимум дважды сознательно проигнорировал письменные рекомендации ротных командиров приставить Рубина к Медали Почета. Не объяснил президент и почему в течение двадцати пяти лет армия закрывала глаза на многочисленные показания свидетелей, нотариальные заявления, петиции и призывы ветеранских организаций и законодательных органов наградить Рубина за его самоотверженность и храбрость. Знал ли вообще президент, что потребовался целый *закон,* чтобы он, Тибор Рубин, получил возможность хотя *бы рассматриваться* в качестве кандидата на получение медали?

Когда Буш закончил, представитель армии США зачитал официальное заявление, в котором говорилось, что Тибор «Тэд» Рубин награждается за «выдающиеся храбрость и отвагу, проявленные с риском для жизни и превышающие долг службы». Затем, как учили, семидесятишестилетний ветеран повернулся лицом к президенту, который повесил награду ему на шею. Последовала короткая молитва, и церемония завершилась.

Прошло более пятидесяти лет с того момента, как мальчишка, которого сейчас награждали, вернулся из Кореи.

Почти все это время он оставался никому неизвестен. Но теперь, согласно традиции, когда бы Тибор Рубин ни надел свою медаль, каждый солдат – от рядовых до генералов – обязан был отдавать ему честь и обращаться к нему «сэр» или «мистер».

Пока эскорт ехал в Пентагон, где его должны были включить в Зал Героев, Тибор Рубин вспоминал события прошлых лет. Остались в живых лишь двое из всех тех парней, которые так долго боролись за свою жизнь бок о бок с Тэдом. Знали ли власть предержащие, включая тех, кто сидел сегодня на церемонии, понимали ли они на самом деле, через что прошли те люди – сначала во время войны, и потом, на протяжении двадцати пяти лет, пытаясь добиться, чтобы эта двадцатиминутная церемония состоялась? Изменилось бы что-то, если бы они понимали? Может, да. А может и нет.

Несколько лет назад, когда сегодняшняя помпезная церемония была всего лишь мечтой, Тибор сказал одному репортеру, что больше всего на свете он хотел бы, чтобы все знали: есть такой «сопливый юнец, маленький придурок из Венгрии, который боролся за свою обожаемую страну». Сегодня он обмолвился другому репортеру, что теперь он был не кто иной, как *«Мистер Придурок,* настоящий герой».

С Медалью Почета на груди Тибор Рубин прихрамывая шел в Зал Героев, где он улыбался фотографам, пожимал руки гостям и никому не рассказывал свою настоящую историю.

Пасто, 1938-й

1

Первая встреча Тибора Рубина со смертью состоялась, когда ему было девять лет. Это случилось теплым сентябрьским утром 1938-го в маленьком венгерском городке Пасто, примерно в ста километрах от Будапешта. Почти сразу после завтрака отец Тибора взял худощавого коротко стриженного мальчика в дом пожилого соседа и провел его в темную комнату. Сосед, уважаемый член еврейской общины, лежал на кровати, покрытый черным одеялом.

Мальчик впервые был так близко к мертвому телу. Его шаловливая улыбка сползла, он нахмурился. Напуганный, он дернул отцовскую руку. Хотел было убежать, но Ференц Рубин держал его крепко, объясняя твердым голосом, что по еврейской традиции тело покойника нельзя оставлять в одиночестве, и что раз все остальные в общине были заняты, Тибору придется составить ему компанию до самых похорон, которые должны были состояться вечером того же дня. Отец ясно дал понять Тибору, что мальчику нельзя уходить из соседского дома ни под каким предлогом. Секунду спустя Ференц вышел.

С того самого дня, как Тибор съеживался от страха в кресле местного кинотеатра, смотря «Франкенштейна», он дико боялся мертвых, особенно тех, кто мог внезапно вернуться к жизни. Но ослушаться отца было еще страшнее. Он уселся как можно дальше от трупа и принялся внимательно наблюдать за черным одеялом на тот случай, если тело под ним вдруг покажет признаки жизни. Мальчик решил так: если сосед сдвинется хоть на дюйм, он залезет под кровать и начнет кричать. Но из дома он не выйдет.

Опасениям Тибора по поводу покойного соседа не суждено было сбыться. Тело осталось неподвижным до самого прибытия похоронной команды. Тибор рванул домой хвастаться брату и сестрам, что провел целый день на расстоянии плевка от покойника. Даже его четырехлетняя сестра была глубоко впечатлена.

Семья Рубинов, примерно 1939-й. Слева направо: (передний ряд): Илонка, Роза, Ференц, Тибор (задний ряд): Ирэн, Эдит, Имре. Семья Ирэн Рубин

Тибор был уверен, что его обязанности на сегодня выполнены, но Ференц так гордился сыном, что назначил его стражем мертвых, «Шомером» – на случай, если понадобятся его услуги.

Перспектива стать стражем мертвых парализовала Тибора, но спорить с отцом он не мог – в доме Рубинов это было

неслыханной дерзостью.

Ференц Рубин держал детей в ежовых руковицах. Он требовал, чтобы они содержали свои комнаты в идеальном порядке и устраивал ежедневные проверки. После обычной школы он заставлял их идти прямиком в еврейскую. А в ночь перед шаббатом он отправлял их в местную синагогу бросать всю мелочь, которая у них была, в коробку для сбора в пользу бедных.

Но была в отце и другая черта, которая смущала Тибора. Да, Ференц был строгим блюстителем еврейских традиций, но при этом он настаивал, чтобы дети общались как с евреями, так и с неевреями, и чтобы относились ко всем с одинаковым уважением. Это напрягало Тибора, потому что по субботам, когда его нееврейские друзья шли гулять, отец заставлял его оставаться дома и изучать Тору. Усугубляло ситуацию то, что иногда его симпатичному брату Имре, который был старше его на семь лет, удавалось сбежать из-под надзора поиграть в футбол. Все это не имело решительно никакого смысла.

Тибор подчинялся правилам Ференца, но страх мертвых побороть не выходило. Если он слышал о том, как заболел кто-то из пожилых членов общины, он пытался не попадаться на глаза Ференцу. Если больному становилось хуже, мальчик прятался в лесу.

Потом умер старый адвокат, вдовец, жена которого умерла за несколько лет до этого. Поскольку у него не было родственников в Пасто, Тибора снова назначили составить компанию покойному. Где-то во второй половине долгого дня, когда нервы мальчика поуспокоились, Тибор растянулся на кушетке и заснул. Проснувшись, он увидел, что на покойнике не было одеяла. Внезапно он осознал, что смотрит прямо на мертвеца.

Тибор и Имре, примерно ранние 1940-е. Семья Ирэн Рубин

Труп что, каким-то чудом вернулся к жизни? Злые силы как-то оживили его, как во «Франкенштейне»? И если нет, тогда что делало черное одеяло на полу?

Первой мыслью Тибора было бежать из дома со всех ног, но в этом случае его неизбежно постигла бы отцовская кара. Тогда он решил накрыть голову подушкой или спрятаться под кушеткой, но как его это защитит? Тут, после невыносимой минуты жонглирования нервами, во время которой труп лежал совершенно неподвижно, у Тибора откуда-то появился прямо противоположный порыв, такой же сильный, как и первоначальный: подойти и рассмотреть мертвого человека в упор. Он глубоко вздохнул и посмотрел на покойника. Ничего. Он подошел ближе. Тело по-прежнему неподвижно лежало на кровати. Подбираясь ближе, Тибор внимательно следил за бессильными руками, сложенными чашей на груди, за глазами, устремленными в потолок, за слегка приоткрытым ртом – складывалось впечатление, будто мужчина умер прямо во время молитвы. Несмотря на ожидания мальчика, духи отмщения так и не спустились к нему, дабы как следует наказать за то, что позволил одеялу упасть и обнажить труп. По мере того, как Тибор изучал тело на расстоянии вытянутой руки, он понимал, что бояться, собственно, было нечего – как только душа покидала человека, его тело не представляло никакой опасности. Напротив,

в нем была даже некая гармония.

В тот самый момент юный Тибор Рубин смирился с присутствием в жизни смерти. И пусть процесс умирания все еще оставался загадкой, мертвые уже не контролировали заполненную страхом часть его сознания. На каком-то едва уловимом уровне Тибор стал другим человеком.

2

Преданно выполняя поручения отца, Тибор надеялся, что тот позволит ему пропустить занятия в еврейской школе. Он физически ощущал невыносимую сложность иврита и бесконечных еврейских законов. Вдобавок он справедливо полагал, что религии ему вполне достаточно и дома. Но Ференц и слушать не хотел, не позволяя мальчику пропускать занятия.

Тибор не понимал отца. Да, он одевался как современный человек: все эти его костюмы, котелки, даже стильные усы, – но вел он себя совсем не по-современному. И хотя старшие дети говорили, что он стал мягче после рождения Илонки – самой младшей дочери, – он по-прежнему оставался несгибаемым, когда дело касалось религии.

Тибор был послушным мальчиком, но терпеть не мог еврейскую школу, как бы ни давил на него отец. Когда узнавали, что он прогуливает, раввин слал гневные записки его родителям. После нескольких таких записок Ференц пришел к выводу, что его недоразвитый сынок не обладает характером и что от него никогда не будет никакой пользы – ни для него самого, ни для общины.

Однако мама Тибора, Роза, которая была куда как великодушнее, не соглашалась с мужем, и вместе с Тибором они решили во что бы то ни стало опровергнуть выводы отца. Поскольку в их маленьком городке с населением в шесть тысяч человек была только одна машина (да и то такси), а почтовые услуги обходились дорого, Роза предложила сыну открыть службу доставки, тем самым убивая двух зайцев: во-первых, мальчик будет всегда занят, а во-вторых, он будет приносить пользу общине. Вскоре Тибор бодро вышагивал от дома к дому, доставляя все – от свадебных приглашений до обуви из лавки Ференца. Мальчик кружил от двора к двору, а благодарные клиенты подавали ему небольшие чаевые за старания. Постепенно карманы его наполнялись монетами.

Тибору нравилось ощущение собственных денег, пусть и не больших. Впервые в жизни он мог сам покупать сладости и билеты в кино себе и друзьям, хотя отцу это и не нравилось. Ференц считал, что комедии, приключенческие фильмы и ужастики, которые так любил смотреть Тибор, отвлекают мальчика от жизненных задач. Но как только у Тибора появлялись карманные деньги, он несся в маленький кинозал Пасто. Тибор обожал Лорела и Харди, Тарзана и «Франкенштейна», которого он посмотрел уже четыре раза. Но

больше всего ему нравились фильмы об Америке.

Соединенные Штаты поражали Тибора, он искренне считал их самой большой и самой лучшей страной на свете. Ковбои и гангстеры, детективы и головорезы завораживали его. Его пленили огромные пространства и высоченные дома.

Америка была волшебной страной, в которой люди говорили друг с другом по телефонам, одевались в цилиндры и фраки и ездили за рулем сверкающих авто.

Тибор пообещал себе, что однажды он уедет из Пасто и навсегда оставит ненавистную еврейскую школу. Бросит все и отправится в Америку, где будет жить свободно от мудреных законов и правил, которые вбивали ему в голову отец и раввин. Чего мальчик не знал, так это того, что было уже слишком поздно – поздно стирать историю и сложный режим еврейской жизни. В свои девять лет Тибор не понимал влияния раввина, отца, общины и Торы, как не понимал и того, что суровые традиции, казавшиеся когда-то обузой, совсем скоро вдохновят его на бесчисленное количество самоотверженных подвигов.

3

Тибору было десять, когда бородатый молодой человек в замасленном пальто и грязных ботинках появился на пороге дома Рубинов. Проводив незнакомца в дом, мать отвела Тибора в сторону: «Это приехал твой двоюродный брат из Америки, – прошептала она. – Но его не было дома так долго, что твоему отцу и мне нужно побыть с ним какое-то время наедине».

Тибору не терпелось поговорить с братом о его удивительной жизни в Америке, но разговор за столом велся почти целиком на идиш, а Тибор не знал на нем ни единого слова. Потом последовало еще одно разочарование: отец прогнал детей из гостиной, чтобы взрослые могли поговорить без посторонних.

Тибору показалось странным, что взрослые проговорили всю ночь. Возможно, было что-то необычное в этом странном родственнике, что-то, о чем Ференц и Роза не рассказали Тибору. Рано утром Тибор собрался было задать свои вопросы, но мать перебила его и сказала отвести брата к соседям. «Доведи его до двери и представь, но внутрь не заходи, им нужно поговорить наедине», – наставляла она неспешным, твердым голосом.

Тибор послушно проводил брата до соседей. Постучал в дверь, объяснил хозяевам, кого привел, и остался ждать снаружи. Все это время этот человек оставался для него загадкой. Тибор был уверен, что в Америке все богаты – по крайней мере, так показывали ее жителей в кино, – а этот парень ходил в обносках. Под ногтями у него была грязь, на пиджаке заплатки, в волосах – перхоть. Впрочем, брат все равно не говорил по-венгерски и ничего про себя Тибору объяснить не мог.

На улице светало, но на душе у мальчика становилось только мрачнее. Вот он идет по городу с гостем из Америки, к тому же родственником, а поговорить с ним не может. На фоне разрастающейся внутри злобы Тибор вернул брата домой. После ужина любопытный парень резко попрощался и ушел. С того дня никто в семье про него больше не говорил.

В доме Рубинов стали появляться другие двоюродные братья, затем друзья двоюродных братьев. Их беседы с Ференцем и Розой почти всегда проходили на идиш, так что Тибор так толком и не понимал, кто это такие. Гости оставались на день-два, встречались с другими еврейскими семьями городка, затем тихо уходили. Тибору все это, конечно, казалось дико подозрительным. Один раз, когда они с Имре гоняли мяч, Тибор пожаловался старшему брату, что его заставили на время покинуть свою комнату, чтобы там смог разместиться очередной

гость.

«Если я скажу тебе кое-что, сумеешь сохранить секрет?» – спросил Имре, жестом подзывая брата ближе.

Тибор кивнул. Имре, которому совсем скоро исполнится семнадцать и который на целую голову был выше Тибора, присел на колени так, что их взгляды оказались примерно на одном уровне.

Тибор был куда сильнее привязан к Имре, чем к отцу. Ференц был угрюм и строг, Имре был весел и беззаботен. Если Ференц и уделял время Тибору, то только чтобы в очередной раз отчитать его, в то время как Имре всегда внимательно выслушивал младшего брата.

«Они нам не двоюродные братья, – прошептал Имре. – Они нам даже не друзья. Это поляки и немцы, которые бегут от нацистов».

«Тогда почему мы их постоянно отправляем к соседям?»

«Просить денег. Они бедны, и им нужны деньги на дорогу».

Тут Тибор и правда вспомнил, что когда ему удавалось подслушать разговоры взрослых, те постоянно шептали что-то про нацистов. А совсем недавно он услышал, как посетители обувного жаловались, что из-за нацистов будапештские евреи потеряли работу. Теперь, благодаря брату, он наконец смог провести связь между нацистами и зачастившими гостями. И это его напутало.

«Поклянись, что никому не скажешь, – продолжил Имре, – что будешь держать это в тайне».

Тибор снова кивнул.

«Нет, поклянись», – настаивал Имре, сурово глядя на брата.

«Да клянусь, клянусь, – нервничал он. – А что, нацисты и за нами придут?»

«Конечно, нет!» – засмеялся Имре.

Он похлопал брата по плечу, подбросил мяч вверх и, натужно кряхтя, ударил по нему головой.

Пока Тибор бежал за мячом по улице, он почувствовал облегчение. Поначалу от одного упоминания нацистов у него по спине пошли мурашки, но сейчас он успокоился. Если Имре их не боялся, то почему должен он?

4

Хотя Ференц и Роза не обсуждали войну с детьми, они все сильнее беспокоились: сначала из-за доходивших до них от гостей слухов, затем когда Венгрия официально объявила о союзе с Германией против России. Большая часть ее семьи жила в Будапеште, и Розу сильно волновали мрачные, антисемитские заявления правительства. Впрочем, родственники, старожилы города, убеждали ее, что все будет хорошо. Напоминали ей, что большая и обеспеченная еврейская община видела и не такие, куда более неспокойные антисемитские настроения.

Роза была еще ребенком, когда Миклош Хорти, адмирал австро-венгерского военно-морского флота, стал регентом Венгерского королевства и публично заявил, что слишком много банков, магазинов и театров сосредоточилось в руках евреев. Это было в 20-е годы, когда страна агонизировала после Первой мировой и распада империи. Чтобы сохранить работу и статус, некоторые друзья родителей Розы стали христианами. При этом Хорти поддерживал крепкие связи с евреями, которые помогали ему во время войны – некоторые из них остались при нем советниками. Поэтому, несмотря на то что Венгрия заключила союзный договор с Германией, в основном чтобы вернуть часть утерянных земель, Хорти противился кампании Гитлера по унижению и очернению евреев и по-прежнему поддерживал еврейское офицерство в своей армии. Кроме того, указывали родственники Розы, празднования двухсотлетия страны проходили в роскошной городской синагоге, одной из самых больших и красивых в Европе. Однако всего этого было мало, чтобы заглушить страхи Розы.

Когда Тибору исполнилось двенадцать, а было это в 1942-м, он уже знал о нацистах, Гитлере и войне, бушевавшей почти по всей Европе. Венгрия воевала на стороне немцев, ее армия сражалась с отчаянными русскими силами на Восточном фронте. Хотя на границе ничего особенно ужасного не происходило, по радио и в газетах постоянно появлялись вести из России. Но жизнь в Пасто была прежней. Каждое утро Тибор доил четырех коз, укладывал в тюки сено для лошади и вычищал отцовскую голубятню. Потом шел в школу.

Весной семья получила неприятные новости от сводного брата Тибора, Миклоша, который жил в соседней Чехословакии. Местные власти прошлись по всем еврейским домам в маленьком городе Хуст и конфисковали радио. Учителей-евреев уволили из школ, синагоги заколотили. Наконец, и это самое неприятное,

Миклоша зачислили на государственную службу и отправили работать на почтовую станцию сразу за Будапештом. Проблема была в том, что Миклошу, который был на пятнадцать лет старше Тибора, пришлось оставить жену и маленького ребенка. Раввины Хуста убеждали людей не паниковать: мол, война скоро закончится и жизнь вернется в прежнее русло. Главы общины в Пасто были с ними согласны и потому предпочли побыстрее стереть из памяти мрачные истории о конфискациях и насильном труде.

Бармицва Тибора – церемония, закреплявшая за ним статус полноценного участника общины, «сына заповеди» – прошла в июне 1943-го, когда ему исполнилось тринадцать. Поскольку присутствовала вся община, Тибору пришлось дать торжественное обещание служить семье, соседям, ближнему и, выше прочего, Богу, хотя парнишка не был уверен, что сможет сдержать подобные обещания. Казалось, что вся эта ответственность рано или поздно так или иначе свалится на его бедную голову. Но сегодня, в день празднования, радости и подарков (среди которых было, между прочим, и благословение отца), ему не хотелось думать об этом. Отец подарил ему роскошный синий костюм, состоявший из пиджака, белой рубашки и галстука – ничего из этого у Тибора никогда раньше не было. Несколько дней спустя Тибор надел костюм – теперь самое дорогое, что у него было – в поездку в Будапешт, которую ему организовал Имре.

Несмотря на то что до Будапешта было меньше двух часов поездом, Тибор никогда там раньше не был. Он видел фотографии столицы в газетах и журналах, но они совершенно не подготовили его к великолепию города. Его поразили шпили готических соборов, ряды дворцов, массивное здание парламента и мечети, построенные еще турками. Город казался древним, при этом широкие бульвары гремели трамваями, сверкали неоновыми вывесками, красовались элегантными дамами в летних платьях, едва покрывавших их колени.

Это был день нескончаемых чудес. После того, как Тибор и Имре посмотрели смену дворцового караула, они пошли гулять по мощному Цепному мосту, соединявшему Буду и Пешт, западную и восточную части города. Они наблюдали за паромами и пароходами, пересекающими могучий Дунай. Когда воздух как следует разогрело, они отправились с сотнями других горожан в общественные купальни, занимавшие, казалось, полквартала.

Для одного дня это было слишком много. Когда Тибор, совсем сонный, садился на поезд домой, он пообещал себе, что вернется в Будапешт и, возможно, даже будет здесь жить. Чего не

почувствовал юный гость города, так это напряжения, царившего под всем этим великолепием, страха, подпитываемого приближавшейся войной. Энергия полутора миллионов человек, поглотившая Тибора в момент его приезда, замаскировала растущую ненависть к людям вроде него. Мальчик и понятия не имел, что в течение года бомбы союзников разнесут большую часть драгоценной архитектуры Будапешта, что осада, в которой венгерские и немецкие войска столкнутся с советской армией, закончится жестокими уличными боями, и что двести тысяч евреев будут убиты своими же согражданами, которые обвинят их во всех смертных грехах: от унизительного поражения Венгрии в Первой мировой до притеснений крестьян и большевистской революции в России.

5

С наступлением зимы 43-го семья Рубинов и их соседи все чаще слышали по радио о том, что события на Восточном фронте развивались не в пользу венгров. Би-би-си сообщала, что после жесточайшей атаки в самое сердце России венгерскую армию буквально раздавили. Поскольку Би-би-си были единственным западным источником информации, у Ференца и Розы не было возможности проверить достоверность этой информации. Соседи утверждали, что сообщения из Великобритании – всего лишь пропаганда. Потом пришли еще более зловещие новости, на этот раз из Чехословакии. Жена Миклоша рассказала, что его отправили в трудовой лагерь в Польше, где он собирает провиант для фронта и роет могилы. Маркета места себе не находила: визиты Миклоша, которые полагались ему раз в один-два месяца, отменили. Особенно тревожно ей было оттого, что он до сих пор не видел их новорожденного ребенка.

В начале 1944-го до Пасто дошел слух, что венгерских евреев, живших на границе с Румынией, похищали рыскающие там банды гестапо. Впрочем, в газетах ничего такого не писали. Собственно говоря, в деревне вообще никто ни разу не видел ни одного немецкого офицера. Ференц и Роза Рубины, однако, переживали – в особенности за своих парней. Разговоры о надвигающейся Красной армии обещали Имре, который работал теперь мебельщиком и жил отдельно, а то и Тибору насильное зачисление в рабочую бригаду – такую же, в которой уже работал Миклош.

Дальше – хуже. В синагоге, куда ходили Рубины, рассказали, что евреев в провинциях забирали прямо с улиц и отправляли в трудовые лагеря на восточной границе. Переживания Ференца и Розы росли: они надеялись уберечь тринадцатилетнего Тибора вместе с дочерьми, но двадцатилетнему Имре они уже никак не смогли бы помочь.

Семья разработала план. У Розы была тетка, которая жила по ту сторону границы, в Кошице, в Чехословакии. Власти пристально следили за евреями, тетка не могла приютить Имре, но соседка-нееврейка предложила укрыть его на своей ферме. Имре и его лучший друг, Алекс, собирались уехать в Кошице на ближайшем поезде.

Тибора шокировала новость об отъезде Имре. Эмоции сменяли одна другую: паника, растерянность, неистовое желание уехать вместе со старшими ребятами.

Когда Тибор рассказал о своей идее Имре, тот принялся его

успокаивать: «Ты и глазом не успеешь моргнуть, я вернусь», – бойко объявил Имре, в шутку легонько поколачивая брата.

Имре убедил его, что нацистов бояться нечего и Венгрия в безопасности. Было совершенно очевидно, что он не прав. Конечно, это была не его вина, но Тибор все равно чувствовал себя преданным.

Он рассказал о своих переживаниях родителям. Ференца явно раздражали вопросы сына, и он поспешил прогнать его. А вот Роза постаралась успокоить страхи мальчика.

«С Имре все будет в порядке, – мягко сказала она. – Это просто мера предосторожности».

Тибор высматривал в ее лице хотя бы намек на страх, но ничего не обнаружил. Сестры также считали план Имре вполне себе удачной идеей. Всем, похоже, было плевать, что брат Тибора, его лучший друг и самый близкий товарищ, сейчас покинет его жизнь, сделав его будущее туманным и опасным, а его самого – заложником войны, к которой его народ не имел ни малейшего отношения.

6

Тихой мартовской ночью Тибор по приходе домой обнаружил за ужином семерых незнакомцев. Он решил, что все они поляки, раз ни слова не говорили по-венгерски. К этому моменту он уже привык к незваным гостям, но в этих было что-то необычное: они казались старше и как-то вдумчивее, что ли.

Гости эти прибыли в крайне неподходящий момент. Несколькими днями ранее к ним в обувной магазин пришел незнакомец и объявил, что в Будапешт въехал немецкий танк. Нацисты свергли правительство адмирала Хорти, а это были плохие новости для двух сотен тысяч евреев города. В тот же день один из прихожан синагоги навестил Ференца, чтобы поговорить с ним о последствиях немецкой оккупации для евреев в провинциях. Ференц молчал, но Тибор уловил в его глазах волнение.

В ночь приезда поляков внимание Тибора особенно привлек тон их разговора. Даже не зная идиш, он чувствовал в их голосах напряженность, граничащую с мучительной болью. Родители и гости обменивались вопросами с пулеметной скоростью. После ужина, когда беседа перешла в гостиную, Ференц и Роза уже открыто ругались. Дети испугались: они крайне редко видели, чтобы мама с папой кричали друг на друга в присутствии посторонних. Тибора с сестрами без всякого предупреждения отправили по комнатам.

Спустя некоторе время Тибор как можно ближе подобрался к закрытой двери комнаты родителей – они готовились ко сну. Ференц и Роза все еще спорили, но теперь на венгерском. Отец настаивал, что, раз Пасто расположен так близко к Будапешту, городок в безопасности. Немцы встречались с еврейскими лидерами в Будапеште и убедили их, что не будет никаких депортаций – при условии, что евреи согласятся сотрудничать. Роза была несогласна. Она обвиняла мужа в сознательном отрицании фактов. Он что, не слышал, что сказали поляки? «Хорошо, а что нам делать с девочками? – грубо спросил Ференц. – Что, если они придут за ними?»

Роза какое-то время молчала. «Я не знаю», – чуть не срываясь, ответила она.

Когда Тибор проснулся на следующее утро, Роза и Ференц сидели мрачные возле его кровати. Тибору сразу показалось странным, что говорить начала Роза. Она объяснила, что незнакомцы и правда были поляки и что они уже несколько лет в бегах. За все это время ситуация в Польше обострилась до

предела. Уверенные, что немцы собираются мобилизовать всех молодых мужчин и мальчиков, они убеждали Ференца и Розу отправить Тибора прочь из Венгрии.

«Ты отправишься в долгий путь, – спокойно заявила Роза. – Наши гости заберут тебя в Швейцарию».

Ференц наморщился и потер бровь. Тибор понял, что ему эта идея не по душе, но он молчал.

Роза продолжала:

«Они профессионалы, опытные путешественники. Будешь слушаться их, будешь в безопасности».

Тибор ничего не знал о Швейцарии, как далеко она была и что она из себя представляла. Все, что он знал, это то, что он не хотел уезжать.

«Почему мы все не можем отправиться туда?» – запротестовал он.

«Мы приедем позже, – твердо заявила Роза. – Но ты поедешь сейчас».

Тибор собрался было возразить, но Роза посмотрела ему прямо в глаза и мягко положила руку ему на губы.

«Когда все закончится – а закончится все скоро, – ты вернешься. Эти люди обещали вернуть тебя домой».

Роза собрала Тибору мешок одежды и положила его на кровать рядом с зимним пальто. Тибор подошел к большому шкафу, взял костюм, подаренный ему крестным отцом на бармицву, и отнес его к кровати, чтобы мама убрала его вместе с остальными вещами. Роза отказалась: в такую погоду толку от него все равно мало, но она обязательно позаботится о нем до его возвращения. Она проводила Тибора на кухню, положила ему в карманы фрукты и хлеб и принялась наставлять:

«По ночам выходите в поле и бери все, что нужно тебе и мужчинам. Не переживай, ничего страшного. Ты ведь знаешь, что можно есть, а что нельзя?» Тибор кивнул, а сердце его с каждым вздохом падало все ниже.

Поляки покинули дом Рубинов на рассвете, пока Роза готовила Тибора к дороге. После короткого визита в синагогу Тибор провел день с сестрами – Ирэн, Эдит и Илонкой. Каждая девочка дала ему какую-то безделушку на удачу: кошелек для мелочи, шапочку и запасные пуговицы для пальто. Однако их щедрость только усилила его грусть. Когда послеобеденные тени стали длиннее и в комнатах стало темнеть, Тибор подошел к матери и, боясь разреветься, сказал, что не может уехать из дома.

Роза улыбнулась и напомнила, что теперь, после бармицвы, в глазах общины и Бога он стал настоящим мужчиной, и что он может и потерпеть такую мелочь – главное, сохранять веру и

оставаться сильным. Ее уверенный тон и немигающий взгляд успокоили его, но позже, когда отец забыл дать ему в дорогу молитвенник, он понял, что ситуация была куда опаснее, чем казалась.

Никакого молитвенника в дорогу? Неслыханно. Никто не уходил из дома Рубинов далеко без молитвенника. Страх Тибора усилился, когда Ференц строго-настрого запретил ему брать с собой хоть что-то, что могло выдать в нем еврея. Теперь помимо страха он ощущал порядочное замешательство.

Поляки вернулись затемно и тихо собрались за ужином. Их скрытность, странный язык, клочковатые бороды и грубый запах напрягали Тибора. Они казались ему частью мира, который не имел к нему никакого отношения. И теперь он вынужден был идти с ними.

За ужином незнакомцы почти не говорили. Только самый высокий из них, мужчина с глубокими морщинами и грубым, гулким голосом обратил внимание на Тибора. Когда остальные встали из-за стола, высокий мужчина остался поговорить с Ференцем и Розой на идиш. Затем положил руку Тибору на плечо и улыбнулся. Мальчик понял: пора уходить.

Они покинули дом Рубинов вскоре после наступления темноты. Суровый ночной холод ранней весны щипал Тибору пальцы и щеки. Они проходили последнюю улицу домов, когда мальчик начал слегка отставать от своих попутчиков. Он не доверял им, их намерениям – даже поклялся, что если заметит хоть малейший намек на подозрительное поведение, то сразу рванет обратно домой.

Пока группа продвигалась через яблоневый сад, Тибор обернулся, чтобы в последний раз посмотреть на огни Пасто. Из-за того, что они спустились в низину, и потому, что деревья росли так близко друг к другу, он едва мог различить верхушку старой церкви и городскую площадь. В этот момент он понял: пути назад нет. Он верил, что все те, кому он дорог, покинут Пасто, и если он когда-нибудь вернется сюда в будущем, здесь его встретят сплошные незнакомцы.

Восьмерка путешественников брела проселочными дорогами всю ночь и отдыхала почти весь следующий день. Тибор посчитал это мудрым решением. После захода солнца становилось холодно, и чтобы не замерзнуть, нужно было двигаться. Чтобы их не заметили, один из группы шел метрах в тридцати впереди, а второй на том же расстоянии позади – прямо как разведчики в вестернах. Ночью машины почти не ездили, но если кто-то из скаутов замечал огни приближающегося автомобиля, он подавал знак остальным сойти с дороги и спрятаться за деревьями. Хотя

Тибор и не осознавал грозящей им опасности, он понимал, что лучше оставаться незамеченным. А еще – странно – он чувствовал себя в безопасности, когда они сидели глубоко в лесу; и хотя на улице была зима, деревья, расщелины, обрывы и овраги служили отличными убежищами. Тибор твердо верил, что в лесу он спрячется от кого угодно, особенно в темноте.

По утрам, прямо перед рассветом, он покидал расположение группы, чтобы найти еду. Деревенский мальчишка, он прекрасно разбирался в диких ягодах – Тибор научился собирать их почти сразу, как научился ходить. Его старшие сестры, Ирэн и Эдит, научили его отличать съедобные грибы от ядовитых, понимать, какие фрукты уже созрели, а какие еще нет, и как варить чай из одуванчиков. Когда он впервые появился на ферме, он моментально разобрался, где там что лежит и какие припасы предназначались для животных, а какие для людей.

Мужчины удивлялись, как часто мальчик возвращался с полными карманами кукурузы, сухофруктов и картофеля. Иногда один или двое шли с ним, но не могли поспеть: Тибор был маленький, жилистый и юркий – а главное, всегда слышал приближающихся хозяев или батраков. Если где-то хлопала дверь или лаяли собаки, он шустро ретировался. Пусть поляки не могли толком поговорить с этим парнем, зато вскоре стали полностью зависеть от него, когда дело касалось пропитания.

Тибор и поляки проводили утра и обеды глубоко в лесу, отдыхая у ручьев или в ложбинах. Когда мальчик сильно уставал, он находил себе место метрах в двадцати от группы и укрывался листьями и сосновыми иголками – без камуфляжа никогда не ложился. Языковой барьер, конечно, по-прежнему мешал ему. Вдобавок, он до сих пор до конца не понимал, в каком направлении они двигаются, а потому с подозрением относился к намерениям своих компаньонов.

Насколько Тибор мог предположить, поляки были городскими жителями. Их пиджаки и рубахи были потрепаны, но довольно современны. Очки были сделаны из тонкой проволоки. Вместо ботинок они носили туфли со шнурками. Рюкзаки их были забиты книгами, что раздражало Тибора – и так было тяжело от воды и сменной одежды.

Тибору хотелось узнать про них побольше, но единственным, кто понимал по-венгерски, был высокий мужчина, Петер, да и тот говорил на уровне трехлетнего ребенка и явно стеснялся своего произношения. Однако отцовский тон его потихоньку сводил на нет подозрения Тибора.

План был такой: идти на юго-запад в Италию, затем пересечь границу со Швейцарией и оказаться на нейтральной территории,

свободной, как они считали, от нацистов. Друг Петера Карл нес с собой в сумке целую папку карт и каждый день корректировал их маршрут. Высокий человек объяснил, что Карл был инженером до войны и мог определить их местоположение даже по звездам.

Группа держалась грунтовых дорог, по которым могли проехать разве что фермерские телеги. Иногда какой-нибудь местный фермер предлагал подвезти их. Когда появлялась деревня, один из скаутов заходил в нее проверить, нет ли там немецкой или венгерской полиции, и поискать источник свежей питьевой воды.

Однажды ночью, во время мощного ливня, отряд забрел в маленькую деревушку. Из-за темноты и ливня было решительно ничего не видно. На улице никого не было. Таверна была закрыта. Если в деревне и были электрические лампы, они были явно выключены. Тибор и мужчины так промокли и устали, что укрылись прямо на маленькой площади, сделав себе некое подобие постелей под соломенной крышей, кажется, рынка.

Тибор проснулся раньше остальных – ему не терпелось исследовать место, в котором они оказались. В свете дня деревня казалась покинутой. Большинство окон на площади были разбиты. Поколоченные горшки и битое стекло валялось прямо на тротуарах. Несколько дверей свисали с петель. Наполовину заколоченная лавка с полками, забитыми пустыми противнями.

Пожилая женщина, одетая по-крестьянски, прихрамывая, появилась на площади, наполнила две урны из цистерны, затем сразу же вернулась обратно в дом, будто притянутая туда магнитом. Даже если она и заметила Тибора, то не предприняла никакой попытки заговорить с ним. Затем он увидел рваные остатки Торы прямо на дороге. Флероны были сломаны, пергамент порван и залит водой – словно они пролежали на улице не одну ночь. Тибор не мог найти этому объяснения.

Петер и Карл подошли, дружелюбно болтая. Когда он показал им на уничтоженную Тору, их тон быстро сменился. Они свернули походные сумки и поспешно направились по направлению из деревни. Тибор не понимал польского, но одно слово разобрать было несложно: гестапо.

7

Рубины ничего не слышали про Имре после его отъезда в Кошице. Ференц и Роза не отходили от радио в ожидании новостей из Будапешта; все сообщения, одно за другим, уверяли, что все спокойно. Ференц упрекал Розу за то, что она отправила Тибора из дома. Он напомнил ей, что они венгры, а не поляки или чехи. Но в самом начале апреля венгерские офицеры появились в Пасто на черной машине и стали расспрашивать, много ли евреев в городе и где они живут. До обеда их видели в нескольких районах, составляющих заметки и делающих фото. Ференц и Роза распереживались не на шутку: никто раньше не заявлялся в общину, так бесцеремонно что-то вынюхивая. Однако когда они пришли к местным чиновникам уточнить, что происходит, им объявили, что полицейские просто выполняют предписания немецких протоколов, и местным жителям вроде Рубиных волноваться нечего.

Ирэн, старшая дочь Рубиных, совсем потеряла покой после ухода Имре и Тибора. Ференц и Роза хотели, чтобы она осталась в Пасто; они все еще верили, что женщинам и детям деревни ничего не грозит. Семнадцатилетняя Ирэн возразила, что многие девочки ее возраста переехали в Будапешт, чтобы переждать войну там, и что она тоже хотела отправиться вслед за ними. Еврейская община столицы была большая и влиятельная, у Розы была там семья, так что Ирэн могла бы пожить с одной из теток. Неохотно Ференц и Роза отпустили дочь.

После отъезда Ирэн прошло всего несколько дней, когда из Будапешта пришел приказ о переселении всех евреев, этнических меньшинств и прочих людей сомнительного происхождения, проживающих на территории Венгрии. Официальное объяснение звучало так: вследствие войны и возможной оккупации определенные группы населения могут поддаться вражескому влиянию – а следовательно, их необходимо устранить с потенциальных точек столкновения с врагом. Вдобавок желающим исполнить свой гражданский долг предлагалось отправиться волонтером в трудовые лагеря, расположенные на границе.

8

Спустя две недели долгого пути до Швейцарии Тибор бросил считать дни. Его попутчики не могли сказать, сколько еще оставалось до точки назначения, так что он решил выбросить этот вопрос из головы. Как только он поддался ритму путешествия, то сразу начал наслаждаться им. То приятное волнение, которое он испытывал во время набегов на поля и амбары местных фермеров, заставляло его забывать о холоде ночного воздуха. Он встречал рассвет с полным желудком, расстегивал рубашку и обнажал грудь навстречу полуденному солнцу, а завершал день крепким сном. И хотя он все дальше и дальше уходил от Пасто, успокаивающее миролюбие дней в дороге позволяло ему думать, что до воссоединения с семьей осталось совсем чуть-чуть.

Тибор, конечно, не мог знать, что в эти самые дни все еврейское население Пасто уже выгнали из городка. Или что спустя чуть более месяца 430 тысяч евреев покинут Венгрию и к тому моменту многие из них будут уже мертвы.

Слово за словом Тибор и Петер преодолевали языковой барьер. Тибор узнал, что один из компаньонов был глазным врачом, другой – фармацевтом, а остальные – строителями или инженерами. Они находились в бегах с 39-го года и работали с Сопротивлением в нескольких странах. Они прятались в подвалах, на чердаках, в амбарах и даже в канализации. Все, что осталось от их прошлых жизней – потрепанные фотографии жен и детей, которых они не видели уже несколько лет. После пяти лет беготни они все были адски измотаны.

В тот день, когда перед их взором появилась швейцарская граница, на улице было так тепло, что Тибор снял пиджак. Лед и снег сверкали с окружающих гор, но их картограф Карл вел группу по низинам и долинам, где было холоднее – а впрочем, терпимо. Всю прошлую ночь они пробирались по сложной каменистой местности, но после затяжного броска от заката до рассвета Петер указал на дорогу, соединявшую Италию со Швейцарией. Он объяснил, что городки сразу за границей были скорее итальянскими, нежели швейцарскими, но они все равно были там в безопасности – нацисты здесь не свирепствовали.

Отец Тибора несколько раз в год предпринимал деловые поездки в Италию и Швейцарию, чтобы посмотреть на последнюю обувную моду Милана, Флоренции и Женевы. Он возвращался в Пасто с историями об улицах, заполненных автомобилями, кафе, заполненных людьми, и оперных театрах, заполненных посетителями. Смотря на границу, Тибор был уверен, что как

только закончится война, его семья соберется вместе в одном их этих роскошных городов, чтобы начать дивную новую жизнь.

На границе стояли две сторожевых будки, каждая со своим флагом. Короткий отрезок шоссе проходил через ворота, разделявшие две страны. Забор с колючей проволокой простирался за пределы видимости. Земля с другой стороны была испещрена глубокими и угловатыми рытвинами; единственный путь туда – не считая воздушного – проходил через усыпанный гравием узкий кусок дороги.

Карл и Петер оба считали, что лучше будет пересечь границу ночью. Пограничники наверняка будут спать или пьяны – вряд ли им захочется допрашивать всех восьмерых участников похода. Группа дождалась темноты. Карл достал из рюкзака мутную стеклянную бутылку, выпил и передал остальным. Тибор сделал глоток и выплюнул: жидкость была горькой, словно яд. Мужчины засмеялись, пожали друг другу руки, наскоро помолились и отправились вниз по холму.

Лучи прожектора нашли их даже прежде, чем они достигли низины. Петер, Карл и еще один поляк, который говорил по-итальянски, выдвинулись вперед. Охранник появился из резкого ореола света и жестом приказал приблизиться. Карл достал из кармана пиджака свернутую бумагу и помахал ей в воздухе. Группа не двигалась, пока солдат изучал ее. Петер держал руку на плече Тибора, будто желая показать, что он его сын. Карл заговорил с охранником на языке, который Тибор принял за итальянский. Охранник кивнул, отошел на несколько шагов и показал бумагу другому вооруженному человеку.

Солдаты ушли в будку. Поляки стояли хмурые. Громко зазвонил телефон, за ним, словно дурное предзнаменование, раздалось эхо. По прошествии нескольких минут (которые Тибору показались часом, не меньше) солдаты вернулись и проорали приказ. Мужчины засомневались, затем переглянулись и медленно принялись опускать штаны. Когда солдаты увидели сразу восемь обрезаний, они грубо засмеялись и знаком приказали всем лечь на землю лицом вниз и положить руки на затылок.

Из этого неудобного положения Тибор аккуратно приподнял глаза. Два холодных луча света поднимались вдали, затем шли дугой и заканчивались точно на будке. Лучи принадлежали грузовику, который мчался на Тибора и его товарищей и резко затормозил прямо перед ними. Немецкие солдаты, дыша паром на мороз, быстро вылезли из кабины и как бы между делом затолкали в фургон Тибора и поляков. Пленники не сказали захватчикам ни единого слова, хотя солдат пялился на Тибора,

улыбался и что-то сказал ему по-немецки.

«Он говорит, что тебе не о чем беспокоиться, – перевел ему Петер. – Они везут тебя в очень спокойный и хороший лагерь».

Маутхаузен, 1944-й

1

Поначалу Тибора заинтриговала возвышающаяся на холме крепость Маутхаузен. Она напомнила ему замок из фильма про короля Артура. Правда, в фильме на воротах замка не было свастики.

Крепость была такой большой, что из грузовика Тибору удалось рассмотреть лишь ее вход. Каменные стены казались в пять раз выше человеческого роста. Две огромные башни по обеим сторонам ворот были еще выше. Тибор не мог разглядеть всю крепость, хотя земля возле стен ее было выровнена и вычищена. Похоже, она занимала весь холм.

Тибор понятия не имел, зачем крепости нужны были люди с пулеметами – что там охранять? – но ему стало легче, когда грузовик начал притормаживать у входа. Кочковатый, бесконечный путь по австрийским холмам перетряс ему все кости и желудок.

Водитель и охранник обменялись сигналом. Ворота открылись, и взор Тибора упал на огромную площадь, в несколько раз больше футбольного поля. Мальчик начал было шептать молитву, благодаря бога за то, что добрался целым и невредимым, однако, вылезая из кузова, чуть не потерял сознание: дикий смрад ворвался ему в грудь, нос и горло, обжег трахею. То была вонь разлагающейся плоти и, кажется, сажи; вонь настолько мощная, что мальчик начал задыхаться.

Офицер выстроил их группу на большой песчаной площади вдоль стены и приказал не произносить ни звука. Они стояли и смотрели, как заходит солнце; мерзли от ветра. Темнота ночи принесла с собой еще больший холод, но вместе с ним и благодать: резкие порывы ветра уносили отвратительный запах. Наконец немецкий офицер вышел к шеренге и спросил у каждого имя и страну происхождения. Когда он указал пальцем на Тибора, Петер сказал, что мальчику одиннадцать (скинул два года) и что национальность его неизвестна. Тибор молчал. Офицер постучал ладонью ему по голове и двинулся дальше.

Вход и стены лагеря. Мемориальный музей Холокоста (США)

Восьмерых новоприбывших отправили вниз по лестнице в пустую бетонную комнату и приказали раздеться. Вода хлестнула из душевых головок с такой силой, что Тибор чуть не упал с ног. Сначала она была ледяной, потом чуть не кипятком, потом снова стала ледяной. Сразу после «душа» их отправили по узкому коридору к седому мужчине в полосатой пижаме, который побрил им головы и тела. Бритва скользила так быстро, что оставляла за собой следы зарубок и порезов. Парикмахер засмеялся, увидев голого Тибора, и пошутил, что за сегодня мальчик был его самым простым клиентом.

Охранник приказал им бросить одежду в кучу («Для стирки!»), затем выдал рваные, поношенные рубахи и штаны, которые пахли дезинфицирующим средством и висели на них, словно пижамы. После этого их отвели к одноэтажным, похожим на гаражи, зданиям – баракам.

Пожилой мужчина в полосатом пиджаке – староста барака – отправил Тибора к койке, на которой уже сидели трое грязных парней лет двадцати. Когда он увидел, что у них на четверых было одно одеяло, Тибор решил, что обойдется. Семеро его друзей разошлись по другим койкам, в то время как Тибор остался один на один с целым роем непонятных ему языков. Впервые с того самого момента, как он покинул Пасто, ему стало по-настоящему страшно.

Той ночью он не спал. Во-первых, койка была деревянной и неудобной; во-вторых, соседи дергались, толкались, болтали и спорили. Один бедняга скулил как животное, а свирепый ветер грозил выбить немногочисленные окна барака. Внутри было не так холодно, как снаружи, но воздух все равно был морозным и вдобавок вонючим из-за скопления тел. Тибор был уверен, что помещение не топили, однако когда он доковылял до туалета в дальнем углу барака, то заметил что-то вроде плиты. Пописав, он попытался взобраться на нее, чтобы погреться, но тут же откуда-то раздалась команда: «Слезай!»

Барак опустел к рассвету. Тибор остался лежать на койке, но староста приказал ему уходить. Снаружи на площади медленно двигалась река из людей, тысячи усталых пленников тихо волочили ноги и становились в правильные колонны, а эсэсовцы подгоняли их прикладами и выкрикивали на немецком. К тому моменту, как офицеры закончили перекличку, солнце уже встало и мерзкий запах вернулся.

Тибор последовал за «рекой» обратно в барак. Вернулись его друзья. Он разглядывал их лица в надежде увидеть улыбку или намек на нее; хоть что-то, что дало бы ясно понять: худшее позади. Однако по их выражениям решительно нельзя было сказать, что они чувствовали. Впрочем, одного их присутствия было достаточно, чтобы успокоить Тибора.

Снаружи возле бараков собралась толпа – как будто очередь на автобус. Вскоре подъехала тележка, на которой привезли жестяные банки с горячей жидкостью, похожей на смесь кофе и чая. На вкус смесь была горькая, но Тибор выпил – лишь бы согреться.

Прибыли солдаты в униформе, половину пленников увели, остальным сказали вернуться на койки. Несколько минут спустя в барак вошли люди, одетые в рубахи с нашитыми на них зелеными треугольниками men, поделили присутствующих на маленькие группы и приказали всем выйти. Петер и его друзья вышли одними из первых. Довольно скоро в бараке остались несколько детей и староста. Несмотря на пугающую неизвестность происходящего, комната наполнилась спокойствием. Затем с койки сверху свесилась голова ясноглазого мальчугана.

– Венгр? – спросил он.

Тибор кивнул.

– Только появился здесь?

Тибор снова кивнул. Мальчишка ухмыльнулся. Его зубы были почти черными.

– Слыхал про парашюты? – спросил он с грубым смешком.

Тибор уставился на него.

– О, ты такого никогда не видел! – заявил он восторженно.

Его звали Арон. Его отец был врачом, а мать медсестрой; они появились в крепости, когда Арон был еще совсем маленьким, и работали в офицерском госпитале, пока СС не отправили их на фронт помогать раненым солдатам. Арон не видел их уже несколько месяцев, но был уверен, что они вернутся за ним, как только немцы выиграют войну.

Арон спрыгнул на пол и подвел Тибора к нише, где стояла маленькая плита. Староста что-то готовил в горшке.

– Ты пришел с поляками? – спросил староста на ломаном венгерском.

Тибор кивнул.

– Я король поляков, – заявил он гордо. – Раз ты пришел с поляками, мы позаботимся о тебе.

Король отрезал им несколько ломтиков вареного картофеля, затем отогнал их.

Арон сказал, что им лучше выйти на улицу, пока мужчины, которых он называл «капо», не заставили их работать. Тибор был голоден, голова его кружилась, ему сильно хотелось спать, но он побоялся остаться в бараке один и потому пошел за Ароном.

Небо было чистым, и Тибор смог разглядеть охрану, колонны людей, одетых в свободное полосатое шмотье, другие бараки и черный дым, струящийся над крышами. Арон указал ему на утыканный шипами деревянный и проволочный забор, растянувшийся вдоль дальней стороны двора.

– Держись подальше от той штуки, – предупредил он его. – Подойдешь слишком близко, он тебя затащит и прикончит.

Тибор, кажется, не понял.

Арон ухмыльнулся: «Не переживай, этого не случится. Тебя пристрелят даже раньше, чем ты успеешь туда подойти. Но если все-таки успеешь, он доберется до тебя, и ты будешь там висеть, может даже весь день, до тех пор, пока охрана не снимет твой жалкий труп. Так что не переживай».

Он засмеялся и отвел Тибора за угол к маленькому, низенькому зданию с высокой кирпичной трубой. Самый густой и вонючий дым шел из этой трубы.

«Там есть большущая печь, – хихикая, сказал Арон. – Туда тебя отведут, когда все закончится».

Утро уже подошло к середине, и на территории лагеря появилось оживление, сопровождаемое резким шумом. Вдалеке залаяли собаки. В деревянной хибаре пронзительно завизжали металлические пилы. Легкий ветер доносил лязг молотков и кирок.

Двое мужчин в полосатом прошли мимо мальчиков и

скорчили им рожи. Это были капо, объяснил Арон: заключенные, которым начальство лагеря приказало присматривать за остальными. У них не было винтовок, как у офицеров СС, зато были тяжелые резиновые дубинки, которыми легко можно было превратить человеческую голову в пюре. Арон утверждал, что видел их в действии, и посоветовал Тибору не злить этих парней. Некоторые были спокойные, но другие были настоящими садистами, готовыми избить до смерти за то, что на них не так смотрят.

Тибор спросил про невыносимый смрад. Арон отвел его к дальнему концу бараков и указал на девятиметровую стену, простиравшуюся так далеко, насколько хватало глаз.

– Это оттуда.

Арон объяснил, что некоторое время назад на площадь привели толпу русских солдат. Тех, кто мог работать, отвели в бараки, остальных – сотни их было! – оставили стоять на площади весь день. Когда стемнело, приехали пожарные машины и начали поливать их ледяной водой. Русские просили о пощаде, но охране было плевать. Пулеметы держали их в строю, пока вся пачка не смерзлась вместе, словно ледяная скульптура. Поскольку всех сразу нельзя было отвезти в печь, их кусками вывезли за ворота и сбросили в мелкую канаву. Когда потеплело, ледяная скульптура растаяла. Затем они начали гнить. Вот откуда шел самый зловонный смрад.

К баракам подъехал автомобиль с обедом. Мальчишкам досталась чашка коричневого супа с кусочками свеклы и шмат черного хлеба размером с кулак. Тибор два раза укусил хлеб и сдался: корка была твердой, а внутренности больше походили на плотную грязь, нежели на муку. Он хотел было положить недоеденное в карман, но Арон предупредил его. Если другие заключенные увидят, как он ест в неположенное время, то есть не в обед и не в ужин, его выследят, отберут еду и будут искать еще. И почти наверняка сделают больно в процессе. А если никто из людей не найдет его заначку, за них это сделают вши.

Арон повел Тибора к истрепанному знаку на стене их барака. На знаке красовалась вошь, знак «равно» и слово СМЕРТЬ.

– Тебя может убить одна-единственная вошь.

Тибор не понял. Вши, крошечные белые насекомые, которые забираются к тебе в волосы, конечно, отвратительны, но не смертельны же. В Пасто, когда у детей появлялись вши, их либо вычесывали расческой с частыми зубчиками, либо выводили порошком, если те никак не хотели уходить. Но Арон сказал, что здесь вши гораздо опаснее, потому что они прячутся в одежде, потом забираются под кожу и сосут кровь. Хуже того, вши

переносят сыпной тиф, а если ты подхватишь тиф, тебя сразу отправят в госпиталь, чтобы не заразил тут никого, особенно охрану. И что еще хуже, те, кого отправляли в госпиталь, никогда не возвращались. Отец Арона очень подробно объяснил ему все это и даже показал, как убирать яйца вшей из одежды, прежде чем они вылупятся и начнут хозяйничать в твоем теле.

Потом Арон рассказал про глубокую яму, карьер, сразу за бараками, где трудились сотни мужчин, добывая камни. Это было самое страшное место во всей крепости, там работали самые несчастные заключенные, туда отправляли людей, которые чем-то не понравились капо; их «парашютировали», объяснил, задыхаясь, Арон, да вот только парашютов у них не было. Арон хотел, чтобы Тибор увидел карьер, но сделать это было невозможно – по крайней мере, до тех пор, пока их самих не отправили бы туда на работу, а это случалось, только когда капо не хватало рабочих рук взрослых мужчин.

– Может, сами напросимся? – предложил Тибор.

– Ты что! – Арон посмотрел на Тибора, как на дурака. – Тут так не принято.

Тибор запутался. За что людей здесь так наказывали? Почему их сторожа вели себя так жестоко? И он здесь за что? Потому ли, что он еврей, или потому, что он венгр? Арон не знал ответа. Шла война, и вещи просто случались сами собой. Спустя какое-то время ты просто прекращал думать о причинах происходящего.

Заключенные барака, в котором жил Тибор, вернулись после заката, насквозь потные и отвратительно пахнущие. Большинство свалилось замертво. Его соседи сначала немного потолкали его, потом уснули. Их секция вскоре затихла, но поляков не было. Тибор испугался. Он кое-как выбрался из ряда коек и прочесал весь блок: их нигде не было. Тибор разбудил Арона и спросил, что могло случиться, но мальчик не знал. Простояв возле двери около часа, Тибор уселся на пол и тихо заплакал.

Наконец его друзья появились, усталые и грязные. Из-за того, что Петер и Лукаш разбирались в строительстве, их всех отправили за ворота. Они рассказали, что там, в нескольких милях отсюда, строят еще один лагерь, и инженеры решили, что поляки смогут помочь. Петер также сказал, что им повезло аж дважды: что они все говорят по-немецки и что СС нужны инженеры-строители.

На второй день жизни Тибора в лагере шел дождь, поэтому он остался внутри, отдыхал, собирался с мыслями и успокаивался. Он думал о своей семье, и сначала это были грустные мысли, но потом он разозлился. Родители так настаивали, так хотели отправить его в это путешествие. Ну

разумеется, в Пасто ему было бы гораздо лучше!

Вечером офицер СС выкрикивал на площади имена и раздавал приказы, которые Тибор не понимал. Он повернулся и увидел, как двое заключенных устанавливают платформу возле задней стены, чтобы какой-то мужчина смог сыграть там на скрипке. Грустная мелодия, которую он заиграл, была той же мелодией, которую Тибор слышал совсем маленьким. Затем вдруг, в середине мелодии, охранники подвели к платформе другого человека, поставили его на стул, накинули на шею петлю и толкнули. Половина узников отвернулась; другая половина продолжала смотреть: кажется, их это позабавило.

Спустя три дня Тибор был убежден, что умрет в Маутхаузене. Хотя бы даже от еды. Живот болел весь день, каждый день, началась неконтролируемая диарея. Арону это все казалось веселым; он называл это «инициацией». На помощь ему пришел король поляков: предложил ему уголь из печки и сказал разжевать и проглотить. В итоге, к большому удивлению Тибора, живот прошел.

Дождь и холод лишь усугубляли проклятую монотонность. Арон дни напролет не слезал с койки. На каждый вопрос Тибора он отвечал «нет». Нет, мы не можем посмотреть карьер. Нет, мы не можем разговаривать с охранниками. Нет, нам нельзя пойти в другие бараки поискать других детей. Таковы правила, и если их нарушать, можно получить пулю.

Тибор не понимал Арона. В одну минуту он был дружелюбен, в следующую – груб, и никогда нельзя было предсказать его перепады настроения. Похоже, ему нравились выходки сумасшедших, особенно когда они шатались возле забора под напряжением, и надо было видеть выражение его лица, когда он в подробностях рассказывал про смерть человека от электричества. Ему было всего десять, а он уже был такой странный.

Арон сказал, что единственное, что он мог сделать для Тибора, не нарушая запретов, – это попросить главного по прачечной вернуть его одежду. Родители Арона в свое время помогли главному, удалив больной зуб; Арон думал, что тот будет не против вернуть должок. Однако Тибор взамен должен будет отдать Арону два куска хлеба. Тибор незамедлительно согласился.

Петер засмеялся, когда узнал, каким образом Тибор получил свою одежду, а Карл и остальные, похоже, были искренне впечатлены. Сказали, что если кто и может выжить в этом месте, так это Тибор. И он, кажется, начал верить, что да, он и правда может.

Проходили недели. Иногда Тибор чувствовал себя усталым,

голова кружилась. Иногда ему было грустно и скучно. Когда капо приходили искать работников, он всегда порывался пойти волонтером, но Арон всегда запрещал, а однажды даже вцепился ему в руку, которую Тибор было поднял.

Из блока Тибора стали пропадать люди. Мужчина, который скулил ночи напролет, исчез. Румын, который вернулся с работы с огромной шишкой на голове, отрубился и больше не проснулся. Когда одни пропадали, на их месте появлялись другие, занимали их койки. Иногда на место одного приходили двое.

Исключительно от скуки Тибор начал считать узников во время переклички. Площадь была так плотно упакована, что люди стояли плечом к плечу. У него получилось около десяти тысяч, но, возможно, было даже больше. Один из старост сказал, что в прошлом году население лагеря почти удвоилось, и что из-за того, что люди недостаточно быстро умирали, нацисты убили половину приезжих еще до того, как они пересекли границы лагеря.

2

Тибору начинало казаться, что любая работа будет лучше, чем просто валяться в бараке. Несмотря на предупреждения Арона, он собрался предложить королю поляков свою помощь по хозяйству. Когда он рассказал об этом Арону, тот сказал ему, что тот сошел с ума и что лучше бы он держал рот на замке.

Интересное предложение внезапно пришло от Петера. Он и его друзья получили особое задание за пределами лагеря, которое Петер рассматривал как истинную удачу, хотя до сих пор не знал, что нужно было делать. Тибор замер от страха: он и представить себе не мог, что будет делать, если они уйдут. Но Петер успокоил его.

– Мы поговорили с офицером насчет тебя, – объяснил он. – Сказали, что ты изучаешь плотничье дело и что будешь неплохим подмастерьем.

Как-то утром, после переклички, Тибора и поляков посадили в грузовик и отправили за ворота. Настроение мальчика улучшилось, когда машина съехала с дороги и отправилась в сосновый лес. Спустя час путешествия они остановились возле большой площадки, заполненной обрубками деревьев, людьми и машинами. Это все напоминало колонию муравьев.

Их выгрузили возле группы военных палаток. В центре строительной площадки возвышался скелет сторожевой вышки, вокруг под брезентовыми и деревянными павильонами горели поварские костры. Нескончаемый поток машин подвозил бочки со смазкой, железнодорожные шпалы, арматуру и деревянные палеты, груженные строительным оборудованием.

Группа рабочих, человек пятьдесят, некоторые с желтыми звездами, перетаскивали стройматериалы поближе к горе. Насколько понял Тибор, в задачи проекта входило раскопать гору и устроить там фабрику. Это точно займет целое лето плюс часть осени. Карл, который лучше всех среди поляков говорил по-немецки, убедил офицера СС, что он и его друзья смогут построить барак и столовую до наступления холодов. Петер сказал Тибору, что благодаря своей смекалке Карл только что выиграл для них несколько месяцев передышки от ада Маутхаузена. Тибор не терял надежды, что передышка продлится дольше.

Основная масса рабочих спала под открытым небом, но группа Петера получила полностью укомплектованную палатку, которая защищала их от ветра и дождя. Охранники разрешали им использовать мешки из-под цемента или деревянные плиты

вместо кроватей – все лучше, чем спать на голой земле. Карл даже умудрился раздобыть на базе снабжения керосиновый калорифер.

Тибору их переезд в лес представлялся великим успехом. Он наконец-то мог спокойно дышать, и пусть вокруг постоянно, словно шмели, сновали солдаты, здесь хотя бы не было колючей проволоки и заборов. Днем лес оживал, повсюду виднелись люди, валящие деревья, пилящие ветви, зачищающие бревна. Задорно пели птицы, словно их радовало смотреть на слаженно работающих людей. Еда здесь была той же баландой, что и в лагере, зато порции были побольше. Даже охранники здесь казались другими: они устраивали перекуры и часто даже собирались вместе хлебнуть пива по вечерам.

Но кошмар никуда не делся. Через два дня после их приезда Тибор испытал настоящий шок: его группа разгружала шпалы, когда он услышал крики на гряде, расположенной прямо над ними. Тибор взглянул вверх и увидел нескольких рабочих, кубарем катящихся с холма, словно цирковые артисты. Сначала это показалось ему забавным, но тут появился офицер с пистолетом и открыл огонь. Пленники прекратили движение и какое-то время лежали без движения; офицер молча стоял рядом и держал пистолет наготове. Затем один из мужчин начал медленно ползти по направлению к клочку высокой травы. Офицер поднес пистолет к его виску и выстрелил в упор. Затем поднял глаза и посмотрел в сторону Тибора. Мальчик отвернулся.

Инцидент заставил весь лагерь изрядно понервничать, но дальше все было довольно тихо; чтобы успокоиться, узники сознательно впали в усыпляющую рабочую рутину. Поскольку Петер и его друзья отвечали за большой и важный проект, им позволили свободно передвигаться по территории их секции. Они даже ухитрились выбить себе немного драгоценных сигарет.

Как-то после обеда, пока Карл стоял на стреме, Петер отвел Тибора к дальнему концу грязной дороги, где высотой с человеческий рост громоздилась груда сосновых бревен. Петер изогнулся и пролез в узкую щель между двумя кучами распиленных стволов, раскидал ногой листья и убрал полоски коры там, где lehu на друге лежали несколько особенно крупных бревен. Под самодельной панелью, состоявшей из трех или четырех сложенных вместе стволов, было небольшое пространство, в которое мог поместиться как раз мальчик размером с Тибора.

– Как думаешь, сумеешь продержаться здесь всю ночь? – спросил Петер.

Тибор кивнул. Он понимал, что ответ «да» был единственно

верным в данной ситуации, пусть даже его не радовала перспектива провести целую ночь в куче дров.

Убежище располагалось недалеко от мусорки, сваленной за кухней, которая, в свою очередь, находилась рядом с домиком, где обедали офицеры. Повара регулярно получали свежие овощи, мясо и дичь, но ничего из этого рабочим, конечно, не полагалось. Пока эсэсовцы и охрана уплетали большущие тарелки сосисок и сыров, узники всегда ели одну и ту же баланду. Им не предлагали даже объедки.

Каждый вечер после ужина работники кухни выносили мусор на помойку и сбрасывали его в большие бочки из-под смазки. Каждые несколько дней в эти бочки наливали бензин и поджигали. Но до того момента отбросы просто лежали внутри бочек и гнили.

Петер решил, что раз в несколько дней, до окончания работ, можно прятать Тибора в убежище. Про него никто не знал, потому что Карл и Петер сделали его втайне от остальных. Если Тибор просидит там всю ночь, то наверняка будут моменты, когда вокруг никого не окажется, и он сможет как следует пошарить по мусорке.

Да, было рискованно и непонятно, что сделают с Тибором, если его обнаружат, но он уже доказал свою ловкость, а Петер и Карл обещали сделать все возможное, чтобы прикрыть его. Главное (не было смысла даже говорить об этом вслух), что никто из них уже и не помнил, когда последний раз их желудки были полны. Тибор согласился.

В первую ночь в укрытии Тибор слишком боялся выбираться наружу. Он пролежал калачиком, почти не спал и силился не чихнуть и кашлянуть. На следующую ночь он тихо отодвинул полоски коры, выполз наружу и обнаружил небольшой насест, с которого мог наблюдать за охранниками. Петер оказался прав: они регулярно патрулировали кухню и палатки, но почти всегда игнорировали мусорку.

Пока он ждал следующей ночи, Тибор разработал в уме свой идеальный маршрут. Вскоре он уже знал его так хорошо, что мог воспроизвести путь с закрытыми глазами. Наконец наступила ночь, такая темная, что он едва мог разобрать кухню. Он выполз из укрытия и словно заяц поскакал к бочкам.

Присматривая за охранниками, Тибор запустил руку в массу мусора, выхватил недоеденное яблоко и всадил в него зубы. Вкус и хрусткость яблока буквально взорвались у него во рту. Еще до того, как первые ощущения прошли, он уже уплетал обрывки мяса, морковные огрызки, корки хлеба и редиску. Наевшись, сколько смог, он рванул обратно в убежище, где, совершенно

утомленный, провалился в глубокий и довольный сон. Он все еще спал, когда на следующее утро Петер осторожно постучал по панели.

Тибор вернулся из первого рейда по помойке с пустыми руками. Он хотел принести что-нибудь друзьям, но не посмел: одно дело, если тебя застанут шатающимся по лагерю без присмотра, и совсем другое, если поймают с едой в карманах.

Вскоре, однако, его рейды превратились в рутину. Один или несколько мужчин сопровождали его до укрытия на закате, затем возвращались за ним на следующее утро. Мужчины всегда оставляли кого-то на стреме, и Тибор вскоре научился определять, когда надо выдвигаться, а когда лучше пересидеть. Если ночь была слишком светлой или наблюдалось какое-то движение, он оставался в «бункере». Но когда было темно или туманно, или как только охранник проходил дальнюю сторону лагеря, он бежал к мусорке и быстро набирал так много еды, как только мог. Он редко позволял себе оставаться там дольше минуты, но девятнадцатого июня он задержался, как следует покопавшись в нескольких бочках, пока не наелся отбросов до отвала. Ему исполнилось четырнадцать лет.

Тибор совсем скоро обрел уверенность в своей способности избегать охранников и начал складывать украденную еду в куртке и штанах. Он гордился тем, что раздает друзьям свежие овощи или ломтики настоящего хлеба. Осмелев, он затянул края рукавов рубашки и штанин и фаршировал их едой под завязку.

Ночные рейды стали для него скорее приключением, нежели необходимостью, и Тибор стал думать о себе как о лагерной крысе. Крыса была быстрой, молчаливой и проворной. Он постоянно был начеку и всегда придерживался безопасного маршрута. Он был хитер, всегда мог раздобыть себе поесть, а потому отрастил себе плотную и крепкую «шкуру», которая грела его зимой. Он мог жить бок о бок со своими врагами, и они даже не подозревали о его присутствии.

Тибор даже гордился, что думает, как крыса. Именно поэтому, когда на сторожевой вышке поставили прожектор, который мог осветить любую точку лагеря, он бросил свои ночные приключения. Тибор был умной крысой. Выживание было для него гораздо важнее полного желудка.

Тибора и его товарищей вернули в Маутхаузен в ноябре, после пяти с лишним месяцев в лесу. Они закончили строительство барака ровно в срок, и начальству лагеря, кажется, даже понравился результат. Они даже закончили работу раньше времени. Теперь они гадали, зачем их отправляют обратно в ужасную тюрьму на холме. Им что, больше нечего строить? Но

как же война?

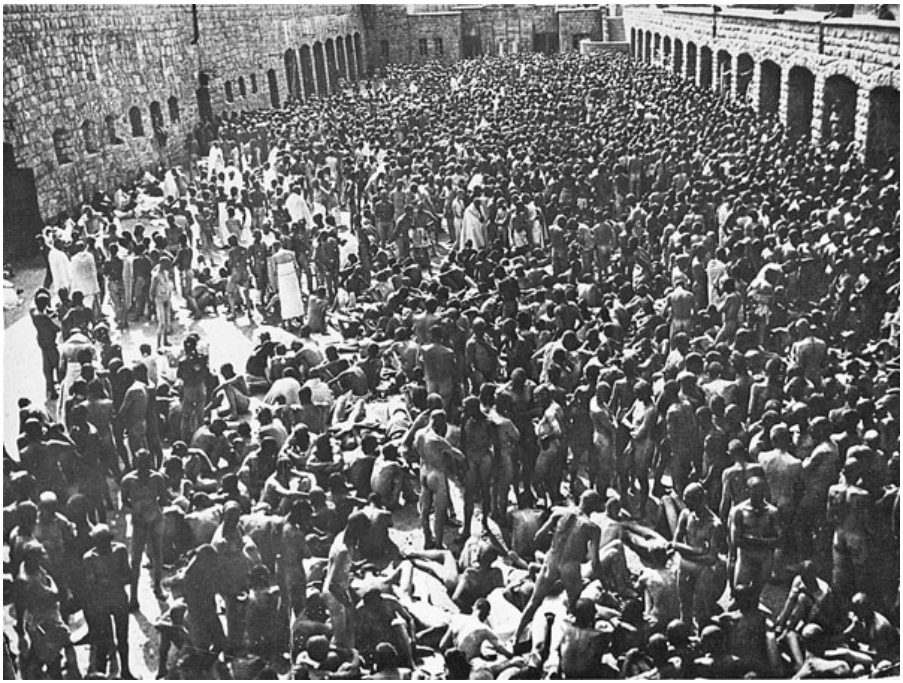
Они не слышали никаких новостей, пока находились за пределами Маутхаузена. Никто из рабочих понятия не имел, что происходит за пределами стройплощадки, но Петер чувствовал, что нацистам приходится туго. С самого начала октября эсэсовцы отчаянно пытались ускорить строительство. Избиения и бессмысленные убийства случались все чаще. С ускорением темпов работы учащались и несчастные случаи. Казалось, каждые несколько дней кого-то из рабочих уносили с площадки мертвым.

Троих из семи поляков, включая Карла, перевезли в другой лагерь, и никто не знал, зачем. Остальных вместе с Петером донимал бронхит и всякие мелкие травмы, которые из-за отсутствия нормального лечения превратились в гноящиеся болячки. И все же мужчинам и Тибору повезло: когда работы закончились, знакомый капо-поляк отправил их в крепость на грузовике, тогда как остальным пришлось идти пешком.

Когда Тибор вернулся в Маутхаузен, на улице стояла уже настоящая зима. Одеяло тяжелых облаков висело так низко, что, казалось, лежит прямо на двух массивных сторожевых башнях. Метрах в девяноста от ворот лагеря, сразу за футбольными воротами наскоро размеченного поля, Тибор заметил нечто похожее на груды белых поленьев, припорошенных снегом. Несколько ровно разложенных холмиков растянулись в одну линию. Сначала Тибор подумал, что это бревна для крематория. Но откуда им тут взяться – поблизости от тюрьмы деревьев не было, все расчистили для другого лагеря.

Когда грузовик приблизился, Тибор понял, что перед ним было: человеческие головы, словно короны на замерзших телах и конечностях.

Стало ясно: пока Тибора не было, жизнь в бараках ожесточилась. Арон куда-то пропал, пропали и многие другие знакомые лица. В бараках прибавилось много венгров, и каждая койка была забита до отказа. Нельзя было перевернуться, чтобы не задеть соседа.



Проверка узников на большой площади. Мемориальный музей Холокоста (США)

3

Стало холоднее, однако Тибора с друзьями все равно заставили раздеться для дезинфекции. Офицеры выстроили их в ряд и приказали прыгнуть в огромную бочку с дезинфектором, который обжег Тибору глаза и нос. Тибор попытался было не опускать туда голову, но капо огромными ручищами вцепился ему в череп, макнул в дезинфектор и держал там, пока у мальчика чуть не загорелись легкие.

Из-за того, что Тибор был здоровее большинства обитателей секции, его приписали к отряду, обходившему лагерь и очищавшему отхожие места. Как-то раз, совершенно неожиданно для него самого, его тележка выехала к широченной яме, про которую рассказывал Арон. Это был каменный карьер, самый большой, который когда-либо видел Тибор. Пока рабочие поднимали ведра с человеческими отходами со дна карьера, капо разрешил мальчику пододвинуться к краю пропасти.

Поначалу он засомневался, стоит ли смотреть туда. После того, как поляки увидели карьер, они отказывались говорить о нем. Арон бесконечно трепался о нем, но то, как он смеялся, когда рассказывал про «парашюты», вызывало у Тибора тошноту. Но раз уж он оказался на обрыве, пути назад не было.

То, что он увидел, оказалось одновременно захватывающим и безобразным. Тысяча, не меньше, хрупких фигурок в тряпье растянулась вглубь огромной пещеристой дыры. Половина их них стучала молотками, рыхлила кирками и долбила стамесками куски гранита в стенах и полу, а другая загружала иззубренные куски на спины и поднимала по крутой лестнице по меньшей мере тридцать метров в высоту. Место перед склоном было заляпано красными пятнами. Тибор быстро сообразил, почему его называли «ступенями смерти».

Работа, похоже, не останавливалась ни на секунду. Капо выстраивали мужчин в ряды по четверо, одного за другим, затем подталкивали вверх словно стадо ослов. Спины их сгибались под углом в девяносто градусов, пока они делали один мучительный шаг за другим. Бедняги шли друг за другом так близко, что если падал один, он легко мог повалить за собой дюжину остальных, как домино.

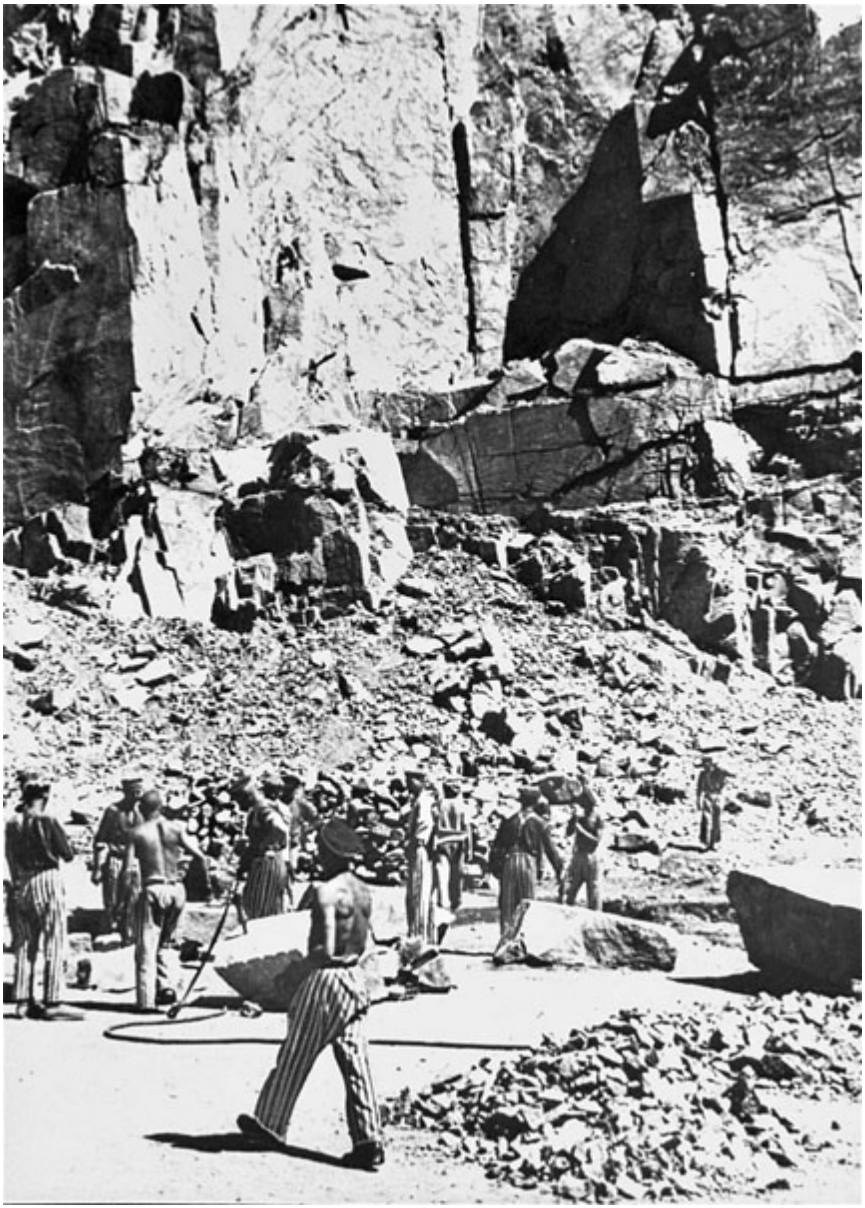
Тибор никогда не видел столько страдания в одном месте. Капо размахивали дубинками словно плетьми, хлестая узников по плечам и спинам точно так же, как, представлял Тибор, египтяне хлестали евреев-рабов, строящих пирамиды.

Теперь Тибор понял, почему глаза Арона так расширялись,

когда он говорил про карьер. Жестокость здешняя была неописуемой. Единственное, что имело значение, – размеренное, как часы, движение дубинок, которое продолжалось даже после того, как человек падал под ударами. И все же Тибор не мог отвернуться. Каждый раз, когда его тележка останавливалась для новой партии груза, он задерживал взгляд на ужасающей дыре.

Если Бог освободил сынов Израиля от египетских угнетателей, почему он не может сделать то же самое с узниками Маутхаузена? Все эти поляки и греки, испанцы и русские, они что, не заслужили той же пощады своим упорным трудом? Большинство из них не были евреями, но от этого они заслуживали свободы не меньше. Разве они недостаточно настрадались? Им что, так и суждено веками пахать под ударами плети, словно древним евреям, которым Всемогущий отправил Моисея, дабы он освободил их из рабства? Тибора глодали эти вопросы, но ответов на них у него не было.

Во время перерыва на обед несколько капо устроили дикое соревнование. Они выбрали двух самых хилых рабочих, взгромоздили им на спины ужасающе огромные камни и заставили взбираться вверх на скорость. Тот из двух, который был покрепче, сразу же обогнал второго и первым добрался до финиша. Поначалу капо и охранники подбадривали отстающего, но как только его шаг стал сбиваться, один из капо замахнулся и расколол ему голову киркомотыгой. Когда победитель достиг вершины, два дородных охранника посадили его себе на плечи и провели перед улыбающимся офицером. Затем, на глазах у всех рабочих, резко развернулись и сбросили с обрыва. «Парашютировали». Вот так просто.



Ужасающий карьер. Мемориальный музей Холокоста (США)

4

Зима пришла окончательно, и Петеру становилось все хуже. Его отправили в лагерную мастерскую, где он ремонтировал колеса для тележек и тачек; такая работа уберегала его от ледяного ветра, но в конечном счете его ноги совсем ослабли – он едва мог держаться на них. Однажды утром он ослаб настолько, что не мог встать с койки на перекличку. Голосом чуть громче шепота он подозвал Тибора.

– Я не вытяну, – прохрипел он, ухмыляясь через боль. – Но ты сможешь.

– Тебе просто надо отдохнуть, – ответил Тибор, почти умоляя.

Петер улыбнулся, похлопал Тибора по плечу и уверил его, что все будет хорошо. Тибор переживал за него: его тонкая, словно вафельная кожа, и особенно руки, стали пугающе холодными. Когда Тибор вернулся после обеда, Петера не стало.

Следующие несколько дней он обдумывал последние слова Петера. Пытался запомнить его таким, каким знал раньше, когда они только познакомились, во время их путешествий, когда Тибор удивлял его едой, которую находил в полях и лесу. Представлял тогдашнего Петера, но не мог, несмотря на все усилия. Воспоминания Тибора омрачало бледное лицо умирающего друга.

Спустя некоторое время, на вечерней перекличке, совершенно неожиданно мир Тибора перевернулся. Поскольку он был ниже ростом большинства узников, обычно он не видел, что происходит впереди, за рядами людей. Но сегодня, пока группы усталых тел выстраивались в линию, между ними открылась небольшая щель, достаточно, впрочем, широкая, чтобы Тибор мог увидеть дальний конец площади.

Два лица показались ему знакомыми, но он не сразу понял, кто это – наверное, потому что он никогда не видел их бритоголовыми. Секунду спустя он понял, что сходит с ума. Он закрыл глаза и снова открыл, но это не было плодом воображения: Имре и его лучший друг, Алекс, стояли там, на площади, на полпути между Тибором и воротами.

Тибор рванул сквозь лес костлявых людей, расталкивал и распихивал их, если те не двигались. Ничто не могло остановить его на пути к брату. Они крепко обнялись, Тибор долго не отпускал Имре, но даже, разжав объятия, он все равно держал руку Имре всю перекличку. В тот самый момент тупое ощущение страха, не покидавшее его все это время, наконец испарилось.

Встреча братьев казалась чудом, но на деле была, скорее, передышкой. Оказалось, что тут замешаны одновременно и удача,

и несчастье. Алекс и Имре сели на поезд в Кошице, где местный фермер обещал пристроить их на работу. Сестра Розы все устроила и дала парням адрес фермера. Но местные жандармы встретили Алекса и Имре раньше, прямо на железнодорожной станции.

Имре сохранял спокойствие, утверждая, что он житель Будапешта, и даже назвал фальшивый адрес. Но вот Алекс как язык проглотил.

Жандармы немедля отправили его на соседнюю платформу, где местные рабочие садились на другой поезд. Ошеломленный страхом, Алекс шатающейся походкой двинулся вдоль путей. Имре помедлил секунду и осмотрелся: народу вокруг было так много, что они вполне могли бы и незаметно сбежать. Он подскочил к Алексу и обнял его за плечо.

– Все, что нам нужно сейчас сделать, – развернуться и уйти, – прошептал он. – Нас никто не увидит.

Алекс начал было оборачиваться, но тут заметил двух немецких солдат и замер. Пока он тянулся, сзади подошел жандарм, схватил его за шиворот и потащил к поезду. Секунду спустя он оказался в вагоне. Имре выругался про себя. Он и Алекс были товарищами и командой с первого класса: нельзя было отпускать его в какой-нибудь далекий трудовой лагерь одного. Имре был на расстоянии полуметра от ошарашенного друга, когда поезд тронулся. В последний момент он запрыгнул в вагон.

Поезд остановился в военном лагере недалеко от венгерской границы, где сотни молодых ребят работали в траншеях с грудь высотой. Солдаты раздавали лопаты и кирки. Офицер объявил, что в стране чрезвычайное положение и что раз они теперь «рабочая сила», в их обязанности входило выкопать траншею достаточно широкую и глубокую для того, чтобы остановить русские танки. Затем офицер добавил, что любого, кто посмеет оставить лагерь и сбежать, выследят и пристрелят.

Алекс и Имре были сильными. Они могли работать весь день, лишь изредка прерываясь на отдых. А вот другие не могли. Некоторые падали под полуденным солнцем, другие просто садились, когда слишком уставали. Таких сажали на грузовики и увозили, и больше они не возвращались.

Так они копали недели, месяцы. Людей прибывало все больше и больше, пока ряды рабочих не пропали за горизонтом. Каждую ночь, когда они ложились спать под звездами, Алекс и Имре раздумывали о побеге. Оба были согласны, что до Пасто можно добраться пешком за несколько дней, и что, выбрав правильный момент, можно незаметно улизнуть, а затем добраться домой к семьям, которые спрячут их.

Убежденным, что они смогут сбежать, парням стало легче работать. Но спустя несколько месяцев копания траншей, до того, как возможность сбежать обнаружила себя, Имре и Алекса вместе с тысячами других рабочих посадили на поезда и отправили на запад. Никто не сказал им, куда именно их везут.

Прошел слух, что русские вплотную подошли к границе, но ребятам так и не удалось узнать, так ли это. К тому моменту, когда его подвели к холму Маутхаузен, Имре не мог даже вспомнить, когда он в последний раз слышал звук радио или читал газету. У него не было новостей для Тибора относительно их родителей или сестер Эдит, Ирэн и Илонки. Однако сейчас, в момент воссоединения, все это было не так уж важно. Братья были невероятно воодушевлены и счастливы.

Тибору и Имре было сложно проводить время вместе. Бараки их находились в разных секциях, а плотницкие навыки Имре постоянно требовались на работах за пределами лагеря. Иногда им удавалось провести вместе несколько минут; но чаще они не виделись вообще. Но даже когда Тибор не видел Имре целую неделю, само осознание того факта, что он здесь, что он здоров и что его не отправили работать в карьер, дарило ему надежду. Это знание освобождало его от потребности разговаривать или сочувствовать другим заключенным.

5

Зима становилась холоднее, злее, подростков в лагере становилось все больше. Большинство были венгерскими евреями, которых разъединили с родителями в Освенциме, но были также и юные греки, немцы, румыны, русские и итальянцы. Поначалу их распихали по баракам, забив ими дыры, оставленные мертвыми. Но когда юнцов стало совсем много, для них выделили специальные секции.

Тибор посчитал наиболее разумным держаться от новичков подальше. Мальчишкам нечем было заняться в лагере: мужчин более чем хватало для работ. С кучей свободного времени и без всякого начальства над ними парни постоянно создавали уйму проблем.

В январе Тибора выгнали из барака и отправили в секцию для только что прибывших подростков. Новички там были венгры, итальянцы, немцы и румыны. Тибор ничего о них не знал, да и не хотел. Отопления в секции не было, в отличие от его предыдущего барака, где старшие разрешали ему несколько минут погреть задницу возле маленькой плиты.

Его первая ночь на новом месте была катастрофой. Днем солдаты продезинфицировали помещение; стены и деревянные койки полили из шланга и обработали дезинфектором, который разрывал нос. К ночи койки так и не высохли и все еще воняли. Когда старшина барака приказал мальчикам ложиться спать, они отказались и принялись буянить, кричать и драться. Старшина какое-то время смотрел на этот балаган, но затем, после нескольких предупреждений, позвал эсэсовцев.

Спустя секунды несколько офицеров с каменными лицами вывели всех мальчишек на улицу и приказали им ждать в тридцатисантиметровых сугробах. Спустя пять минут холод сломал их. Они орали и жаловались, что у них посинели ноги, но когда кто-то пытался сдвинуться с места, офицеры тут же сбивали его с ног прикладом. Друзья, пытавшиеся помочь, тоже получали свое. Некоторые мальчишки падали в снег и теряли сознание. Лишь когда большинство из них начали безостановочно реветь, эсэсовцы позволили им вернуться в барак. К тому моменту несколько юнцов лежало без сознания.

Тибору хватило этого с лихвой. Новички чуть не угробили его. Больше он им такого не позволит. Незадолго перед рассветом он улизнул из барака, затем пробрался в старое прибежище, залез под койку и сжался в калач – так плотно, как только мог. Никто не поднял шума, ибо Тибор был умной крысой и знал, как не

привлекать к себе внимания. Крысы были умными: они могли жить практически везде, неслышимые и невидимые. Тибор стал очень тихой маленькой крысой, которая знала, когда стоило показывать морду, а когда – нет.

6

Карьер прикрыли в середине зимы, когда стало холодно даже для эсэсовцев в их тяжелых куртках. Тибор чувствовал, что дело тут не только в холоде: весь лагерь находился в состоянии вытекания. Тележек с трупами было все больше и больше. Работы было все меньше и меньше. В результате основная масса узников не вылезала из бараков днями. Вода было дико холодная, и многие перестали мыться. Кто-то просыпал обеды, кто-то ленился дойти до сортира. Коридоры заполнил тяжелый кашель, испражнения стекали с верхних коек на нижние. Воздух омерзел из-за запаха человеческого распада.

Единственной отдушиной были редкие встречи Тибора и Имре, обычно после переклички или по некоторым субботам во время тайных религиозных служб за бараками.

Как-то раз, когда Имре проходил мимо него во время работы, Тибор заметил на лбу брата кровавый порез и неровную черно-синюю отметину на щеке. Он знал, что брат вряд ли будет сам нарываться на неприятности; Имре был веселым, трудолюбивым парнем, который берется за любое задание. Едва завидев Тибора, брат отвернулся, чтобы скрыть раны. Тибор было подошел ближе, но охранник отогнал его, а Имре не обернулся. Что бы там ни случилось, брат явно давал понять Тибору, что не хочет говорить об этом.

Из-за ужасной погоды и пристального наблюдения охранников братьям становилось все тяжелее и тяжелее встречаться. Иногда они обменивались парой фраз во время переклички. Раз или два они приходили на тайные службы и встречались за бараками. Но растущая неопределенность заставила Тибора понять, что он ошибался, думая, будто он и Имре в безопасности просто потому, что находятся вместе в одном лагере. На самом деле оба были в постоянной опасности, и с любым из них могло случиться что угодно и когда угодно. Постепенно Тибор смирился с мыслью, что больше не может полагаться на встречи с братом для поддержания своего духа.

В отсутствие собеседников Тибор обратил внимание на кучку новоприбывших из соседнего барака. Их было человек двенадцать, не больше, и они казались старше его года на два-три. Одежда их была не так изношена, как его, что говорило о том, что их поймали сравнительно недавно. Наблюдая за ними, он слышал обрывки венгерского, часто смешанного с другим языком, который Тибор не знал. Именно из-за этого он не торопился познакомиться с ребятами. Ну и потом, никто из них

не проявлял особого желания пригласить его в компанию.

Спустя недели наблюдений Тибор почувствовал необходимость поговорить с парнями – хотя бы для того, чтобы узнать, есть ли какие новости из внешнего мира. Посему однажды ранним утром он уселся возле двери в их барак, полный решимости заговорить с ними.

Тибор подошел и представился подростку примерно одного с ним возраста, с которым ранее несколько раз пересекался взглядами. Его звали Исаак, и хотя он умел говорить по-венгерски, по национальности он был румыном.

Тибор совершенно не хотел знать, что мальчик был очередным бедолагой, чью жизнь бесцеремонно прервала война, да Исаак особо на эту тему и не разглагольствовал. Очевидно было, что он и другие румыны объединились, дабы вместе защитить все, что осталось от их прежних жизней; это было понятно, оправданно и умно. Эта короткая встреча сделала присутствие Имре в лагере еще более ценным для Тибора, пусть даже он и не знал, когда и где удастся в следующий раз увидеть родного брата.

7

По расчетам Тибора, была ранняя весна, примерно март, когда в лагере стали появляться женщины. За почти десять месяцев заключения он не встретил ни единой заключенной женского пола. Это было ужасно, он совершенно не понимал, зачем нацисты решили отправлять сюда женщин.

Гудеж, поднявшийся в лагере при виде свежеприбывших, заставил Тибора подумать, что среди них могли бы быть его мать и сестры. Но первые же несколько гостий, которых он увидел, развенчали его надежды. Они были тощие и болезненные, тела поглощены бесформенными пальто и квадратными рубахами. Лица их были бледными, кожа почти желтой. По убеждению Тибора, женщины в семье Рубиных принадлежали к куда более крепкой породе. Нацисты никогда бы не смогли унизить его мать и сестер до состояния этих шатающихся, никчемных созданий, которые сейчас брели через лагерь словно напуганные олени.

Параллельно с прибытием женщин условия жизни в лагере пошли совсем под откос. Крематорий был забит трупами. Тела сваливали прямо за бараками. Увеличилось число суицидов: мужчина в блоке Тибора повесился на ремне. Здоровые мужики на его глазах превращались в спички, и если кто-то из них умирал у себя на койке и его никто не забирал, он мог проваляться там несколько дней.

8

Имре не смог связаться с Тибором в тот день, когда его и Алекса выгнали из бараков. Вместе с сотнями других венгров их быстро провели через ворота, вниз по холму и привели в огромный палаточный лагерь. Молодые люди уже слышали про этот аппендикс основной тюрьмы: его собирали с самого начала весны. Ходили слухи, что де-факто это была сточная канава для людей.

Солдаты с собаками провели их через забор из колючей проволоки в грязный двор, затем в деревянно-брезентовый павильон; вскоре в помещении, рассчитанном на несколько сотен человек, скопилось больше тысячи заключенных. Весь интерьер представлял собой просто пустое пространство. Единственной защитой им служили брезентовый потолок и стены. Кроватями – голая земля. В первую ночь в палатках расстояние между спящими телами было не больше пары сантиметров; Алексу и Имре едва удалось поспать час, прежде чем их разбудил толчок локтем и чей-то крик боли. К рассвету роса до нитки промочила их скудную одежду.

Довольно быстро стало очевидно, что палаточный лагерь сконструировали в качестве временного изолятора. В отличие от форта здесь не было возможности помыться, только канава для отходов вдоль забора. Работы и хоть как-то организованной рутины здесь тоже не было. Каждое утро Алекс и Имре сидели в грязи возле палатки и вытаскивали из одежды вшей – чтобы, впрочем, вновь увидеть их там на следующее утро. Охранники разрешали им шататься вдоль изрытого колеями коридора, проходившего посередине лагеря, но запрещали приближаться к другим палаткам. Дни напролет они либо копали отхожие места, либо ждали грузовиков с плесневелым хлебом и репой. Редкие появления жестяных банок с кофе вызывали панические давки. Несмотря на запрет, некоторые узники вырывали траву с корнями и набивали ей рты. Кое-кого пристреливали, но многие оставались безнаказанными.

В конце первой недели в палаточном городке лагеря разбушевалась дизентерия. Ежедневно двадцать или тридцать трупов тащили по грязи до забора и сбрасывали в большую яму сразу за ним. Имре и Алекс тихо признались себе, что единственной целью их здесь пребывания была смерть.

9

Довольно скоро по лагерю прошел слух, что охрана без предупреждения забирает людей из бараков и выводит их за пределы форта. Где их держали, никто не знал. Поначалу Тибор слышал, что забирали только евреев, но на самом деле основная масса пропавших была венграми, многие из которых были евреями. Поскольку в его блоке в основном жили немцы, поляки и бельгийцы, Тибор считал, что находится в относительной безопасности. И все же наверняка сказать было нельзя. Достаточно было оступиться единожды.

Когда Тибор не увидел гуляющего по двору Исаака, он запаниковал. Ну точно, румын забрали утром, когда эсэсовцы колотили в дверь. Как только он услышал стук и крики, Тибор сразу же нырнул под койку. Оставался там, пока тяжкие шаги не утихли по направлению к площади. Даже когда все стихло, он не торопился вставать с холодного пола под койкой. Следующие несколько дней он держался подальше от этого здания, хотя ему было любопытно, были ли Саака и его друзья все еще там, внутри. Но пойти проверить и рисковать смысла не было.

Тибор знал: немцы никогда не поймают маленькую крысу. Он слишком умен для них. Он сумеет зажаться в самую узкую щель, в самый грязный, темный угол, даже между половицами, если потребуется. Он найдет способ прокормиться, даже если потребуется забрать корку хлеба у более слабого. Так ведет себя умная крыса, и умная крыса всегда выживает.

10

Стояла середина апреля, когда Алекс и Имре проснулись от монотонного звука самолетных двигателей в небе. Рванув к выходу из палатки, они услышали, как хор пропеллеров парил прямо над ними. Алекс посмотрел на Имре. Оба беззвучно произнесли: *бомбардировщики.*

Рычание двигателей становилось громче, но взрывов не было. Наконец рассмотрели ночное небо: в нем парила бумага, словно тысячи крохотных, освещенных луной танцоров. Лагерь бомбили листовками, предупреждающими немцев, что армия Паттона уже рядом и что им лучше оставить узников в покое. Впервые Алекс и Имре, кажется, начали верить, что был незначительный шанс на спасение.

На следующий вечер гудение другого самолета прорезало стоны больных и несчастных. В этот раз был уже не хор, но жужжание одного двигателя. И снова Алекс и Имре подошли к выходу их палатки. Странно, охраны нигде не было.

Молодые люди увидели в небе одинокий самолет, летевший так низко, что они сумели рассмотреть крест ВВС Германии на фюзеляже. Бомбардировщик продолжал снижаться, и Имре подумал, что у него неполадки с двигателем и сейчас махина упадет прямо на лагерь. Они с Алексом забились вглубь палатки в надежде обрести хоть какую-то защиту.

Спустя секунды от громоподобного взрыва стены палатки вогнулись внутрь. Мощный толчок перевернул спящих людей друг на друга. Имре ждал, что вот-вот полопаются все опоры и конструкция рухнет на обитателей. Они с Алексом присели на корточки, прикрыли головы руками, а дерево и брезент угрожающе дрожали и скрипели. Дальше – внезапная и ужасающая тишина. Кто-то молился о быстром и безболезненном конце, шептал, что лучше молниеносная смерть, чем страдания лагерной жизни. Алекс и Имре встали и знаками показали друг другу, что надо выходить и посмотреть, что же там так зверски гремело. На этот раз, правда, охранник с автоматом остановил их прямо у входа.

Утром позволили выйти на улицу, где дневной свет явил им весь масштаб ночной бойни. Земля была усыпана частями человеческих тел и обрывками одежды. Руки и ноги свисали с колючей проволоки, словно в магазине ужасов. Взрыв не задел палатки, но рядом с забором развернулся огромный кратер.

Сотни свежеприбывших узников расположились там на ночлег, совсем недалеко от отхожего места. Мощный взрыв снес

все подчистую.

11

Тибор не видел листовок, дождем падавших в ту ночь. Почти все подобрали охранники, тем не менее узникам удалось урвать несколько, когда охранники, опасаясь бомбежки, покинули посты и спрятались в бараках. Однако с неба спустилась лишь бумага, предупреждавшая нацистов, что союзники рядом и что заключенных лучше не трогать. Все в блоке Тибора сразу же заговорили про американцев и про то, что они скоро освободят Маутхаузен. Тибор не спешил радоваться: этому слуху было уже несколько месяцев, но американцы так до сих пор и не появились.

Задолго до жужжания самолетных движков лагерь забросил обычную рутину и погрузился в странное, угнетающее состояние какого-то онемения. Станки в мастерских молчали. Неслышны были сверла и пилы. В карьере остались разве что птицы, задорно купавшиеся в лужах. Трясущиеся психи столпились возле бараков и орали, однако их выступления оставались без ответа пуль охранников, которые смотрели в другом направлении, на маленькие узелки людей, собравшихся молиться. При обычном положении дел сумасшедших давно бы уже перестреляли словно мелкую дичь. Запах гниющих человеческих тел доминировал над всеми другими, от него было не скрыться, он проник в каждое здание, в каждую ноздрю.

Груда тел позади барака Тибора выросла почти до крыши; их был так много, что они, казалось, слились в единое, огромное, паукообразное существо с сотнями переломанных рук и ног. Жирные крысы разрывали дыры в телах, которые безостановочно пожирали, и устраивали там норы. Проницательные хищники так обнаглели, что их уже не пугало появление людей. Тибор кричал на них и топал ногами, но они как ни в чем не бывало перебегали от одного трупа к другому. Ясно было, что теперь мертвыми владели они, а живые были просто досадными помехами. Наблюдая за вакханалией, Тибор понимал: крыса – безжалостный паразит. Люди были для него такими же животными, их плоть – таким же мясом. Крыса – гадкая, злобная тварь, и Тибор наивно ошибался, ассоциируя себя с ней.

Крысы, мертвые, падаль и паралич, поглотившие жизнь в лагере, разбили Тибора. Но куда больше его угнетало то, что уже несколько недель он не видел ни Имре, ни Алекса. Оба как сквозь землю провалились.

Тибор научился избегать ежедневные собрания, но, потеряв контакт с братом, добровольно вернулся на переклички. Раз за разом он шарил глазами по площади, искал брата и Алекса. Их

нигде не было. Тибор сделал то, что могло разозлить капо: проскочил в их барак и спросил двух взрослых, не знают ли они, что случилось с двумя молодыми венграми. Ответом ему были пустые выражения лиц. Он забрался под койки и пролежал там всю ночь, надеясь, что ребята вернутся. Не вернулись.

Так была ли какая-то связь между синяками и порезами на лице Имре и его пропажей? Он что, разозлил кого-то из капо или охранников? Или его просто забрали из лагеря вместе с другими венграми? Спросить было некого. Внезапно мелькнула ужасная мысль: проверить груду трупов за бараками. Тибор моментально отогнал ее.

Обычно мальчик спал глубоко, но сейчас его мучила бессонница. Стоило ему задремать, как раскаты ужаса вновь пробуждали его. От рассвета до темноты он сидел возле барака, надеясь увидеть Алекса или Имре: вот сейчас они появятся и объяснят свое отсутствие как-нибудь просто, причиной, которая в его усталый ум почему-то так и не пришла. Он ругал себя за все те разы, что пропускал перекличку, и переживал, что упустил тот момент, когда Алекса и Имре выпроводили за пределы тюрьмы. Велика вероятность, что именно его упрямое нежелание вмешиваться в дела лагеря стало причиной, по которой он упустил возможность присоединиться к ним. Чем больше он думал так, тем больше винил себя за пропажу Имре и Алекса.

Последние дни апреля он провел в состоянии глубокого, мутного транса. Бросил бороться со вшами и запахом тела. Если оставаться на месте, то эти обычно невыносимые помехи казались вполне терпимыми. Голод тоже перестал его беспокоить: боль в пустом животе стала какой-то плоской и тупой. Больше не вставал с койки, когда привозили еду: хлеба все равно не было, лишь бочки с какой-то размазней да гнилой картофель. Тибор с трудом запихивал это месиво в рот, проходило несколько минут, оно выходило из него и разбрызгивалось в ближайшем отхожем месте. Пища как будто забирала из него всю воду. Лучше бы питаться одной водой – она, по крайней мере, не обжигала его опухшие десны, в отличие от рыхлой картошки. Вот если бы он мог просто лежать ничком в койке… Он убаюкал бы сам себя до состояния счастливого бреда, он бы парил над жесткими деревяшками койки, а затем, если повезет, его бы унесло в мирное состояние полусна, где нет голода и боли.

12

Когда 11-я бронетанковая дивизия генерала Паттона освобождала Маутхаузен и его филиалы, немецкого командования там уже не было. Эсэсовцы сбежали в самом начале мая 1945-го, оставив лагерь под надсмотром капитана венской полиции. Американские танки подобрались к лагерю 5 мая, их встретил отряд из пятидесяти венских пожарных, патрулировавших периметр. Они сдались без боя.

Дивизия обнаружила десять тысяч трупов в общей могиле сразу за стенами тюрьмы и еще примерно пять тысяч похороненных на метровой глубине под футбольным полем. Позвали жителей ближайшей деревни, чтобы они похоронили усопших как полагается, но задание оказалось не под силу киркам и лопатам. Пришлось прибегнуть к помощи бульдозеров. Внутри тюрьмы мертвые и живые жили плечом к плечу. Только самые новые узники лагеря смогли покинуть его самостоятельно. Основная масса была на грани голодной смерти, им требовалась немедленная медицинская помощь, а затем долгий период восстановления.

Тибора забрали из бараков и отправили в армейский полевой госпиталь в двух милях от Маутхаузена. Командующий офицер медицинского подразделения, которое строило госпиталь, вмещавший около тысячи двухсот коек, посчитал невозможным располагать его ближе: мерзкая вонь, с которой они впервые столкнулись в шести милях от холма, была невыносимой.

Тибор совсем не помнил, как его поместили в палату к старшему лейтенанту Бернадин Пластерс. Он едва находился в сознании, когда армейские санитары принесли его на носилках. Не помнил он и того, как медсестра Пластерс и лечащий врач всеми силами боролись с его скачущей температурой – результатом запущенной дизентерии.

Чтобы спасти жизнь Тибора, медсестра и доктор проигнорировали директиву сверху. Им приказано было беречь оборудование для лечения американцев; за заключенными обязывали ухаживать с помощью немногих найденных в лагере припасов. Но Тибора колотила лихорадка, он был обезвожен, истощен и бредил. Пластерс милосердно подключила его к внутривенной капельнице, что позволило постепенно снизить температуру.

Лейтенант Пластерс, миловидная рыжая девушка из Южной Дакоты, не могла понять, что такие юнцы, как этот, делают в Маутхаузене. Ее ошеломил нескончаемый поток изможденных

призраков, прибывающих из лагеря на бронетранспортерах. Глаза их провалились так глубоко, что она не понимала, как они вообще что-то видят. Некоторые из них были почти полностью голые: говорили, что пыль из карьера разъела их одежду. Пока санитары разгружали их с носилок и укладывали на больничные койки, дыхание их было таким поверхностным, что Пластерс не могла уверенно сказать, спят они или уже мертвы. Но это были взрослые мужчины и, насколько она знала, солдаты. Этот же и еще двое в ее палате были серыми, костлявыми подростками.

Когда Тибор осознал, где находится и кто его окружает, первое, что он попытался сделать – поблагодарить медсестру, которая замеряла у него температуру. Все, что он видел последние несколько дней, – грива ее рыжих волос и вид глубочайшей озабоченности на ее красивом лице. Придя в себя, он осознал одну вещь: эта женщина точно была американкой. Пусть он едва мог говорить и уж точно не знал английского, ему нужно было как-то выразить свою благодарность. Прежде чем она успела отойти от койки, он протянул ногу и зацепил ее за ботинок. Сестра запнулась, едва не упала, бросила на него взгляд. Тибор ногу не убрал, и ему теперь казалось очевидным, что он должен сказать что-нибудь, что она непременно поймет, пусть это будет даже одно слово.

– Америка? – пробормотал он.

Она утвердительно кивнула.

В течение следующих нескольких дней этот светлоглазый мальчишка, из-за которого она чуть не упала, часто пытался с ней заговорить, пока она кружила по палате. Она тоже хотела поговорить с ним, узнать, почему немцы так жестоко обращались с ним и другими заключенными, но могла лишь улыбаться ему. А он мог привлечь ее внимание, лишь касаясь ее ботинок.

Лейтенанту Пластерс показалось забавным, что он прицепился к этим ботинкам, поскольку это была та самая пара, которую она отдала сапожнику для внесения некоторых улучшений. Тот пришил к ним четыре дополнительных кожаных ремня, так что теперь они больше походили на армейские сапоги, нежели на стандартную женскую обувь.

Пятьдесят пять лет спустя, когда мальчику было уже под восемьдесят, он все еще помнил Бернадин Пластерс. Она написала ему письмо, когда прочитала о Тиборе в газете. В нем она рассказала, что была медсестрой в Маутхаузене и ухаживала за несколькими подростками во время освобождения лагеря. Писала еще, что ей было очень жаль, что они так и не узнали имен друг друга из-за языкового барьера.

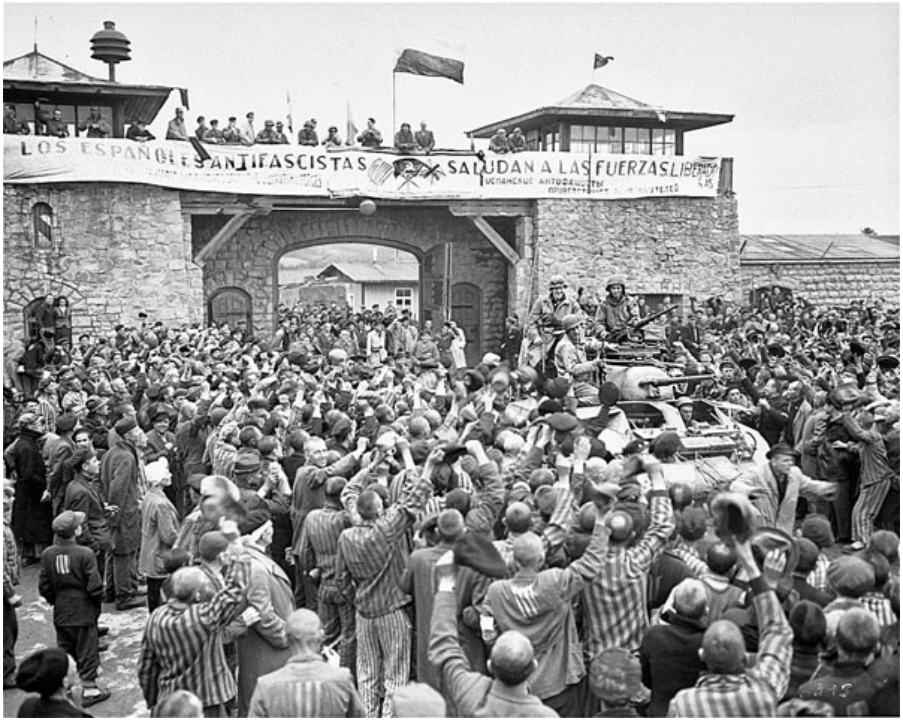
Мужчину, которому она написала, только что наградили

Медалью Почета. Он ответил ей сразу: что хорошо помнил ее рыжие волосы, милое лицо и ботинки с четырьмя кожаными ремнями. Сказал, что рад писать ей на английском и что наконец может сказать ей свое имя: Тибор Рубин.

В списках смерти лагеря Маутхаузен, которые педантично вел комендант лагеря Франц Цирайс и его непосредственные подчиненные, значится тридцать восемь тысяч заключенных. Утверждается, что там перечислены все погибшие заключенные за период 1940–1945 гг. Аккуратно собраны воедино имена, национальности, причины ареста и смерти. Большинство смертей объясняются «оказанием сопротивления» либо «попыткой побега». Ни то, ни другое были невозможны в Маутхаузене.

Перед самым поражением Третьего рейха списки смерти было приказано сжечь. Однако в хаосе, царившем в лагере до и во время побега командования, Цирайс не сумел выполнить приказ, как не сумели и его коллеги по другим лагерям.

Списки смерти колоссально недооценивали реальное положение дел в Маутхаузене и его филиалах. Если принимать во внимание, что в лагерной системе Маутхаузен оказалось от 200000 до 325000 заключенных, то более-менее адекватным числом погибших будет 119000-195000 человек. Впрочем, никто никогда так и не узнает, сколько точно людей сгинуло в Маутхаузене и сорока девяти его филиалах, ибо часто у погибшего просто некому было заявить о его гибели: в лагере бесследно пропадали целыми семьями.



Освобождение Маутхаузена. Фото сделано сразу после прибытия 11-й бронетанковой дивизии Паттона. Авторы баннера – испанские заключённые. Мемориальный музей Холокоста (США)

После Лагеря, 1945-й

1

После того, как 11-я бронетанковая дивизия освободила Маутхаузен, Красный Крест помог Тибору найти Имре и Алекса. Тибор не сразу узнал, что его брата и Алекса нашли в состоянии, близком к бредовому: оба заболели тифом. Парни сбросили до половины собственного веса, но все они были хорошо сложены и молоды: спустя две недели под наблюдением врачей все трое поправились и покинули больницу.

Когда американцы отпускали Рубиных и Алекса, их снабдили официальными бумагами, в которых были указаны имена, национальность, отпечатки пальцев, фотографии и состояние здоровья. Бумаги заменяли им удостоверение личности, так что можно было не переживать по поводу постов полиции и военных. Теперь их точно не спутают с беглыми венгерскими солдатами.

Трое молодых людей дошли до железнодорожного депо и забрались в вагон для перевозки скота, уже наполовину заполненный беженцами; на каждой остановке народу только прибавлялось. Ни у кого не было денег на билет, но никого это не останавливало. Тибор поразился тому, что даже в крупных депо, где беженцы толпами кочевали с поезда на поезд посреди бела дня, никто из железнодорожников не обращал на них внимания.

Когда их поезд закончил дозаправку, польский парнишка, переживший Бухенвальд, завопил, что нацисты и симпатизирующие им венгры прячутся прямо под ними. Он объяснил, что из-за невозможности избавиться от униформы враги боялись, что их незамедлительно пристрелят, посему многие из них забирались под вагоны.

Рубины, Алекс и еще несколько взлохмаченных молодых людей спрыгнули с вагона и окружили его. Двое совсем юных, скорее ровесников Тибора, нежели Алекса и Имре, солдат съежились от страха под вагоном. Рассерженные парни схватили их за воротники и выбросили на пути. Тибор отошел в сторону, но Имре и Алекс присоединились к кольцу, медленно сжимавшемуся вокруг жертв.

Миклош, Имре и Тибор в Европе, примерно 1947-й. Семья Ирэн Рубин

Тибор не видел, как их бьют, но отчетливо слышал звуки пинков и ударов, а также сдавленные мольбы о пощаде.

Солдаты были почти без сознания, когда мальчик из Бухенвальда подошел к Тибору и позвал его обратно в вагон. По пути Тибор увидел, как один из них приоткрыл разодранный, окровавленный глаз и едва приподнял голову над землей. Корчась от боли, он попытался приподняться, неловко изогнулся и плюхнулся обратно на спину. Тибор отскочил и приготовился пнуть его: разбитая голова солдата была в сантиметрах от ноги мальчика. Затем он посмотрел на Алекса и Имре. Те тяжело дышали, как волки после охоты. Мальчишка из Бухенвальда подтолкнул Тибора в сторону вагона. Тибор снова бросил взгляд в сторону Имре и Алекса. Лица их имели вид мрачный и отстраненный, челюсти были сжаты, в глазах сверкала сталь – он никогда не видел их такими раньше. Отошел от солдата. Несколько человек принялись стягивать с поверженных брюки и рубашки. Пока Тибор забирался в поезд, эти двое голыми валялись на земле и ревели, словно дети.

2

Поражение Германии вызвало колоссальную миграцию народов. Начиная с мая 1945-го, из нацистских лагерей и тюрем освобождали почти шестьдесят пять тысяч человек ежедневно. Мужчины, женщины, осиротевшие дети катились по Европе, словно приливная волна.

Беженцы шли куда-то и никуда одновременно. Куда-то – домой, к семьям по всей Европе. Никуда – у большинства из них всего этого уже не было. Любимые люди, любимое дело, любимая собственность – все пропало. Пропали целые страны. Венгрия, Чехословакия, Румыния, Польша и другие территории, оккупированные Германией, теперь находились под контролем русских. Все они вскоре станут кирпичами в великой стене Советского Союза.

Старшая сестра Тибора Ирэн объявилась сразу после освобождения Будапешта. Она немедленно справилась в Красном Кресте о своих родителях и сестрах, Эдит и Илонке, но ничего не смогла разузнать. Похоже, они не были зарегистрированы ни в одном из известных лагерей Австрии, Польши или Германии. А вот Тибора и Имре точно освободили из лагеря в Австрии. Не зная, куда еще податься, Ирэн отправилась домой, молясь богу, чтобы братья сделали то же самое.

Из трех сестер Ирэн была ближе всех к братьям – по возрасту и по темпераменту. Она не была красавицей – это, скорее, по части Эдит или, если спрашивать мнения родителей, самой младшей из них, Илонки. Но Ирэн обладала шармом, неким теплым чувством, привлекавшим как мужчин, так и женщин. У нее было подростковое открытое лицо, однако не чувственное и угловатое, как у Эдит. В ее глазах был лишь намек на загадочность, которой с лихвой обладала сестра. Кости Ирэн были шире, чем у Эдит, сложение квадратнее. Она взрослела, превращалась в женщину, и круглые ее щеки вдавливали глаза в выражение скорее дружеское, нежели экзотичное.

Будучи вторым по старшинству ребенком в семье, Ирэн всегда равнялась на Имре и испытывала необходимость защищать Тибора и младших сестер. Но по природе своей она была независимой. С младенчества мать Роза, работавшая учителем в столице, поощряла ее любознательность и, чуть позже, ее мечту открыть для себя мир за пределами Пасто. Ирэн пестовала желание покинуть деревню с ранней юности. Ей исполнилось семнадцать, и совершенно неожиданно война предоставила ей такую возможность. Однако спустя год утаиваний в Будапеште ей

не терпелось вновь увидеться с семьей; как только в стране стало более-менее безопасно, она поспешила домой.

Пасто изменился. Русские солдаты заполонили улицы и местные таверны. Обувной магазин Ференца находился в плачевном состоянии. Однако хуже всего было то, что в доме, в котором выросла она и ее братья и сестры, было темно. Она постучала в дверь, в окнах мелькнули грязные лица детей, затем пропали. Никто не вышел встретить ее.

Разозленная, Ирэн обошла вокруг крыльца, где встретила двух пухлых женщин в бесформенных сорочках.

– Знаете, кто хозяин дома? – выпалила она с ходу.

Женщины смотрели на нее пустыми глазами.

– Семью Рубиных знаете? – продолжала Ирэн.

Они покачали головами.

– Меня зовут Ирэн Рубин. Мои родители – хозяева этого дома.

Одна из них указала в сторону ратуши. «Иди к мэру, – сказала она вяло. – Там все расскажут».

Ирэн попыталась посмотреть за них, разглядеть, цела ли мебель и прочие ценности. Женщины заблокировали проход, резко закрыли дверь. Ирэн направилась к дальнему концу длинного дома, затем во внутренний двор. Там, где раньше были козы, куры и лошадь, все теперь поросло травой по щиколотку. Даже голубятня опустела.

Злость Ирэн превратилась в ярость. Батраки и их грязные дети, люди, которые не могли позволить себе электричество или даже корм для скотины, завладели их домом. Может, и к лучшему, что она не сумела заглянуть внутрь, ибо то, что она могла увидеть, привело бы ее в шок и вызвало желание как следует наподдать проклятым заселенцам.

Вернувшись на улицу, Ирэн столкнулась с соседкой, молодой женщиной, которую знала с начальной школы. Крестьяне заняли и ее дом. Когда они отказались покидать жилище, она заплатила русскому солдату, чтобы он их выгнал. Однако узнав, что вся ее семья погибла, она не захотела более жить в Пасто или вообще Венгрии. «Уезжаю во Францию, буду жить с дядей», – заявила она твердо и отдала Ирэн ключи.

Были слезы и объятия, когда вернулись Тибор и Имре. Но лишь объединившись, дети сразу же принялись обсуждать родителей и сестер, озвучивая самые худшие опасения.

Ирэн не раз ходила в Красный Крест, где она донимала служащих вопросами о Ференце, Розе, Эдит и Илонке. Сотрудники были терпеливы, но откровенны. Все имена и статусы, доступные официальным органам, были уже опубликованы. Со временем появятся еще, но в любом случае,

говорили они, имеющаяся у них информация была далека от всеобъемлющей. Реальность была такова, что большинство венгров, похищенных нацистами, вообще не были зарегистрированы в лагерях, и судьбы их неизвестны. Ирэн решила, что Роза, Ференц, Эдит и Илонка были убиты. И пусть она не знала этого наверняка, но все равно чувствовала себя беспомощной и опустошенной.

Из ста двадцати еврейских семей Пасто домой вернулись члены только трех. Родственники Алекса, когда-то одни из самых влиятельных людей города, исчезли без следа. Пропал и бывший мэр; округ теперь контролировало подразделение русской армии. Казалось, всем в Пасто плевать на четыре сотни евреев, ушедших из этого мира.

Тибор никак не мог понять, почему все добрые дела его семьи так быстро забыли. Его отец был награжденным ветераном, он воевал в Первой мировой, был в плену у русских. После шести лет в сибирском лагере для военнопленных он вернулся домой героем. Почему так же не встречали Тибора, Ирэн и Имре? Дурное предчувствие Тибора, видение, пришедшее ему в ночь бегства, оказалось реальностью, но совсем не такой, как он себе воображал.

У Ирэн были деньги, которых должно было хватить на несколько дней, но вот у братьев не было ничего. Имре слышал по радио, что в Будапеште были проблемы с едой: у него появилась идея. Он отправился к человеку, у которого была лошадь и телега, и пообещал, что хорошо заплатит, если тот позволит ему взять их на неделю. В ту же ночь Алекс, Тибор и Имре обшарили ближайшие поля и набили телегу картофелем. Затем Имре и Алекс отправились прямиком в столицу и продали картошку на черном рынке.

Пока Имре не было, Ирэн и Тибор разделились и пошли от двора ко двору, надеясь найти других членов еврейской общины. Не нашли никого. Вернувшись под вечер, Тибор услышал, как на втором этаже ругались мужчина и женщина.

Тибор слышал, как его сестра повышала голос, но не так. Поднявшись на голоса, он увидел русского солдата, вдвое больше Ирэн, навалившегося на сестру и сдирающего с нее одежду. Ирэн хлестала его по лицу, но он прижал ее к постели.

Тибор закричал на него, но русский проигнорировал его. Без лишних раздумий парень бросился на солдата и вцепился ему в спину. Тот извернулся и сбросил Тибора. Мальчик схватил настольную лампу и засадил ему между плеч. Русский отпустил Ирэн, встал и бросился за Тибором вниз по лестнице.

Тибор выскочил на улицу, солдат несся за ним. Он знал, что

дом, в котором раньше жил местный раввин, теперь был штабом русской полиции, и рванул туда, крича о помощи. Двое полицейских попытались его успокоить, но ни один не говорил по-венгерски. Затем пришел переводчик и потребовал объяснений. Пока Тибор нервно пересказывал, что увидел в доме, мужчина обдал его тяжелым перегаром. Спустя секунды в комнату ворвался солдат, поднял Тибора с земли и сцепил его в медвежьих объятьях. Мальчику стало сложно дышать.

Потребовалось трое русских, чтобы разнять Тибора и солдата. Пока полицейские держали солдата, Тибор выскочил на улицу, вернулся к дому и колотил в дверь до тех пор, пока Ирэн не открыла и не впустила его.

Ее до сих пор трясло. Она не могла сказать точно, но думала, что русский следил за ней до дома. Заявив, что не видел ее раньше здесь, он потребовал удостоверение личности. Оказавшись внутри, он обвинил ее в грабеже дома, напал на нее. Она так испугалась, что даже опомниться не успела. Раньше в Пасто такого почти не было; никто даже домов не запирал, разве что когда уезжали на несколько дней.

Имре вернулся на следующее утро с полным кошельком и новостями от Красного Креста. Эдит была в списке освобожденных из лагеря, которых почему-то отправили в Швецию; адрес им сообщат чуть позже. Эта новость вдохновила ребят на мысли о том, что с родителями и Илонкой тоже все хорошо, но дальше было хуже. Все родственники Розы и Ференца числились официально погибшими. Дядья, тетки и дети значились в списках жертвами нацистских зверств.

То же было с семьей Алекса. Тибор рассказал Имре про Ирэн и русского.

Тот отреагировал без тени сомнения: «Надо уезжать из этой страны».

Имре предложил брату вступить в ряды израильского флота. Почему именно флота, Тибор не очень понимал, но брату было двадцать два, а Тибору только пятнадцать, поэтому он решил, что Имре виднее. Братья, Ирэн и Алекс поплелись в Будапешт, но по прибытии выяснили, что если в Палестине и был еврейский флот, то размером не больше одной ванной. Имре не знал, что делать дальше.

Тибор потихоньку заглядывался на Америку. Он молчал об этом, потому что знал, что Имре будет против, но чем чаще он думал о своем освобождении и доброте военного медперсонала, тем уверенней он становился в своем решении сделать Америку новым домом. Вдобавок у Рубиных были родственники в Нью-Йорке; один из кузенов Тибора даже служил в американском

флоте. Тибор решил, что рано или поздно связи его семьи позволят им попасть в Штаты. Но в данный момент Рубиным некуда было идти.

Затем представитель ООН рассказал Имре про лагерь для беженцев в Нижней Баварии, немецком округе, находившемся под контролем американской армии. Насколько Имре понял, ООН финансировала этот лагерь совместно с несколькими частными еврейскими спонсорами. Целью их было переправить евреев за океан. Чиновник посоветовал Имре покинуть Венгрию как можно скорее; ходили слухи, что русские планировали закрыть границу. Ребята сели на поезд в ту же ночь.

3

Рубины и Алекс прибыли в лагерь в Поккинге летом 1945-го и совершенно не понимали, чего им здесь ждать. Чиновник из ООН не потрудился сказать Имре, что объект раньше был базой люфтваффе, или что он находится в лесу, в полдня пути от ближайшей железнодорожной станции. Или, например, что его также использовали в качестве лагеря для военнопленных.

Тибор пришел в ступор, когда увидел сотни немецких солдат прямо перед входными воротами. Да, они не представляли опасности, они находились за колючей проволокой, безоружные и растрепанные – но они все еще были нацистами. И они находились на расстоянии брошенного камня от сотен евреев. Пока Тибор рассматривал эти злые поверженные лица, его волновал один вопрос: кто здесь главный? Зачем он держит этих преступников так близко к их жертвам? Он что, не знает об их зверствах? Или это все не важно?

Лагерь только что открыли, но там уже наблюдался избыток людей. Местный служащий проводил Рубиных и Алекса до небольшой секции внутри бараков пилотов. Там едва хватало места для трех мужчин и одной женщины. Кроме армейских коек в комнате ничего не было. Некую уединенность обеспечивали разве что одеяла, свисавшие между кроватями с потолочных балок. Служащий извинился за такую тесноту, затем вывел их на улицу и показал грязные общие душевые и туалеты.

На территории лагеря царило оживление. Военные джипы и грузовики поднимали столбы пыли, разъезжая по изрытым колеями грунтовым дорогам. Спустя минут пять Тибору пришлось остановиться и как следует протереть глаза.

Ирэн захватила с собой чемодан, но у Тибора, Имре и Алекса при себе не было ничего, кроме собственной одежды. Они выстроились в очередь возле склада, где им каждому выдали штаны, рубашки, исподнее и пару ботинок. Рубашки и обувь были военными, остальное сшили из армейских одеял в лагерных мастерских. Тибору понравились ботинки: они были крепкими и блестели. А вот остальные шмотки выглядели словно тюремная роба.

В столовой было столько народа, что Рубиным и Алексу пришлось ждать около часа, чтобы попасть внутрь. Когда они наконец оказались внутри, то обнаружили там армейский рацион: яичный порошок, каши, сардины, овощные консервы и консервированное мясо с надписью «Spam», основной продукт армейского питания, о котором Рубины никогда не слышали. Он

явно был некошерным, и Имре даже подходить к нему не собирался, но Тибору было любопытно, что это за жестяные баночки с английским текстом. «Spam» приехал из Америки и только поэтому интересовал его. Он воспользовался маленьким ключом, чтобы открыть банку, затем поднес ее к носу. Запах был такой мерзкий! Как американцы это едят? Он моментально выбросил банку в мусор.

Официально заявленной целью ООН было отправить беженцев обратно по родным странам, но Рубины не хотели возвращаться в Венгрию. Имре посоветовал Тибору и Ирэн приготовиться оставаться в Поккинге до тех пор, пока он не решит, как заполучить документы для поездки в Палестину, Канаду, Австралию или Соединенные Штаты. Он успокаивал их, обещал, что найдет выход. В течение недели он получил работу в администрации лагеря. Тибору казалось, что брат сделал первый важный шаг на их неизбежном пути в Америку.

Как только дела в лагере устаканились, пустые авиаангары Поккинга переделали в классы и мастерские. ООН стремилась дать беженцам профессиональные навыки, которые позволят им найти работу в новых для них странах. Тибор внимательно изучил список курсов и выбрал портняжное дело, хотя одежда, которую им выдали в лагере, была такая плохая, что он искренне не понимал, чему его могут научить местные мастера. Зато в классах можно познакомиться с девчонками. Впрочем, в первый же день стало ясно, что большинство учеников там – мужчины.

Огромные усилия были потрачены на то, чтобы выстроить учебную программу в Поккинге, однако Тибора, как и многих других молодых людей, больше волновал спорт. Имре и Алекс оба отлично играли в футбол, их быстро взяли в лучшие клубы лагеря. Тибор играл не так хорошо, поэтому занялся боксом. Гибкий и проворный, у него, кажется, был талант. Обидно было то, что тренировки начинались рано утром, а Тибор любил поспать до обеда. Его целеустремленность победила отсутствие техники. Он буквально бросался на соперников со шквалом хуков и джебов, посему быстро стал лучшим в своем весе. Вскоре его стали возить по другим лагерям для беженцев в округе, где он выигрывал почти все свои бои.

Когда Тибор похвастался, что сможет взгреть любого мальчишку в Поккинге, Имре засмеялся. Бенедек, один из товарищей Имре по команде, сказал, что лучше бы Тибору держать язык за зубами, а то кто-нибудь из польских ребят как следует ему навешает. Тибор немедля вызвал Бенедека на ринг.

– Он выше тебя на пятнадцать сантиметров и на пять лет старше, – усмехнулся Имре.

Это было так. Рост Тибора – примерно сто семьдесят сантиметров, Бенедека – почти сто восемьдесят пять.

– Неважно, – ответил Тибор. – Я прирожденный боец.

Он рассчитывал, что, побив этого парня, он заработает заслуженное уважение, а то и, глядишь, привлечет внимание девчонок.

Они пошли в спортзал, где переоделись в трусы и надели перчатки, но едва Тибор дивнулся к канатам, Имре остановил его.

– Да он тебе навешает. Посмотри, какие у него длинные руки!

Тибор отмахнулся. Он и Бенедек забрались на ринг и встали в стойку. Прозвучал гонг, и Тибор разрядил в Бенедека ливень ударов – ни один из которых не попал в цель. Он отошел, вернулся в стойку и вновь бросился на соперника. На этот раз Бенедек без проблем увернулся от него. Тибор сбавил обороты и отправил прицельный джеб в челюсть. Бенедек дернул головой, кулак Тибора просвистел мимо щеки.

Во время четвертой атаки Тибора Бенедек резко выставил правую руку вперед. Они и правда были длинными: Тибор не успел толком добраться до него, а перчатка Бенедека как таран влепилась в грудь Тибора. Воздух с громким свистом вырвался из него. Потрясенный, он упал и почти что отрубился. Пытался поднять лицо с ринга и слышал только, как смеются Имре и Бенедек.

На следующий день Тибор решил заняться пинг-понгом. Да, спорт так себе, зато тут точно много девчонок.

4

Спустя год в Поккинге Ирэн, Имре и Тибор ни на шаг не приблизились к переезду. Население лагеря раздулось до шести тысяч человек. Он стал напоминать поселок, а не станцию: люди женились и рожали детей, даже несмотря на неясное будущее и общее желание побыстрее вырваться отсюда. Каждую неделю еврейские социальные службы вывешивали списки с информацией о возможных поездках за границу, но это все были больше разговоры. Никто не уезжал в Америку, если у них не было там связей – хороших связей. Полные корабли беженцев отплывали в Палестину, но многие возвращались, меняли курс на Австралию или возвращались в Европу. Рубины не горели желанием шататься от материка к материку.

Будучи игроками в футбол высокого класса, Имре и Алекс чувствовали себя в лагере немного получше. Хотя они оба отказывались играть в немецких лигах, к ним часто подходили к предложениями играть профессионально. А вот у Тибора такой возможности не было. Переживая за будущее младшего брата, Имре искал способ как-то устроить его. Благодаря своей работе в администрации лагеря Имре одним из первых услышал о планах устроить детский лагерь в Ландсхуте, городе в двух часах к западу от Поккинга. Новый лагерь строили исключительно для «осиротевших детей», и насколько понимал Имре, местные организаторы обладали всеми необходимыми связями, чтобы отправить юнцов за рубеж. Прежде чем лагерь открылся, Имре ухитрился записать Тибора в список кандидатов.

– В прошлый раз, когда меня куда-то отправляли, я оказался в концлагере, – сострил Тибор, когда брат рассказал ему о своем плане.

– Тут не так далеко на поезде, – заметил Имре. – Будешь навещать нас, когда захочешь.

– Я не брошу семью второй раз, – заявил Тибор.

– Ты несовершеннолетний, – напомнила ему Ирэн. – Имре твой законный опекун. Если тебя примут в Ландсхут, ты поедешь.

Тибор решил обсудить вопрос с Имре наедине.

– Не отправляй меня туда, – упрашивал он, когда понял, что спорить бессмысленно. Но брат был непреклонен: если Тибора принимают в детский лагерь, он едет.

Имре и его товарищи в бараках Поккинга. Семья Ирэн Рубин

Тибору стало ясно, что война изменила Имре. Он уже не был тем озорным и веселым парнишкой, который прогуливал шаббат, чтобы поиграть в футбол, тем беззаботным подростком, смеявшимся над устаревшими причудами отца и без лишних раздумий открыто неповиновавшимся ему. В свои двадцать два он стал осмотрительным и серьезным, все больше походил он на Ференца, который был замкнутым и самоуверенным.

Еще одним признаком перемен в Имре стали его столкновения с Ирэн. После примерно шести месяцев в Поккинге Ирэн призналась Имре, его подружке Дэйзи и Тибору, что в самом конце 44-го, когда немецкие танки ворвались в Будапешт, она вступила в связь с венгерским офицером, человеком, который предложил ей убежище от ужасов нацизма. Ирэн объяснила, что она, конечно, была ему бесконечно благодарна – он жизнью рисковал ради нее, – но бросила его сразу же, как освободили город, и считала, что отношения их закончены.

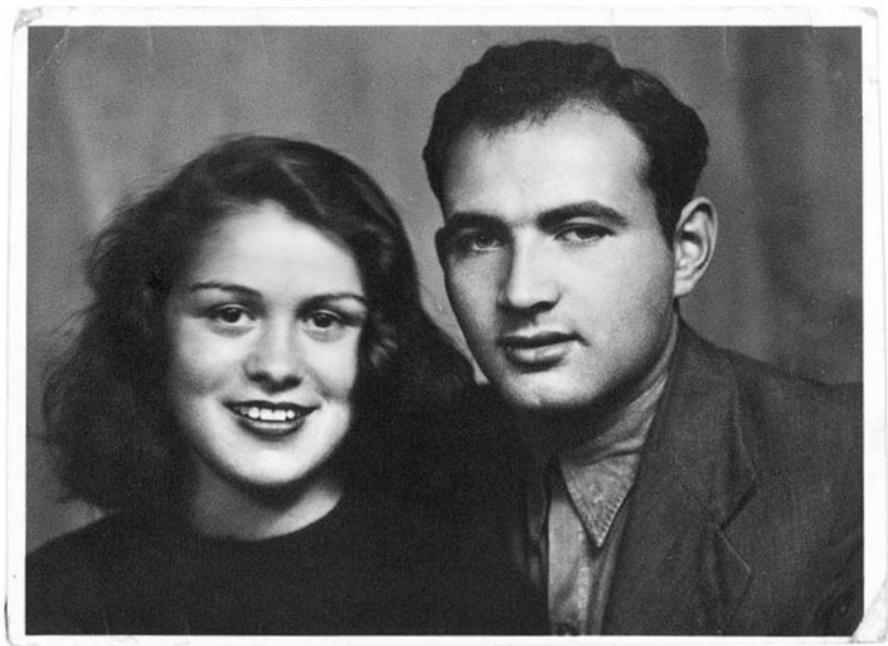
Тибору все это было до лампочки. Дэйзи, жившая в Будапеште и едва сама избежавшая сетей нацистов, понимала и симпатизировала Ирэн. Во время нацистской оккупации, в 44-м, когда евреев убивали буйствующие отморозки, Дэйзи, ее сестру и их мать спрятали у себя монахини. Но Имре на все это было наплевать. Как только Ирэн рассказала ему про офицера, он перестал говорить с ней и несколько недель отказывался признавать ее присутствие.

Тибор не знал, что сказать брату, но Дэйзи вступилась за Ирэн.

– Какая разница, как она спасла жизнь? – спрашивала она его. – Мы все выживали, как могли. Почему ей должно быть стыдно за себя?

Имре отказывался обсуждать это. Спустя несколько дней она снова подняла тему. «Что, было бы лучше, если бы ее убили в концлагере?» Имре молчал. Затем с ним попытался поговорить Тибор.

– Ну ты что, не может простить ее? – спросил он. – Разве так уж ужасно то, что она сделала?



Дэйзи и Имре, Поккинг, 1947. Семья Ирэн Рубин

Имре смотрел мимо него, будто не слышал ни слова. Все было понятно по тому, как он сузил глаза и сжал челюсти.

Тибор понимал, что Дэйзи защищает Ирэн не просто из принципа: за прошедшие шесть месяцев они стали почти сестрами. Ему и самому нравилась Дэйзи, остроумная брюнетка со стильной стрижкой и милым вздернутым носиком; она разделяла его любовь к фильмам и смеялась над его шутками. Но встать между братом и двумя девушками он не мог никак. Тибору было пятнадцать; они все были взрослые. Всем было малоинтересно то, что он мог сказать.

Имре и Ирэн возобновили общение спустя какое-то время, но

теперь между ними появилась некая отстраненность, с которой, по мнению Тибора, им нужно было разобраться самостоятельно. Ну а пока они не соглашались почти по всем вопросам. Именно поэтому Тибор искренне удивился, когда Ирэн заняла позицию Имре по поводу его отъезда в детский лагерь.

Даже когда он смирился с необходимостью покинуть Поккинг, его все равно это расстраивало. В тот день, когда он приехал в отель в Ландсхуте, летом 46-го, ему было так грустно, что он решил вообще ни с кем не разговаривать. Затем, правда, он увидел группку миловидных девочек и передумал: пожалуй, лучше он пойдет разузнает, кто из них говорит по-венгерски.

5

Дорога Исаака Гоффмана в Ландсхут была долгой и изнурительной. В Маутхаузене он потерял двоюродного брата. Он не знал, где все его друзья-румыны. Он брел от одного лагеря беженцев к другому, спал среди незнакомцев в железнодорожных депо, складах и бывших тюрьмах. С каждой новой станцией его надежда выбраться из Европы угасала. И вот теперь, в Ландсхуте, надежда эта вновь ожила.

Американская армия превратила отели, школы, кабинеты и даже монастыри Ландсхута в убежище для бывших узников со всей Европы. Весь город превратился в огромный детский сад всех национальностей и религий. Тем удивительнее казался тот факт, что Тибор Рубин оказался в том же отеле, что и Исаак.

И вот он стоял перед ним, венгерский мальчик, которого Исаак даже не мог вспомнить, где видел, но который показался ему невыносимо одиноким. Впрочем, это был уже не тощий, оборванный узник; Рубин был хорошо сложен, прямой как стрела, с такими начищенными туфлями, что можно было узреть в них свое отражение. Исаак даже засомневался, беженец ли этот парень; ему понадобилось подойти поближе, чтобы увидеть плохо подогнанные рубаху и брюки, зашитые вручную прорехи на его пиджаке, понять, что он носит одну и ту жу пару обуви каждый день.

И все же он выделялся из толпы. Рубин был красавчик, с большими, дружелюбными чертами лица и быстрой улыбкой. Он не отворачивался, если незнакомцы смотрели ему в глаза, как это делали другие дети. Когда его представляли новым людям, он пожимал им руки и смотрел прямо в глаза. Его поведение – предприимчивое, задорное, почти безрассудное – отлично сочеталось с его внешним видом. И это раздражало Исаака. С его точки зрения, Рубина куда больше заботили девочки и веселье, нежели учеба. Почти роялистское поведение венгра сигнализировало о том, что ему плевать на свое будущее. А это тревожный знак.

Исааку было очевидно, что каждый подросток мечтает покинуть Ландсхут. И неважно, говорили его одноклассники об этом или нет, он-то знал: подавляющее большинство хотело отправиться в Соединенные Штаты. А значит, все они были конкурентами друг другу, поскольку квоты на въезд были ограниченны. Никто толком не знал, как и почему отбирали в Америку, но Исаак подозревал, что на его статус могут непосредственно влиять те люди, с которыми он общался. Быть в

друзьях с Тибором Рубиным – потенциально опасно, посему Исаак предпочитал держаться от него подальше.

Милашки, которые нравились Тибору, любили общество парней постарше, повыше и одетых получше Тибора. Парадоксально, но пока он не сдавался и поддерживал образ, которым рассчитывал впечатлить девчонок, Тибор умудрился крепко задружиться с Норманом Фрайманом, вдумчивым и скромным подростком из Польши, который каким-то чудом пережил аж четыре концлагеря.

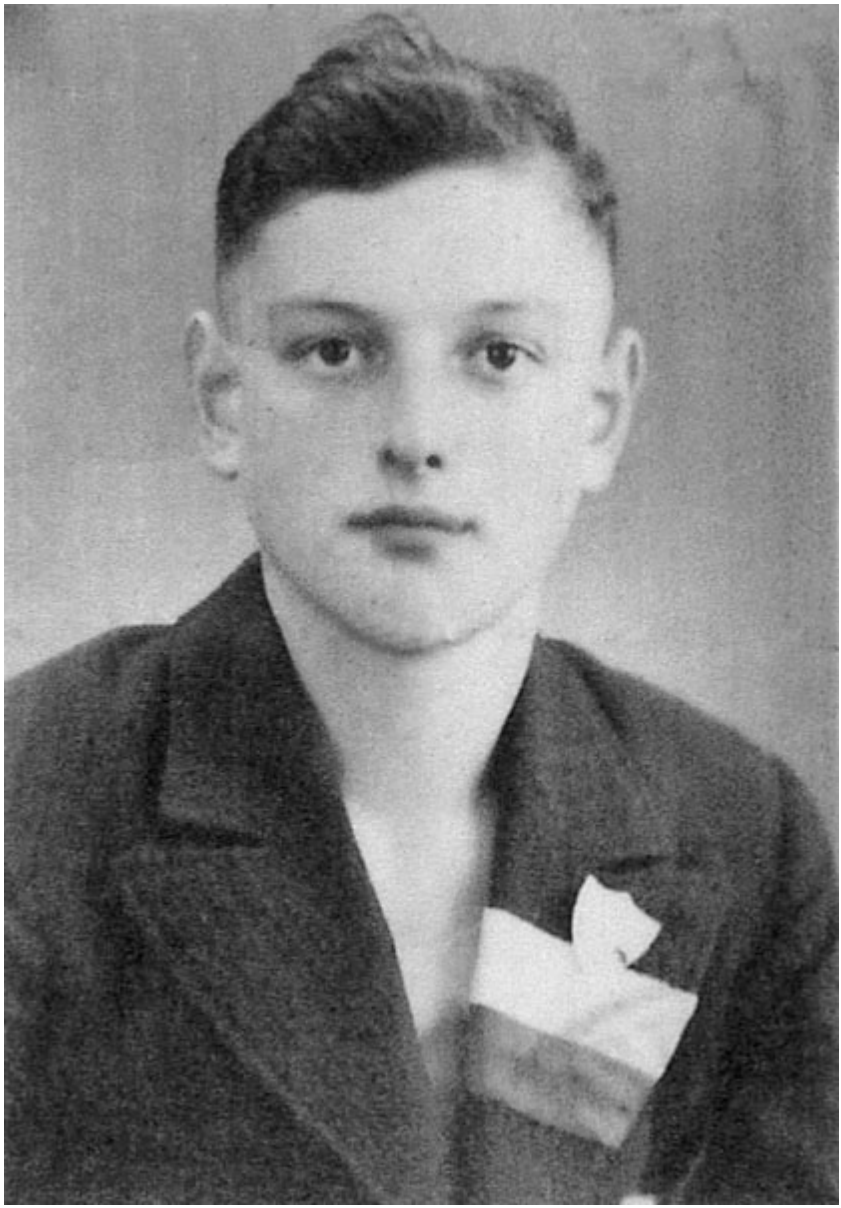
Норман Фрайман был узником варшавского гетто, когда его закрыли в сентябре 42-го. Оттуда мальчика отправили в Майданек, где погибли его мать и сестра. Вопреки всему он пережил еще три лагеря, включая Бухенвальд, где его освободили русские в 45-м. Все это произошло с ним до того, как ему исполнилось шестнадцать.

Норману легко давались языки. После войны он провел год, занимаясь переводом русского на немецкий, затем, в 46-м, поселился в берлинском лагере Шлахтензее. Там он слышал ужасающие истории про родную Польшу. Кое-кто в стране утверждал, например, что в коммунизме в России виноваты евреи. В 46-м сорок евреев окружили и подожгли. Те сгорели заживо. Когда он узнал об этом, об этой бессмысленной бойне, Норман поклялся никогда не возвращаться в Польшу. Тогда у него не было другого выбора, кроме как оставаться в берлинском лагере. Чуть позже его сиротский статус привел его в Ландсхут.

Родной язык Нормана был польский; Тибора – венгерский. Но с помощью нескольких слов на немецком и на идиш, а также набора знаков двое ухитрились хорошо узнать друг друга. Самыми глубокими своими переживаниями они поделиться не могли – слишком свежи и неприятны они были, – но Норман инстинктивно понимал, что Тибора Рубина стоит узнать поближе. Он не был таким подавленным или нервным, как другие подростки, и всегда встречал Нормана улыбкой или шуткой. Что еще важнее, даже до того, как у Тибора появился шанс доказать это, Норман понял, что Тибору можно доверять, что если он что-то пообещал, то сделает это. А если ты выживший, доверием нельзя разбрасываться попусту.

6

Ирэн Рубин всегда любила своего сводного брата, Миклоша, но во время войны потеряла с ним связь. После, не получив от него вестей, она решила, что он погиб. Но он выжил. Прежде чем условия в его трудовом лагере стали ухудшаться, он сбежал и вернулся в Хуст. Обнаружив, что еврейская община исчезла, он ушел в леса, присоединился к чешским партизанам и провел остаток войны в сражениях.



Норман Фрайман перед войной. Предоставлено Норманом Фрайманом

Жена Миклоша, Маркета, и ее сестра выжили в Освенциме, однако двое их детей и вся остальная семья сгинули. Найдя изнуренных женщин в немецком госпитале, Миклош увез их в Прагу, где служил офицером чешской армии. Миклош намеревался создать семью заново, и год спустя Маркета родила девочку Веру. В тот день, когда Вера родилась, Ирэн стояла рядом и держала Маркету за руку.

В один из нескольких своих визитов в Прагу Ирэн узнала о чешской женщине с точно таким же именем, которая не значилась в списках и которая скорее всего погибла. С помощью Миклоша Ирэн изучила ее биографию, затем по поддельным бумагам присвоила себе ее личность. Став гражданкой Чехословакии, Ирэн могла теперь выехать в Канаду. Она стала первой из семьи Рубиных, кто сумел переехать в Северную Америку.

7

Спустя полгода в лагере Тибор получил письмо от дяди из Нью-Йорка, который предлагал ему переехать. Вцепившись в письмо так, словно от него зависела его жизнь, он рванул в администрацию лагеря, где ему быстро дали понять, что приглашение никак не влияет на его шансы получить необходимые для переезда бумаги.

Прошло еще несколько безрезультатных месяцев, и Имре отправил Алекса, который неплохо говорил по-английски, представить дело в консульстве США в Мюнхене. Имре считал, что будучи несовершеннолетним, Тибор может рассчитывать на приоритет перед ним или Ирэн. И потом, его по-прежнему больше влекла Палестина.

Тибор сильно переживал по поводу встречи с представителем американского правительства. Сам факт его нахождения в консульстве, где английский язык блуждал по коридорам и кабинетам, вселял в него надежду. Его и Алекса провели в комнату с высоким потолком и богатой мебелью, похоже, принадлежавшей немецкой королевской семье. Доброжелательный мужчина в костюме говорил с Алексом, объяснял, что тоже сидел в нацистской тюрьме и понимал боль Тибора. Пока Алекс делился деталями ситуации Тибора, мальчик внимательно изучал стопки документов и папок на столе чиновника, думая, что вот где-то здесь, среди всех этих бумажек, лежит решение его проблемы. Тон сотрудника изменился, он стал извинительным. Алекс знаком показал Тибору встать и выйти. Снаружи Алекс объяснил, что в Штатах всех венгров классифицировали «врагами», потому что Венгрия выступила союзником Германии, а посему вход в Соединенные Штаты был для них закрыт. Несмотря на геноцид, для венгерских евреев квот не было.

Норман, неопределённый друг и Тибор в Германии, 1947-й. Предоставлено Норманом Фрайманом

Тибор вернулся в Ландсхут разочарованный, но от того не менее полный решимости. Он отказался мириться с вердиктом чиновника. Не важно, как много времени и сил ему на это понадобится, но он попадет в Америку.

8

В 1948-м сначала Нормана, затем Исаака, а потом и Тибора отобрали в качестве кандидатов на отправку в Соединенные Штаты. Правила потихоньку ослабли, квоты повысили даже для венгров. Спонсором поездки выступил комитет «Джойнт» – еврейская благотворительная организация, созданная специально для помощи беженцам. Поскольку у парней были родственники в или рядом с Нью-Йорком, все трое выбрали его в качестве конечной точки назначения. Перед лицом новой жизни в большой, чужой стране они и не надеялись увидеть друг друга снова. Норман и Тибор прощались с грустью, а вот Исаак, испытывавший смешанные чувства по отношению к Тибору, вздохнул с облегчением. Судьба избавила его от дальнейших отношений со смутьяном-венгром.

Тибор пересек Атлантику на корабле *Marine Flasher,* войсковом транспортном корабле, переделанном в бюджетный океанский лайнер. Статья в журнале *Time* описывала корабль как «плавучую ночлежку» с забитыми каютами и недостаточным количеством туалетов, но при этом настоящий дар божий для нищих пассажиров, плывших на нем за счет благотворительных организаций.

Беженцы на борту корабля Marine Flasher, Бремен, Германия. Фотоархив Яд ва-Шем

Тибор никогда раньше не был в море. Он слышал истории про тошноту и морскую болезнь, а потому, как только корабль отчалил, бросился есть лимон. Но океан был спокоен в течение всего переезда – так спокоен, что Тибор не стеснялся набивать живот во время каждого приема пищи. Он никогда не видел столько еды в одном месте; три бесконечных шведских стола на завтрак, обед и ужин. Он всегда приходил в столовую первым и уходил последним.

Во время одной из таких посиделок он выяснил, что последняя подружка Имре, Глория Пикарек, была с ним на борту. И хотя он не слишком хорошо ее знал, он мог понять, почему брата так влекла ее стройная атлетическая фигура и манящая улыбка. Чего он точно не понимал, так это почему Имре предпочел ее Дэйзи Поллак, красотке с несгибаемым духом и обсидиановыми глазами, которые так пленили его, что Тибор желал быть постарше, лишь бы обладать ей.

Возможно, это было как-то связано с тем, что Дэйзи родилась и жила в Будапеште, а Имре в глубине души был деревенским мальчишкой. Как и многие скорые на язык горожане, Дэйзи привыкла говорить то, что думает, даже если это шло в разрез с мнением Имре. Однажды за ужином она пожурила Имре за то, что он ел картошку пальцами.

– Что с тобой такое, – жаловалась она, – почему ты не пользуешься вилкой?

Ирэн и Тибор посмеялись, но Имре это так задело, что он замолчал. Потом, доев, внезапно встал и молча ушел. В тот вечер его никто больше не видел. Тибор, Ирэн и Дэйзи пошли на танцы, а Имре заперся у себя в комнате.

Скорее всего, Имре просто было стыдно за свое поведение, ибо на следующий день он накатал Дэйзи письмо на шесть страниц, в котором извинялся и признавался ей в любви. Правда, Тибор и Ирэн он про письмо не рассказал. Когда Тибор спросил его, почему тот не ложился всю ночь, Имре ответил что-то про боль в животе. Если бы Дэйзи не рассказала про письмо Ирэн, Тибор так бы никогда и не узнал про него. Тибор не знал, какой вывод сделать из этого случая, хотя потом, в ретроспективе он понял, что этот случай указывал на серьезные различия между ними.

Глория Пикарек была девушкой совсем другого рода. Она никогда не критиковала Имре, а тем более кого-то еще на людях. Если Дэйзи была спонтанной и прямой, ближе по темпераменту к Ирэн, Глория была сдержанной и мягкой. И хотя Тибор был в этом неуверен, но полагал, что ее хладнокровие было

результатом невыносимых ужасов Освенцима.

После того, как немцы отняли Глорию у родителей, ее отец попытался передать ей декоративную булавку, семейное наследство: хотел было просунуть ее между забором из сетки рабицы, но у него не вышло. На следующий день Глорию с сестрой отправили собирать разбросанную одежду. Разбирая и складывая тряпки, она обнаружила папину булавку. Чуть позже узнала, что людей, которым принадлежала эта одежда, отправили в газовую камеру.

После гибели родителей у Глории осталась только сестра. Девушки поддерживали друг друга в Освенциме, но после освобождения сестра стала крайне угрюмой, отказывалась есть и вскоре умерла. Глория так и не смогла побороть ощущение, что в чем-то провинилась перед сестрой.

Будучи полячкой, Глория получила право эмигрировать задолго до Тибора, но она была уже совершеннолетней, а таких желающих было гораздо больше. Ее имя появилось в списках довольно неожиданно. Прежде чем кто-нибудь успел написать Тибору, что Глория уезжает из Поккинга, ее уже отвезли в портовый город Бремерхафен. Их встреча на *Marine Flasher* была чистой случайностью.

9

Когда Тибор впервые увидел очертания Манхэттена, он выбросил содержимое своего чемодана в море. Одного взгляда хватило ему, чтобы понять: одежду из армейских одеял ни в коем случае нельзя носить в этом лесу из небоскребов, возвышающихся вдали. Люди решат, что он дурачок. Весело смотрел он на плохо скроенные рубашки и брюки, качающиеся на волнах и исчезающие вдали.

Однако Тибор отпускал не просто безразмерные и неудобные вещи. Он избавлялся от любых следов старого мира, от запретов, законов, традиций, насильно налагаемых на него с самого детства. Наконец увидев Америку, он пообещал себе, что ничто из мира его отца никогда больше не вернется в его жизнь. Включая религию. Ни один из ее императивов не работал здесь, в новом мире. Даже если он и будет надевать ермолку на молитву, соблюдать шаббат или отмечать Святые Дни в синагоге, то будет делать это когда и как захочет, а не так, как скажет ему Тора или раввин. Эта глава его жизни закончена.

Но как только *Marine Flasher* пришвартовался к острову Эллис, уверенность Тибора куда-то внезапно улетучилась. Издалека этот бегемот, этот левиафан манил его, но когда корабль в самом деле коснулся американской земли, абстрактные заботы сменились вполне конкретными. Нью-Йорк бугрился прямо перед ним, массивный и горделивый, и парень понятия не имел, как будет зарабатывать здесь на жизнь. Он же не американец. Он не знает языка. Он нищий иммигрант, без навыков и перспектив. И зачем он выбросил весь свой гардероб в море?

Гул неразборчивых голосов эхом гулял по станции на острове. Поначалу Тибор сомневался, что кто-то из этих незнакомцев вообще заговорит с ним. Но вскоре его поприветствовал венгерский сотрудник «Джойнта». Агент вполне буднично объяснил, что у Тибора есть выбор: он может отправиться под опеку родственников либо остаться с «Джойнтом», которая найдет ему место для проживания и, рано или поздно, какую-нибудь работу. Тибор понимал: ему очень повезло, что у него есть тети и дяди в окрестностях города, но он также знал, что если они станут его опекунами, ему придется подчиняться им следующие пять лет. С другой стороны, если он останется с «Джойнтом», они проследят, чтобы о нем позаботились до тех пор, пока он не сможет самостоятельно зарабатывать. Почти всем его родственникам было под шестьдесят, и они наверняка были невероятно скучными, а

потому Тибор решил остаться.

Как только все документы привели в порядок, корабль двинулся в сторону дока на Вест-сайде. Отсюда Тибора и еще целый автобус юных иммигрантов отвезли в отель «Бродвей» на Тридцать седьмой улице. Менеджмент отеля немедля проводил сотню прибывших во влажный подвал, битком набитый бойлерами, стиральными машинами и гигантскими трубами: это был шумное, электрическое подземелье, похожее на моторный отсек корабля, только гораздо больше. Прежде чем Тибор сумел оглядеть пространство, его уже поставили в общую очередь. Сначала опрыскали от вшей. Шевелюра у него была как у Чайковского; парикмахер быстро это исправил. Затем портной сделал замеры. У Тибора точно не было вшей, когда он приехал сюда, ему нравились длинные волосы, а его новый гардероб состоял из чужих ношеных вещей. Но вместе с этим произошло что-то крайне важное: всего за несколько часов Тибор изменился. Он поглядел на себя в зеркало и увидел в отражении молодого человека, который легко мог сойти за американца!

В похожих на общажные комнатах отеля было достаточно кроватей, но мало достойной работы. С никаким опытом и мизерным знанием языка Тибор понимал, что у него никаких преимуществ. Зато он здорово выглядел и у него была милая улыбка; представитель менеджмента отеля как-то отозвал его и предложил ему десять баксов за то, чтобы он убирал посуду и грязь со стола. Тибор согласился без промедления.

Прошло четыре дня. К Тибору пришел его двоюродный брат Иззи – широкоплечий мужчина лет тридцати, настоящий американец; созревший гражданин, поступивший на службу во флот и встретивший войну на подлодке. Теперь у него была хорошо оплачиваемая работа: он управлял отделом упаковки на одежной фабрике недалеко от центра города. Тибор ему завидовал.

Когда Иззи увидел, как Тибор несет грязную посуду, он сказал: «Зачем тебе это? Ты сможешь делать куда больше, работая на меня».

Иззи взял Тибора на фабрику, где мужчины резали огромные куски ткани, а женщины управлялись со швейными машинками, и понял, что его наняли в качестве мальчика на побегушках. Он был своего рода конвейером, который сначала переносил недообработанные тряпки от резальщиков к портным и гладильщикам, а затем забирал их, развешивал или упаковывал. Платили всего ничего. Единственным бонусом были миловидные итальянские девочки, работавшие на соседней обувной фабрике, которые заглядывались на Тибора и даже предлагали ему ланч.

Тибор, впрочем, стыдился брать у них еду; мама учила его ничего не брать у женщин, не отдавая хоть что-то взамен. Поэтому Тибор тратил большую часть зарплаты на конфетки и всякие безделушки.

Когда ему удалось скопить немного денег, Арии Гринвальд, друг Имре, живший в Нью-Йорке, пришел в отель и предложил ему работу и жилье получше. Арии отвел его в однокомнатную квартиру на пересечении Девяносто пятой и Коламбус авеню, в веренице бурлящих домов рядом с районом «Маленькая Венгрия». Все это, конечно, хорошо, но надо будет платить аренду. Однако Арни сказал Тибору не беспокоиться: тот поможет ему найти работу.

Арни был здоровым и крепко сложенным. Он вкалывал по двенадцать часов на мясоперерабатывающем заводе недалеко от улицы Гансевоорт, что в Вест-сайде; работа была тяжелой, но хорошо оплачиваемой. Арни объяснил, что если его возьмут на работу, Тибор сможет спокойно платить за квартиру и ухаживать за любой девчонкой района. Арни поговорил с начальством. Тибора взяли на работу в тот же день.

Компания оказалась одной из более чем двух сотен скотобоен возле реки Гудзон. Арни контролировал группу мужчин, которые резали, чистили и вешали свежеприбывшие туши на огромные крюки, которые затем отправляли их в соседний цех для дальнейшей обработки. Несмотря на площадь – по оценкам Тибора, фабрика занимала целое футбольное поле – и высокие потолки, вся территория была под завязку наполнена полусладким, полупикантным запахом мертвых животных. Автоматика, передвигавшая туши вдоль главного цеха, гремела и скрипела так громко, что Тибор едва мог разобрать указания своего нового начальника. Начальник цеха поставил его в самый конец линии, где разделывали и упаковывали свинину. Тибор вообще-то следил, чтобы пища была кошерной, но работа есть работа, даже если речь идет о мертвых поросятах.

Работа его заключалась в том, чтобы снимать огромные куски мяса с металлических крюков, разделять их по весу на десяти-, четырнадцати– и шестнадцатифунтовые порции, а затем сбрасывать их в три соответствующие корзины. Но задача эта не была такой уж простой, как казалось на первый взгляд: если мясо вовремя не снять с крюка, тормозился весь процесс, «зависали» остальные рабочие линии, снижалась и их продуктивность, и их зарплата. Любая задержка на линии вызывала недовольство всей группы.

Ростом сто семьдесят сантиметров, тощий Тибор не мог швырять большущие куски свинины восемь часов подряд, даже с

частыми перерывами. Спустя час или два он начинал сдавать. Пытаясь держать темп, он заливал потом мясо и примерно половину бросал не в те корзины. Остальные рабочие молчали, но как только он отходил от конвейера, чтобы вытереть пот со лба или передохнуть, они кричали на него и ругались матом. Хуже того, многие из них работали с огромными ножами, которыми не стеснялись размахивать у него перед носом. Спустя неделю на его место поставили здоровенного негра, раза в два больше Тибора.

– Ты не обижайся, но эта работа не для такого белокожего хиляка, как ты.

Тибор пошел работать к двум еврейским бизнесменам, владевшим дорогим продуктовым магазином на Бродвее. Из-за того, что он был недурен собой, с красивой улыбкой, Тибора поставили встречать покупателей. Плевать, что он не умел связать двух слов по-английски: основная масса клиентов приехала из Старого Света и сама едва говорила на английском. Проблема была в другом: Тибор не мог понимать указания на любом другом языке, кроме венгерского. Раз он не понимал, о чем говорили покупатели, ему приходилось выносить подносы с продуктами и ставить их на пол так, чтобы клиенты, особенно те, кто не умел говорить по-английски, смогли изучить все виды мяса и выбрать что-нибудь по душе. Начальников радовало, что Тибор так «обхаживал» иммигрантскую клиентуру.

И вновь Тибор привлек внимание молодых женщин, особенно венгерок, желавших, чтобы их обслуживали на родном языке. Тибор флиртовал со всеми своими клиентками вне завимости от их внешнего вида, но ради одной из них, грациозной блондинки Пирошки, дочери богатого клиента, который затаривался в магазине почти каждый день, он старался особо. Вскоре стало ясно, что внимание взаимно. Однажды днем Пирошка прибыла с приглашением.

«Мои родители хотят, чтобы ты с нами пообедал у нас дома», – сказала она по-венгерски.

Пока они флиртовали, Пирошка дала понять всю серьезность своих намерений.

«Родители крайне трепетно относятся к тому, с кем я хожу на свидания, – заметила она гордым тоном. – Они не позволят мне иметь ничего общего с черными, мексиканцами или евреями».

– Ну, так уж случилось, что я еврей, – сухо объявил Тибор.

Лицо Пирошки покраснело. «Пожалуйста, не обижайся, я имела в виду совсем другое».

Тибор улыбнулся: «Весь мир имел в виду совсем другое. Именно так мы все и оказались в концлагерях».

Он оформил ее заказ, но приглашение на обед отклонил.

10

Нью-Йорк, встретивший Тибора в 1948-м, был большим мегаполисом, который готовился стать еще больше. Манхэттен, жемчужина в короне города, та часть его, которая так потрясала Тибора в фильмах, утопал в строительстве. Пижонистые небоскребы из стекла и стали росли как грибы, один за другим, становясь частью и без того великолепных очертаний города. Рядом с Ист-Ривер начались работы по строительству оригинальнейшей штаб-квартиры ООН.

Радиоволны радовали слушателей голосами Фрэнка Синатры и Патти Пейдж. В местных кинотеатрах крутили ленты «Красная река», «Сокровища Сьерра Мадре» и «Змеиная яма». Весь город скорбел по звезде бейсбола, игроку «Янкиз» Бейбу Руту, умершему почти сразу после того, как поклонники начали с ума сходить по фильму «Гордость янки», где он сыграл самого себя. Телевидение, развитие которого приостановила война, вновь начало набирать популярность дикими темпами. Хотя в целой стране было всего около ста тысяч телевизоров, две трети из них находились в Нью-Йорке. Казалось, люди всего лишь собирались в домах друзей и соседей посидеть перед «ящиком», но в американской жизни начался сдвиг сейсмических масштабов. Внезапно Тибор оказался втянут в новую культуру, культуру медиа, которая сбила его с толку, ибо он едва понимал ее язык.

В июне, когда Тибор только-только начал приспосабливаться к свободам американской жизни, Советский Союз попытался выжать западных союзников из Западного Берлина, установив военную блокаду. Объединенные Нации инициировали воздушный мост, чтобы снабжать население города. В течение следующих пятнадцати месяцев Соединенные Штаты и их союзники использовали грузовые самолеты, чтобы доставить жителям Западного Берлина более двух миллионов тонн еды и продовольствия в рамках борьбы с блокадой. Между тем феномен, известный в дальнейшем как «железный занавес», продолжал изолировать восточноевропейские страны – сателлиты России. Для Тибора и остальных бесчисленных новоприбывших из Средней Европы Соединенные Штаты стали не просто убежищем от нацистских лагерей; они выступили заступником свободы и врагом деспотичной России.

11

У Тибора был выходной, и он прогуливался по Верхнему Ист-Сайду, когда внезапно увидел в окне магазина содовой молодого человека, поразительно похожего на Нормана Фраймана. Он встал как вкопанный и принялся разглядывать парня. Да нет, не мог это быть Норман: ну каковы шансы, что Норман будет работать за кассой в магазине содовой совсем рядом с квартирой Тибора? Столько всего случилось с момента их последней встречи. Но это и правда был Норман, выполнявший всякие мелкие поручения в магазине своего дяди.

Норман чуть не выронил поднос с напитками, когда узнал такое знакомое и давно забытое лицо. Несколько секунд он молчал. Затем они обнимались. Норман и надеяться не смел, что когда-нибудь вновь увидит Тибора. После произошедших с ними потрясений и даже последовавшей за ними удачи рассчитывать вновь встретить старого друга из Европы, особенно в таком колоссальном мегаполисе, как Нью-Йорк, казалось легким сумасшествием. Но сейчас, менее чем через год после расставания, они чудесным образом нашли друг друга.

Тибор стал частым гостем в доме дяди и тети Нормана. Когда бы он ни пришел в магазин, Норман всегда делал ему малиновый сельтер, венгерское лакомство. А когда у них совпадали выходные, парни отправлялись в «Гуляш Булевар» на Семьдесят девятой и Второй авеню, в самом сердце «Маленькой Венгрии» Нью-Йорка.

Верхний Ист-Сайд кишел иммигрантами из Польши, Чехии, Германии и Венгрии, и многие из них были евреями. Плотные улочки были забиты синагогами, ортодоксами в черных пальто, кошерными мясными лавками и бородачами, играющими на скрипках на ступеньках многоквартирных домов. Но Нормана и Тибора куда больше интересовали американцы, особенно американские тинейджеры. У них были деньги на кино, содовую и одежду. Они ходили на танцы босиком и плясали линди. У самых везучих были машины: о таком и мечтать нельзя было в старом мире. На религию им было наплевать, она была, скорее, факультативом, нежели обязанностью. И это тоже привлекало Тибора и Нормана, потому что они оглядывались назад, на ужасы Холокоста и войны, и им казалось, что религия – и даже бог – подвели их.

Оба подростка были, без сомнения, отрезаны и от своей культуры, и от традиций своего народа. Норман потерял всю семью. Тибор потерял Илонку, родителей, кузенов и кузин,

дядьев и теток, дом, дело своего отца и вообще почти всех, кроме брата и сестер. Ни один, ни второй не ощущали никакой связи со странами, в которых выросли. Когда Норман спросил Тибора о Пасто, тот ответил, что если по чему и скучал там, так это по синему костюму, который отец подарил ему на тринадцатый день рождения.

Как-то днем после обеда, когда Тибор зашел в магазин к Норману, тот попросил его прогуляться с ним по одному делу. «Долго не займет, составишь мне компанию».

Они прогулялись по улице до магазина одежды, которым владел друг дяди Нормана. Норман окинул взглядом Тибора сверху вниз, затем снял с вешалки отличный синий костюм. «Примерь», – и скрылся на складе.

Тибор надел пиджак и штаны. Мягкая шерсть скользила по коже. Тепло и удобство костюма доставили ему такое удовольствие, что Тибора даже передернуло от мысли, что его надо будет снять. Он все еще наслаждался собой в зеркале, когда вошел Норман и хлопнул его по плечу.

– Выглядит здорово. Пошли!

– Я не могу себе этого позволить.

Норман ухватил его за руку: «Все в порядке, пошли».

Тибор не знал, что сказать. «Но это же дорогой костюм», – пробормотал он.

Норман и слышать ничего не хотел. Их дружба была важнее какого-то костюма. Он вытащил Тибора на улицу.

12

Отель «Марсель» на Бродвее и Сто третьей был точкой сбора иммигрантов и тех, кто их искал. Одиннадцатиэтажное здание в стиле боз-ар из кирпича и камня, в свое время, в начале века, оно было выдающимся архитектурным элементом города. Но к концу 40-х его изысканные железные и терракотовые украшения выпали из моды. Публика побогаче предпочитала более современные здания, и различные благотворительные организации снимали целые этажи под новоприбывших иммигрантов. Немодный «Марсель» стал вскоре убежищем для чехов, русских, поляков, румын и других беженцев из Европы.

Исаак Гоффман часто бродил по обширному лобби отеля, прислушиваясь к знакомым языкам в надежде найти друзей или друзей друзей. Место было любопытное, конечно. Очень часто он видел, как оборванцы-иммигранты читают, поют, молятся и рассказывают анекдоты на родных языках, а какие-то мужчины в костюмах записывают их. Зачем? Исааку было непонятно. Кто они, архивоведы или торговцы? Какой им прок от записанных голосов старого мира? Прояснить это не было возможности. Что он знал точно – ему сказали, – так это что за выступления не платили.

Именно в «Марселе» Исаак снова встретил Тибора Рубина. Он, естественно, не ожидал увидеть маленького венгра в старом отеле, но совершенно не удивился, завидев его в модном костюме. С ним был Норман Фрайман, что слегка скрасило случайную встречу. И все же Исаак чувствовал себя неуютно. Было в Тиборе что-то загадочное, что-то, что он утаивал от окружающих, и это выделяло его на фоне остальных. Он казался Исааку одиночкой даже в компании с Норманом.

Исаак стал чаще видеться с Тибором и Норманом. Все трое ходили на танцы и встречались с общими подружками. Ходили в отели со специальными «ТВ-комнатами», где сидели с другими иммигрантами и как завороженные часами смотрели на дивное изобретение, пусть даже не понимая ни слова из того, что там говорили. За довольно короткий промежуток времени венгр перестал быть ему чужаком. И вот однажды, за чашкой кофе в «Марселе», Тибор между делом заявил, что планирует записаться в американскую армию.

На секунду воцарилось напряженное молчание.

– Да иди ты! – засмеялся Норман.

– Серьезно.

– Ты же не гражданин США, – заметил Исаак. – По-английски

читать не умеешь. Говоришь еле-еле.

Тибор вел себя так, будто это все не проблема. «С тех самых пор, как солдаты спасли меня от нацистов, я пообещал себе, что верну им долг».

Исаак не мог поверить своим ушам. «Мне казалось, мы приехали сюда, чтобы сбежать от всего этого, нет?»

Тибор помотал головой: может да, может нет. Еще раз повторил, что это данное себе обещание.

Норман подтолкнул Исаака в руку. «Ну что тут поделать, парнишка хочет поиграть в солдатики».

Они продолжили забрасывать Тибора вопросами. Зачем рисковать жизнью? Ему что, войны не хватило? Он что, правда хочет оставить семью? А он знает, что его могут отправить за океан? Что, если его отправят в Германию?

Тибор отказывался признавать их доводы: он уже все решил. Исаак предпочел не верить ему. Тибор же шутник, он и половины не делает из того, что говорит. Норман согласился. Сказал, что как только в его жизни появится правильная девочка, Тибор и думать забудет, что когда-то собирался нацепить униформу.

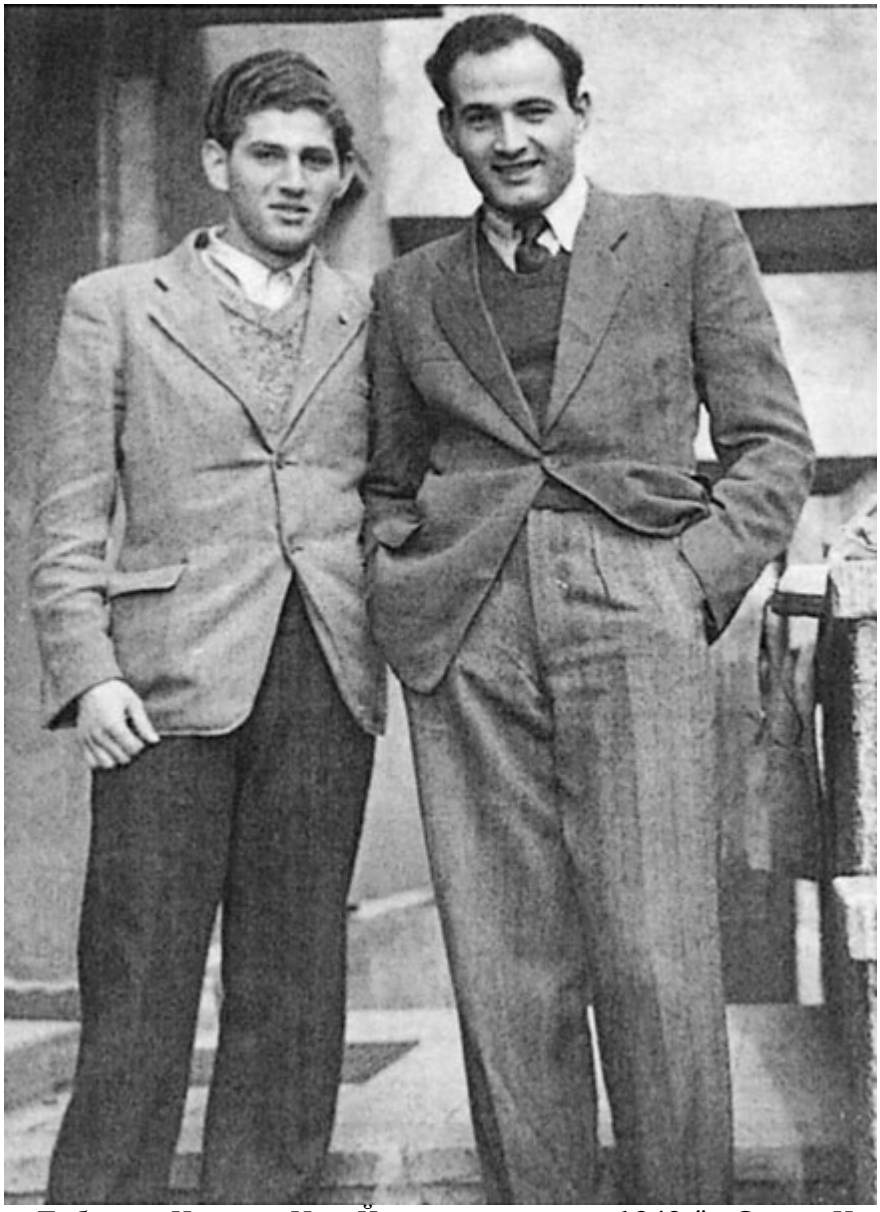
Чего, впрочем, Тибор не сказал друзьям, так это что он уже попытался записаться в армию. Полгода назад он побывал в призывном центре на Манхэттене. Сержант хвалил прелести службы в армии, но Тибору плевать было на отдых, на образование или даже на содержание: в тот момент ему просто хотелось записаться. Затем его отвели в класс, выдали тест с несколькими страницами вопросов с вариантами ответа. Тибор никому не сказал, что ни слова не сможет прочитать по-английски. Он расставил отметки в случайном порядке. Разумеется, провалился.

– Э, да ты только что из Европы, – с улыбкой сказал сотрудник центра. – Давай-ка подучи язык и приходи через полгода, снова попробуешь.

Тибор последовал совету. Он вернулся в возрасте девятнадцати лет, мог уже поддержать беседу на английском и прочитать газету. И все равно провалился, набрав еще меньше баллов.

13

Имре Рубину пришлось ждать еще год, прежде чем ему разрешили присоединиться к Тибору и Глории Пикарек в Соединенных Штатах. Но они обменивались письмами, и ребята постарались, чтобы, как только он получил необходимые бумаги, его приезд в Штаты оказался максимально удобным. За этот год он два раза успел съездить в Швецию, где теперь жила его сестра Эдит, эмигрировавшая после того, как нацисты обменяли ее в начале 45-го на медикаменты.



Тибор и Имре в Нью-Йорке, примерно 1949-й. Семья Ирэн Рубин

Еще до его первого визита Эдит написала ему, что влюбилась в Ансельма Риттри, сына семьи, которая присматривала за ней с момента ее переезда. Во время обоих его приездов она и Ансельм предлагали ему переехать в Швецию в случае, если у него не выйдет уехать в Америку. Но почти сразу после их предложения Имре получил «зеленый свет» и билет на *Marine Flasher*.

После душевной вечеринки по случаю его приезда в квартире

Глории в Бруклине Имре отвел Тибора в пустую спальню для серьезного разговора.

– Я хочу, чтобы ты знал то, что рассказала мне Эдит про наших родителей и Илонку, – сказал он сухо. – Я мог написать тебе, но решил дождаться момента, когда мы сможем поговорить с глазу на глаз.

Евреев Пасто перевезли в другой венгерский городок Хатван, где их согнали вместе с сотнями других евреев на старую кирпичную фабрику. На месте выяснилось, что Ференц – герой Первой мировой; к нему прибыла делегация венгерских офицеров. За былые заслуги Ференц получил предложение спокойно уехать в Будапешт. Он спросил, что будет с Розой, Эдит и Илонкой. Офицеры ответили, что женщины присоединятся к нему после того, как с ними «поработают».

Ференц отказался уезжать без семьи. Офицеры настаивали, чтобы он уехал прямо сейчас: обстановка в Венгрии ухудшалась с каждым днем. Они пообещали ему сделать все возможное, чтобы обеспечить безопасность его жены и дочерей, но Ференц был непреклонен. В тот же день евреев на фабрике загрузили в вагоны для перевозки скота и отправили в Освенцим. Эдит и других молодых женщин, в основном подростков, поместили в бараки. Остальные прямиком отправились в газовые камеры.

Эдит не вдавалась в подробности своего нахождения в руках нацистов, рассказала лишь, что ее перевозили из лагеря в лагерь, и что когда у немцев дела пошли совсем плохо, она оказалась в числе тысячи заключенных, которых обменяли у шведов на лекарства. Когда она только приехала, за ней стала присматривать семья ортодоксальных евреев из города Мальме. Со временем она влюбилась в одного из их сыновей.

Когда Имре закончил, Тибор поблагодарил брата за то, что тот дождался и рассказал ему это лично. Затем заплакал. Пусть даже он не получал никаких письменных тому подтверждений, Тибор уже несколько лет был уверен, что их родители и Илонка погибли. И вот теперь он наконец мог их похоронить – по крайней мере, в своем сознании.

14

В 1949-м напряжение между двумя мировыми державами – Соединенными Штатами и СССР – нарастало. Обеспокоенные экспансией Союза, Штаты сформировали военно-политический блок НАТО вместе с Британией, Францией, Италией, Канадой и другими западными странами.

После неудачной блокады Берлина русскими Германия разделилась на две самостоятельные республики. Восток достался советскому блоку Иосифа Сталина; другая половина осталась с Западом. Сталин подписал договор с новообразованным коммунистическим правительством Китая; этот союз вскоре заставит дрожать от страха весь Корейский полуостров. Но у Запада были и другие поводы для переживания. В 1949-м мир потрясла новость о том, что Советы провели испытания своей первой атомной бомбы.

Хотя газеты, радио, а также телевизор только и делали, что предупреждали о «красной угрозе», Тибора это не волновало. Он смотрел на Россию как на нищее государство рабов по другую сторону света, страну, которая по всем статьям уступала могучим Соединенным Штатам. Он был уверен, что даже если она и задумает воевать, то Штаты сотрут ее в порошок. Впрочем, он сильно сомневался, что Восточная Европа посмеет атаковать Северную Америку.

Имре и Глория в Нью-Йорке, 1949-50-й. Семья Ирэн Рубин

15

Один из бывших напарников Имре по команде поселился в Калифорнии, в городе Окленд. Генри наняла на работу большая семья польских евреев, разбогатевших на металлоломе. В своем письме Имре он убеждал его, что работы здесь более чем достаточно и что Имре спокойно может пожить у него, пока не найдет себе что-то постоянное.

Калифорния не интересовала Имре: он работал плотником в Бруклине и собирался жениться на Глории, а вот Тибор заинтересовался. Провинциал по духу, он чувствовал, что Нью-Йорк движется слишком быстро для него. А еще он чувствовал, что на Западном побережье будет проще попасть в армию. Подтвердить это подозрение он никак не мог, но в девятнадцать лет он понятия не имел, как функционируют вооруженные силы США. Осенью 49-го с пятью сотнями долларов в кармане и ощущением всемогущества он купил билет на поезд через всю страну. Попрощался с Норманом и Имре и пообещал написать, как только обустроится.

Путешествие до Калифорнии обошлось ему в пятьдесят баксов и проходило через самые живописные ландшафты, когда-либо виденные Тибором. Наблюдая за сердцем Америки из вагона-ресторана, он чувствовал себя королем величайшей страны в мире.

Окленд подошел Тибору по темпераменту куда больше, чем Нью-Йорк. Тут было полно возможностей; объявления «Требуется помощь» висели почти на каждом магазине. И все же ему отказали в нескольких мясных лавках, потому что он не числился в местном профсоюзе. Но у Генри был план. Он представил Тибора своей хозяйке, главе богатой польской семьи, владевшей крупным бизнесом по сбыту металлолома. В обмен на комнату в их огромном доме Тибор гладил ее одежду и помогал по дому. Он понравился ей, и вскоре уже жил в их поместье, где обдирал старые обои. Работал он много и тяжело, но и платили там хорошо.

Работая в семейном бизнесе, он заприметил миловидную темнокожую девочку-бухгалтера. Каждую неделю, когда Мисти раздавала зарплатные чеки, она улыбалась ему. Остальные парни, все белые, постоянно трепались про то, как они с радостью запустили бы свои руки под юбку длинноногой черной девушке с блестящими, завитыми волосами, но ни один из них не мог добиться от нее больше, чем улыбки. Спустя несколько недель к Тибору подошел плотник из Джорджии и хлопнул его по плечу.

«Ты нравишься ниггеру!» – пробасил он по-южному в растяжку.

Тибор не уловил оскорбления в его словах. Ему еще предстояло понять ту двойственность, с которой белые относились к Мисти, и, главное, как она была повязана с глубочайшим расовым расколом Америки. Он никогда не видел чернокожих в Венгрии, но он видел афроамериканцев в фильмах, поющих, танцующих и играющих в биг-бендах. С тех самых пор, как он услышал их музыку в Европе, Тибор с ума сходил по Билли Холидей и Элле Фитцджеральд. Для Тибора чернокожие были таким же обязательным элементом пленительной картины американской жизни.

Мисти водила Тибора по ночным клубам, где только-только появлялся «бибоп», новый стиль джаза. Они садились в ее машину и катили вдоль побережья до роскошных красот Биг-Сура и Кармел. Но Тибору непонятно было, как необычно это для окружающих, когда черная девушка и белый парень встречаются на людях, обедают вместе в ресторанах или держатся за руки на пляже. Его удивляло, почему все вокруг смотрят на них. Мужики на работе, которые хотели Мисти, но не могли получить ее, откалывали расистские шуточки прямо при Тиборе. Ничто не влияло, впрочем, на его к ней отношение; Мисти была красоткой, и он нравился ей, а это все, что имело значение. Правда, Тибору так и не довелось столкнуться с серьезными проблемами из-за расы Мисти; ему было двадцать лет, и его куда больше заботило, как бы поскорее попасть в армию США.

16

В конце весны 1950-го Тибор обратился в военкомат Окленда, где дородный, размером с холодильник мужчина в военной униформе сразу же уловил его грубый акцент и необычную дикцию.

– Итак, почему ты хочешь служить в рядах вооруженных сил США? – прорычал рекрутер.

– Я слышал, что армия – это школа мясников в Чикаго, – ответил Тибор неловко. – Хочу попасть туда и научиться.

Рекрутер оглядел его с усмешкой и продолжил с оттенком сомнения: «Откуда ты, сынок?»

– Венгрия.

Мужчина кивнул. «Так я и подумал – у тебя жесткий акцент. Не очень понимаю, почему ты хочешь служить».

Запинающимся голосом Тибор вкратце описал свою историю: где родился, концлагерь, освобождение, благодарность, которую он испытывал к Соединенным Штатам, и намерение вернуть стране должок. Наконец, он признался, что уже два раза провалил вступительный тест.

– Между нами, девочками, – спросил рекрутер, – но сейчас-то ты как думаешь попасть?

– Между нами, девочками, – неловко прошептал Тибор, – я думаю, что и в этот раз провалюсь.

– Ладно, пойду поговорю с парнями.

Рекрутер и еще один здоровяк в униформе о чем-то поговорили, затем вместе вернулись к Тибору. «Ты, похоже, и правда хочешь попасть в армию, – сказал второй, – но тест ты не пройдешь. Если вздумаешь мухлевать, тебя выгонят. Но раз у тебя такие честные намерения и раз нам кажется, что из тебя выйдет славный солдат, мы тебе поможем».

Они взяли Тибора в комнату с двадцатью другими претендентами и посадили его между двумя ребятами, которые уже служили – главным старшиной на флоте и бывшим морпехом. Оба они были опытными вояками, которые хотели снова попасть в армию. Затем рекрутер указал на еще одного громилу в униформе – ответственного за проведение теста.

– Следи за ним внимательно. Это сержант, и он довольно резкий. Если увидит что-то, что ему не понравится, ближайшие полгода тебе сюда ход заказан.

Сержант курсировал по комнате, пока кандидаты писали тест, но как только он прошел стол Тибора, тот заглядывал налево и направо и заполнял свой листок чужими ответами.

Вскоре сержант закончил тест, собрал бумаги и вышел, оставив потенциальных рекрутов в ожидании результатов.

– Тибор Рубин! – позвал его сержант. – Тебя хочет видеть капитан.

Тибор был уверен, что снова провалился. Сержант отвел его в кабинет и закрыл дверь. Остриженный под ежик капитан с кучей наград на груди знаком пригласил его подойти поближе.

– Поздравляю, – протрубил он, ухватив руку Тибора мертвой хваткой. – Вы набрали наивысший балл.

– То есть я подхожу? – спросил он.

Капитан просиял: «Нам таких, как ты, надо как можно больше».

– Так, где подписать, потому что мне надо ходить еще на работу сегодня.

Капитан показал ему сесть и заглянул в его резюме. «Я смотрю, ты говоришь по-венгерски, немецки и немного по-русски. Мы хотим отправить тебя в особую армейскую языковую школу в Монтерей. Если оправдаешь ожидания, значит, потом отправишься в офицерскую школу».

– Что значит «оправдаешь ожидания»?

Офицер посмотрел на него, засмеялся. Он, кажется, решил, что малой шутит.

Тибор не сомневался, что здорово влип. В первый же его день языковой школы они поймут, что с английским у него все плохо. Тогда они сообразят, что он безграмотный иммигрант, и выгонят даже до того, как он успеет надеть униформу.

Война, 1950-й

1

Тибор так никогда и не добрался до армейской языковой школы в Монтерей. Он также так никогда и не добрался до армейской школы мясников. После учебки его отправили на дополнительную боевую подготовку пехоты на Окинаву, где он стал стрелком-пехотинцем. И больше никто не называл его Тибор. Как только он надел униформу, его стали называть рядовой Рубин или просто «Рубин», согласно имени на левом кармане его боевой формы.

Рядовому Рубину нравилась американская армия. Он сдал все физические нормативы и довольно быстро получил значок «снайпер», который носил с большой гордостью. Армейская дисциплина не напрягала его: на фоне того, через что он прошел в Европе, это была ерунда. Еда была классной; три плотных обеда с добавкой. Ему нравилось то, как он выглядит в форме, а еще он надеялся, что его-таки отправят в школу мясников в Чикаго. Большинство остальных ребят были детьми бедняков, которые записались в армию, чтобы сбежать из родных городов, чтобы путешествовать или чтобы воспользоваться льготами и заплатить за колледж. У Тибора были другие планы. Он ожидал, что армия научит его ремеслу и поможет получить гражданство.

По завершении обучения в Форт Орде Тибора отправили в Кэмп Стоунмэн, распределительный пункт для солдат, которые должны будут служить за границей. Там он присоединился к четырем с половиной тысячам рекрутов на транспортно-десантном корабле *General Nelson M. Walker* и отправился на Окинаву, большой остров в Тихом океане с населением за полмиллиона человек.

Весь опыт морских путешествий Тибора сводился к теплому и спокойному пересечению Атлантики из Германии в Нью-Йорк на корабле *Marine Flasher.* Но вот сейчас все было совсем по-другому. Корабль хлестали волны, затем на них напал мощный тайфун, затем еще несколько штормов. Лежа в койке с тысячами других таких же сопляков, половину из которых рвало каждый шторм, Тибор боялся, что море разорвет корабль на куски. Это был один из тех редких моментов, когда Тибор Рубин потерял аппетит.

Рядовой Тибор Рубин, Корея, 1951-й. Семья Ирэн Рубин

Корабль благополучно добрался до Окинавы, и рядовой Рубин приступил к боевой подготовке недалеко от столицы острова Нахи. На момент приезда он умел обходиться со стандартной винтовкой Ml. Теперь же он научился пользоваться тридцати– и пятидесятикалиберными пулеметами, автоматической винтовкой Браунинга и базукой – оружием, научиться стрелять из которого оказалось проще, чем правильно произнести его название.

Почти все парни, с которыми тренировался Тибор, были восемнадцати– и девятнадцатилетними мальчишками, попавшими в армию прямиком из южных городков и поселков. Мало кто из них когда-либо выезжал за пределы Луизианы, Джорджии, Алабамы и Миссисипи, и уж точно никто не был ни в Нью-Йорке, ни в Европе.

Южане, как они себя сами называли, были в основном баптистами и методистами. Они выросли в провинциальных христианских городках в семьях фермеров и работяг, большинство из них никогда не говорили и даже не видели еврея. Зато много чего слышали: например, что древние евреи убили Иисуса; что еврейские бизнесмены – вероломные скряги; или, что хуже всего, что еврейская религия выступала в поддержку коммунизма. Некоторые из ребят, которые не желали евреям зла, знали, что их религия чем-то отличается от христианской, но вот чем именно – этого они сказать не могли. Знали, что Рубин – еврей, но больше ничего почти не знали; он не появлялся на воскресных службах, и это как-то, каким-то неясным для них способом отличало его от них.

Была и еще одна особенность, которая выделяла рядового Рубина: его странное произношение.

Не то чтобы он вообще не умел говорить; в день призыва он вполне сносно разговаривал по-английски. Просто каждое выходившее из него слово было густо окрашено венгерским акцентом. Он постоянно путал местами местоимения и глаголы, а произношение его было каким-то искаженным. Вдобавок он пел какие-то странные еврейские песни по пятницам – язык сломаешь. Поначалу южане не обращали на него внимания, но после того, как услышали его молитвы и песни и заметили его постоянное отсутствие на службах, сдерживать свое любопытство они были больше не в силах.

– Рубин, а ты Иисуса любишь? – спрашивали они его так часто, что он даже научился распознавать соответствующее выражение их лиц до того, как они успевали задать сам вопрос.

– Ну конечно люблю, – отвечал он будничным тоном. – Иисус был братом моим.

По их лицам он понимал, что его ответ запутывал их. Приходилось объяснять. «Иисус и я – оба евреи», – объяснял он с улыбкой.

– Ну то есть ты принимаешь его как Спасителя своего?

Тибор не знал, что отвечать, когда ему задавали этот вопрос на гражданке, но чувствовал, что с сослуживцами надо быть максимально откровенным.

– Нет, не думаю. Иисус не смог спасти себя. Как же он может

спасти меня?

Обычно они молча уходили прочь, почесывая головы.

Будучи изгоем, Тибор изо всех сил пытался произвести положительное впечатление на других солдат. Больше всего на свете он хотел, чтобы его приняли. Инструкторы по строевой подготовке ясно дали понять, что выживание в бою напрямую зависело от ответственности и командной работы. Раз за разом они повторяли, что когда над головой засвистят пули, солдатам не на кого будет надеяться, кроме как друг на друга. Тибор искренне хотел, чтобы его сослуживцы доверяли ему, но когда они спрашивали его про религию, он считал необходимым рассказать, кто он и во что верит. И все же он иногда и сам сомневался в аутентичности этого образа.

Тибор уже счет потерял, сколько раз он слышал, что евреи – богоизбранный народ. Раввины, его родители, учителя в еврейской школе – все в один голос заверяли, что у евреев особая роль в деле распространения слова и закона Божия. Но оглядываясь на беспредельные разрушения войны, уничтожение его семьи и смерть миллионов невинных по всей Европе, он начинал задаваться вопросом: что же, собственно, значит быть избранным народом?

Путешествия по бескрайним просторам Америки, ее богатства только усугубляли сомнения. Очевидно было, что американцы никогда не испытывали ничего даже близкого к страданиям и ужасам, постигшим его народ в Европе: Перл Харбор, единственное место в Америке, пострадавшее от бомбежки, было так далеко в Тихом океане, что никто из тех, кого встречал тут Тибор, никогда там не был. И вот он спрашивал себя: так для чего, собственно, Бог выбрал евреев? Их гнали на протяжении всей истории: от испанской инквизиции до русских погромов, их гоняли из страны в страну, пока нацисты чуть не стерли их с лица земли. Почему Бог не выбрал себе, например, китайцев? Вот они-то могли бы себе позволить потерять миллион-другой человек.

И вот теперь он был изгоем, и в армии, и в стране, в которой находился. Люди, с которыми он тренировался, понятия не имели, кто он такой. Да и откуда им было знать это? Впрочем, все это не имело значения; Тибор знал, что может сделать и сделает все, что от него потребуют армия и сослуживцы. Вопрос был в другом: а сделают ли эти люди, которые не понимали его и многим из которых он даже не нравился, то же самое для него?

Войны не было. Судя по всему, он проведет все три года службы, не сделав ни единого выстрела. Посему Тибор выкинул все эти переживания из головы и сосредоточился на выполнении

текущих обязанностей. И плевать, кто там что про него говорит или думает.

2

Усиленная военная подготовка на Окинаве, большом острове на юге Японии, была напряженной и рискованной. В дополнение к стандартным, полуавтоматическим карабинам, новобранцев обучали обращаться с тридцати– и пятидесятикалиберными пулеметами, огнеметами, мортирами и безоткатными гранатометами М18 – легкими, рассчитанными на два человека пушками, маленькие, но мощные снаряды которых могли остановить танк. Во время строевой использовали боевое снаряжение, и чья-то ошибка могла стоить человеку жизни. Такая подготовка к боевым условиям сама по себе была драматичной и тяжелой, но еще отчаяннее казался отрезвляющий факт нахождения на большом острове, одном из самых кровопролитных мест тихоокеанского театра военных действий.

Более двенадцати тысяч солдат американской армии и флота, сто тысяч японских солдат и сто сорок тысяч окинавцев – каждый четвертый – погибли в течение восьмидесяти с лишним дней свирепых битв за контроль над узкой полоской суши протяженностью в шестьдесят миль. Не было части острова, не разнесенной артиллерийским огнем с земли, моря и воздуха. Когда поражение стало очевидным, тысячи японских солдат совершили самоубийство вместо того, чтобы сдаться. Многие их них укрылись в пещерах и застрелились или взорвали себя, навеки оказавшись запечатанными в скалах. Столько трупов оказалось в реках, гротах и подземных тоннелях, что их разлагающиеся останки просочились в реки острова – и, естественно, загрязнили их. Когда толпы американских солдат приехали на остров, у них не оказалось источника питьевой воды. Чтобы утолить жажду солдат, тридцать с лишним военных баз снабжали японским пивом.

Алкоголь и шлюхи были одним из немногих развлечений на разрушенном войной острове. Орды солдат в хаки сновали по городам и деревням, где их встречали стайки юных девочек в белых крестьянских платьицах.

Правда, армейское пособие было небольшим, и значительную часть того, что получали рекруты, раздавали в виде «квитанций», своего рода правительственных долговых расписок, которые принимались только в специальных военных магазинах на территории базы. В общем, если только солдат не выиграл деньги в азартные игры или не привез их с собой с Большой земли, на проституток ему тратить было нечего.

Тибор писал Имре, что «девчонки здесь ужасные, но спустя

какое-то время все они становятся похожи на Бетти Грейбл». Ресурсы у него, простого новобранца, конечно, были ограниченны, но довольно скоро он начал задумываться о том, как бы еще договориться с девчатами, не отлипающими от него со своими деловыми предложениями.

У Тибора был приятель, работающий на кухне, и в один из своих визитов туда он заприметил большую кучу темных банок, которая, кажется, не собиралась уменьшаться.

– Спаржа, – объяснил сержант. – Солдаты ее терпеть не могут. Эта вот куча тут с самого конца войны сидит. Бери сколько влезет.

Тибор загрузился дюжиной банок и отправился в ближайшую деревню, где уже ждали местные девушки. Английский у них был еще хуже, чем у него, но они знали достаточно, чтобы обозначить свои требования.

– Два доррар, два доррар, – затараторили они, поднимая в воздух два пальца.

– Это много, – заявил Тибор. – Нам платят бумажками. У меня нет налички.

Приветливые было лица девушек нахмурились. Бизнес бизнесом, но со своей копной темных волос и красивой улыбкой рядовой Рубин был, пожалуй, самым красивым солдатом, который к ним когда-либо приходил. К сожалению, выяснилось, что он не может заплатить по тарифу. Они суетливо посмотрели ему за спину: нет ли там более платежеспособных кандидатов.

– Но вот что я вам скажу, – продолжал Тибор, пока они не ушли. – Вы одолжите мне два доллара сейчас, а я вам верну в десять раз больше в день зарплаты.

– Двасать доррар?

– Ага, двадцать. В день зарплаты.

Потом Тибор потянулся в карман. «А еще дам вам вот это».

– Это что? – спросили девушки, глядя на две банки спаржи.

– Тушенка, прямо с армейской кухни.

Им не потребовалось много времени, чтобы провести кое-какие расчеты в уме и понять: предложение рядового – очень выгодное. Тибор выглядел так, будто ему можно доверять. Они согласно закивали.

Ему показалось это забавным. Островитянки ничем не отличались от кого-либо еще в этом мире: сама идея того, что ты сейчас получишь что-то в обмен на почти ничего, казалась им слишком выгодной, чтобы пройти мимо. А может, им просто было так же скучно, как и всем остальным на этом острове – так скучно, что они готовы были заключить сделку с солдатом, которого никогда раньше не видели.

В течение двух месяцев усиленной боевой подготовки Тибор обошел одну деревню за другой с запасом «тушенки» и все тем же предложением. Вскоре он заработал себе репутацию и прозвище: едва завидев Тибора, деревенские девушки бежали встречать его с криками «Зарплата, зарплата!».

Именно там, на Окинаве, в роте Тибора появился сильно пьющий и сквернословящий на каждом шагу ветеран из Техаса, старшина Артур Пейтон. В день, когда он представил себя, Пейтон ясно дал понять: он терпеть не мог меньшинства, особенно евреев. Приятели Тибора быстро предупредили его: «Держись от Пейтона подальше, мужик – лютый гопник».

Тибор понятия не имел, что значит «гопник», но поскольку в английском языке слово «гопник» звучит как «рэднек», то есть буквально «красношеий», он проассоциировал Пейтона с индейцами. Тибор видел индейцев только в кино, но, насколько он знал, кожа у них была красноватого оттенка, скорее всего из-за того, что они жили на юго-западе. И вот однажды утром, после переклички, он тихонько оглядел шею старшины. Быстро заметил, что она не красная: шея как шея, как у всех в роте. Тибор вернулся к приятелям.

– У Пейтона не красная шея, – доложил он.

– Да что с тобой, Рубин! – сказал один из южан. – Ты правда не знаешь, кто такие гопники?

– Неа.

– Неотесанные бездельники, ненавидящие негров, мексиканцев и евреев. Собственно, ненавидящие всех, кроме самих себя.

Тибора это озадачило. Он побывал на обоих побережьях Америки и встречал самых разных американцев, но гопников еще не встречал. «А кто ж ему нравится?»

– Другие гопники, – ответил ему южанин.

Тибор так и не понял, кто такие гопники и почему они ненавидели черных, евреев и мексиканцев, но решил, что пока не поймет, лучше Артуру Пейтону на глаза не попадаться.

3

Шел сильный ливень, когда 25 июня 1950-го девяносто тысяч вооруженных русским оружием солдат Корейской народной армии (КНА) пересекли 38-ю параллель и вторглись в Южную Корею. Все началось с мощного артиллерийского огня по ничего не ожидающим солдатам Южнокорейской армии, за которым последовало массивное наступление более ста пятидесяти практически неуязвимых русских танков.

Четыре дивизии слабо вооруженных южнокорейцев, около сорока тысяч человек, расположились вдоль невидимой границы, без поддержки артиллерии или с воздуха. На вооружении КНА состояли две сотни самолетов-штурмовиков и тысяча семьсот гаубиц. Лучшее, что было у южнокорейцев, – это старые базуки времен Первой мировой, оставшиеся от американцев, которые едва могли пробить тяжелую броню русских танков. Солдаты, пытавшиеся подорвать танки, гибли под гусеницами. Коммунистические войска развернулись, окружили оборонительные позиции и уничтожили их.

Два дня спустя на внеочередном заседании Совет Безопасности санкционировал вступление в войну войск ООН. Советский представитель бойкотировал заседание. Присутствуй он там, СССР смог бы проголосовать «против» и наложить вето на резолюцию, что могло бы изменить ход истории.

Президент Гарри Трумэн провел пресс-конференцию, на которой объявил, что отправляет в Корею американские войска под флагом Объединенных Наций. Отвечая на вопрос журналиста, вступили ли Штаты в новую войну, он назвал конфликт в Корее «полицейской операцией». В тот самый момент, когда Трумэн делал заявление, Северная Корея уже оккупировала столицу Южной Кореи Сеул.

Обучение рядового Рубина уже почти закончилось, когда его вызвали в кабинет командира роты. Капитан, увешанный военными наградами, был абсолютно спокоен, когда Тибор сел напротив него. «Ты ведь понимаешь, да, что мы теперь на войне?» – начал он по-отечески.

Тибор кивнул.

«И что твой полк отправляют в Корею».

Тибор снова кивнул.

Капитан открыл манильскую папку и провел пальцем по первой странице. «Ты не был рожден в Штатах. Ты даже не гражданин. Это не твоя война. Ты можешь не ехать в Корею, если не хочешь».

– Сэр, – объяснил Тибор, – я ношу американскую форму, потому что я часть команды. А еще я обязан Соединенным Штатам за то, что они освободили меня.

Капитан поморщился от его синтаксиса. «Сынок, в Корее будут убивать. Армия с радостью отправит тебя в Токио или Германию».

Тибор сильно помотал головой. Не хочет он ехать ни в Токио, ни тем более в Германию.

– Я хочу поехать с парнями, с которыми тренировался.

Капитан еще раз глянул на документы Тибора, закрыл папку. «Мы не можем тебя заставить. Это твое решение».

Тибор вышел счастливый. Спустя несколько дней он получил приказ собираться в Корею.

Когда полк Тибора, часть знаменитой 1-й кавалерийской дивизии, также известной, как «Первый отряд», покинул Окинаву, парни имели лишь крайне смутное представление о том, куда они едут. Многие из них Корею даже на карте не найдут. Поскольку место назначения было совсем рядом, подразделение разбили на небольшие группы и погрузили на коммерческие рыбацкие лодки. Зеленые юнцы в отряде Тибора думали, что плывут в круиз, а не на военную операцию. Пока они шли по тихой, открытой воде, Тибор слышал, как парни что-то там болтали про «надрать парочку корейских задниц» и «отправить узкоглазых восвояси».

– Это даже не война, – заявил голос из толпы, нарочито храбрый.

– Ну да, это что-то вроде полицейской операции, – подтвердил другой так брутально, что в воздух разве что тестостерон не брызгал.

Головы одобрительно закивали.

– У нас есть атомная бомба, мужики, – отколол третий. – А у коммуняк что?

Отряд заржал, затем раздался хор веселой болтовни. Но Тибор переживал. Да, эти юные американцы были физически сильными и не чурались тяжелой работы, но они понятия не имели, что такое война. Костлявая и долговязая деревенщина, которая дальше собственных поселков не выезжала: единственные, в кого они стреляли, были олени и еноты. Тибор был уверен, что чем бы их ни встретила Корея, это окажется в разы хуже ожиданий роты. Но молчал.

Когда массивный флот грузотранспортеров, минных тральщиков, транспортных кораблей, артиллерийских кораблей и рыболовных траулеров сошелся воедино у берегов Кореи, молодые рекруты в лодке Тибора начали понимать, что стали частью чего-то гораздо большего, чем могли себе представить.

Зрелище американского могущества потрясло их, но одновременно нацепило на многие юные лица маску озадаченности. Грандиозная флотилия и чужеродные берега шли вразрез с их представлением о «полицейской операции».

«Первый отряд» высадился у Пхохана, тихой рыбацкой деревушки в шестидесяти пяти милях к северу от южного окончания Корейского полуострова. На календаре было 18 июля 50-го – дата, означавшая первую серьезную высадку новой войны. Изначально планировалось высадиться в портовом городе Инчхон, располагавшемся гораздо севернее, но локацию изменили, потому что КНА глубоко продвинулась на юг и теперь контролировала почти всю страну. Инчхон и Сеул, столица Южной Кореи, уже находились под контролем коммунистов.

Десять тысяч человек и две тысячи единиц техники продвинулись на пляж без какого-либо сопротивления. Несмотря на такие количества дивизия все равно была недоукомплектована – им бы тысяч пятнадцать человек. Мало того, дивизия была не готова встретиться с решительным соперником. Ни один из ее старших офицеров не обладал достаточным опытом для ведения солдат в бой, а значительную часть сержантского состава – ветеранов Второй мировой – уже демобилизовали и отправили домой. Небольшое число солдат и военных командиров, пытающихся удержать Южную Корею от тотального коллапса, отчаянно нуждалось в закаленных боями сержантах.

И пусть высадка у Пхохана оказалась мирной, менее чем в двадцати пяти милях к востоку их ждали тучи северокорейцев, в разы превосходящие дивизию по численности и готовые убивать.

4

Благодаря своей решительности, острому языку и вспыльчивости старшина Артур Пейтон пользовался у роты большим авторитетом, чем офицеры. Пока они раздавали приказы, сержанты вроде Пейтона вели бойцов в битву. Авторитет старшины редко когда ставили под сомнение, ибо он обычно был самым опытным на поле боя. Пейтон, шкаф с красным оттенком лица и глазами-дротиками, был искусным воином, научившимся выживать в сражениях с японцами. Однажды увидев его спокойствие в битве, рекруты окрестили его «всемогущий».

Пейтон даже не собирался извинять свою ненависть к меньшинствам. Он гордился презрением к ним и в особенности тем, что ранжировал их по степени ненавистности. Возглавляли список негры, затем шли евреи, мексиканцы и итальянцы. Своим парням он говорил, что если ты не с Юга и не говорил с соответствующим акцентом, то ты не можешь быть нормальным мужиком. Тот факт, что большинство парней были из Алабамы, Миссури, Техаса и Луизианы, его здорово воодушевлял. Он мог говорить с ними часами так, что они его понимали.

Черных не было ни в роте, ни во всем батальоне. В 1950-м чернокожие все еще служили в отдельных отрядах. Мексиканцев тоже не было, как не было и итальянцев в первом поколении – насколько судил Пейтон. Но был в роте один задиристый, невысокий рекрут с тяжелейшим акцентом по фамилии Рубин. Пейтону он не нравился – особенно как он говорил.

Старшина сдерживал свою нетерпимость на Окинаве, но как только они прибыли в Корею, он немедленно набросился на этого чудаковатого чужеземца, который наверняка был евреем.

– Да что это за имя такое, Тибор Рубин? – проорал он во время их первой экспедиции на пляж.

– Я венгерский еврей, – ответил Тибор на кривом английском.

Пейтон указал на цепочку на шее Тибора. «Дай-ка глянуть на жетоны».

Тибор снял армейские жетоны и передал старшине. Пейтон внимательно их изучил. Быстро разобрал букву *H* после имени и номера Тибора.

– Да ты не еврей, – проскрипел Пейтон. – Ты венгр.

H и J значат «еврей», – ответил Тибор. – Это одно и то же.

Пейтон зло уставился на него. «Ты не еврей. Ни один сучий еврей не будет настолько глуп, чтобы показать свой нос на этой войне. Все настоящие евреи уже вернулись домой и рубят бабло».

Приглушенный смешок прокатился по отряду. Тибор решил обернуть шутку в свою пользу. «Дак я настолько глуп, чтобы пошел добровольцем, – весело сказал он. – Не только в армию, но и в Корею».

– Так о чем ты, бл, думал, сынок? – проревел Пейтон ему в ухо.

– Это мой долг, сержант, – упруго ответил Тибор.

На секунду это озадачило Пейтона. Он посмотрел куда-то за Тибора, словно выступал перед солдатами. «Ты, кажись, не просто тупой жидяра – ты еще и тупой жидяра-клоун».

Парни засмеялись. Пейтон ржал громче всех. Тибор смеялся с ними. Он думал, что смех, пусть и глумливый, растопил лед между ними, и теперь Пейтон предоставит ему шанс показать себя. Старшина обошелся с ним жестоко, но Тибор подыгрывал в надежде разрядить его гнев. Вдобавок ребята, кажется, спокойно относились к его шуточкам: после тирады Пейтона весь отряд приободрился, а это неплохо, если учитывать, что их ждало впереди. Тибор был рад, что сумел совладать с собой.

5

Главной задачей «Первого отряда», согласно приказу командующих 8-й армией генерала Уолтона Уокера и полковника Эндрю МакЛина, стала стратегия сдерживания и обороны. Линия защиты, напоминавшая по форме букву L, длиной была около ста миль, разделяла Южную Корею с запада на восток и выходила прямо к Японскому морю. Чтобы удержать юго-западный «карман» страны, жизненно важно было оборонять временную столицу, Тэгу, а также продовольственную железную дорогу, которая шла в Пусан, на самый юг страны. Если Тэгу и железнодорожная сеть окажутся в руках врага, Северной Корее уже ничто не помешает выгнать силы ООН на самое дно полуострова, а то и в море. Дивизия, высадившаяся в Пхохане восемнадцатого июля, получила задание остановить продвижение врага и защищать два стратегических объекта до прибытия подкрепления.

Отряд Тибора вместе с остальным полком переправили по железной дороге на запад, в Йондон. День спустя их выгрузили в горах с целью поддержки отрядов ООН и Южнокорейской армии, очаянно сдерживающих натиск северокорейцев – грозный инмингун. С того самого момента, как их техника тронулась по кривым тропам чужой земли, ребята все время слышали гром артиллерии где-то вдалеке. Это их здорово нервировало.

Тибор думал, что старшина перестанет доставать его, как только они подберутся к линии фронта. Надеялся слиться с остальными и заняться уже делом. Но с самого первого дня Пейтон непрерывно «добровольцем» отправлял Тибора на одно опасное задание за другим. Старшина раз за разом приказывал ему пойти в разведку, проверить арьергард на наличие лазутчиков, патрулировать линию фронта и охранять технику. Тибор вскоре привык к воплям Пейтона: «Привести сюда этого гребаного еврея!» и «Где, бл, этот венгерский жид?»

Но дело было не только в опасности. Если миссия требовала более одного человека, задание усложнялось: Пейтон отправлял с ним южнокорейцев. «И возьми с собой этих гребаных узкоглазых!» – орал он, указывая на угрюмых призывников, которые не говорили по-английски и вообще демонстрировали еще меньшее желание воевать, чем американцы, приехавшие им помогать.

Тибор отказывался идти вместе с мрачными и оборванными южнокорейцами. Он не доверял им. Довольно часто бойцы инмингун проникали в ряды армии Южной Кореи, особенно на

ранних этапах войны, когда войска ООН только оборонялись. Слабо обученные южнокорейцы никак не могли их обнаружить – что уж говорить про только что приехавших американцев. Враг тянул время, терпел, сопровождал солдат в патрулях, а затем набрасывался на них со спины. Поисковые группы находили пропавших, иногда целые группы, с перерезанными глотками и членами, приколотыми булавками ко ртам.

Тибор был аккуратен и наблюдателен, уверенный, что лучше ему быть одному. Он крался сквозь чащи, не ломая ни единой ветки. Если что-то было не так в лесу, если птицы внезапно переставали щебетать или, наоборот, внезапно поднимали шум, если что-то опаснее белки пересекало ему дорогу, он прятался в укрытие быстрее, чем успевал сделать следующий вздох. Раз за разом он возвращался в лагерь без царапины, зато с информацией о позициях и количестве вражеских отрядов – к великому удивлению Пейтона.

– Да что с вами такое, евреи? – рычал он. – Вы как кошки. Девять жизней, все дела.

Спустив собак на рядового Рубина, старшина принимался за Гарольда Спикмэна, красивого, но молчаливого капрала из Нью-Джерси. С самого начала Пейтон поручал Спикмэну больше положенного: от копания отхожих мест до ночных патрулей. Вскоре Спикмэн уже присматривал за танками, стоял на посту подслушивания, ходил в разведку туда, где можно было запросто схватить снайперскую пулю. Ну и иногда оказывался в одном окопе с «гребаным евреем».

Спикмэн, конечно, догадывался о причинах такого к нему отношения, но уверен не был, пока старшина не выпалил ему это в лицо.

– Да что за имя такое, Гарольд Спикмэн? – спросил Пейтон грубо. – Ты еврей, что ли, или как?

Спикмэн отвечал, что он католик, а предки у него англичане и валлийцы. Пейтон посмотрел на него с подозрением, изучил армейские жетоны, в упор разглядывая букву выбитую под именем капрала. Одобрительно кивнул и вернул жетоны. Спикмэн вздохнул с облегчением. С этого момента задач у него поубавилось.

6

Пока батальон Тибора постепенно уводил бои к линии, обозначенной командующими и известной под названием Пусанский периметр, отряд Тибора окопался на холме с целью предотвратить продвижение врага в сторону Тэгу. На полпути к вершине Тибор и еще сто сорок метких стрелков заняли позиции примерно в ста ярдах ниже командного поста батальона.

С такого выгодного положения офицеры и наблюдатели из штаба батальона могли видеть всю долину. Тибор и остальные парни чувствовали себя в относительной безопасности, окопавшись на ночь. За ними приглядывали с вершины, а потому они надеялись немного отдохнуть и наконец-то поспать.

Отряд несколько раз обменялся дальними выстрелами с врагом, но им еще предстояло увидеть в близком действии свирепый и неуступчивый инмингун. За время перестрелок отряд понес незначительные повреждения в виде осколочных ранений, но смертей не было. Южане шутили, что пока что война больше походила на отстрел индеек. Ничто не говорило о том, что сегодняшняя ночь будет как-то отличаться.

Американские танки едут в сторону фронта в начале

Корейской войны. Ещё одно недавно обнаруженное фото, сделанное в июле 1950-го. Министерство обороны

Сильная засуха тем летом измучила корейские холмы, а жестокая жара усугубила дело. Но в тот вечер, перед самым закатом, разразился неожиданный ливень с грозой, который превратил песок в жижу. Грязная вода заполнила окопы по щиколотку. Топкие дороги помешали котлопункту доставить горячую еду до солдат. Парни ворчали над ужином из консервов и быстрорастворимого кофе.

Когда темень поглотила окружающие холмы, передовая линия стрелков получила приказ пропустить группу гражданских. Одетые в белые крестьянские тряпки, безоружные, промокшие насквозь мужчины и женщины медленно обошли холм, поднялись на него и исчезли за палатками и землянками штаба. В последующей тишине почти весь отряд, измотанный днями переходов и отсутствием сна, моментально отрубился на губчатой земле, окружавшей их затопленные окопы.

На рассвете отряд проснулся от громкого лязга пальбы и криков. Они посмотрели на вершину холма и увидели хаос. Гражданские, которых пропустили прошлой ночью, озверело носились по штабу. Прежде чем изумленные стрелки смогли добраться до своего оружия, серия взрывов разнесла землянки и радиорубку. Пока отряд лихорадочно искал укрытия, один из их же пулеметов, расположенный на вершине холма, повернулся в их сторону.

Свинцовый град ворвался в грязь с тяжелым хлюпающим звуком. Двое ребят, оказавшихся без укрытия, упали лицом вниз, без слова или даже крика боли. Пули продолжали пронизывать их бездвижные тела. Подойти и забрать их никто не решался.

Тибор и другие стрелки барахтались в окопах в попытках найти точку опоры. Бунт крестьян на вершине не позволял прицелиться по врагу. Безостановочный огонь пулемета убедительно не давал им поднять даже головы из окопов.

Поначалу остановить резню казалось невозможным. Отряд беспомощно смотрел, как солдат протыкали их же штынами, как в них стреляли в упор. Затем двое храбрых товарища Тибора чудом дорвались до гранатомета и заставили пулемет умолкнуть. Один за другим стрелки поднимали свои винтовки и «снимали» белотряпочных. В течение десяти минут шустрый враг рассредоточился по холмам. Звук пальбы сменился криками о помощи.

Сержант Рэндалл Бриер в перерыве между войнами. Лиза Бриер

Прежде чем они смогли заняться собственными потерями, отряд получил приказ подняться на холм и оказать помощь там. То, что они увидели, потрясло их. Мертвые солдаты смотрели на них из окопов ледяными глазами удивления. Граната превратила радиорубку в дымящуюся груду искореженного металла и поломанных тел. Тибор держал на руках человека с засасывающей раной в груди, который захлебывался собственной

кровью: все, что мог сделать медик – это вколоть ему морфина и держать его голову до тех пор, пока тот не испустил последний вздох.

Отряду понадобилось несколько часов, чтобы разобраться с мертвыми и ранеными, затем собрать все, что осталось от снаряжения. Все это время их собственные жертвы лежали внизу в грязи, без внимания. Когда взвод наконец добрался до них, времени оплакивать и молиться за них уже не было. С трупов сорвали армейские жетоны, похоронили. Имена вычеркнули из именного списка с пометкой «убит в бою».

К середине дня отряд собрал оружие и боеприпасы и направился к дороге, где стояли грузовики. Холм с захороненными там приятелями был теперь просто номером на карте. Сначала слышны были яростные крики ненависти, затем обещания мести, после – беспомощные слезы. Не сумев найти выход из какой-то кошмарной шутки, потрясенные солдаты шаркали ногами по земле, повесив головы, или рассматривали озадаченные выражения лиц друг друга. Как могли их товарищи уйти так быстро? Как могли они вот так просто идти дальше без них?

Пока мужчины вокруг пинали грязь и ругались в небо, Тибор тихо молился. Он не взывал к милосердному Богу, дабы тот спас его и его товарищей. Нет, в него он не верил. Он молился, потому что не знал, что еще делать.

7

В первые десять дней бойни «Первый отряд» потерял более пяти тысяч человек. Северная Корея потеряла в пять раз больше, но продолжала отодвигать американцев на юг, проверяя на прочность их способность удерживать Пусанский периметр. В конце июля генерал Уолтон Уокер недвусмысленно приказал «стоять насмерть».

«Дальше пути нет… Отход до Пусана будет одной из самых суровых мясорубок в истории. Сражаться будем до конца… Если мы умрем, то умрем, сражаясь вместе».

К середине августа прибаутки про «надрать корейские задницы» и «отправить узкоглазых восвояси» поутихли. Штаб-сержант Рэндалл Бриер, постоянно наблюдавший за моралью состава, так описывал их состояние: «оборванные, усталые, избитые… сборище животных, желающих только одного – выжить». Он сам похоронил дюжину или около того парней, но были офицеры, которым повезло еще меньше. С самого дня высадки погибло трое ротных командиров, все выпускники Вест-Пойнта 1950-го года. Потери были катастрофическими.

В отличие от сослуживцев Бриер был коренным янки: родился в Массачусетсе, хотя родители его эмигрировали из Канады. Когда наступили тяжелые времена, Рэндалл и его сестра, с детства говорившие на французском, оказались в католическом приюте, где строгий устав разделил их. Он поступил на службу в конце тридцатых: ему не хватало двух лет, но он дико хотел сбежать от противных опекунов и проблемной родной семьи.

Корейская война не была первой у Рэндалла. Он находился в бараках недалеко от аэродрома Уилера, когда японцы разбомбили его на пути к Перл-Харбор, и сражался на Соломоновых островах, пока его не отправили в Европу вместе с другими военнослужащими для послевоенной оккупации. Он вернулся в Штаты сержантом и с татуировкой голой девушки в бокале шампанского на левом предплечье, которая обнажала грудь, когда он сжимал кулак. Несмотря на затянувшиеся бои и год борьбы с малярией, он все равно планировал продолжить службу в армии.

В 46-м Рэндалл Бриер встретил Эстер Долдри из Юстиса, что во Флориде, и женился на ней спустя шесть недель. Ему плевать было, что его высокомерные и клановые родственники из Новой Англии не одобряли брак с деревенской девчонкой с Юга. Рэндалл отправил их подальше и отвез невесту на военную базу.

Думал так: раз война позади, страна сейчас будет отдыхать, а значит, ему, жене и новорожденному будет лучше под военным крылом. Армия позаботится о них лучше, чем его узколобые родственники. И тут случилась Корея.

Снайперы делают окопы на горной гряде. Холмы на заднем плане типичны для местности; крайне сложны для прохождения танков и БТР. Министерство обороны

Еще на Еуадалканале Рэндалл привык к длинным периодам мучительной скуки, перемежаемой внезапными приступами смертельной битвы. Он понимал, как тяжело сопливым паренькам постоянно находиться в состоянии боевой готовности, когда врага целыми днями и в помине не было. В этом смысле война в Корее мало чем отличалась от тихоокеанской заварушки. Но корейская гористая бесплодная местность и лютая жара, посередь жестокой гражданской войны, казались ему более опасными, чем влажные джунгли Соломоновых островов, где он воевал с японцами и подхватил малярию.

Отряд развернули возле деревушки Чире, примерно в тридцати милях от временной столицы Тэгу. Услышав о приказе генерала Уокера, Бриер понял, что отряду и еще нескольким недоукомплектованным ротам предстоит встретиться с тремя

дивизиями КНА на пути к столице. Как будто этого было мало, хитрый и коварный инмингун нападал обычно на рассвете, когда света было уже достаточно для солдат, но при этом мало для самолетов. Целью врага было подобраться как можно ближе к американским позициям. Тогда с наступлением дня ВВС не сможет атаковать корейцев, не задев при этом своих. На этом этапе войны ветераны вроде Бриера поняли, что если бойцы инмингун ухитрятся обезвредить пулеметы и если гранаты их не возьмут, рекруты останутся один на один со зловещими винтообразными штыками. Бриер надеялся и молился, что мальчишкам повезет избежать этого ужаса. Иначе они не выживут.

Каждый раз, когда его взвод окапывался, Бриер знал, что если отряд на соседнем холме не сможет удержать позицию, его парни здорово влетят, их, скорее всего, окружат. А еще он знал, что ни в коем случае нельзя сдавать дорогу и железку до Тэгу, который находился лишь в нескольких милях позади них. Эта дилемма не давала ему спать по ночам. Да, ходили разговоры о возможном подкреплении из Пусана, возможно, подтянутся морпехи, но пока Бриер никого из них не видел.

Отряд провел несколько удушающих дней на безымянном холме в ожидании атаки, которой все никак не было. Затем пришел приказ отступать. Северокорейские патрули были замечены к северу, востоку и западу от них. Поговаривали также, что враг может напасть из долины внизу.

Остальной батальон уже передислоцировали на несколько миль к югу, в локацию побезопаснее. Артиллерию перетянули защищать Тэгу. Отряд оказался в подвешенном состоянии на гряде, напоминавшей большой палец. Если инмингун решат напасть сейчас, их ничто не остановит. Приказ отступать пришелся как нельзя кстати.

Отряд занял холм вместе с внушительным арсеналом и снаряжением: ведь изначальный план был удерживать этот и еще несколько соседних холмов, которые вместе формировали более-менее прямую линию обороны. Но теперь план изменился, другие отряды, по правую и левую от них стороны, уже отступили, оставив парней с большим количеством оружия, чем они могли унести. Прежде чем Бриер успел хоть с кем-то обсудить эту проблему, Пейтон собрал сержантов и нескольких капралов возле кучи боеприпасов.

– Командование батальона хочет, чтобы к вечеру нас здесь не было, – буднично объявил он. – Транспорта нам не дадут, поэтому я хочу, чтобы кто-то остался здесь и присмотрел за всем этим. Добровольцы есть?

Остальные пожали плечами и посмотрели в сторону: никому не хотелось оставаться в этой дыре, пока отряд уходит в более безопасное место. Пейтон посмотрел на первого сержанта Бриера.

– Где венгр? – проорал он.

Кого-кого, а рядового Рубина на это задание Бриер назначать точно не хотел; парню и так досталось за время службы, слишком часто его «добровольцем» отправляли на опасные миссии. Будучи связующим звеном между рядовыми и старшими по званию, Бриер никогда бы не отправил солдата на такое задание, которое не смог бы выполнить сам. Он никогда не стоял на месте, когда парни таскали что-нибудь тяжелое. Он часто ходил с ними в разведку. Если нужно было принести воды, он брал контейнеры и шел сам.

Фиксация Пейтона на рядовом Рубине была за гранью понимания Бриера. Ясно было одно: гопник не успокоится, пока не убьет парня. Бриер хотел вступиться за венгра, но был младше Пейтона по званию. Слово старшины – закон.

Взвод Рубина расположился в окопах вдоль гребня холма. Пейтон неуклюже пошутил, что еврей наверняка сныкался как можно дальше от края, прячась от возможных выстрелов. Но Бриер нашел его в первой линии: тот уперся взглядом в долину, внимательно ожидая появления врага – как и всегда, впрочем. Наперекор дурному предчувствию, Бриер доставил рядового к старшине.

Пейтон отвел Тибора к груде гранат, пулеметных патронов, карабинов и мин.

– Останешься здесь и будешь караулить, пока мы не доберемся до следующей позиции, – сказал Пейтон, указывая в сторону Тэгу.

Тибор посмотрел на него озадаченно. «Далеко отсюда?»

– Командование пока молчит. Несколько миль, думаю. Я дам тебе знать, когда сам буду в курсе.

Похоже, что вся рота уходит с холма, оставляя его здесь одного. Прежде чем Тибор успел осознать это, Пейтон продолжил: «Батальон вернется и заберет это, как только освободятся грузовики. Часов через четырнадцать-шестнадцать. Но точно до заката. Если нет, пришлю за тобой джип».

Он говорил слишком быстро, Тибор не успевал за ним. Старшин что, в самом деле оставляет его одного на холме? Тибор только собрался прояснить ситуацию, но Пейтон снова вклинился.

– Оставлю с тобой пару узкоглазых, если хочешь, – прозвучало, как запоздалое соображение.

– Нет. – Тибор помотал головой. Стеречь амуницию уже было

тяжелым заданием; не хватало ему еще корейцев, которые смотрели на солдат холодными глазами и ни слова не говорили по-английски.

– Дело твое. Ты ведь понимаешь, что я тебе говорю?

Тибор утвердительно закивал.

Рэндалл Бриер открыто заявил о том, что ему не нравится идея оставить здесь Рубина одного. Мало того, что это нечестно, это еще и непрофессионально. Он сказал старшине, что наблюдение за врагом и одновременная охрана амуниции – задача для целого отряда. Пейтон посмотрел ему прямо в глаза и сказал, что предложил ему помощь, но тот отказался. Затем приказал Бриеру готовить людей к отправке: нужно было добраться до новых координат до заката, иначе им грозило встретиться с вражескими патрулями в темноте.

Рота покинула холм после обеда. Когда последний взвод начал спускаться по гористой тропинке, Пейтон подошел к окопу Тибора и похлопал его по плечу.

– Мы вернемся за тобой до заката, – сказал он. – Глазом моргнуть не успеешь.

И ушел.

Солнце клонилось к закату, напряжение Тибора нарастало. Ночи на этих холмах всегда были жуткими, даже когда вокруг тебя сидела целая рота. Тишина скалистых холмов угнетала: их нельзя прочитать, как лес, где звуки природы постоянно сообщали тебе, кто там идет и как близко он от тебя. Лес всегда реагирует, когда что-то идет не так, и всегда даст тебе знать. Листва, деревья, ручьи, даже кучка листьев могут стать тебе прикрытием. Зубчатые, каменные предгорья Кореи голы и мертвы, настоящая полоса препятствий, непреклонные массы камней и песка, за которыми невозможно скрыться. Хуже того, сама земля там была тебе опасностью. Тибор знал, что каким бы аккуратным ты ни был, всегда можно задеть камешек или запнуться об расщелину – и ждущий вдали снайпер непременно тебя найдет.

Когда на небе не было луны, рассмотреть что-то дальше трех метров от себя было невозможно; когда луна была яркой, тебя выдавала собственная тень. Единственный способ выжить – лежать неподвижно в окопе и молиться, чтобы враг тебя не увидел, чтобы ты не чихнул или не кашлянул.

Каждый раз, когда Тибор смотрел на часы, проходил еще один час – еще один час сверх того времени, когда его должны были забрать. В полночь он подумал, что его имя вычеркнули из списка и что для Пейтона он точно уже умер. Он тихо повторял начало каждой еврейской молитвы: «Благословен Ты, Господь, Бог

наш, Царь вселенной…». Затем попросил Господа защитить его. Затем выругался на него за то, что тот позволил одному из своих «избранников» остаться на этом гребаном холме.

Два часа ночи пришли и ушли. Было темно, жарко и тихо. Слишком тихо. Страх проник в нутро Тибора, оставив горький привкус от глотки до рта. Через пару ударов сердца наступит рассвет, и если ему не повезет, инмингун будут где-то рядом, готовые рвануться в атаку. Если им прикажут взять этот холм или если они поймут, что он незащищен, целая рота заполонит вершину за несколько минут. И их не остановит один парнишка, пусть и парнишка с целым арсеналом.

Инмингун учили переть на цель до тех пор, пока тела не закончатся или пока артиллерия не превратит их в фарш. Раз отряд ретировался, артиллерии за Тибором точно нет. Какой смысл большим пушкам оставаться здесь, если всю линию холмов забросили?

Ситуация Тибора походила на мультик вроде «Луни Тьюнс» или «Мэрри Мелодис»: словно Даффи Дак или Багз Банни, или моряк Попай, он один противостоял Гитлеру или целой японской армии. Кроме, пожалуй, того факта, что когда в лицо Даффи взрывалась бомба, она разве что перья ему могла подпалить и на короткое время одарить его косоглазием. Когда враг палил из пулемета по Попаю, он опустошал банку шпината, распускал кулаки-якоря и отправлял волну горячего свинца в строго противоположном направлении. В случае с Тибором такое не сработает. Впрочем, абсурд ситуации от этого не ослабевал.

Тибор снова попросил Бога о защите, затем снова проклял его. Затем поспешил извиниться на случай, если Бог все-таки был – тот Бог, который принимал решения, кому жить, а кому умирать: вдруг он все-таки слушал.

Все по-прежнему было тихо, Тибору было нечего делать, и он решил выскочить из окопа и вприпрыжку добежать до груды оружия. Поначалу ему даже в голову это не пришло, но сейчас он вдруг осознал безнадежность своей ситуации и понял, что имеет полное право распоряжаться арсеналом. Он внимательно оглядел мины, ручные гранаты, пулеметные патроны и все остальное. Раздумывая о первой линии обороны, он оттащил два ящика гранат к пустым окопам и закинул по дюжине в каждый из них. С наивной надеждой, будто так он увеличит шансы на свое выживание, Тибор вернулся к куче и взял столько пулеметных обойм, сколько смог поднять, затем положил их возле лучшей, как ему казалось, точки обстрела. Набрав достаточное количество снарядов, он вновь вернулся к куче, захватил мин побольше и отправился с ними к миномету. Затем собрал тридцать

карабиновых обойм, затем еще тридцать – на всякий случай. Забив как следует с полдюжины передних окопов, он понял, что время еще есть – и удвоил запасы. После, совершенно случайно, он наткнулся на упаковки рациона Си, в которых были его любимые конфеты *Butterfingers* Набил ими карманы на неделю.

Закончил подготовку – на холме все еще было тихо. Тибор прижался к краю самого дальнего обрыва, зажег спичку и вгляделся в пустоту прямо под ним. Видно было очень плохо, но сомнений не оставалось: спуск был смертельно крут. Врагу придется взбираться руками и ногами, с оружием подняться не выйдет. Ночью такими темпами он в лучшем случае сможет медленно ползти – пусть даже речь о несгибаемых инмингун.

Тибор принялся считать, сколько времени потребуется врагу, чтобы подобраться к его позиции, а также где им надо будет выставить огневой расчет. Скорее всего, это будет соседняя гряда, сейчас укрытая густым черным одеялом. Врагу придется пускать сигнальные ракеты, чтобы распознать местоположение холма Тибора.

Он прикинул: сам сможет сдержать взвод, а то и два – правда, при условии, что до него не доберется вражеская пуля или граната. Уложив достаточное количество корейцев, он задержит остальных и, возможно, сумеет уйти до нового расположения роты – опять же при условии, если сумеет его найти. Разыгрывая в голове несколько возможных вариантов, он никак не мог справиться с одной мыслью. Да, он был в боях, но никогда не сталкивался в упор, лицом к лицу с солдатом врага. А он вообще попадал в человека? Возможно, но уверенно утверждать возможности не было. Тибор выдел инмингун вдалеке: это были, скорее, аркадные фигурки, нежели живые люди из плоти и крови. Вдобавок враг сам тоже никогда раньше не уделял все внимание только ему, Тибору. Уйма переменных путала его. Он попытался отвлечь себя, запихнув в рот целый батончик *Butterfingers.*

Ночь стояла – хуже некуда. Луна припарковалась за тяжелым облаком, предоставляя врагу весомое преимущество. Целая рота могла спокойно забраться на холм или продраться через долину незамеченной. Пока они идут пешком и сохраняют тишину, темнота – их друг.

Прошел час ночи, два, три. На исходе четырех утра Тибора смирился с мыслью, что за ним никто не придет. Неумолимо приближалось время, когда обычно нападал враг. Тибор прикинул, что своим до него миль пять и что никто в здравом уме не поедет в такую темень забирать одного маленького еврея. Он еще помолился и слопал два батончика *Butterfingers.*

Отчаянно пытаясь обнаружить хоть какой-то признак

движения, Тибор прополз до крайнего выступа и принялся всматриваться в темноту туда, где, скорее всего, должно быть дно долины. Он жмурился и силился, но все было бесполезно. За утесом была сплошная тьма. Тогда он начал изучать небо. В любой момент оно станет мягким, серым.

Луна на секунду растолкала облака. Кажется, ее бледно-желтое лицо подмигнуло Тибору, дав возможность осмотреть его беспощадное ближайшее будущее: сотня или около того солдат в униформе сочилась по долине. Когда свет упал на них, они замерли, словно по команде. Затем, как тараканы, в которых выпалили из фонарика, они бросились врассыпную по неровной земле – и рванули на холм.

Заверещали свистки. Протрубил горн. Рваный хор голосов – скорее койотов, нежели людей – проверещал в ответ.

– *Йейе Йейе Йейе Йейе Йейе Йейе Йейе*, – верещали они, словно голодные животные.

Рациональная часть мозга Тибора моментально отрубилась. Тело начало действовать по собственным приказам, без участия воли и разума. Он бросился швырять гранаты, одну за другой, так быстро, как только успевал вырывать чеки. Крик снизу стал громче. В те бесконечные секунды до первого взрыва ему в голову пришла мысль: солдаты КНА крайне редко стреляют по врагу, если не видят его в прицел. Его успокоила мысль, что северокорейские офицеры скорее пожертвуют целыми отрядами, чем драгоценной амуницией. А что, раз они его не видят, то, может, и стрелять по нему не будут?

И он продолжал бросать гранаты в темноту. Прошла примерно минута (на самом деле секунды четыре), и воздух сотрясли взрывы, одна громоподобная волна за другой, и каждая новая, кажется, пыталась заглушить предыдущую. Верхнюю часть тела Тибора исколотил прилив сотрясений, затем швырнул его к дальней стенке окопа. Через долю секунды, когда давление ослабло, он согнулся, прокашлялся до тех пор, пока легкие не разлиплись, инстинктивно вдохнул и силой заставил себя приподняться, улегшись животом на землю. Сотрясающие землю взрывы продолжались. Используя шлем в качестве бульдозерного ковша, он попер головой по земле, пробился через сгусток гравия, нырнул в соседний окоп и потянулся за новыми гранатами.

После первого грозового залпа непонятно было, стреляют по нему корейцы или нет. Если да, то огня не слышно: хор стольких взрывов стоял непробиваемой стеной. Сознание подсказывало ему, что гвалт создал некую подушку между ним и нападающими; пока шум заслонял их боевые вопли, он на секунду задумался о его последствиях. В этот хаотичный, спутанный момент мозг

плюнул в него полусознательной мыслью: если первая партия гранат рванула хотя бы рядом с первой волной нападающих, те, кто были за ними, сейчас наверняка злы, как черти. И все же это должно было их задержать. У него даже, может быть, есть время сменить позицию. Он приподнялся, нырнул головой и грудью в грязь и соскользнул в другой окоп. Трясущимися руками он вгрызался в третью партию гранат и отправлял их туда же, куда только что улетела вторая.

Корейцы либо прекратили огонь, либо Тибор оглох и не слышал его – сказать наверняка было сложно. Но точно слышал, как они орали, пока он полз до пулемета. Трясущимися, слишком медленными руками он поднял ствол и пытался дернуть курок, но прицелиться решительно не получалось – ничего не было видно. Пытаясь побороть кричащий страх в голове, он едва вздохнул и направил дуло в туман из песка и дыма. Пулемет застрекотал, Тибор оглядывался то направо, то налево в надежде обнаружить врага, пока не слишком поздно. Но даже в сером рассвете разглядеть получалось только вспышки изрезанных камней по обе стороны от него.

Руки вцепились в оружие, жар от патронника становился все невыносимее. Он отпустил курок, однако стрекот продолжался. Пулемет что, сам стрелял? Или это его руки? Непонятно.

Как только Тибор бросил стрелять, боевой клич врага стал громче, жестче и яростнее. А может, все это было лишь в его голове: ничего непонятно, а подбираться поближе, чтобы посмотреть, слишком опасно. Вверху, над ним, слышались визги винтовок, которые выкрикивали его имя. Тибор проигнорировал их и вскарабкался по пляшущему гравию в соседний окоп, где он жадно наскреб груду гранат. Весь потный, он, с горящей под униформой кожей, хватал маленьких убийц, срывал чеку за чекой и бросал их, словно бейсбольные мячики, вверх, вперед и вообще куда глаза глядят. Один за другим, взрывы трясли его шлем, пригнули его голову, сжали позвоночник.

Тибор все еще не видел нападавших. Разве что в самые короткие промежутки между взрывами получалось расслышать их крики, едва доносившиеся из этого гама. Впрочем, они были другими. Что-то изменилось в их интонации. Они стали более похожи на коллективный вой, нежели на воинственный вопль.

Новая угроза: глухой звук мин раздавался эхом внизу. Холм трясся. Волны песка и гравия валились на спину Тибора. Паника охватила его грудь. Он силой заставил себя посмотреть вниз, но не разглядел огневые точки: не видно их среди стены смога. Звук говорил ему, что снаряды падали по обе стороны от него, может, дальше по холму, но явной задачей их было расчистить проход.

Он схватился за карабин и выпустил целую обойму зараз, целясь точно в тьму в центре коридора. Когда стало очевидно, что это бесполезно, он вернулся ползком ко второму пулемету и разродился новыми очередями; одна, вторая, третья пулеметная лента тридцатикалиберных патрон уходила в пустоту. Вибрация оружия нещадно била его по рукам, прозвучал еще один сигнал горна, затем ослаб, смолк. Что его остановило, почему – неясно. Да и плевать. Он продолжал.

Наступил день, Тибор все еще швырял гранаты и пули как можно быстрее – так быстро, как позволяли ему абсолютно резиновые руки. Он уже не думал, просто отдался на попечение припадка, бившего его словно электроудар. Его пристрелили? Задели шрапнелью? Непонятно. Рук и ног он не ощущал, стопы и кисти работали на автомате. Чего там, он вообще не чувствовал ничего ниже шеи. Лоб его и щеки болели и опухли, будто он только что закончил бой за звание чемпиона мира. Тяжкий запах пороха и масла жег нос. Пыль ковром улеглась во рту. Уши звенели перманентным гудением. Но он держал огонь.

Сквозь туман битвы начал пробиваться свет, сначала едва различимый, затем более четкий. Прежде чем Тибор сумел разобрать контуры холма, за ним раздался другой шум, непохожий на выстрелы винтовок. В статичном мозге появилась внезапная мысль. Корейцы что, окружили его? Они теперь атакуют другую часть холма? Если так, ему конец, выстраивать оборону там слишком поздно.

Громогласный звон поднялся так быстро и звучал уже прямо перед ним – и шел он откуда-то сверху. То ревели слуги Господа, посланные избавить его от врагов. Слуги явились в виде «Корсаров» ВВС США.

Тибор поднял глаза посмотреть на подножие холма. Пыль улеглась, теперь было видно все вплоть до следующей гряды.

Пачки людей носились по долине, пока отважные «Корсары» стирали их пулями и бомбами.

Совершенно неожиданно тело с головы до ног пробил озноб восторга и успокоения. Он почувствовал, что вправе утолить горящую жажду во рту и горле. Он схватил фляжку, открыл ее и поднял над собой, пока металлический край не поцеловал его в губы. Он запрокинул голову и вдохнул, но колени были столь слабы, что когда вода вырвалась из фляги, она понеслась прямиком по подбородку и на рубаху. Оперевшись на мешок с песком, он залил в пищевод, кажется, целый фонтан, пока тремор не превратился в резкие спазмы в животе.

Ручей песочного пота катился по лбу и обжигал глаза. Он облил лицо остатками из фляги, откинул голову назад и

уставился в небо, разделенное белыми полосами летящих самолетов.

В полусознании Тибор вновь начал молиться, губы судорожно тряслись на спутанном иврите. Дойдя до благодарностей, он онемело взял карабин и несколько оставшихся обойм. Опухшие руки неловко подвесили восемь гранат на шею и за пояс. Жадно он выхватил другую фляжку, мощно отхлебнул, половину выплюнул и развернулся спиной к резне в долине. Хватит с него этого гребаного холма.

Ноги были словно гири, он не мог оторвать ботинки от земли и спотыкался о каждый камень и канаву. Пятки вошли в грунт наполовину, он шел будто на лыжах.

Спустившись с холма, Тибор потерялся. Дорога казалась знакомой; скорее всего, именно по ней рота сюда и пришла. Но не факт. Он проверил компас и поплелся на юг.

Грузовики мерцали на горизонте унылыми, бесцветными вспышками. БТР замедлил ход, взвизгнули тормоза, земля заскрипела прямо перед ним, машина на секунду скрылась в поднятой ею же пыли. Тибор протер глаза от грязи, водитель высунул голову и что-то ему прокричал, но его голос проглотил шум двигателя. Тибор помотал головой: говорить было слишком тяжело. После того, как машина, лязгая, испарилась, ему вдруг стало понятно, что он только что, похоже, отказал в предложении подбросить его. Ну и ладно. Идти уже не тяжело: тело словно парило.

Когда сержант Бриер увидел вдалеке фигуру, он сначала не понял, кто это. Затем посмотрел в бинокль: Рубин тащится, словно лунатик. Бриер не успел просигнализировать ему, что тот идет в неправильную сторону, как Рубин сам изменил маршрут, будто какой-то небесный крюк ухватил его за ворот и развернул в нужную сторону.

Прежде чем Бриер сумел хоть что-то сказать, Рубин резко встал перед ним, весь потный, чумазый, с щелками вместо глаз. Сержант спросил, что случилось. Голос Бриера, кажется, вывел его из транса. «Я остановил этих узкоглазых ублюдков», – пробормотал он. Потом сел, положил голову на руки и сжал губы.

Бриер посчитал, что Рубину нужно к врачу. Он взял его под руку и проводил до штаба, где Пейтон посмотрел на него довольно безразлично и отмочил что-то вроде «выглядит, будто только что из турецкой бани».

– Я только что убил тысячи узкоглазых, может, больше, – невнятно сказал Рубин.

Пейтон загоготал и повернулся к штабным: «Рубину, кажись, приснился венгерский кошмар».

Губы Тибора скривились в усталой ухмылке: Я хочу видеть командира роты».

Пейтон едва взглянул на него: «Зато он тебя не хочет видеть».

– Я хочу видеть главного, – с каменным выражением повторил он.

Пейтон глянул на Бриера, на остальных присутствующих. Слишком многие слышали требование Рубина, чтобы его можно было игнорировать, пусть даже рядовой сошел с ума.

Рубин не успел сказать и слова, а Пейтон уже бросился извиняться перед командиром за то, что ему докучают.

– Наверное, шок от контузии, – говорил он.

Тибор бросился рассказывать о том, как заполнил окопы гранатами, и как враг атаковал холм, и как ему каким-то непонятным образом удалось сдержать его – офицер заинтересовался. Он повернулся к Пейтону: «Раз уж нам все равно надо вернуться на холм, чтобы забрать оружие и амуницию, можем заодно и посмотреть».

Командующий, Пейтон и еще несколько заинтересовавшихся историей Рубина уселись в три джипа. Припарковав авто, они всадили ботинки в гравий и поперли на холм. Бриер держался Рубина, который все еще шатался как лунатик, не понимая будто, где находится. Вот они добрались до вершины, и рядовой схватился за живот, начал трястись, словно у него начался сердечный приступ.

Ошибки быть не могло. Дальняя сторона холма была сплошь укрыта мертвыми и умирающими корейцами. Одни валялись прямо в рваных останках других, как будто они поскользнулись и застряли в собственной плоти. Руки и ноги были разбросаны словно ненужное оружие, которое оставили на поле боя.

Пирамида тел сложилась прямо под выступом, в трех-четырех метрах от передней линии окопов. Каждый труп застыл в попытке перешагнуть через предыдущий. Дальше вниз по склону пестрая смесь смертельно раненных молодых парней ловила воздух ртами, звала о помощи или пыталась удержать собственные кишки.

Тибор заплакал. Он и представить не мог, что поле боя выглядит вот так, что смерть может принимать такие отвратительные формы. Вплоть до этой секунды все казалось таким неопределенным и далеким, и вот теперь перед ним лежали десятки трупов, некоторые в форме знака вопроса, и мертвые глаза их спрашивали одно: зачем он их убил? Пыточные голоса раненых просили воды или звали матерей – ровно так же, как делали американские солдаты, когда ранили их.

Мысли Тибора сошлись к одной из центральных идей его

веры. Давным-давно его учили, что нет хуже греха, чем гнусности, которые ты делаешь под давлением врага твоего. Низшей точки достиг ты, если ударил того, кто ударил тебя. Пока Тибор наблюдал за гибелью, которую в одиночку принес всем этим молодым парням, таким же как он, он чувствовал глубокую боль неудачи, уже даже не личную, но нарушавшую самые святые законы Бога. Он начал рыдать, рыдать так, как никогда раньше, как не рыдал, когда Имре рассказал ему про смерть родителей и Илонки.

Командующий положил ему руку на плечо. «У тебя не было выбора, Рубин. Если бы ты не убил их, они бы убили тебя». Еще сказал, что Тибор получит за свою храбрость медаль и на время покинет поле боя, чтобы отдохнуть и восстановиться.

Затем обратился к Пейтону:

– Тибор Рубин рекомендуется к награждению Медалью Почета за выдающиеся храбрость и отвагу, проявленные с риском для жизни и превышающие долг службы, за уничтожение сотен вражеских солдат, за то, что остановил их продвижение и обеспечил безопасность единственной дороги от Тэгу до Пусана, и тем самым спас жизни бесчисленного количества американских солдат и солдат наших союзников, и сохранил открытой нашу единственную дорогу на как минимум ближайшие двадцать четыре часа.

Тибор и не знал, что, пока он лихорадочно отбивался от невидимого врага, дорога за ним использовалась для перевода людей и машин на более безопасные позиции. Кто-нибудь вообще понимал, что всего один человек, оставленный Пейтоном на том холме, был единственным препятствием между северокорейцами и поспешным отступлением сил ООН? И что не будь его там, враг мог хлынуть с того самого холма и перерезать отход?

Командующий приказал штаб-сержанту подготовить бумаги для Медали Почета и доставить ему для подписи. После проверки он отправит документы в соответствующие инстанции.

Тибор никак не мог уяснить, что его только что представили к высшей военной награде его новой родины. У него не было даже контекста, в рамках которого он мог бы это понять, он был слишком сбит с толку и расстроен, чтобы понять, что это все вообще значит. Медаль? Да с медалью он станет легкой мишенью для снайперов.

Командующий еще раз предложил отправить его в тыл, отдохнуть. Он даже предложил ему отправиться в Японию.

Тибор вновь помотал головой. Не надо ему этого. Ему надо остаться с ротой.

Бриер внимательно приглядывал за рядовым Рубиным

следующие несколько дней. Сержант посчитал мрачность Тибора дурным знаком – на него это было совсем непохоже. Его обычные живость и открытость сменились апатией и бездеятельностью, и он перестал разговаривать. Когда Бриер спросил Тибора, все ли с ним в порядке, тот кивнул, но говорить отказался. По мнению Бриера, события на холме сделали рядового отстраненным и замкнутым, что представляло опасность как для него самого, так и для окружающих.

Бриер и Гарольд Спикмэн доставали Рубина до тех пор, пока им не удалось вытащить из него несколько слов. Наконец он признался, что стыдится того, что случилось на холме. Объяснил, что его семья и его религия считали убийство скорбным и отвратительным, и что его действия там навсегда его изменили. Бриер, который не раз видел, как ребята впадали в шок после боя, посоветовал ему принять предложение командующего или по крайней мере провести неделю в Пусане, отдохнуть и восстановиться. Тибор ответил, что не может: это его долг оставаться с ротой до тех пор, пока война не закончится. Он даже думать отказался о том, чтобы уехать.

Про медаль больше не говорили. Пейтон так и не заполнил бумаги и вообще вел себя так, будто подвига Тибора на холме никогда не было. Когда Бриер позже уточнил про медаль Рубина, старшина ответил: «Не при мне». Прошло три дня после доблестной обороны рядовым Рубиным холма в Чире, и командующего его роты убили в бою. Если и был какой-то шанс на официальное признание героизма Тибора, то он умер вместе с тем офицером.

Гарольд Спикмэн, как и многие другие в роте, понимал, что Пейтон повел себя, как сволочь, с рядовым Рубиным. Спикмэн видел старшину в действии и понимал, что тот скорее собственной жизнью пожертвует, чем подпишет бумаги, которые обеспечат Тибору заслуженную медаль. Понимал он и то, что все это только лишь потому, что Рубин – еврей.

Спикмэн знал, что Пейтон не имел никакого права оставлять Рубина на том холме, и что старшина постоянно, раз за разом отправлял его на самые опасные задания. По мнению Спикмэна, больше всего сержанта бесило то, что Рубин все их принимал без единой жалобы. Пейтон видел в рвении Рубина приглашение и возможность усугубить свою ненависть. Другие ребята в роте, полагавшиеся на военное мастерство Пейтона, называли его «Господь Бог», но Спикмэн не принимал это прозвище: что это за бог такой, который так обращается с солдатами вроде Рубина?

Гарольда Спикмэна ранили на Пусанском периметре, достаточно тяжело для того, чтобы он отправился обратно в

Штаты. Позже он скажет, что для него было честью служить бок о бок с солдатом, которого он прозвал «еврейским джентльменом». Но тогда, после ранения, Спикмэн потерял связь с Рубиным на тридцать лет. Он был не один такой в роте: у каждого были свои собственные раны и потери, и капрал не был исключением. Уметь выживать – значит уметь оставлять прошлое позади, и Тибор Рубин вскоре стал для Спикмэна прошлым.

8

Рота понесла серьезные потери во время обороны Пусанского периметра: за один только день восемнадцать человек погибло или было тяжело ранено. Обещанное подкрепление так и не прибыло, – а численность отряда сокращалась. Как-то сентябрьским утром солдаты столкнулись с массированной атакой вдвое превосходящего их по числу противника. Пока парни держали оборону за мешками с песком и в траншеях, к ним в гости прилетела мина. Тибор оказался совсем рядом и потерял сознание.

Придя в себя, он обнаружил кружащего над ним офицера. Капитан говорил низким голосом, цитировал какую-то поэму. Тибор не слышал слов; рев мины все еще отдавался в ушах, но голос был тихий и успокаивающий. Чувства постепенно возвращались к нему, и он вспомнил, что раньше уже видел офицера, когда тот обхаживал раненых под огнем противника. Мужчина запомнился ему, потому что в уголке его кривой ухмылки, отражающей одновременно уверенность и самоиздевку, всегда торчала трубка. Спустя несколько секунд после того, как Тибор вышел из состояния оцепенения, он узнал в нем дивизионного капеллана, католического священника по имени Эмиль Капаун.

Отец Эмиль Капаун. Министерство обороны

Эмиль Капаун хотел стать военным капелланом с того самого дня, как его посвятили в духовный сан в 1940-м. Он пытался попасть в армию в самом начале Второй мировой, но не мог получить разрешение от епископа следующие три года. В самом конце войны его отправили в Бирму, затем в Индию, в запас уволили в 1948-м. Два года спустя он вернулся и оказался вместе с «Первым отрядом» в Японии. В Пхохане он высаживался вместе с 3-м батальоном.

Высокому и стройному Капауну повезло обладать сильными, классически красивыми чертами лица. Но его внешний вид портила зубастая, эксцентричная ухмылка, предупреждавшая окружающих о его чудаческом чувстве юмора. Он вырос на ферме в Канзасе, где научился всему, от плотничьего дела и животноводства до автомеханики. Происхождение его, равно как и первые прихожане, были чешскими: он проповедовал на этом языке и чувствовал себя комфортно среди иммигрантов из Средней Европы. Капитан Капаун и рядовой Рубин понравились друг другу с первой же встречи на поле боя, во многом благодаря их общей связи со старой Европой.

Хотя Капаун не был военнослужащим, он вел себя как настоящий солдат: другие офицеры видели, как он скачет по холмам словно козел. Как-то раз шрапнель снесла шлем с его головы, так Капаун поднял его и нацепил заново, будто ничего не случилось. В другой раз пуля разнесла его трубку пополам, он опустился на руки и ноги, почистил ее чашу, заново разжег и отправился делать свою работу. Часто его видели разъезжающим от одного места сражения к другому на джипе, изрешеченном пулями; когда джип ломался, он добирался до фронта на велосипеде.

В самом начале Корейской войны Капаун написал семье, что конфликт скоро разрешится. «Вряд ли мы участвуем тут в настоящей войне, – писал он. – Я думаю, мы достаточно сильны для того, чтобы поставить русских на место». Но когда дивизию отбросили назад и начали гибнуть люди, он признал опасность ситуации. «Многие мои солдаты ломаются – сходят с ума и кричат как психи… Мы тут все скоро отправимся в рай, хотя пока что мы в аду».

Тибор приходил в себя, а отец Капаун читал ему последние строки. Вряд ли он был смертельно ранен, но вот ногу не чувствовал и пошевелить ей не мог. И все же он не хотел прерывать священника, который просто делал свою работу.

Отец Капаун нравился Тибору, нравился с самой первой встречи, той, во время боя. Тибор тогда сидел в глубоком окопе, слушал пули над головой, когда к нему нырнул Капаун, залез рукой в свою куртку и достал яблоко.

– Перекусить не хочешь? – ухмыльнулся священник.

– Почему нет? – ответил Тибор.

Они не расставались с того самого дня, и теперь ему не казалось странным, что отец Капаун проводит возле него службу, будто Тибор – один из его подопечных. Тибор послушал еще несколько секунд, просто на случай, если он и правда умирает. Затем поднял голову и оглядел свое немое тело. Все в порядке –

кроме разве что правой ноги, которая представляла собой кровавое месиво от коленки до лодыжки. Но отец Капаун с полуприкрытыми глазами продолжал молиться за него.

– Да ладно, – сказал Тибор от нетерпения. – Дальше можно не продолжать. Я выживу.

Отец открыл глаза, похлопал его по плечу и улыбнулся.

9

Медики эвакуировали Тибора в полевой госпиталь, где врачи сообщили, что ранение достаточно сильное для того, чтобы его можно было отправить на лечение в Японию, а то и в Штаты. Но Тибор уговорил их позволить ему остаться в Корее. Как только он встал на ноги, сразу же запросил разрешения вернуться в расположение роты. После некоторых споров медик показал ему, как ухаживать за раной, и отправил обратно в 3-й батальон с приказом о необходимости «облегченного режима».

Нога только начала восстанавливаться, посему Тибора отправили в столовку. Но сержант Пейтон следил за ним даже там, пока он ковылял по кухне. С первого же дня, несмотря на ограничения врачей и рекомендации «облегченного режима», Пейтон отправлял рядового Рубина в патрули и на другие опасные задания. Сержант, назначенный следить за восстановлением Тибора, протестовал: совершенно же очевидно, что раненая нога мешала парню не то чтобы выполнять задания, но даже просто ходить. Но Пейтону было плевать, а Тибор сам горел желанием вернуться в роту. Когда он достаточно восстановился для того чтобы кое-как забраться и выбраться из окопа, Тибор вернулся на фронт и занял свое место среди других метких стрелков.

Северокорейцы бросили на Пусанский периметр более семидесяти тысяч солдат, и войскам ООН пришлось занять последнюю линию обороны за рекой Нактонган. Коммунисты знали, что если они займут южный берег реки, весь полуостров станет их. Днем их сдерживала авиация США. Только ночью северокорейская пехота могла перейти реку вброд, ценой огромных потерь.

Генералу Уокеру не хватало личного состава, но он был хитер и умел импровизировать. Используя небольшие, высокомобильные резервные отряды, он быстро затыкал людьми, транспортом и артиллерией дыры в оборонительных линиях. Пока его усталые, но решительные войска заполняли берега реки, роты греков, турков, бельгийцев и американских пехотинцев прибывали сначала в Пусан, а затем продвигались вверх по реке, обеспечивая такую долгожданную подмогу. В середине сентября северокорейская атака застопорилась – всего в восьми милях от Тэгу.

На следующий день после успешной высадки генерала Дугласа МакАртура на пляже в Инчхоне, войска генерала Уокера начали прорывать Пусанский периметр. Неделю спустя инмингун

бежали на север. По предварительным подсчетам, северокорейцы потеряли от тридцати до сорока тысяч человек. Впервые КНА не смогла компенсировать собственные потери.

ООН победа досталась ценой пяти с половиной тысяч убитых и шестнадцати тысяч раненых американских солдат. Еще примерно две с половиной тысячи человек либо пропали без вести, либо оказались в плену.

Как только периметр был прорван, полк Тибора рванул на север, наступая на пятки разбитого и деморализованного врага. Получив задание «очистить» район, рота Тибора подбирала усталых и пораженных корейцев пачками. Стреляли редко и жертв было мало, но то, что Тибор и его напарники видели вдоль дорог и в полях, вселяло в них отвращение.

Отступая, инмингун увлеклись массовыми убийствами. Вырезали целые деревни. Пленных не брали. Пленных американцев связывали, жестоко казнили и оставляли на дорогах в качестве предупреждения наступающим солдатам.

Продвигаясь на север, БТРы роты часто проезжали мимо подпирающих деревья мертвых американских пехотинцев, державших в руках собственные головы. Когда грузовики останавливались, чтобы солдаты могли сходить в туалет, парни находили товарищей в канавах со связанными проволокой за спиной руками и отстреленными лицами.

В пылу боев американские солдаты часто нарушали кодекс военного поведения, убивая врага до того, как он успевал сдаться, или выжигая его из пещер огнеметами. Смерть становится случайной и быстрой, когда люди действуют из страха, неуверенности или злости. Нескольких северокорейцев в форме казнили сразу после того, как они бросили оружие и подняли руки вверх. Рота наблюдала абсолютно бессмысленное варварство. Они боялись попасть в плен почти так же, как боялись умереть.

10

Капрал Леонард Хэмм родился и вырос в Сомерсете, штат Кентукки. По собственному признанию, он вобрал в себя все предрассудки типичного южанина: терпеть не мог черных и евреев, хотя толком не общался ни с первыми, ни со вторыми. Вплоть до встречи с Тибором Рубиным он никогда не говорил с солдатом-евреем и знать не знал, что о них думать.

Поначалу его раздражал странный акцент Тибора. Он решил, что подружиться с парнем, которого старшина отправлял на самые опасные задания, – не самая хорошая идея, потому что уж у Пейтона-то наверняка есть на то весомые причины. Чуть позже он узнал про этого Рубина немного больше. Он не был американцем; приехал из какой-то страны в Европе. Он даже гражданином США не был. И тем не менее добровольно отправился в этот ад.

Хэмм вскоре убедился, что старшина пытается убить Рубина, хотя сам-то он вряд ли что-то может сделать по этому поводу. Как и вся остальная рота, Леонард Хэмм был глубоко потрясен происходящим на фронте в первые недели войны. Во время кошмарных, зверских столкновений с врагом он совершенно терял способность бороться со страхом, лишь беспомощно наблюдал за тем, как умирают под огнем люди и как жизненная сила покидает их тела. Спустя недели потерь каждое движение Хэмма приобрело оттенок ужаса пережитых боев.

Несмотря на религиозные убеждения Хэмм легко принял тот факт, что война – это когда убиваешь либо ты, либо тебя, и что, в конечном счете, тут каждый сам за себя. Довольно скоро он поставил под сомнение ценность дружеских отношений на войне в принципе, пусть даже это дружба с заместителем командира взвода Бриером. Мужчины подружились во время богослужений на Окинаве и часто делились воспоминаниями о доме и семье – но все это было в том, другом мире. Кажется, эта ужасная война стерла все, включая его веру в любящего Бога. Впрочем, даже когда мораль Хэмма опустилась ниже плинтуса, он все равно не мог оторваться от своих христианских корней. Его совесть заставила его воспротивиться тому, как старшина Пейтон мучил рядового Рубина.

Хэмм обсудил это со своим другом и моральным лидером взвода Бриером, затем с остальными парнями. Никто не стал спорить, что старшина не прав, но смесь страха и уважения к нему, присутствовавшая даже среди офицеров, помешала кому-либо из них поднять голос против Пейтона и поставить под сомнение его решения.

Однако все это было до Чире. Рубин доказал на том холме, что он – выдающийся солдат, солдат, которого представили к Медали Почета, посему Хэмм был уверен, что Пейтон наконец-то станет относиться к нему лучше. Тот не стал.

После Чире Бриер и Хэмм подходили к Пейтону, вместе и по отдельности. Они отводили его в сторону и говорили с ним наедине, чтобы он не чувствовал, будто кто-то ставит под вопрос его власть. Бриер, такой же офицер запаса, убеждал его, что Рубин выполняет куда больше, чем положено, и что неправильно постоянно отправлять его на самые опасные миссии. Сержант пытался вбить Пейтону в голову, что нужно выбирать и других ребят для рискованных заданий. Пейтон отвечал ему лошадиным смехом. Затем подошла очередь Хэмма. Он без обиняков заявил старшине, что он совершенно неправ, обращаясь так с Рубиным.

– Да что с тобой, твою мать, тупая ты деревенщина? – заорал Пейтон. – Хочешь оказаться на месте этого сукиного сына?

Хэмм не хотел. Рубин снова оказался один.

11

Сентябрь заканчивался, полк Тибора подошел к северу Сеула, затем направился в сторону Пхеньяна, столицы Северной Кореи. Потери были незначительными. Солдаты КНА сдавались в таких количествах, что ребята в роте не понимали, как война вообще может продолжаться. Они слышали об одной победе войск ООН за другой. Прошел слух, что американские войска проведут День благодарения в Токио, а Рождество дома.

Местность между Сеулом и Пхеньяном не была такой грубой и скалистой, как по всей стране; техника передвигалась между городами легко, на юге о таком можно было только мечтать. Но в открытых полях, лесах и невысоких холмах северокорейским снайперам было проще просматривать местность и стрелять по американским джипам и грузовикам.

Где-то между двумя столицами, в месте, которое и на карте не найдешь, роте было приказано оставить технику и разбить лагерь по обеим сторонам извилистой дороги. Было тихо, но примерно в миле впереди ожидался противник. На следующем возвышении располагалась деревня, неприметное скопление хижин, покрытых «зеленкой». Воздушная разведка доложила, что недалеко от деревни находились вражеские танки, и считала крайне вероятным, что инмингун заняли деревню в ожидании американского конвоя.

Пейтон получил приказ разведать обстановку, но рисковать более чем одним человеком не собирался. Ограниченная видимость делала дорогу идеальным местом для внезапной атаки. Ясное дело, он позвал Рубина, объявив ему, что тот только что вызвался добровольцем прогуляться до деревни.

Тибору не особо хотелось идти туда, но радовало хоть то, что Пейтон не отправлял с ним южнокорейцев – слишком многие из них оказывались дезертирами, да и вообще эти парни были ненадежными в лучшем случае.

Тибор двинулся по извилистой дороге один. Как только расположение роты пропало из виду, он нырнул в канаву. Дальше пополз на коленях и руках, чтобы снайперской винтовке сложнее было до него добраться. Полз по холму, пока примерно в сотне метров не показалась деревня – бесцветное скопление грязи и соломенных хижин, за которым маячил непроглядный клубок опаленных солнцем деревьев и кустов. Активности не наблюдалось. Не было дыма от костров, не гуляли животные в открытом поле, не играли дети в высокой траве. Было слишком тихо. Разглядывая деревню в бинокль, Тибор обнаружил

подозрительную линию кустов, заполнявших пространство между двумя хижинами: их расположение показалось ему каким-то странным, неестественным. Несколько пучков бамбука выбивались, будто их впопыхах вырвали и переставили. Он сохранял дистанцию.

Тибор вернулся, доложив, что деревня казалась заброшенной, и хотя присутствия врагов не наблюдалось, он подозревал, что они там все-таки были. Пейтон спросил, что все это значит. Тибор призвал на помощь свой лучший английский. «Вероятно, северные корейцы там повсюду».

Пейтон заржал, назвав его долбанутым: «Как ты тогда объяснишь тот факт, что стоишь тут – и тебя не пришили там?»

Тибор попытался сдержать язык за зубами, но не смог. «Может, они ждут рыбу покрупнее. Может, им не нужен одинокий зассанец».

– Да ты еще больший идиот, чем я думал, Рубин, – вгрызался в него Пейтон. Он повернулся и позвал Леонарда Хэмма. – Капрал, возьми с собой дюжину парней, проверьте деревню. И еврея этого гребаного с собой захвати.

У Тибора не было выбора – пришлось присоединиться к новому патрулю.

Хэмм разбил отряд на две колонны и отправил их в канавы по обеим сторонам дороги, приказав солдатам соблюдать расстояние в пять шагов. Они двигались медленно и держали винтовки наготове. На полпути к хижинам они еще вполне могли встретить трупы товарищей. КНА частенько оставляла изуродованных солдат на отшибах маленьких городов и деревень, прежде чем покинуть их окончательно. Но сейчас мертвых не было, даже южнокорейцев. Это расслабило патруль. Отсутствие даже одного трупа, да и вообще каких-либо странностей напрягло Тибора. Значит, все это могло быть ловушкой.

В сотне метров от первых хижин Тибор напрягся еще больше. Он ожидал увидеть хотя бы нескольких жителей, пусть даже женщин и детей, заинтересованных присутствием солдат. Но он не увидел ничего.

Прежде чем он успел выкрикнуть предупреждение, дымок выстрела вырвался из зарослей, и парень перед ним исчез в облаке камней и грязи. Быстрее, чем кто-либо успел закричать или двинуться, пулемет порвал еще двоих солдат ровно пополам. Осколок взрыва отправил капрала Хэмма в канаву, а Тибор схватился за шлем и упал на землю.

Рота, находившаяся на расстоянии чуть больше мили, услышала гвалт и нырнула в окопы. Слышны были приказы минометчикам и гранатометчикам. Спустя минуту из-за

ближайшего поворота показалось два танка Т-34, за ними вприсядку шла дюжина или около того пехотинцев. Снайперы заложили каждый по выстрелу, а гранатометчики пальнули по танкам: новые усиленные снаряды легко пробили ранее казавшуюся неуязвимой броню. Солдаты радостно заорали, когда вражеские танки загорелись и встали как вкопанные.

Тибор и еще семеро ребят рванули обратно к роте ровно в тот момент, когда показалась воздушная поддержка. Истребители распылили остатки танков, окунув их в пламенные потоки напалма. Все сгорело так быстро, будто броня танков была сделана из пастилы.

Когда пальба прекратилась, Тибор доложил о потерях: шестеро погибли, двое ранены; оставшиеся шесть отделались легким испугом.

– Вот только насчет Хэмма я не уверен. Не думаю, что он погиб, – сказал он Пейтону.

– Да погиб, погиб, – отозвался тот.

Тибор замотал головой: «Нет, не думаю».

Пейтону все это явно надоело: «Он там явно помер, ну его в зад».

– Нет же, нет, – настаивал Тибор.

– Ну иди проверь, пусть и тебя подстрелят. Плевать мне на вас обоих, – с этими словами Пейтон удалился.

Что делать, надо идти. Упрямство старшины только подогрело Тибора. Он быстренько наполнил флягу и отправился по дороге.

Вдалеке дымилось место стычки. Зайдя за поворот, Тибор снова нырнул в канаву, где ковылял до тех пор, пока не увидел предательские хижины. Тут он упал на живот, поднимая голову разве только для того, чтобы разглядеть несколько метров песка и гравия прямо перед собой.

Воздушная атака прошла впустую. Да, деревня представляла собой дымящийся погребальный костер, но роща за ней оказалась нетронутой, словно американская военная мощь была ей нипочем. Может, заросли были слишком густыми, чтобы их смогли расчистить два истребителя. Может, пилоты решили, что их работа закончена. Может, у них топливо заканчивалось. Как бы там ни было, у вражеских снайперов осталось роскошное прикрытие. Тибор головы не поднимал.

На полпути к деревне раздался выстрел. Тибор замер. Винтовка гавкнула снова, небольшой фонтан песка забрызгал ему ботинки. Он прижался телом к земле и лежал неподвижно. Он не видел, откуда стреляли, да и плевать было; главное, что он невредим. Он боролся с приступом адреналина, кричащего: «Беги!

Ищи прикрытие!» Каким-то образом ему удалось перенаправить эту энергию в слух – лишь бы не пропустить топот шагов, грохот техники, слово на чужом языке. Он еще сильнее вцепился в приклад и лежал так, казалось, час, боясь даже поднести к лицу кисть руки, чтобы посмотреть на часы.

Выстрелов больше не было. Дневной свет начал увядать, Тибор медленно развернул правую руку, пока не увидел ее перед собой, пальцы впились в грязь, он начал медленно продвигаться вперед, молясь об укрытии. Сердце билось так люто, что, казалось, сейчас выдаст его врагу с потрохами.

Минометы северокорейцев превратили участки канавы в кратеры. Тибор нырнул в первый попавшийся и попытался слиться с землей.

Лежа на дне свежевыкопанного кратера, Тибор думал о невидимых, мертвых солдатах, которые, он знал, были разбросаны вокруг него. Он размышлял о том моменте, когда их жизнь вдруг превратилась в смерть. Он видел, как они падали, хотя атака наступила так быстро и так яростно, что оценить нанесенные им ранения было решительно невозможно. Тибор в основном видел тела совсем почти нетронутые, тела людей, убитых, скажем, взрывной волной, а потому ему очень хотелось посмотреть, что же прикончило пол-дюжины человек, не переживших засады.

Это желание породило еще один вопрос. Только ли тело ответственно за сдачу души, или душа тоже имеет право голоса? Тибору казалось, что одни сдавали душу за секунду, а другие боролись и держались за нее вопреки самым страшным травмам. Несмотря на собственные ранения, он еще никогда не чувствовал себя настолько близким к смерти. Его душа, казалось, сама хотела остаться с ним – может, потому что не была уверена в том, что ее кто-нибудь ждет там, на другом конце пути.

Он задал этот вопрос Богу, но тот, как обычно, не ответил. Тибор начал уже привыкать к этому, но вот сейчас, пока он готовился спросить у Всемогущего, правда ли тот существует, и пока он ждал знамения, сердце его замерло и страхи его ушли. Огня винтовок больше не было; что ж, вполне себе знамение.

Тибор повторил молитву благодарности и заставил себя двигаться дальше, пока небо совсем не выжало весь свет из этого дня. Рядом летали мухи, других звуков вокруг не было. Он прополз мимо измятого, полуголого трупа с кривой ухмылкой – будто тот высмеивал его за то, что он посмел вернуться сюда. Тибор вкопал пальцы в гравий и змеей продолжил свой путь до тех пор, пока не различил слабый звук дыхания, перебивающегося стонами – кто-то словно говорил во сне.

Это мог быть Хэмм, а мог быть и затаившийся враг. Инмингун знали, что солдаты почти всегда возвращались за своими ранеными и убитыми и что они не могут устоять перед криками о помощи. Тибор остановился, чтобы послушать. Тяжелое, болезненное сопение продолжалось, но тембр голоса был глубже типичного азиатского. Тибор решил, что если бы враг был рядом и почувствовал приближение другого солдата, он бы пристрелил Хэмма. Иначе раненый мог бы предупредить о засаде.

Тибор прополз еще несколько метров, дополз до слоя сорванного в форме футбольного мяча дерна, где заметил, наконец, Леонарда Хэмма, лежащего на животе в десяти примерно метрах впереди, дергающегося, но без сознания. Приподнявшись на локтях, Тибор дополз до него, перевернул и аккуратно стащил с него рубашку и ботинки – искал раны. Форма Хэмма была несильно порвана на спине – похоже на шрапнель. Лоб был в ссадинах, в щеке был песок – вероятно, результат тяжелого падения. Крови было мало. Тибор вымыл ему лицо и налил немного воды в рот. Хэмм продолжал дышать, но оставался в состоянии беспокойного сна.

Тибор ухватился за воротник Хэмма и потащил его обратно к дороге. Дело шло медленно: Хэмм и Тибор были примерно одинакового веса и строения. Тихо и размеренно он тащил товарища через драную землю и мелкие траншеи, а когда они отползли на безопасное расстояние от деревни, то прямо по дороге. Хэмм продолжал приходить в себя и снова отрубаться. Каждый раз, когда открывались его глаза, Тибор шептал: «Все будет в порядке. Только не шуми».

Когда Леонард Хэмм впервые пришел в себя, он ничего не видел. Но знал, что движется, потому что его ноги дергались где-то внизу. Размытые образы постепенно превращались в отчетливую картину, и он понял, что вокруг ночь и что его тащит другой солдат, причем ползущий на спине и неровно дышавший.

Солдат остановился, повернулся и дернулся вперед, словно старая тачка с поломанной коробкой передач. Хэмм почувствовал рывок – они резко тронулись. Его шлем стукнулся о шлем солдата. Почувствовав желание подняться на ноги, Хэмм потянулся, чтобы встать, но тут же был одернут. «Постарайся не двигаться», – услышал он тяжелый акцент.

Последнее, что помнил Хэмм, – взрыв грязи и травы и мимолетный образ человека, по оси летящего в воздух. После – фрагменты снов, которые все никак не получалось сбросить. Медленно он начал понимать, что где-то в промежутках этого беспокойного сна смешно говорящий венгр Рубин пришел за ним, забросил себе на спину и теперь тащит обратно. Вот, кстати, и

мешки с песками.

У Хэмма все болело, он дико устал, но сильнее всего было чувство голода. Запах горячей жрачки змеей забрался к нему в нос, он попросил Рубина донести его до раздачи. Венгр посадил его на задницу, затем появился откуда-то сверху.

– Я звать медика, о'кей? – спросил он, тяжело дыша.

– Не, – пробормотал Хэмм, – Я в порядке.

Горела вся грудь целиком, в спине раздавались острые приступы боли, но он не хотел оказаться в полевом госпитале. Если врачи оставят его там даже на незначительное время, он вполне может оказаться в другой роте.

– Сколько я был в отключке? – спросил он как-то мутно.

– Ну так, немного. Осколок тебя порядочно встряхнул.

– А ты что там делал?

Улыбка заползла на лицо Рубина. «Так, гулял».

– Правду говори.

Улыбка стала шире. «Точно медика не хочешь?»

Хэмм рассмеялся и покачал головой. Он хотел поблагодарить этого парня, но сил все еще было мало. Вдобавок он не очень понимал, что именно произошло. Хэмм поднялся, взял Рубина за руку, вцепился в нее сильно – пожалуй, это была самая крепкая благодарность в его жизни – и, шатаясь, пошел в очередь за едой.

Все, о чем мог думать Леонард Хэмм следующие несколько дней, было то, как так вышло, что этот сумасшедший венгр рискнул собственной жизнью, чтобы вытащить его с поля боя. Что заставило его пойти в одиночку, искать парня, которого он едва знал, которого остальная рота уже наверняка мысленно похоронила? Он не знал ответов на эти вопросы и не знал, как отблагодарить Рубина.

12

Третьего октября газеты всего мира сообщили, что южнокорейские патрули пересекли 38-ю параллель и вошли на территорию Северной Кореи. Враг не оказывал сопротивления. Южнокорейский парламент на встрече в Пусане попросил у ООН разрешения продолжить продвижение на Север. Воспользовавшись моментом, генерал МакАртур по радио из Токио предложил всем северокорейским частям, находящимся «на всей территории Южной Кореи», сдаться, заявив, что «полное уничтожение ваших вооруженных сил и военного потенциала теперь неизбежно».

В день радиотрансляции командующий офицер Восьмой армии объявил солдатам, что пришло время дипломатических маневров. Если северокорейский премьер Ким Ир Сен примет условия МакАртура, война закончится и войска смогут вернуться домой к Рождеству. Когда роте Тибора, находившейся непосредственно возле невидимой границы с Северной Кореей, зачитывали новости, парни ликовали и аплодировали.

Рота получила приказ разбить лагерь в открытом поле недалеко от леса. Заслон из густых зарослей высотой по грудь и площадью примерно с три футбольных поля был настолько плотным, что полностью поглощал свет и мешал рассмотреть что-либо дальше первой линии деревьев даже в бинокль. Штаб предупредил роту, что среди толп беженцев, спускавшихся по главной дороге, может быть неприятель, но Пейтона больше волновали те, кто мог прятаться среди деревьев. Он видел тощих, как сучья, снайперов, прятавшихся за самыми тонкими ветками, тихих, как гусеницы, терпеливо выжидающих, когда американские солдаты окажутся в поле их зрения. Он по собственному печальному опыту знал, что эти опытнейшие пехотинцы-снайперы подавали признаки жизни только за секунду до убийства. И что если их не заметить и не вычистить, американцы обречены.

Пейтон поговорил с южанами, но никто не выразил желания сходить на разведку. Тогда он свистнул Бриера. «Отправь за Рубиным как можно быстрее, – приказал он. – Он волонтер. Он справится».

Когда Тибору объяснили задание, он сказал, что шататься по лесу одному – не лучшая идея.

– Тебя уже представили к Медали Почета, – сказал Пейтон. – Докажи, что ты достоин ее.

– Пока что я ничего не получил, – отшутился Тибор.

Разговоры о медалях и почете все еще ничего для него не значили. И потом, как только убили их командира, эти разговоры закончились сами собой. Вдобавок Тибор все еще сознательно игнорировал армейский протокол, даже немного гордился этим – считал, что пока что он выживал не благодаря, но вопреки ему.

– Приказ уже отправили, – ответил Пейтон. – Мы ждем только подтверждения.

На самом деле, конечно, ничего он никуда не отправлял и отправлять не собирался. Пейтон рассказал Бриеру и другим сержантам, что никогда не будет рекомендовать Рубина ни к какой награде.

Пейтон приказал Тибору прочесать лес на наличие там войск противника или чего-нибудь подозрительного. Как обычно, он предложил ему в помощь сколь угодно много южнокорейцев; как обычно, Тибор отказался.

– Меня уже раз обрезали, – сказал он. – Второй раз вокруг шеи мне не нужно.

Пока Тибор собирался и обвешивал себя обоймами и гранатами, Пейтон похлопал его по спине: «Что-то случится – стреляй три раза. И не геройствуй там».

Пока сто шестьдесят нервных солдат устраивали себе прикрытие и рыли землю для окопов, Тибор вприсядку пересекал кишащее пчелами поле в траве по колено. Пробравшись через жидкий кустарник, он нырнул в более густые заросли. За первой линией сосен лес был вполне себе проходимый. Деревья украшали короны частой листвы, а внизу царили прохлада и спокойствие. Чистый октябрьский воздух напомнил ему о Калифорнии, а деловая болтовня стайки птиц заглушала далекое и надоевшее уже эхо артиллерии. Пока Тибор методично передвигался зигзагами от одного дерева к другому, флора и фауна вокруг него жили своей жизнью, не обращая на чужака ровно никакого внимания.

Внезапно из-за лиан и ветвей возникли три тонкие фигуры. Тибор напрягся. Ему показалось, или трое вооруженных северокорейцев только что материализовались в пятнадцати метрах от него? От резкого прилива адреналина закололо по всему телу, от лба до кончиков пальцев.

Тибор взвел курок и замер. Зрачки расширились, в животе все перевернулось, когда десять… двадцать, нет – пятьдесят человек возникли из-за стволов деревьев. Затем появились еще и еще, пока корейцы не стояли у каждого дерева – так далеко, насколько хватало глаз. Северокорейцы. Встали, как сторожа, так тихо, что даже птиц не спугнули.

Позвоночник Тибора стал бетонным. Он хотел рвануть, но не

мог: корни деревьев словно вылезли из земли и вцепились ему в ботинки. Обычно такой надежный движок, позволявший ему срываться с места, сейчас почему-то даже не заводился. Он выругался сам на себя и приготовился к шквальному огню. Но ничего не последовало: ни огненных вспышек, ни внезапного удара свинцом, разрывающим на куски. Корейцы вообще не двигались, даже оружие не подняли. Тибор завис, в голове звенела одна-единственная мысль: сдавайся. В те бесконечные секунды, что последовали за этой мыслью, он неловко сорвал военную рубашку, под которой была белая фуфайка: хоть что-то, похожее на белый флаг. Вдруг, думал он, эти ребята пожалеют его и не будут стрелять. Прошла еще секунда – он все еще не умер. Жалящая мысль пронеслась в голове: оказаться в плену у северокорейцев – это смертный приговор, только вот умирать ты будешь дольше и куда болезненнее, чем от быстрой и такой милосердной пули. То есть он все равно умрет, но процесс будет куда мучительнее.

Появился белый объект. Нет, не может быть. Человек, стоящий впереди, похоже, офицер, кажется, махал белым флагом. Тибор был дико взволнован: кто его знает, может он им все это время махал; может, от молниеносного шока встречи с врагом он и не заметил этого сначала. А может, Тибора уже пристрелили. Может, в последние его секунды сознания Господь сжалился над ним и облегчил его муки видением мира. А может, Господь жестоко его разыгрывает – ну так, в качестве прелюдии к невыносимой боли, которая его ждет.

Рядом с ухом зажужжал комар. Тибор понял, что он не умирает и что белый флаг – это не плод его воображения. Три солдата продолжали движение к нему, и сомнения не было: их лидер размахивал белым флагом. Дистанция между ними сокращалась, Тибор увидел полоски на плечах впереди идущего; похоже, это лейтенант. Он не успел даже поприветствовать его, как офицер начал говорить, хотя его слова благополучно утонули в пении птиц, треске ветвей и спутанном диалоге в голове Тибора.

Кажется, офицер представился «Ли», однако мысли Тибора был настолько спутаны, что он не был в этом до конца уверен. Рот офицера произнес еще какие-то слова скороговоркой, Тибор не уловил и их, хотя они и звучали как названия блюд в китайском ресторане – что-то вроде «хусюю», кажется, или «хурюсю». Что отвечать? Офицер подошел на расстояние плевка, и теперь стало понятно: он спрашивает «ху а ю?» – «кто ты такой?»

Кто я такой? Тибор безучастно посмотрел на него. Вопрос был одновременно конкретным и абстрактным. Он поколебался

немного, пытаясь привести мысли в порядок, принять как данность то, что видели перед собой его глаза, свести воедино различные элементы окружавшей его реальности. Ли – лейтенант. Вряд ли лейтенант будет сдаваться рядовому. Так что если уж Тибор сейчас будет принимать солдатов врага в плен, звание у него должно быть повыше. Он знал, что высокие американские военные чины редко носили отличительные знаки: они делали их легкими мишенями. Корейцы это тоже наверняка знали. Внезапно он понял, что может сказать лейтенанту Ли все, что душе угодно, надо только понаглее быть. Он с трудом выдавил из себя несколько слов, хотя пока что понятия не имел, что собирается сказать.

– Майор Рубин, – услышал он собственное бормотание.

Лейтенант приподнял голову и выстрелил в него сомневающимся взглядом. Или взглядом недоверия? Или, быть может, он просто не разобрал акцент Тибора.

– Майор Рубин, – сказал он снова, на этот раз громче.

Лейтенант продолжал тихо сверлить его взглядом.

– Майор Рубин, из Нью-Йорка.

Может, это поможет парню прийти в себя.

Лейтенант закивал головой.

– Майор Рубин, мы хотим сдаваться вам, – сказал он извиняющимся тоном. Затем он наклонился в сторону, пытаясь заглянуть за Тибора. – Где ваши люди?

Тибор небрежно указал большим пальцем в сторону поля.

– А вон там. Мы уже знаем, что вы здесь. У нас там целая вооруженная до зубов дивизия, и мы готовы с вами поговорить.

Лицо лейтенанта расплылось в мальчишеской улыбке.

Уверенность Тибора нарастала.

– Как вы знаете, – продолжал он важно, – ваш лидер, Ким Ир Сен, сейчас находится в Токио на мирных переговорах с МакАртуром.

– Нет, я не знал об этом. Но я рад слышать это.

Тибор кивнул. Он понятия не имел, правда это или нет. Чуть позже он узнает, что Ким Ир Сен даже близко к Токио не подходил – он в это время был занят тем, что объявлял о своей неминуемой победе из-за китайской границы.

– Довольно скоро война будет закончена, – продолжал Тибор. – Но сейчас, парни, нам придется взять вас в плен.

Кореец с секунду помолчал. На лице его появилась тень – нет, облако сомнения, будто мозг застрял в процессе переключения передач. Уверенность Тибора дала трещину. Пока во рту совсем не пересохло, он попытался скрасить ситуацию: «Все будет в порядке. Мы вас накормим, одежду дадим. Как объявят мир, мы

все поедем по домам к семьям».

Лейтенант с энтузиазмом закивал.

– Что нам надо делать?

– Снимите винтовки, выньте бойки, сложите амуницию. – Тибор указал направо. – Вот сюда.

Пока солдаты разбирали винтовки и укладывали их на землю, «майору» в голову пришла устрашающая мысль – точнее даже логическая неувязка. Нельзя просто взять и отвести всех этих пленников обратно в лагерь. Во-первых, их было слишком много: как только они увидят роту, сразу поймут, что их в разы больше, чем захватчиков. Во-вторых, и это даже важнее: как только Тибор и его пленники выйдут из леса, первые же солдаты, которые их увидят, откроют пальбу. Тибор лихорадочно искал в голове план действий.

– Итак, вот что сейчас произойдет, – объявил он. – Один или двое из вас, ребята, пойдут со мной. Вы отдадите мне офицерский пистолет. Я возьму его к своим парням, и мы обсудим, что с вами делать. Остальным ждать здесь.

Лейтенант сразу же отдал ему свой пистолет. Тибор пожал ему руку: «Отлично, теперь все официально. Вы сдались».

Лейтенант и двое его людей пошли за Тибором в поле, но как только они прошли последнюю линию деревьев, он приказал им пригнуться. Не хотят же они, чтобы по ним случайно открыли огонь.

Солдаты все еще окапывались, когда Тибор с важным видом вышел к ним из поля. Раньше всего остального они увидели воодушевленное выражение его лица. Он подошел к сержанту Бриеру и сказал, что ему срочно надо поговорить с сержантом Пейтоном.

Старшина, похоже, был даже рад видеть Рубина целым и невредимым. Это означало, что в лесу не было засады.

– Ну как там все, Рубин? – спросил он.

Тибор чуть не взорвался от ликования.

– Сержант Пейтон, у меня для вас хорошие новости.

Пейтон быстро его оглядел. Рядовой выглядел как сумасшедший ребенок. Пейтон вернулся к расписанию нарядов.

– Я тут занят, Рубин. Уйма отчетов.

– Сержант Пейтон, я только что взял в плен восемь сотен – нет, тысячу северокорейцев.

Пейтон отмахнулся от него: «Ты дурак что ли?»

– Сэр, вам лучше позвать командира роты. Я только что поймал тысячу узкоглазых!

Пейтон помрачнел.

– Да что ты, бл, несешь? Устал ты или чего?

Он посмотрел рядовому прямо в глаза: – Еще медальку захотел? Вы, евреи, не знаете, да, когда пора остановиться?!

Рубин приосанился.

– Сержант, не нужна мне медаль. Пожалуйста… Мне нужно поговорить с командиром.

Тибор напрягся, пока Пейтон встал и начал медленно надвигаться. В глазах сержанта горели искры, готовые вот-вот взорваться. Тибор начал сомневаться в собственной адекватности.

– Ну хорошо, – презрительно усмехнулся Пейтон. – Но если ты врешь, вылетишь у меня к херам отсюда.

Пейтон, Тибор и сержант Бриер отправились в штаб батальона, где встретились с командующим ротой и его офицерами. Пока Тибор рассказывал свою историю, Бриер изучал находившихся в комнате. Казалось, офицеры были заняты, они слышали Рубина, но не слушали его. Впрочем, когда Рубин рассказал, что представился корейцам майором, все присутствующие, как один, резко засмеялись.

– Рубин, *майор*? – заорал Пейтон. – Да он даже по-английски говорить не умеет! – Он повернулся и уставился на разозлившегося рядового. – Ты вообще как с ними общался-то, с узкоглазыми?

– По-английски, – ответил Тибор невозмутимо.

Мужчины засмеялись еще громче.

Командир подмигнул Пейтону и обратился к Тибору:

– Хорошая работа, сынок. Ты получишь за это медаль. Мы гордимся тобой, и я прослежу, чтобы тебе предоставили несколько недель отдыха.

– Думаете, я с ума сойти? – возразил Тибор. – Да нет же! Там в лесу тысяча узкоглазых, сдавшихся майору Рубину. Пожалуйста, пойдемте их заберем.

Командир жестом успокоил Пейтона, затем терпеливо сказал Тибору: «Ладно, сходим, проверим».

Командир, Пейтон, Бриер и еще несколько штабных забрались в джипы и отправились в поле. Пейтон всю дорогу ворчал: «Гребаный венгерский жидяра, – бурчал он. – И правда с ума сошел».

Они дотащились до леса. Тибор бегом выскочил из джипа и кого-то окрикнул. Трое северокорейцев вышли из леса с полусогнутыми за головой руками.

Американцы молча таращились друг на друга, рты их словно парализовало. Командир прокашлялся, и это послужило неким сигналом для неразборчивого бормотания среди остальных.

Пейтон подошел к лейтенанту Ли и приказал ему повторить то, что рассказал им Рубин. Дружелюбным тоном Ли объявил, что

раз Ким Ир Сен сейчас в Токио подписывает мирный договор, он и его люди сдались майору Рубину.

– Да какой он на хер майор! – заверещал Пейтон. – Он мудак, вот он кто! А Ким Ир Сен ничего нигде не подписывал!

Тут он запнулся, будто кто-то одновременно толкал его в два противоположных направления. Затем плюнул в ноги корейцу: «Но подпишет!»

Пока начальство пыталось разобраться в ситуации, молодые солдаты бросились избивать корейских рядовых.

– Гребаные узкоглазые ублюдки! – кричал кто-то из них.

– Не надо! – запротестовал Тибор. – Я обещал им обращаться с ними хорошо. Они пленники. Нельзя бить их теперь.

Пейтон пришел в себя и указал жестом в сторону лагеря: «Ну, хватит цирка. Едем обратно».

Тибор вскочил перед ним: «Да нельзя уехать, – взмолился он. – Они там все в лесу, хотят сдаться. Обещаю!»

Пейтон с ненавистью глянул на него, потом посмотрел на командующего: «Откуда нам знать, что это не засада? Вы что, доверитесь Рубину?»

Командир пожал плечами и подошел к корейскому лейтенанту, который настаивал на том, что его люди сдались. Некоторое время спустя вся команда шла за Тибором и лейтенантом Ли в лес.

Там их ждали по меньшей мере две полных роты безоружных корейцев – слонялись без дела, будто собрались в ожидании почты из дома. Вид американской формы, похоже, поднял им настроение.

Солдаты были в шоке от такого поворота событий – моментально бросились связывать пленников, пока те не испарились в воздухе. Пейтон сгонял их в кучу, усаживал на колени, а командующий уставился на происходящее и мотал головой, не веря своим глазам: «Я никогда в жизни ничего такого не видел, – повторял он раз за разом. – Это выдающееся достижение».

Пейтон пристально смотрел, как офицер отвел Тибора в сторону и сказал ему, что если бы враг внезапно атаковал роту такими силами, в живых бы не осталось никого. Старшина сжал зубы, когда командир роты обнял Тибора и объявил, что представляет его к Медали Почета.

Приехали грузовики, забрали пленников. В тот момент, когда открылся первый борт, новоиспеченные военнопленные весело побежали забираться в машину. Не требовалось ни понукать их стволами, ни угрожать. Пейтон все это время был мрачнее тучи.

Только Рэндалл Бриер слышал, как старшина равнодушно

поздравил Тибора: «Рубин, ты хорошо поработал. В один прекрасный день, если узкоглазые тебя не убьют и ты все-таки доберешься домой, старики будут гордиться тобой».

Тибор объяснил, конечно, что стариков давно уже нет, что их убили нацисты. Пейтон ответил, что сожалеет, что он гордится им и что надеется, что однажды Тибор станет гражданином США. И все же он так и не заполнил бумаги для медали Тибора. Он не сделал этого тогда в Тэгу, не собирался делать это и сейчас.

13

Численность КНА неуклонно сокращалась, силы ООН подошли к Пхеньяну. Разведка доложила, что город защищали всего около восьми тысяч когда-то грозных инмингун, у которых к тому же теперь совсем почти не было боеприпасов – в общем, город они были способны защищать разве что номинально. Так и вышло, и 20 октября Пхеньян оказался в руках ООН.

Большая часть территории Северной Кореи была захвачена; дивизия Тибора расположилась в северных пригородах Пхеньяна. Он и его товарищи наконец могли вздохнуть спокойно и расслабиться. Несмотря на продолжавшиеся стычки с врагом, в октябре жертв почти не было. Прошел слух, что конец войны рядом и что День благодарения парни будут отмечать в Японии.

Чего парни не знали, да и представить себе не могли, так это что еще до того, как силы ООН вошли в Пхеньян, тысячи китайских партизан уже форсировали реку Ялуцзян на пути из Маньчжурии в Корею. Одетые в зеленую униформу, сливавшуюся с ландшафтом, и вооруженные минометами, они продвигались по горам ночью, а днем скрывались в ущельях и зарослях.

В то же самое время, пока китайцы собирались в Корее, генерал МакАртур встречался с президентом Трумэном на маленьком атолле, убеждая его, что китайцы не вступят в войну. А даже если и вступят, настаивал генерал, воздушные силы США разнесут их в клочья. Поскольку большая часть штаба МакАртура соглашалась с его оценкой ситуации, военным судам с боеприпасами и запчастями было приказано отступить, а отряды 8-й американской армии собирались передислоцировать. Реальность же была такова, что к середине октября почти сто тысяч китайских коммунистов прятались в горах к югу от реки Ялуцзян.

28 октября три армейских батальона, все еще находившиеся в Пхеньяне, получили приказ готовиться к бою. Больше двух с половиной тысяч человек, грузовики, танки и артиллерия двинулись на север, к границе с Маньчжурией. Но парни в роте не переживали – офицеры описали миссию «операцией по зачистке». Командование понятия не имело, что горы вокруг места назначения, маленького города Унсан, кишели китайцами и что те занимали области к западу, югу и северу от городка. Американские силы не успели даже дойти до точки назначения, как уже были окружены противником с трех сторон.

Два дня спустя после получения приказа три батальона разбили лагерь недалеко от Унсана, примерно в восьмидесяти

километрах от коммунистической Маньчжурии. Первый батальон расположился на севере города. Второй занял место в полутора километрах к западу. Третий, тот, где служил Тибор, разбил лагерь в виде трехстороннего периметра рядом с речушкой к югу от Унсана. В их задачи входило охранять дороги на юг и восток, поскольку те служили путями отступления.

Оказавшись возле Унсана, Тибор и его приятели получили небольшой намек на то, что их ждало, хотя по-настоящему оценить масштаб происходящего на тот момент они не могли. Итак, они находились возле командного пункта – глубокой землянки, располагавшейся на невысоком холме. Окруженная деревянными балками и покрытая крышей из соломы и грязи, она была встроена прямо в холм. Листья и ветки служили камуфляжем. В просторном помещении, вмещающем одновременно до сорока-пятидесяти человек, располагалась радиорубка, а также проводились различные духовные мероприятия.

В конце октября ночи стали холодными и морозными. Дивизии, начавшей войну в неприлично жаркое лето, еще предстояло получить зимнее обмундирование: теплые носки, белье и длинные шерстяные шинели. Одетые в летнюю форму, Тибор и товарищи старались проводить как можно больше свободного времени в относительном тепле землянки.

Тибор, Хэмм и Бриер играли в карты, когда на них сверху посыпалась грязь. Они не успели толком укрыться, а грязи с потолка прибавилось. Несколько секунд спустя шмоток травы и дерна приземлился прямо туда, где лежали карты. Тибор и Хэмм посмотрели наверх и увидели две ноги, болтавшиеся из дыры в крыше. Еще секунду спустя маленький азиатский солдат, с глазами как два чайных блюдца, упал на спину прямо перед ними. Никто и встать не успел, а ноги чужака уже дергались, будто он ехал на велосипеде.

Такую униформу Тибор и Хэмм раньше не видели: плотные ватные штаны и пиджак, кепка с шерстяными наушниками и резиновые теннисные туфли. Штаны и пиджак были зелеными снаружи и белыми внутри – будто их специально сшили сразу на два сезона. В роте слышали, что северокорейцев тренировали китайцы и русские, но вот китайцев на поле боя они еще не видели. И вот теперь один из них барахтался в грязи прямо перед ними.

Двое рядовых с командного поста схватили китайца за ноги, пока третий принялся его колотить. Слышались призывы убить сукиного сына и даже оторвать ему яйца. За считаные секунды злые солдаты раззадоривали друг друга до состояния слепой

ярости.

Китайский солдат свернулся, обхватив руками колени, когда Тибор растолкал группу рассвирепевших сослуживцев.

– Нельзя так! – прокричал он. – Он пленник.

Нападавшие игнорировали его и жаждали крови. Хэмм протолкался через нескольких ребят и помог Тибору сохранить жизнь китайцу.

Тибор не видел смысла причинять боль маленькому человеку: никакой угрозы он никому не представлял. Более того, ему хотелось узнать, что он тут делает. Тибор и Хэмм прикрывали незваного гостя, словно щиты, пока не пришел лейтенант и не поставил китайца на ноги. Секунду спустя толпа бросилась ржать – враг намочил штаны от страха.

Лейтенант дотащил пленника до стула и силой усадил его. Вскоре его уже допрашивали офицеры. Парализованный ужасом маленький невооруженный солдат отказывался говорить. Американцы интересовались, что он мог делать в Северной Корее, но толку от этого было, как если бы они спрашивали друг у друга.

Тибор не увидел никакой связи между одиноким китайским солдатом и мощными клубами дыма, поднимавшимися с гор на следующее утро. Рота только закончила укреплять периметр, как из-за горизонта потянулись густые черные волны, сначала с северо-востока, а позже с юго-запада. Насчитали по меньшей мере семь башен дыма, но их могло быть и больше. К концу дня темные столбы слились в зловещий, плотный занавес, постепенно окружавший их. В роте понятия не имели, что все это значило.

Тибор раньше видел вражеские костры на поле боя. Инмингун иногда нарочно дымили, чтобы скрыть свое передвижение с позиции на позицию либо чтобы укрыться от авиации. Но это был не просто лесной пожар: казалось, горели сами горы.

На самом деле происходило вот что: 1 ноября китайцы скопились в холмах к северу, западу и югу от трех батальонов. К одиннадцати часам той ночи двадцать тысяч пехотинцев вышли из укрытия и вдарили по 1-му и 2-му батальонам, находившимся чуть выше батальона Тибора, к северу и западу от Унсана. После нескольких часов жестоких рукопашных схваток шестнадцать сотен человек были смяты и обратились в бегство. Численность и мощь вражеских сил оказались полной неожиданностью.

В полночь 3-му батальону предстояло оценить масштабы потерь, понесенных первыми двумя. Но они хотя бы знали, что грядет враг и что теперь их очередь держать удар, пока побитые напарники ретировались на юг. Солдаты окопались и приготовились к фронтальной атаке.

Майор Роберт Ормонд, командующий 3-м батальоном, рассчитывал, что как только артиллерийские расчеты на юге как следует прицелятся по китайцам, от тех и следа не останется. Но китайцы атаковали артиллерию с тыла ракетами и пулеметами. В результате внезапного нападения батарее ничего не оставалось, как бежать, оставив 3-й батальон один-на-один с врагом.

Ормонд расположил командный пост в поле за рекой, протекавшей с севера на юг. Танки встали прямо у берега так, чтобы они могли помешать противнику пересечь реку, если он пойдет с запада. Но майор не торопился взрывать мост: начальники обнадежили его, что на подмогу как раз с той стороны могут прибыть южнокорейские силы.

Три роты – Тибора, «Любовь» и «Майк» – расположились к северу от штаба Ормонда. «Майк» спряталась за деревьями на том же берегу реки. Тибор, Пейтон, Бриер, Хэмм и остальная рота находились выше на север и чуть восточнее, вдоль берега небольшой речки. Их задачей было удерживать позицию, чтобы другие два батальона смогли нормально отступить. Но хотя им об этом и не сказали, в полночь «нормальное» отступление превратилось в натуральный хаос, а остатки батальонов разбежались по холмам.

В час ночи Ормонд узнал по радио, что враг блокирует все дороги к югу от него. Зная, что его собственный батальон вряд ли долго продержится, он и его офицеры начали планировать путь отхода на восток – единственное направление, в котором не был замечен враг.

Еще до того, как план был готов, Ормонд увидел на дальней стороне моста войска. Он решил, что это южнокорейская армия, прибывшая с запада поддержать его, как и обещали в штабе дивизии. На какое-то время он даже успокоился. Но майор ошибался. Хотя некоторые там и носили форму южнокорейской армии, на деле это все были китайцы.

В полвторого ночи напряженную тишину нарушил далекий хор боевых рожков. Почти все люди Ормонда находились на своих постах, но половина из них спала. Те же, кто бодрствовал, никак не мог понять, почему звучали рожки и откуда вообще шел шум. За музыкой последовали звуки огня и взрывы гранат. Потом наступил форменный ад: толпы китайцев рванули по мосту, под ним, прямо через реку. Людей, спящих в окопах, разбудили непонятно откуда взявшиеся китайские винтовки и штыки. Весь командный пост Ормонда снесли за считаные минуты.

Основные части роты «Любовь» и роты Тибора удерживали северо-восточную линию обороны, когда они получили информацию о надвигающейся атаке. Мужчины быстро укрылись

за мешками с песком и в траншеях. Зарядили пулеметы и базуки. Когда прозвучали странные незнакомые рожки, роты были уже готовы. Но три с лишним сотни человек никак не ожидали увидеть то, что увидели в первой огненной вспышке: вражеские орды вихрями неслись на них, словно пшеничные колосья, подхваченные ураганом.

Шквал белых искр огня обнаружил вторую волну нападавших прямо за первой; поразительно, но многие из них казались безоружными. Тибор и его напарники высаживали в них целые обоймы за доли секунд. Два пулемета быстро свели на нет первую волну. Китайцы падали, словно аркадные игрушки, но те немногие, кто выживал, забрасывали американцев снопом гранат. Снаряды летели к пулеметным гнездам по длинным, кривым траекториям. Взрывные волны и шрапнель въедались в камни и землю, но не доставали до целей – шквальный огонь не прекращался. Однако нападавшие все перли и перли, сопровождаемые на верную смерть визгливыми свистками и рожками.

Тибор был потрясен их количеством. Пулеметы и карабины сносили волну фигур только для того, чтобы за ней увидеть еще одну. И половина из них была невооруженной, хотя теперь их стратегия стала ясна. Те немногие, кто ухитрялся выжить, останавливались подобрать оружие павших товарищей, затем ревностно продолжали путь – прямо в пасть ротных пулеметов. Тибор никогда не видел столько людей, сознательно идущих на смерть. Он одновременно восхищался и боялся их.

Остатки первых волн противника забрались в траншеи и расщелины перед речушкой. Из-за их выстрелов Тибору и другим пришлось прятаться, полностью полагаясь на непрекращающийся огонь пулеметов.

Атака, казалось, уже захлебнулась, когда взорвалась прилетевшая граната, и ближайший к Тибору пулемет отрыгнул и затих. Он и остальные повернулись и увидели вздернутый вверх ствол. За пулеметом никого не было. Затем другой пулемет, защищавший второй фланг, тоже замолчал. Китайцы резко повыскакивали из траншей, словно языки пламени, и рванули на американцев.

Огневой мощи роты было явно недостаточно для того, чтобы сдержать даже этих, и парни знали это. Без пулеметов самые удачливые рано или поздно доберутся до их рядов. И как только они это сделают, обе роты окажутся отрезанными от штаба.

Лихорадочный голос прокричал: «За пулемет! За пулемет!»

Двое рванули по мешкам с песком до пустого гнезда. Один отшатнулся и упал. Второй добежал сквозь пули, но исчез за

укрытием. Когда пулемет не смог завестись, кто-то позвал зарядника. Тибор инстинктивно рванул вперед. Глаза его смотрели ровно на несколько метров вперед и больше никуда. Ноги сами несли его – быстрее, чем он мог даже подумать остановить их.

Гнездо представляло собой натуральный хоррор. Трое солдат лежали в массе собственной крови и кишок. Пока новый стрелок прицеливался, Тибор поднял целую пулеметную ленту и быстро вставил ее в приемник. Стрелок управлял потоком свинца примерно тридцать секунд, пока не откинулся назад с рассеченной посередине головой. Не раздумывая ни секунды, Тибор встал за ствол и нажал на курок. Связка китайцев прямо за периметром испарилась. Еще какие-то фигуры возникали из темноты, но Тибор продолжал молотить по ним, направо и налево, пробивая дыры в их рядах все шире и шире, пока ручей и кустарник за ним не покрыл ковер из недвигающихся и угловатых тел, как мозаика уложенных посреди наполовину пустых мешков с песком.

На какой-то момент атака прекратилась, словно пулемет заткнул поток людей у самого источника. Но струйки темных фигур теперь продирались через несколько узких, случайных траншей, опасно близко расположенных у ручья. Огонь винтовок из невидимых щелей прошивал защитные мешки с песком и выбивал в них зияющие дыры. Обороняющиеся отвечали шквалом гранат – горы трупов росли.

Когда атака зашла в тупик, кто-то сообщил, что командный пост батальона попал в осаду и нуждался в подмоге. Внезапно у роты Тибора появилось две задачи: сдерживать китайцев и помочь товарищам.

Люди начали бросать линию обороны. Тибор слышал приказ, но остался у оружия; руки, кажется, приклеились к стволу. Он орал остальным уходить, кричал, что догонит их. Когда парни из его взвода замедлились, он снова заорал на них. Он прикроет их, вопил он, но им надо уходить, пока у него есть патроны. Несколько стрелков отскочили от мешков с песком, пока Тибор продолжал строчить из пулемета, вынуждая врага не высовывать головы из траншей.

Почти вся рота отступила, но пулемет Тибора продолжал сдерживать врага на том берегу ручья. Он говорил себе бросить ствол и уходить, пока он не остался один на линии, но все никак не мог улучить момент. Винтовки продолжали постреливать. Выбора не было – надо продолжать огонь.

Тибор не заметил колотушку, упавшую прямо перед ним. Позже он думал, что, наверное, она прилетела откуда-то со

стороны, а уже потом закатилась под него. Внезапно гейзер осколков и металлического мусора взвился из темноты. Ствол вырвался у него из рук. Взорвалась банка охлаждающей жидкости. Рядом с ухом пролетела пулеметная лента. Он почувствовал жалящую боль в руке, груди и ноге. Через долю секунды его, парализованного, снесло к задней стенке гнезда. В голове, еще работающей, пронесся образ похожего на отвертку штыка, вылезающего из темноты и направленного ровно ему в грудь. Ему повезло. Мешки и шлем уберегли от взрыва. Он остался в сознании, ощущение рук и ног вернулось почти сразу. Выбираясь из гнезда, он сиганул в темноту – до того, как враг успел прибыть за возмездием.

14

Отец Капаун находился в окруженном штабе, когда враг пробил периметр. Он смотрел с ужасом и одновременно удивлением, как легкие, неистовые человечки врывались в их ряды, сеяли смерть, а затем, по какой-то известной только им причине, бежали дальше, прямо через лагерь и в лес, будто их продували через трубу Куда они двигались, никто не знал: огоньки их винтовок стихали во тьме. Капаун и врач бросились в самое месиво и начали оттаскивать раненых к землянке. Вскоре к штабу небольшими группками стали подтягиваться остатки других рот, защищавших периметр в сотне метров к северу.

Полчаса спустя соединенные силы трех рот сумели отбросить китайцев – но, разумеется, ценой колоссального урона. От изначального периметра батальона остался жалкий кусок, усыпанный убитыми и ранеными.

Несколько человек каким-то чудом ухитрились проскользнуть через петлю, затягивавшуюся вокруг 3-го батальона. В суматохе первой атаки майор по имени Мориарти сумел протащить двадцать или тридцать человек на юго-восток, сначала мимо китайского патруля, а затем мимо чуть не целой роты, каким-то необъяснимым образом избежав обнаружения. Похоже, им на руку сыграло то, что их было относительно немного. Другие сбежали еще раньше, когда стало ясно, что поражение неизбежно; они присоединились к группе Мориарти и двинулись на юг. На следующее утро около сотни измученных выживших дошли до союзной территории, занятой южнокорейцами. Но остальной 3-й батальон – точнее, все, что от него осталось – был полностью окружен к югу от Унсана.

В отступающей роте Тибора некому было лечить раненых; в лихорадочном броске до штаба отсутствовал даже намек на какую-либо организованность. В спину им дышали вражеские пули. Раненые падали в темноту и так там и оставались. Никто не останавливался, чтобы помочь им; в данной ситуации это было равносильно самоубийству.

Сержант Бриер оказался одним из немногих сержантов, сумевших сохранить личный состав, но чем ближе его люди подбирались к штабу, тем опаснее становилась дорога – противник носился по лесу и палил во всех направлениях сразу.

Когда Тибор добрался до остатков периметра, было слишком темно, чтобы разобрать, откуда шел враг. Китайцы как сумасшедшие сновали в своих тяжелых куртках и кроссовках. Одни стреляли или пыряли штыками в окопы, другие пробегали

мимо штаба и исчезали в темноте, словно бегуны на заданном маршруте: только что были здесь и раз – их уже и след простыл. Но чем больше американцев возвращалось сюда, тем меньше оставалось здесь врагов – они уходили в сторону реки.

Тибор прыгнул в пустой окоп и разрядил несколько обойм подряд. Два пулемета стрекотали, будто переговаривались между собой. Стрелки сосредоточили свое внимание на мосту, скидывая подсвеченные луной фигурки в вялотекущий ручей, в котором они тонули, словно в чернилах. Тибор и еще несколько стрелков ждали, пока тонкие силуэты материализуются на дальнем берегу, затем отправляли их в небытие до того, как те успеют слиться с тростником и кустами.

Бой заканчивался, оставшиеся в живых солдаты батальона Тибора укрывались за тремя уцелевшими танками, а затем вновь выходили, формируя новую оборонительную линию. Но отвоевать позиции они не могли – невидимые китайские стрелки, похоже, скрывавшиеся в неглубоких траншеях, мешали им выбраться из-за мешков с песком и покореженной техники. Беспорядочно падали минометные осколки, недолетавшие, впрочем, до солдат и танков. У Тибора и остальных складывалось ощущение, что китайцы толком сами не знали, куда надо стрелять. Вполне могло быть, что как только американцы отошли от линии фронта, они оказались за пределами досягаемости врага.

Офицеры провели перекличку в своих отрядах, затем приказали экономить боеприпасы. Приказ пошел по рядам: боеприпасов крайне мало – экономим. Хотя за периметром находился богатый запас амуниции, было слишком рискованно возвращаться за ним. Парни считали минуты до рассвета, зная: еще одной атаки китайцев им не пережить.

Бомбардировка прекратилась днем. В тишине утра солдаты сумели наконец оценить ситуацию. Общее мнение было таково: если китайцы хоть сколько-нибудь похожи на корейцев, до темноты они не вернутся. Быстро осмотрели новый периметр; он составлял менее двухсот метров в диаметре, примерно треть от изначального размера. И все же его нужно было охранять. От 3-го батальона осталось меньше половины, и совершенно непонятно было, кто пропал, ранен или погиб.

Подвиг Тибора в самые опасные моменты атаки не прошел незамеченным. Те, кому удалось покинуть ручей невредимым, знали, что это случилось благодаря его пулемету. Лейтенант, видевший, как Рубин взялся за пулемет, доложил сержанту Бриеру, что порекомендует майору Ормонду представить Рубина к Серебряной звезде. Но Ормонд пропал в бою без вести, да и вообще неясно было, доживет ли кто-нибудь из них до того

момента, когда сможет доложить начальству о храбрости Рубина.

Капрал Хэмм, который провел все утро, безостановочно паля из-за ряда мешков с песком, и только сейчас начавший успокаиваться и понимать, что происходит вокруг него, заметил, что Пейтона нет с ним на линии. Это показалось ему странным, ибо они переговаривались всего пару часов назад. Хэмм рассказал об этом Тибору, который тоже видел его не так давно. Хэмм и Бриер прочесали линию, но Пейтона нигде не было, в том числе среди убитых и раненых. Старшина, которого Хэмм и остальные парни ставили себе в пример, самый опытный солдат в роте, также известный как «Господь Бог», внезапно, никого не позвав с собой, дал деру, пошатнув их уверенность в себе и оставив без лишнего ствола, так необходимого для обороны от китайцев.

Штаб батальона располагался теперь в ста тридцати метрах от новой линии обороны. Внутри находилось сорок или пятьдесят человек тяжело раненных, неспособных продолжать бой. Отец Капаун и капитан Андерсон, батальонный хирург, оставались с ними и делали все, что могли, чтобы сохранить им жизнь. Штаб расположили в довольно уязвимой позиции, однако с первыми лучами солнца выяснилось, что его все еще охраняют пять стрелков. От снайперского огня их укрывали горы трупов.

Над головами появился истребитель, летевший в сторону китайцев и громко призывавший врага показать себя.

У батальона Тибора появилось время перегруппироваться. Усталые, но обнадеженные, они бросились копать новые траншеи до командного поста и техники, которую бросили предыдущей ночью. Сто пятьдесят раненых перетащили внутрь периметра вместе с едой и драгоценными боеприпасами. Нашли и майора Ормонда – тяжело раненного, но живого.

Самолеты сдерживали китайцев на расстоянии, когда Тибор услышал звук вертолета. Он обернулся и посмотрел вверх. С юга подлетала и начала снижаться медицинская вертушка, прибывшая, чтобы забрать самых тяжелораненых. Как только двигатели начали разрезать воздух над головой Тибора, откуда-то послышались выстрелы. На расстоянии пятнадцати метров от земли в корпус вертолета вонзилось несколько пуль. Брызгая маслом, подбитая «птичка» накренилась, затем развернулась и улетела. Вскоре она скрылась за горизонтом.

Воздушая поддержка вернулась. Небольшой самолет сбросил внутрь периметра упаковку морфия и бинтов. По радио в танке сообщили, что подмога близка. Парни воодушевились.

Осажденный батальон не знал, что попытка спасти их уже была предпринята. Две роты 5-го полка подходили к ним с юга, но встретили вооруженное сопротивление в месте, известном как

Изгиб Голова Черепахи. Китайцы, спрятавшиеся на холме, с которого просматривалась дорога, жестоко наказали американцев. Триста пятьдесят солдат ООН погибло или было ранено. Остатки двух рот сообщили в штаб, что дорога между Изгибом и Унсаном непроходима.

В то же утро, второго ноября, 5-й полк предпринял вторую попытку спасти батальон. Подтянулись воздушные силы, которые должны были справиться там, где не смогли люди и пушки. Самолеты доминировали в небе, но дым мешал пилотам разглядеть китайские позиции. Вдобавок артиллерия полка не могла выкурить врага из расщелин, пещер и выступов, в которых он засел. Словом, все было плохо.

В середине дня командир дивизии генерал Гэй разрешил остаткам «Первого отряда» бросить позиции. Приказ предназначался всем трем батальонам. Впрочем, два из них и так уже разбрелись кто куда: немногие выжившие с трудом пытались добраться до дружеских позиций. В засаде оставался только 3-й. К концу дня, когда свет начал угасать, генерал принял, по его же признанию, самое тяжелое решение в своей военной карьере: отозвать спасательную миссию.

Отец Капаун и капитан Андерсон лечили раненых весь день. Они обустроили временный госпиталь в небольшой землянке, которую северокорейцы построили, чтобы прятать там оружие и небольшую технику. Не обращая внимания на огонь снайперов, оба не единожды выбирались в поле, чтобы забрать раненых, не способных передвигаться. Бесстрашный Капаун выходил больше дюжины раз. Каким-то образом ему удавалось избежать пуль врага, хотя несколько человек, выходивших с ним, таки получали ранения и едва добирались обратно в госпиталь.

Ближе к вечеру штаб-сержант Эрни Миллер, командующий тремя оставшимися танками, получил удручающее сообщение: 3-й батальон теперь официально сам по себе.

Приказ из штаба был абсурден в контексте их текущего положения: для спасения «полагаться на собственные силы». Миллер и пехотинцы обсудили ситуацию и приняли общее решение – остаемся. Они попытаются продержаться еще одну ночь. Быть может, завтра прибудет подкрепление.

Ключевым элементом их стратегии было создание второй точки обороны на месте бывшего командного пункта, который теперь находился за пределами их периметра. Место было очень близко к мосту, который китайцы использовали во время своей первой атаки. Если американцам удастся остановить атакующих возле реки, они, может быть, смогут удержать обе позиции. Вдобавок они смогут защитить своих раненых.

Тибор, Бриер и Хэмм были частью взвода, который отправился по траншеям до штаба батальона. Взвод обнаружил место возле землянки, усыпанное американцами и китайцами, лежащими так близко друг от друга, словно они воевали на одной стороне. Пулемет был выбит из гнезда, возможно, минометным снарядом. Двое вернули его на место и перезарядили. Бриер расположил Тибора, Хэмма и остальной взвод вокруг землянки, но защита вышла довольно хилой. Если китайцы снова нападут с реки, эта кучка людей и пулеметы будут первой и единственной линией обороны батальона.

Минометный обстрел периметра начался на закате, почти все снаряды падали возле танков. Ясно было, что китайцы хотели уничтожить танки, прежде чем отправлять пехотинцев. В надежде привлечь на себя огонь неприятеля, Миллер отправил технику за периметр. Танки дрогнули, едва тронувшись – по ним попали. У одного из них загорелась башня, но ее быстро потушили. Боеприпасов и горючего было крайне мало – Миллер связался с парнями в периметре и сообщил им, что техника не сможет им помочь. Те согласились. Миллер и его команда отвезли искалеченные танки на юго-запад, где позже бросили их и продолжили движение пешком. Сержант и его небольшой отряд добрались в итоге до южнокорейского лагеря.

В течение всего вечера солдаты, бросившие поле битвы в прошлую ночь, возвращались для защиты периметра. Они просачивались в лагерь с холмов небольшими группками – всего так к обороне присоединилось человек пятьдесят. Общее число обороняющихся выросло до двухсот тридцати.

Минометный обстрел закончился около полуночи. Из темноты заверещали рожки и свистки. Волна орущих китайцев рванула на периметр с той же сумасшедшей яростью, что сопровождала их в первую атаку. В первые же моменты боя 3-й батальон пальнул из базук по собственным брошенным грузовикам и джипам, баки с горючим взорвались – белые искры взлетели ввысь, позволив обороняющимся понять, куда именно нужно целиться. Первая пачка китайцев растаяла, но за ней появилась вторая, в том же количестве – они подняли оружие павших товарищей и продолжили атаку. Разницы не было никакой решительно, словно китайцы не умирали вовсе.

Атака ослабла примерно через час. Поле боя затихло. На какое-то время китайцы, кажется, остановились. Солдаты быстро вылезли из своих окопов, чтобы собрать как можно больше оружия и боеприпасов.

Температура упала до минус одного, но солдаты этого даже не почувствовали; они были слишком заняты подготовкой к новой

атаке китайцев. Минометный обстрел начался с зубодробительной частотой. Парни вжались в окопы, удерживая шлемы, по которым колотила шрапнель. Когда обстрел прекратился, новая волна атакующих понеслась на периметр, но батальон был к ней готов: китайцы попробовали на вкус собственные же пули.

Командный пост, в котором окопались Тибор, Бриер и Хэмм, был как атолл посреди мощного тайфуна, но пока что с помощью двух пулеметов им удавалось удерживать китайцев. Вооруженный полуавтоматическим карабином, Тибор целился в тени, вспышки металла, силуэты, все, что вообще двигалось. Он давно уже не думал. Понять, что происходит, было решительно невозможно, как и представить, что может произойти с ними до рассвета. Леонард Хэмм был в примерно шести метрах от него с одной стороны, сержант Бриер с другой; хорошие парни, которым можно доверять до самого конца. Кроме них, единственной его защитой была пачка обойм, лежащих под рукой.

В течение нескольких часов взвод представлял собой смертельный забор, который враг не мог пройти. Потом пулеметы начали запинаться. Наверное, перегрелись, или это была осечка, или погибли их расчеты; Тибор не знал. Все, что он знал, так это что они перестали стрелять, и было уже поздно уходить за периметр.

Он плохо помнил то, что произошло дальше. Дело было в самом разгаре атаки. Белые вспышки винтовок показались под девяносто градусов слева и справа, одновременно. В этот раз было темнее; как только вспышки угасли, Тибор не знал, куда стрелять. Затем, без предупреждения, мощным толчком его откинуло назад, вырвало из рук оружие и высосало из легких весь воздух.

Удивительным образом солдатам внутри периметра удавалось остановить бесконечный поток китайцев. Утром третьего ноября двести человек все еще могли сражаться. А вот на командном посту было подозрительно, зловеще тихо.

По канавам к осажденной землянке выполз патруль. Мертвые китайцы забили вход; пришлось разбирать тела, чтобы добраться до него. Внутри, ко всеобщему удивлению, еще были раненые. Один из них сообщил, что как только стихли пулеметы и винтовки, сюда вошли китайцы. Они забрали с собой майора Ормонда, капитана Андерсона, отца Капауна и еще дюжину тех, кто мог идти. А затем просто ушли. Никого не добили – чудо, учитывая, сколько их здесь полегло.

Оставшиеся в землянке смертельно боялись, что их бросили. Сержант, оставшийся за главного, объяснил, что никто не мог

сказать, что будет дальше, но его небольшой отряд не мог здесь оставаться; каждый, кто мог, должен был сопротивляться. Прежде чем вернуться в периметр, патруль осмотрел убитых. Хэмма, Бриера и Рубина среди них не было.

Чуть позже два лейтенанта и двое солдат, рискуя собственными жизнями, вернулись проверить раненых в землянке. Почти все были все еще живы, но дико напутаны. Ясно было, что шансов у них нет. Если те, кто еще мог передвигаться, не смогут уйти отсюда, погибнут даже жалкие остатки батальона.

Четверо патрульных двинулись вдоль реки по сети траншей, выкопанных врагом. Они нашли место, где остатки батальона сумеют пройти незамеченными. Солдат отправили собрать остальных.

Как только две сотни американцев вышли из периметра, началась бомбардировка. Снаряды, набитые фосфором, взрывались с адской частотой. Густое облако дыма спустилось на зону. Видимость упала до нуля. Если бы отряд простоял на месте еще минут пять, они бы уже не смогли разглядеть путь отхода и сдержать атаку, которая почти наверняка закончилась бы для них поражением и гибелью.

Пройдя на восток и юг, остатки 3-го батальона оказались вновь окружены. Понимая, что их количество – это их недостаток, офицеры разбили людей на маленькие группы в надежде, что это облегчит их передвижение. Многих убили или взяли в плен, но через два дня кое-кто все-таки ухитрился добраться до дружественной территории.

Унсан позже назвали корейской «битвой при Литтл-Бигхорне». Погибло около шести сотен человек из трех батальонов 8-й армии. Еще две или три сотни умерло позже, от полученных ранений. Из-за того, что эти батальоны находились так далеко от остальной дивизии, назвать точное число не представляется возможным – еще несколько сотен человек пропало без вести. Погибли они, попали в плен или потерялись – никто не знал. Рядовой Тибор Рубин официально числился «без вести пропавшим в бою».

В плену, 1950-й

1

Дик Уэйлен был совершенно сбит с толку этим парнем с грубым акцентом. Он сказал, что он стрелок из 3-го батальона, но при этом едва говорил по-английски. Дику было непонятно, что этот иностранец делал в американской армии. Впрочем, пехотинцу из 2-го батальона многое было непонятно уже до встречи с Рубиным. Весь мир его сейчас представлял хаос.

Когда Дик увидел, как бегут лучшие люди его батальона, он понял, что все плохо. 2-й должен был прикрывать 1-й, чтобы те могли уйти через Унсан. Но китайцы превратили упорядоченный отход в тотальную панику. Дик и остаток его роты кое-как разбежались по холмам. Дальше – лихорадочные попытки спрятаться от шквала гильз, падавших с американских истребителей. Затем – китайский плен.

Дик Уэйлен боялся, что его убьют или, по меньшей мере, изобьют, но китайцы обращались с ним хорошо – даже не связали. В ту ночь его посадили вместе с военными поварами, что было довольно иронично, поскольку когда он не стрелял, он сам был поваром. И хотя еда была ужасной, Дика впечатляло, как эффективно ее готовили. Каждый повар нес по два горшка, поддерживаемых палками между лопатками и шеей. Во время обеда повара набивали горшки овощами и водой, затем ставили их на медленный огонь. К удивлению Дика, каждый китайский солдат носил с собой каучуковые трубочки, заполненные зерном, похожим на рис. Когда подходила их очередь, солдаты сдавали небольшую порцию риса, которую повара варили и возвращали им. Экипировав людей частью их же рациона, китайцы таким образом избавлялись от необходимости возить с собой продовольственную технику.

Ричард Уэйлен в Токио. Ричард Уэйлен

На следующее утро Дика и еще нескольких пленников отвели в неглубокую долину, где они встретились с группой солдат 3-го батальона. Там был и Рубин.

Беседа между ним и Рубиным завязалась спонтанно, говорили в основном о своей жизни до войны. Рубин рассказал про освобождение от нацистов, про то, как уехал из Европы, и про давнее желание попасть в ряды американской армии.

– Я, наверное, единственный еврей, которого взяли в плен после Второй мировой, – отмочил он.

Несмотря на их отчаянное положение, Дик не мог не засмеяться. У Рубина была шутка наготове и когда Дик спросил про его акцент.

– Я говорил по-английски так плохо, что меня поселили с армейскими собаками. Но меня даже собаки не понимали.

Он даже отшутился по поводу попадания в плен.

– Стреляю я, значит, стреляю, и тут раз! – свет погас. Следующее, что помню, – стою тут и беседую с парнем из Нью-Йорка.

Дик все еще не понимал, как этот иностранец попал в Корею, но его поведение отвлекало от мрачности происходящего вокруг. И за одно только это он был ему благодарен.

Ричард Уэйлен попал в армию в 1946-м, как только достиг нужного возраста. Ребенком он жадно следил за судьбой нескольких парней из его родного Роттердама, штат Нью-Йорк,

которые шли по Европе во время Второй мировой. Когда он записывался в армию, война была последним, о чем он думал: разве Штаты могут оказаться в заварушке сразу после поражения Германии и Японии? Он-то хотел просто сбежать от жизни маленького города, посмотреть мир и, конечно, воспользоваться военными льготами, чтобы получить образование. Дик был тихим, благоразумным и любопытным подростком, который очень любил читать.

Армия отправила его в кулинарную школу, а оттуда – в Токио. В тот момент ему показалось, что это – идеальное задание, скорее, даже шутка, но по приезде он понял, что ошибался: центр города был по-прежнему разорен. Прошло четыре года после поражения, а японцы до сих пор носили изорванную в клочья военную униформу. Трамваи разъезжали на фоне руин. Целые семьи жили в разбитых автобусах, расставленных рядами, словно сборные бараки. Тревоги добавляли послевоенные фотографии Хиросимы и Нагасаки – городов, которые атомными бомбами сровняли с землей. Дик пришел в ужас, представив, что сделает такая вот массивная бомба с обычным американским городком.

В течение нескольких месяцев перед началом Корейской войны Дик участвовал в полевых учениях возле горы Фудзи. Маневры показались ему неинтересными и даже вялыми. Рекруты в его роте не проявляли вообще никакого энтузиазма по отношению к боевой подготовке; большинство из них сосредоточили свое внимание на японских девчонках и дешевой выпивке. Впрочем, Дик не собирался воевать, он был поваром. Ему не платили за боевой дух. В июле случилась война, его отправили в Корею и вручили оружие. Он быстро понял, что когда враг открывал огонь, все, даже кухонный персонал, становились солдатами.

В августе Дика так замучила диарея, что его отозвали с фронта и отправили в полевой госпиталь в нескольких километрах к северу от Пусана. Позже один из приятелей-поваров рассказал ему, что его слабый кишечник спас ему жизнь: пока Дик валялся в больнице, треть его роты убили или ранили. К тому моменту, когда он поправился и вернулся на фронт, враг был раздавлен, и его рота быстро двигалась в сторону Пхеньяна. Северокорейцы сдавались пачками, в таких больших количествах, что поступил приказ разоружить их и отправлять домой. И вот спустя какой-то месяц ситуация в корне поменялась.

К группе Дика и Тибора добавилось пленников. Когда их стало около сотни, китайцы повели их на север. Они пробирались по долинам, под каменными навесами, пригнувшись, избегая стать легкими мишенями для американской авиации. Дика это

успокаивало. Его также удивляло, как ловко и проворно китайцы преодолевали рельеф. Даже нагруженные мешками, они двигались словно кошки. Длинноногий, подтянутый, на целую голову выше их, он все равно отставал от них.

Дик и еще сотня пленников с трудом добрались до предгорий, где их встретили тяжелые снежные облака, висящие над острой горной грядой, со стороны похожей на рот, полный гнилых зубов. Усталые американцы жаловались на голод и холод, но Дик держал язык за зубами: главное, он жив. Его новый друг Рубин тоже молчал, хотя всю дорогу хромал. Когда Дик спросил его о ноге, Рубин только отмахнулся. Он не позволял травме, полученной в начале войны, или порезам и ушибам, полученным в Унсане, испортить ему настрой. Наоборот. Жестокий рельеф и унылость происходящего, кажется, заряжали его. Если раненый поскальзывался или запинался, Рубин выходил из строя помочь ему и удержать его на ногах. Ясно было с самого первого дня их плена, что забавно говорящий иностранец оказался самым подготовленным из всей этой компании.

По мере того, как китайцы вели их все дальше на север и все новые и новые пленники присоединялись к группе, Тибор узнавал знакомые лица из 3-го батальона: вот отец Капаун, вот доктор Андерсон, вот офицеры, а вот пятьдесят или около того смущенных или напутанных солдат. Число их росло от часа к часу. Тибор бросил считать на четвертой сотне.

Лекарств для раненых не было. Двадцать человек, которые не могли ходить, пришлось тащить на импровизированных носилках из джутовых мешков и веток. Температура падала, дисциплина хромала. Четверо парней, несших раненого, устали, положили его на землю и пошли прочь. Доктор Андерсон приказал им вернуться и поднять его, те отказались. Доктор и еще трое подняли раненого и продолжили движение. Отец Капаун работал за двоих, таща на себе капрала, у которого колено разнесло гранатой. Тибор как мог помогал тем, кто падал; но тех было слишком много.

Рука Тибора все еще болела от осколочных ран, зато тупая боль в груди отступила. Травма ноги, полученная еще в сентябре, продолжала ныть, но он мог идти и, наверное, смог бы бежать, если бы потребовалось. Но были другие, которые буквально разваливались. Южане понятия не имели, как справиться с холодом. Когда Тибор снял ботинки, чтобы помассировать ступни, они посмотрели на него, как на сумасшедшего.

– Не жмешь пальцы и ноги, теряешь их, – объяснил он. В Маутхаузене он видел почерневшие от холода пальцы, скрюченные, словно прутья; он здесь такого не допустит. Он

попытался объяснить это другим, но многие были слишком напуганы, чтобы слушать его.

Они были высоко в горах, когда парни стали падать прямо на дороге; слишком много их, чтобы Тибор сумел всем помочь. Он позвал других, тех, кто мог идти сам, но почти все отказывались нарушить строй, даже когда товарищи падали прямо перед ними. Каждые несколько минут еще один бедняга падал на землю. Ряды редели, и охраннику пришлось отступить в сторону и сделать предупредительный выстрел. С каждым новым предупреждением Тибор ощущал в себе смесь жалости и стыда.

Склон стал круче, ветер злее. Дойдя до поворота, Тибор увидел двух корейских солдат, избивавших американца, стоявшего на коленях. Солдат не успел толком поднять руки, чтобы защититься, как они забили его прикладами – он упал навзничь, его молодое лицо было опухшим и в крови. Отец Капаун подошел к нему, обернулся – по выражению лица священника стало ясно, что еще не поздно. Тибор заметил блеск в глазах склонившегося мужчины. Священник сбежал вниз по склону, вскоре вернулся с наскоро сделанными носилками. Двое солдат, вдохновленные стойкостью Капауна, подняли лежащего парня и вернулись в строй. Он едва был в сознании, но ему повезло. И все же с этого момента Тибору снились кошмары об этом жестоком избиении.

Отец Капаун был одним из немногих офицеров, способных идти и помогать другим; большинство находились в столь ужасном состоянии, что едва могли позаботиться о себе. Майор Ормонд погиб; медик, находившийся в землянке, рассказал, что тот умер на следующее утро после того, как их взяли в плен – тело его так и осталось в канаве.

Рядовые, похоже, совсем наплевали на младших офицеров; когда те отдавали приказы, солдаты смотрели в другую сторону. Для многих здесь ключевым принципом стал «каждый сам за себя».

Путешествие по жестоким бесплодным землям казалось бесконечным. Измерять его днями стало бессмысленным для изнемогающих солдат; жизнь состояла из бросков и передышек – коротких остановок в маленьких деревушках, где их набивали в примитивные хижины, в качестве еды выдавали щепотку риса или проса, а вместо воды – растаявший снег. Дальше – горы, разрывающий ветер и снежные заносы по колено. Китайцы, которые вроде бы должны были следить за ними, давно наплевали на них, а северокорейцы, в задачу которых входило подгонять отстающих, вместо этого забавлялись, убивая их.

По подсчетам Тибора, отряд находился в пути примерно

девять или десять дней, когда они вошли в глубокую клинообразную долину. Крутые спуски по обеим сторонам блокировали любой свет, кроме жалкого осколка солнца. Спускаясь все ниже и ниже, люди ковыляли среди теней устрашающе высоких хребтов и пиков.

Грязная дорога продолжала сужаться до тех пор, пока не превратилась во впадину. Далеко впереди Тибор увидел нечто, напоминавшее два ряда брошенных железнодорожных вагонов. Подойдя ближе, он понял, что это какой-то поселок – по меньшей мере дюжина бесцветных, одноэтажных хибар, расставленных по обеим сторонам однополосной дороги и ручья, питавшегося из гор. В полутора километрах к северу, чуть выше, был еще один ряд хибар, из которого хорошо просматривался первый поселок в долине.

Тибора и еще шестнадцать человек забили в небольшой коридор, в который, по-хорошему, кое-как могли вместиться человек восемь – площадью он был три с половиной на три с половиной метра. Им весь день не давали ни еды, ни воды, но никто не жаловался. Они устали так, что на голод было плевать – свалились в кучу, руки и ноги сплелись, как у кукол, которых заскучавший ребенок бросил в углу комнаты.

2

Тибор был слишком голоден, чтобы спать. Всю ночь просто лежать в тесной хижине не получалось – боль в желудке становилась все острее. Когда все затихло, он выполз из-под узла спящих мужчин и так же ползком добрался до двери, затем вскочил на ноги.

Еще до того, как китайцы отправили их в барак, Тибор начал присматриваться к территории лагеря. Он заметил разбросанные тут и там участки забора из колючей проволоки, но ворот при этом не было. Охранников было мало, расстояние между ними было большим. Похоже, китайцы не особо запариваются на тему сбежавших узников – в конце концов, куда им идти? Тибор смотрел на двор и все больше убеждался, что все, что нужно сейчас делать – это просто время от времени следовать инстинктам. Ему везло больше, чем остальным: униформа его была еще цела, а ботинки невредимы. Когда было особенно жарко, все выбрасывали грязное белье, думая, что им выдадут новую пару, но Тибор берег свое и, насколько это было возможно, старался его не испачкать. Теперь оно служило ему дополнительным слоем утепления.

Тибор знал, что должен обеспечить едой двадцать голодающих товарищей, лежащих в хижине. Может, именно поэтому его не убили в Унсане. Может, именно поэтому он не сгинул в Маутхаузене. Его успокаивала эта мысль, идея, что Господь выбрал его для выполнения некой цели, но как только она сформировалась в его голове, он ее сразу выбросил; часто он вообще не верил в Бога. И вот чего ему точно не хотелось, так это чтобы кое-кто сейчас припомнил ему его неверие.

Выбравшись наружу, Тибор встретил старого союзника – темноту. Так, он больше не в гадкой хижине – сердце забилось сильнее. Холод пробирал до костей, но ощущение брошенного вызова создавало ауру тепла вокруг него – по крайней мере, поначалу. Земля была промерзшей и скользкой. Ступать надо осторожнее, иначе треск льда или шорох гравия привлечет внимание незамеченного солдата или охранника.

Час назад – в сером свете заката – Тибор заметил еще один ряд хибар, встроенных в скалистый карман метров на шесть выше остального лагеря. Такая позиция и наличие нескольких окон заставили Тибора думать, что это, возможно, офицерский штаб. Это хорошо; чем дальше он от начальства, тем легче будет обшарить лагерь. Маленькие, дрожащие огоньки в некоторых окнах принадлежали либо газовым, либо масляным лампам, что

свидетельствует об отсутствии электричества. А значит, вокруг нет высоковольтных проводов, ожидающих в темноте заблудших чужаков.

Видеть дорогу позволял слабый свет луны. Продвигаясь вдоль внешней стены в сторону задней части бараков, он следил, чтобы его тень не сильно убегала вперед. Главный принцип – двигаться медленно и оставаться под прикрытием как можно дольше. Через какое-то время он оказался позади здания возле небольшого двора, окруженного покатыми спусками.

Еще на полпути от бараков до склона Тибор заприметил нестройный ряд тонких сараев. Справиться с задвижкой на первом из них оказалось проще простого. Быстрым движением он распахнул дверь и нырнул внутрь.

Там его ждала кромешная тьма. Делать нечего – пришлось идти наощупь. Глаза постепенно привыкли, он начал замечать прорехи в деревянных стенах, некоторые шириной с человеческий палец. Стройные полоски лунного света помогли ему разобрать содержимое сарая.

У задней стенки до самого потолка были свалены мешки с кукурузной мукой. Полдюжины деревянных цилиндров, напоминавших ему бочки с рассолом, выстроились по обеим сторонам сарая. Он приподнял брезент и обнаружил, что бочка была забита какими-то корнеплодами. Он взял один сверху и откусил от него. Корнеплод был холодным, твердым и безвкусным – но съедобным. Он запустил руки в соседнюю бочку, пошарил там и вытащил вязкую субстанцию с незнакомым терпким вкусом. В следующей бочке он обнаружил какое-то зерно. Чувствуя, что надо поторапливаться, он затянул штанины и рукава куртки, затем забил их странными овощами под завязку – точно так же, как ребенком делал в Маутхаузене.

Вернувшись в барак, Тибор наткнулся на свернувшегося возле перегородки калачиком солдата, дрожащего во сне. Тибор похлопал его по плечу.

Дик Уэйлен заворчал и открыл покрытый корочкой глаз. Сначала он казался недовольным: наверняка кого-то прижал понос, и его задели, пытаясь пробраться до двери. Тут Тибор сунул ему в руку что-то похожее на редьку. Уэйлен удивленно уставился на него. «Тихо», – прошептал Тибор и жестом показал ему отодвинуться. Уэйлен кивнул и сжал руки и ноги. Тибор придвинулся к следующему спящему.

Тибор каждому в комнате раздал ворованной еды. Затем нашел местечко в углу, пообещал себе в следующую ночь принести больше и провалился в успокаивающий сон. На следующий день он вел себя так, будто ничего не случилось.

Когда парни подходили к нему выразить благодарность, он смотрел на них непонимающе.

Четыре сотни заключенных отправили в заброшенный шахтерский поселок, который китайцы переделали в путевую станцию, изначально предназначенную для своих, но теперь – для растущего числа пленных солдат ООН.

Лагерь оставался таким же полуразрушенным и захудалым, каким его оставили в 1945-м, после поражения, бывшие хозяева – японцы. В хижине, в которой поселили Тибора и его товарищей, было несколько комнат, разделенных шаткими матовыми перегородками. Слой пыли и грязи на голом полу был такой жирный, что пленники скользили по нему, словно по намасленной сковородке. Дальний конец хибары украшала маленькая загаженная пристройка с раковиной и открытым кострищем.

С самого их здесь появления лагерь был переполнен. И новые пленники продолжали прибывать. Днем людям приходилось сидеть с поджатыми коленями – они напоминали партию складных стульев. Ночью они спали как столовые приборы в забитом под завязку ящике кухонного стола, ноги одних были плотно уложены под мышки других. Никто не мог ни повернуться, ни тем более выйти, не потревожив всю комнату. Ситуация была, конечно, унизительная и напряженная, но тепло их тел и такая почти интимная близость хотя бы спасали их от холода.

Единственный ручей, протекавший через лагерь, был уже грязный, когда прибыли парни из 3-го батальона. Невыносимая вонь ясно давала понять, что этого делать не стоит, но люди все равно пили из него – и их сразу валила дизентерия. Один американский доктор позже писал, что все до единого солдаты там заболели либо желудочно-кишечными болезнями, либо пневмонией, а то и тем, и другим.

Прямо перед рассветом охрана приносила на кухню небольшие горшки с дробленым зерном – получалось примерно по четыреста грамм на человека или полчашки каши два раза в день; как раз, чтобы не помереть с голоду.

С первыми лучами солнца добровольцы отправлялись собирать хворост для костра. В огромном котле кипятили снег, добавляли туда кукурузную муку и часами варили это пюре. Приходилось непрерывно следить за котлом: если не помешивать массу каждые несколько минут, она свертывалась в твердое, несъедобное месиво.

К изумлению его переживающих соседей, рядовой Рубин ухитрялся таскать еду почти каждую ночь. И что бы он ни нашел –

соевые бобы, просо, сорго или куски какой-то дряни (позже выяснили, что это кимчи), – он всегда делился с Уэйленом, Хэммом, Бриером и еще примерно двадцатью парнями в комнате. Спустя несколько дней подобных вылазок его сокамерники привыкли и уже часами не ложились спать в ожидании, пока он вернется, постучит по плечу и тихо предложит что-нибудь поесть. Не знали они, где и как он все это достает, да и не хотели знать. Каждый понимал, что если Рубина поймают, достанется всем. Сомнений быть не могло: как бы они ни сопротивлялись, северокорейцы или китайцы выбьют из них правду, и Рубина пристрелят. Осознание этого приводило их в ужас, но никто так и не отказался от еженощного угощения Рубина.

3

30 октября Джеймс Буржуа, пехотинец роты М, находился на фронте, когда взрыв минометного снаряда запустил осколки в оба его плеча. Следующие несколько дней он не помнил: либо он был без сознания, либо все так болело, что он едва мог глаза открыть. Когда охранники навешали ему по голове прикладами винтовок, он отрубился. Но ему повезло: пока других тяжело раненных бросали или убивали, его посадили в грузовик и отвезли в место, известное как Долина смерти.

Когда он проснулся в первый раз, за его ранами ухаживал парень, которого он никогда раньше не видел. Неясно было, доктор это или санитар – когда Буржуа спросил, тот не ответил. А еще совершенно неясно было, на каком языке говорит этот парень. Чуть позже этот же самоотверженный незнакомец принес ему воды и еды. Правда, в этот раз он представился: рядовой Рубин. Он поделился с Буржуа коричневым ломтем какой-то пасты – говорит, китайский пирог. Буржуа жадно откусил. Он шутит что ли? «Пирог» был такой черствый и мучнистый, что его едва можно было прожевать. Но этот парень все равно кормил его, пока у Джеймса не перестал болеть живот.

Хотя Буржуа вырос в провинциальном городке, у него не было каких-то особенных чувств по отношению к иммигрантам. Возможно, именно поэтому он не мог понять, почему из всех людей на земле ему на помощь пришел иностранец в форме американского солдата. Они сражались на одной стороне, но они были из разных рот – и разных стран. Впрочем, похоже, этого парня, который позже представился Рубиным, все это мало волновало.

Каждый день Рубин кипятил в шлеме растаявший снег и приносил его в хижину для Буржуа. Затем брал тряпку, макал ее в горячую воду и промывал глубокие раны на руках товарища. После снова кипятил еще один шлем воды. Вода остывала, и Буржуа мог спокойно пить.

В самые первые дни у него не было сил дойти даже до отхожего места. Больной, неспособный контролировать кишечник, часто испражнялся прямо себе в штаны. Он понимал, насколько жалок и мерзок он был, но из-за ужасной боли, разрывавшей его плечи, ничего не мог поделать. Но Рубина это не смущало; он оттаскивал раненого до отхожего места, держал ему пенис, чтобы тот мог опорожниться, затем подмывал его. Иногда незнакомец даже стирал его загаженные штаны. Буржуа не понимал, что он сделал такого, что заслужил столько внимания и

заботы, но был бесконечно благодарен Рубину за это. Он никогда этого не забудет.

Тибор понимал, что Джеймс Буржуа, тот самый солдат с лицом ребенка, которого избивали на пути в Долину смерти, не мог стоять в очереди за своей жалкой порцией горячей кукурузной каши. Понимал он и что никак не сможет убедить парней, отвечающих за общий котел, выделить дополнительную порцию: тут так не делается. Даже если ему навалят больше обычного, он не сможет это донести – почти все котелки остались на поле боя. Хуже того, половина ребят потеряли свои каски; есть приходилось прямо из рук. Ясно было, что если Буржуа хочет выжить, кто-то должен найти для него другой источник еды.

Тибор выходил из барака почти каждую ночь, пытаясь найти что-нибудь более питательное, нежели кукурузная крупа. Недалеко от корзин с овощами он нашел открытую бочку, запустил туда руку и обнаружил какую-то другую крупу, похожую на пшеницу или ячмень. Глаза его зажглись. Он снова связал штаны возле лодыжек и наполнил их зерном почти до самого паха. И вот он уже на улице, крадется вдоль стены, как вдруг чувствует щекотку в носке. Посмотрел вниз – увидел кучки зерна возле ботинка. Обернулся. Ужаснулся: за ним тянулся предательский след. Почти в панике, он упал на колени и пополз назад, собирая по пути столько зерна, сколько мог, вместе со снегом, заметая следы до самого сарая. Там избавился от остатков. Никакого больше зерна. Такой урок он не забудет.

Но сдаваться он не собирался. Забравшись в темный угол другого сарая, он наткнулся на деревянные бочки, полные – по ощущениям опять же – соевыми бобами. В другую ночь он нашел упаковки полутвердого теста в форме блинчиков. Липкие и густые, размером с кулак лепешки были почти несъедобны, но странно знакомы. Сделав несколько укусов, Тибор понял, что они похожи на корм, которым они кормили лошадей в Венгрии. Позже он обнаружил, что эти штуки были сделаны из сорго.

Джеймс Буржуа поправился на «пироге», который заставлял его есть Тибор, даже сил прибавилось. Но спустя неделю в грязи барака на правом плече появилась гангрена. Тибор был уверен, что если раной не заняться, инфекция пойдет дальше по руке. Ампутировать тут некому – парень, скорее всего, умрет.

Охранник смеялся над Тибором, пока тот ковырялся в куче дерьма возле отхожего места. Тибор улыбнулся и помахал ему в ответ, надеясь, что тот примет его за сумасшедшего и оставит в покое. Он знал, что надо делать: он такое видел уже в Маутхаузене. Изучая почти замерзшее дерьмо, он нашел копошащихся там личинок и собрал несколько в тряпку.

Сполоснув их холодной кипяченой водой, он выложил клубок извивающихся паразитов на гангрену – они ее съедят.

В ожидании результата Тибор молил Бога, чтобы тот пощадил Буржуа. Молил, потому что сам сделал все, что мог. Штабеля мертвых американцев, валявшихся словно сосульки позади сараев, голых – одежду забрали свои же – представляли собой очередное доказательство отсутствия Бога. И все же Тибор молился. Это стало привычкой, от которой он так и не смог избавиться, пусть даже он прибегал к ней только в самых крайних случаях.

Через два дня личинки пожрали выцветшую плоть. Буржуа подрагивал в мучительном сне, а Тибор осторожно дотрагивался до раны и вынимал их оттуда, одну за другой. Рука стала чистой.

Потом, позже, когда Буржуа выздоровеет и будет смеяться над этой историей, Тибор объяснит раненому, как это вышло – но сейчас не до того. За ним надо присматривать, надо убедить его, что как бы плохо сейчас ни было, он выживет.

4

Каждое утро в Долине смерти начиналось с очередной битвы в непрекращающейся войне с вшами и клопами.

Никто не мог понять, откуда вообще брались насекомые в пустынном холоде, но как только те закреплялись на теплых телах, они обживались и начинали размножаться. Забирались в складки кепок, штанов, карманов и пиджаков, откладывали сотни яиц, присасывались к черепу, паху, зажившим и открытым ранам, жирели на крови. Если их не убирать хотя бы раз в день, они превращают носителя в зудящий мешок с кормом. Словом, они не просто раздражали – они могли сожрать человека заживо.

Тибор знал, как избавиться от вшей. Для начала надо снять с себя всю одежду. Маленьких сволочей надо убирать вообще со всего тела, особенно из волос, а значит, нужно не забывать про подмышки, пах, грудь и задницу, и уже после этого выжать кладки яиц из каждого, даже самого тонкого шва на штанах и пиджаках. Тибор настаивал на том, чтобы яйца тоже убирали, иначе все впустую – вши размножаются неимоверно быстро.

Поначалу парни отказывались раздеваться догола – слишком было холодно. Но когда они обнаружили вшей размером почти с палец в мошонках и под мышками, отношение их быстро поменялось. Через несколько дней Тибор убедил всю комнату, что единственный способ контролировать насекомых – всем и каждому следовать единой процедуре, каждое утро.

Однажды, через несколько дней после того, как Тибора и его товарищей поселили в Долине смерти, с холмов, словно вихрь, спустились сотни всадников. Их внезапное, решительное появление поразило пленников – те появились словно восточные демоны из камня и льда. Спустя несколько часов после того, как они ускакали, китайское начальство ушло за ними, оставив лагерь в распоряжении безжалостных северокорейцев. Этих еще меньше волновали перенаселенность и ужасающая грязь. Толпы зачуханных мужчин, среди которых теперь были британцы и турки, продолжали стекаться в лагерь – стылые хибары едва не разрывались от тысяч пленников.

5

Леонард Хэмм едва мог пошевелиться. Он лежал в шахтерском поселке уже несколько дней с неимоверной болью от глубоко засевших осколков в спине. Он был слаб и слабел с каждым днем от голодной диеты из двух чашек дробленой кукурузы – или что ему там давали. Несколько человек уже умерли – от заброшенных ран, от холода или от совокупности неясных недугов, крадущих у них желание жить. В лагере хозяйствовали неконтролируемые диарея и пневмония. Канавы захлебывались человеческими испражнениями. Многие были так больны и слабы, что не могли дойти до отхожего места – в лучшем случае успевали скинуть штаны сразу за дверью в барак. Земля за халупами превратилась в мешанину из замерзшего кала и мочи.

Ходили слухи о наличии в лагере бинтов и лекарств, но Хэмм, например, их не видел. Единственной их защитой от холода были примитивные стены из грязи и глиняная черепичная крыша; китайцы не выдали ни одного одеяла. Рубин продолжал приносить украденную еду, но Хэмма приводила в ужас мысль о том, что между ним и голодной смертью стоит лишь суицидальная храбрость одного человека. Неужели их тюремщики действительно собирались держать их в этом ледяном чистилище, пока они тут все не перемрут? Хэмм с каждым днем верил в это все больше.

Прошло три недели, медицинской помощи все не было. Американские врачи заглядывали к ним, но ничем, кроме надежды, помочь не могли. Самых больных забирали в госпиталь – так называли его охранники, – но по лагерю быстро прошел слух, что лучше от такой передислокации отказаться: то был натуральный «дом смерти». Говорили, что корейские медсестры назначали инъекции, за считаные минуты убивавшие больных солдат. Свидетелей не было, но из госпиталя почти никто не возвращался живым.

В хижинах царил хаос. Находящиеся в бреду ребята с невылеченными ранами кричали ночи напролет. Смрад гноя, крови и омертвелой плоти стал невыносимым, охранникам приходилось зажимать носы, чтобы пересчитать пленников – важная процедура, позволявшая понять, сколько еды нужно приготовить на каждую хибару.

Страшно голодные, солдаты часто молчали о свежих трупах, появлявшихся среди них, в надежде получить полагавшуюся им порцию.

Как-то утром, ничем не отличавшимся от других, дверь в хижину, которую Хэмм делил с еще пятнадцатью парнями, распахнулась. Жильцы спали, плотно улегшись друг к другу, когда взрыв ледяного воздуха ворвался в дом. То немногое тепло, которое они ухитрились накопить за ночь, моментально испарилось. Комната наполнилась коллективным стоном. Глаза пленников повернулись на серый свет из окошка над дверью, когда вооруженные солдаты вошли внутрь и уставились на них.

Корейцы начали поднимать и выгонять людей на улицу. Первый, второй, третий, четвертый, еще несколько, Рубин теперь, Буржуа, Хэмм, еще пять трясущихся фигур выскочили на лед и грязь за домом. Корейцы сердито тараторили, тыча в них штыками и гоняя вперед-назад, словно марионеток. Несколько человек, слабые от голода и холода, увядали как виноградные лозы без воды. Когда Буржуа запнулся, его жахнули по голове. Его слабость оскорбляла корейцев, его грубо подняли, ударили еще раз и вернули в строй. Еще немного посипели, поныли, потолкались – и жалкая группка тронулась вперед, не попадая в шаг. Пока они уходили от длинного барака, по обеим сторонам подтянулась дюжина корейцев, чтобы попинать их по коленным чашечкам и сердито поорать, когда у заключенных не получалось маршировать.

Хэмм отсчитал примерно шестьдесят метров до того места, где их криком остановили возле водосточной канавы. Корейцы методично расставили восемь человек плечом к плечу, затем подтолкнули их к краю – пятки дотронулись до выступа обрыва. По команде корейцы отошли назад, выстроились в шеренгу и подняли винтовки. Двое ребят тихо всхлипывали. Еще один молил о пощаде. Корейцы молча уставились на них холодными глазами и дулами винтовок. Один из парней обмочил штаны. Моча стекала по штанине на землю – кореец выдал омерзительный смешок. Остальные присоединились. Другой солдат упал на колени, заплакал. Смех стал громче. Корейцы захлопали в ладоши и по коленям, хотя тень жажды крови не сходила с их лиц.

Затем Рубин, стоявший плечом к плечу с Хэммом, сделал шаг вперед, схватил упавшего человека за руку и помог ему подняться. Хэмм посмотрел в сторону, на лицо Рубина. Тот уставился в глаза палачей без капли страха. Хэмм не успел отвернуться, как Рубин предложил ему вторую руку, жестом показал остальным сделать то же самое и твердым голосом сказал группе молиться. Затем что-то запел на иврите.

Леонард Хэмм тоже молился. Он молился своему Богу и Иисусу об избавлении, сначала тихо, затем громко – так, чтобы

слышали корейцы. Спустя несколько минут молилась вся восьмерка. Хэмм снова повернулся на Рубина. Тот, едва моргая, уставился прямо на людей с винтовками.

Корейцы подняли винтовки, прицелились. Они так громко смеялись, что едва могли удержать оружие, но Хэмм был уверен, что как только один из них сделает выстрел, остальные последуют его примеру. Он уже видел их в действии – в искалеченных лицах и телах мертвых американцев, разбросанных по всей стране. Он знал, что жизни нескольких жалких американцев ничего для них не стоят.

Леонард Хэмм был также уверен, что все, что осталось от его жизни, – это вспышка из дула и доза свинца… Два джипа и БТР остановились возле канавы и выгрузили взвод китайцев. Солдаты указали на американцев и что-то громко закричали. Китайцы подходили ближе, корейцы резко опустили оружие, но при этом сдержанно хихикали. Начался спор, довольно быстро превратившийся в легкую стычку. Наконец появился китайский офицер и что-то сердито прогавкал – корейцы рванули наутек.

Усталые от ужаса, парни попадали на землю. Хэмма стошнило. Китайцы о чем-то поговорили между собой и предложили пленникам комки жевательного табака, пока те медленно приходили в себя.

Все, кроме одного, смогли вернуться во вшивую хижину самостоятельно. Джеймса Буржуа пришлось нести. Дикие удары по голове нанесли солдату непоправимый урон. С того самого момента он стал рабом неразличимого бреда, смазанных видений и длинных периодов зловещего молчания. Тибор понял, что этот парень уже никогда не будет прежним.

Все оставшееся время в Корее, а затем следующие пятьдесят лет своей жизни Леонард Хэмм пытался понять, где Тибор Рубин сумел найти столько храбрости, чтобы противостоять расстрельной команде. Да, вполне вероятно, отчасти это было результатом нацистского плена. Но Тибор тогда был подростком. Здесь было что-то еще, не только опыт прошлого. И даже не только вера. Его спокойствие перед лицом смерти показалось Хэмму почти сверхъестественным. О чем он думал, смотря на ружья? Хэмм так никогда и не осмелился спросить.

Китайцы, разогнавшие расстрельную команду, пришли вернуть лагерь под свою ответственность. Вскоре после их прибытия северокорейцы покинули поселок. Новые старые надзиратели за две следующих недели ничего не изменили в рутине лагеря, но двадцать седьмого ноября – этот день Леонард Хэмм никогда не забудет – офицер выкрикнул имена двадцати восьми пленников и приказал им покинуть свои хибары. Почти

все они были больны или ранены. Услышав свои имена, Хэмм и Рубин, по-прежнему лечивший свою ногу, доковыляли до открытого кузова грузовика, припаркованного за бараком, где офицер на безупречном английском зачитал документ, в котором говорилось, что в качестве жеста доброй воли народ Китая отправляет их домой.

Парни напряглись. Они видели, как забирали раненых, якобы в «госпиталь». Никто не вернулся. Но в этой группе все были вполне себе ходячими. Никто даже думать не собирался умирать. Тут офицер позвал Рубина, тот выбрался из кузова, и они столкнулись лицом к лицу – офицер спросил, откуда он. Рубин ответил, что родился в Венгрии.

Офицер спросил, что он делает в американской армии. Рубин ответил, что любит Соединенные Штаты и что отправился добровольцем. Лицо офицера напряглось.

– Ты слеп, – сказал он.

– Ничего я не слеп, – ответил Рубин. – У меня все хорошо с глазами.

Так, он его правильно понял? Хэмм был не уверен. Этот парень быстро на все реагирует. Иногда даже слишком быстро.

Офицер покосился на него и ткнул ему в грудь: США надули тебя. Ты всего лишь капиталист, милитарист, империалист. Ты останешься здесь, чтобы познать истину.

Хэмм подумал, что рядовой Рубин вряд ли понял тираду офицера. Но тот не проявил ни гнева, ни страха. Просто отвернулся от офицера, пожал плечами и побрел к баракам.

Хэмм и остальные остались в грузовике. В конце того же дня его и товарищей обменяли на значительно большее число северокорейцев, затем отправили в эвакуационный госпиталь в Южной Корее. Оттуда его самолетом отвезли в Японию, а затем – в военный госпиталь «Леттер-ман» в США. Врачи обнаружили у него еще больше осколков и легочную инфекцию, но в итоге он пошел на поправку.

Для Леонарда Хэмма война закончилась. Позже он напишет, что счастлив, что выбрался оттуда живым и «целым куском. А вот насколько целым был этот кусок, не так уж тогда было и важно». Почти сразу он попытался вытеснить ужасы Кореи из сознания. Вместе с ужасами он вытеснил и своего друга Рубина.

Хэмм не ожидал больше увидеть рядового Рубина; он был твердо убежден, что вредная привычка последнего таскать еду из вражеских запасов рано или поздно прикончит его. Но тяжело было вообще не думать о человеке, который спас тебе жизнь, и не раз. Он искренне считал Рубина самым храбрым парнем на земле. Нельзя было забыть такого человека, верного друга. Но война

продолжалась, и Хэмм все больше убеждал себя, что Рубин не вернется. Он попытался сложить все мысли о рядовом Рубине в специальный «ящик» и запрятать его в глубинах своей памяти. Но, как и все остальные воспоминания о войне, не дававшие ему покоя на гражданке, мысли о Рубине продолжали к нему возвращаться.

Выжившие под Унсаном находились в заброшенном лагере еще два месяца. Шестьдесят дней без солнца и бесконечных мерзлых ночей слились в единый мучительный блер. Все похудели, всех доканывали острые приступы желудочно-кишечных болезней или валила пневмония. И все же те, кому повезло избежать серьезных травм, те, кто до последнего не отпускал надежду, выжили. Те же, кто отпустил свою веру, пусть даже они были относительно здоровы, мирно позволили своей жизненной силе раствориться в вечном холоде.

6

Солдат в Долине смерти с этой жизнью связывали разве что тончайшие нити надежды: что война скоро закончится, что их обменяют на вражеских пленников, что условия их существования в конце концов улучшатся. Когда они услышали, что их собираются перевезти в постоянный военный лагерь, одна из этих нитей стала чуть крепче. Прошел слух, что там есть хлеб, сыр и молоко. Слышны были разговоры о медицинском лечении, еде получше, чистой одежде, теплых постелях и, в конечном счете, даже о возвращении на родину.

Караван из почти девяти сотен пленников отправился из шахтерского городка в последнюю неделю января. Офицеры выкрикивали имена и объявляли, что больных и раненых повезут отдельно. Многие, боясь казни, молчали о своих болячках и предпочитали идти пешком. Основную массу раненых погрузили на повозки и сани, но две с лишним сотни совсем тяжелых больных оставили в лагере. Лагерное командование обещало привезти их позже, но половину из этих бедняг никто вообще больше не видел.

Парням не говорили, куда и как долго они будут идти. Никто и думать не думал, что они направляются в горы, где температура опустится до минус тридцати. Начались обморожения и лихорадки. Отряд тащился сквозь бесконечную ледяную тюрьму, изредка останавливаясь отдохнуть и поесть.

Хотя Лео Кормье и числился в роте Тибора с самого их прибытия в Пхохан, он едва ли был с ним знаком. Во время обороны Пусанского периметра они служили в разных взводах. Но Кормье слышал про венгра и его травму ноги в сентябре. Говорили, что Рубин в одиночку защитил холм, а позже отказался от отпуска в Штаты, чего Кормье вообще никак не мог понять. Так никто не делал.

Потом, в неистовом аду Унсана, Кормье самолично изумленно наблюдал, как Рубин пробивается сквозь огонь неприятеля, чтобы добраться до пулемета, расчет которого был уничтожен. Кормье был одним из тех, кому удалось отступить, пока Рубин сдерживал китайцев. Чудом каким-то Рубин пережил и первую атаку, и проваленную оборону командного пункта.

Кормье ясно было, что этот парень заслужил там Серебряную звезду. Если бы не истребили весь батальон, если бы остался хоть кто-то из старших по званию, Кормье определенно сообщил бы о его подвиге.

В следующий раз он встретил Рубина в жестоком ледяном

марше из Долины смерти. Окоченевший с головы до ног, Кормье боялся, что это не что иное, как марш смерти – их тюремщики планируют идти до тех пор, пока не упадет последний узник. Он беспомощно смотрел, как парень перед ним изогнулся и упал на обочину. Он и сам почти уже свалился. Прошел чуть дальше, обернулся – кореец уже добивал беднягу по голове прикладом.

Они поднимались выше по горной тропе. Воздух стал сырым, острым, царапал легкие словно бритва. Грудь еле двигалась от жалящих приступов боли. Каждый новый вздох был короче предыдущего, в глазах помутнело. Кормье запнулся о выбоину, ноги сдались. Он упал на колени. Сил поднять руки не было, он вмазался лицом в лед и гравий. Кровь закапала из носа, но голова так кружилась, что вытереть ее он не смог. Неспособный защитить себя, но все еще в сознании, он уже ждал удара в затылок прикладом, когда к нему подошел Рубин и поднял его на ноги, вытер ему лицо тряпкой и подтолкнул его в строй. Так и шел с ним рядом и поддерживал, пока Кормье не накопил сил идти самостоятельно. Вот теперь он обязан своей жизнью Рубину. И что с этим делать?

Расстояние от Долины смерти до места назначения, маленького городка возле реки Ялуцзян, было примерно двадцать пять – тридцать километров. Но они шли медленно, мучительно, через горы, через воющий ветер, снег и лед. Усталым и голодным пленникам путь казался бесконечным. Некоторые так сбились с толку, что потом рассказывали, будто шли четыре дня подряд.

Вереница горящих деревянных и металлических скелетов встречала Тибора и его товарищей на главной улице Пектона. Унылый и изолированный городок подвергся мощной воздушной атаке. Тибор подумал, что самолеты сбросили напалм или какой-то другой химический агент, потому что горели даже металл и бетон.

Озлобленные крестьяне выстроились в ряд поглумиться над пленниками, проходившими мимо захудалых магазинчиков и офисов. В них летели камни. Солдаты пытались прикрыть головы. Несколько мрачных мужчин и женщин вышли вперед, размахивая мясницкими топорами и ножами, словно собирались резать скотину. Китайцы сомкнули ряды и грубо отогнали их.

Так этот парад доковылял до конца главной улицы и вышел на заснеженную дорогу поменьше. Спустя километра полтора они наконец добрались до пункта назначения – жилого района, который китайцы узурпировали и быстренько приспособили под тюремный комплекс, без лишних церемоний прозванный «Лагерь 5». Начальник лагеря позже предупредил их, что колючая проволока и ворота находятся здесь для их же защиты. Силы ООН

располагаются в сотнях километрах к югу, за горами, покрытыми снегом и льдом. Зато разозленные жители города, который разбомбили американские самолеты, располагаются прямо тут, за воротами.

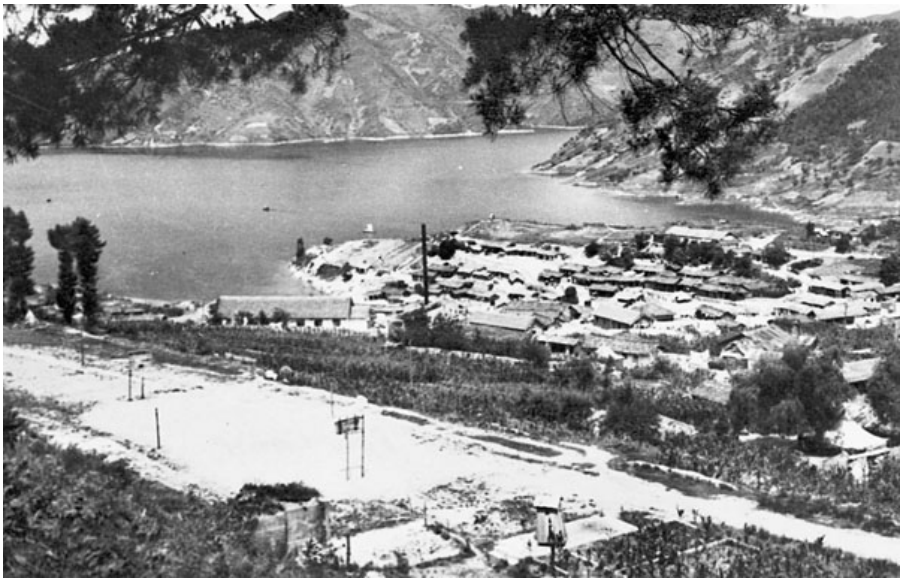
7

На конец января 1951-го в «Лагере 5» – крупнейшем лагере для военнопленных из устроенных китайцами на северокорейском берегу реки Ялуцзян – находилось примерно три тысячи отчаявшихся пленников. Изможденные, грязные, больные – все еще в ошметках летней военной формы, заляпанной кровью и дерьмом – они стояли на морозе в ожидании распределения. Подполковник Гарри Флеминг, военнослужащий командного состава еще со Второй мировой, позже скажет, что никогда еще он не видел такое количество больных и умирающих людей в одном месте.

Доложив имя, звание и национальность, ребята отправлялись в заляпанные грязью маленькие домики, располагавшиеся секциями по несколько длинных рядов в каждой. Рядовые и капралы шли к большому скоплению ветхих домов возле покрытого льдом канала. Сержантов и некоторых капралов отправляли в противоположную сторону лагеря. Чернокожих солдат селили вообще в отдельной секции. Британцев слали в хибары, стоящие на расстоянии брошенного камня от американской секции. Турков, прибывших позже, расположили ближе к реке. Но самым интересным здесь было то, что китайцы сразу же упразднили звания, что положило конец всякой субординации. Дабы убедиться, что офицеры не нарушают правило, их изолировали в домах, максимально удаленных от рядовых, и запретили всякое с ними общение.

Дик Уэйлен, Джеймс Буржуа, Карл МакКлендон и Лео Кормье оказались среди восемнадцати человек, которых отправили в хибару с изношенной деревянной верандой и остроконечной крышей из черепицы и соломы. Они приняли как дар тот факт, что Рубина отправили вместе с ними, хотя непонятно было совершенно, каким образом он мог бы сделать их жизнь чуть более выносимой на этом новом месте.

Охрана провела их мимо шумного, шипящего крана, из которого шла вода – добрый знак, значит, вода хорошая. Но однокомнатный дом, в который их забили, был пуст, без мебели и холодный; четыре квадратных метра, по оптимистичным подсчетам. Деревянные балки и грязные стены кое-как сдерживали холодный ветер, но через щели под дверью и в хрупких, словно картонных окнах все равно задувало. Вонь нестиранной формы смешалась с запахом тел и быстро заполнила затхлую комнату.



«Лагерь 5», Пектон, Северная Корея Австралийский военный мемориал P00305.003

Новые жильцы слишком устали, чтобы жаловаться; все, чего они сейчас хотели – спать. Как и в Долине смерти, спали они как сардины, вплотную друг к другу. Лео Кормье засыпал с молитвой о костре, который не помешало бы развести в маленькой черной топке в углу комнаты. В тот момент ему было абсолютно плевать на то, что с ним произойдет дальше – лишь бы не замерзнуть насмерть.

Охранники чуть не вырвали дверь под утро, указали на нескольких человек и потащили их на улицу. Тибора не взяли, но он рванул вперед и пристроился за последним в очереди. Даже если охрана и заметила это, им, похоже, было наплевать, и вскоре он стоял вместе с двумя сотнями оборванцев возле центральных ворот.

Штыки и приклады загнали их на скользкую, заснеженную дорогу, затем на ближайший холм. Шатаясь и ковыляя, люди взбирались наверх, пытаясь не упасть и не переломать ноги о плотный слой льда и дерна. Некоторые ползли, другие формировали небольшие команды, подтягивали друг друга и вообще пытались не останавливаться, чтобы не злить лишний раз хмурых надзирателей.

На полпути Тибор впервые увидел территорию лагеря целиком. «Лагерь 5» разлегся на большей части полуострова в форме пальца, меж двумя большими холмами, окруженный с трех сторон водой. Отсюда он выглядел огромным, сухим кораблем. В лагере была по меньшей мере сотня маленьких домиков, но

территория была столь огромна, что, вполне вероятно, за холмами спряталось еще столько же. Изысканно украшенная, остроконечная пагода украшала дальний спуск холма, а ближний был усеян припавшими к земле кирпичными зданиями с черепичными крышами.

Внизу протекал канал в форме большого пальца. По тому, как свет отражался с поверхности воды, превращая ее в красивое замороженное зеркало, стало понятно, что и канал, и река за ним покрыты толстым слоем льда. Совершенно неясно было, где проходит линия горизонта, ибо и вода, и земля, и небо были одинаковых оттенков серого; где начиналась одно и заканчивалось другое, понять было невозможно. Широкая и бесцветная гладь простиралась, насколько хватало глаз, заставляя мысли о побеге казаться пустыми, если не сумасшедшими.

Что скажет Тибор приятелям, если они спросят его, что он видел снаружи? Он ничего скажет. Какой смысл лишний раз подчеркивать безысходность их положения? Они поймут это со временем, когда, возможно, будут сильнее и морально готовы к этому.

Крича и толкаясь, китайцы подогнали пленников метров на 100 повыше, затем остановили их возле густых зарослей из хрупких деревьев, бамбука и куманики. Здесь их разделили на несколько отрядов по восемь – десять человек. Затем расставили в двадцати шагах друг от друга – получились своего рода артерии, тянущиеся от чащи до подножия холма.

Раздали топоры. Люди на вершине начали рубить деревья и собирать их в охапки. Через несколько минут эти охапки веток и щепок потекли по рукам, превращаясь в большие кучи на обочине грязной дороги, ведущей обратно в лагерь. Их первый рабочий выход продолжался несколько часов.

В ту самую секунду, как первый узел дров оказался у них в доме, Дик Уэйлен и Лео Кормье бросились забивать ими топку. Дерево затрещало, полетели искры. Вскоре пол под ногами стал нагреваться. Тепло проникало в их стопы, мужчины улыбнулись, в шутку принялись подталкивать друг друга. Жар и дым двигались по узкой борозде от одного угла дома к другому, затем вверх по маленькой трубе. Но система была столь примитивна, что нагревались только пол и дальняя стена, возле которой дым выходил на улицу. Через несколько минут пол возле топки стал таким горячим, что невозможно было стоять на нем, в то время как другая половина комнаты продолжала мерзнуть. Ситуация была абсурдна, Дик даже засмеялся – впервые за долгие месяцы.

8

Смерть и обед два раза в день – вот и все, что было постоянного в первые дни пребывания в «Лагере 5». Каждое утро люди просыпались рядом с трупами, беднягами, сдавшимися голоду, нелеченым ранам, холоду или одной из непонятных болезней, живших в каждой хибаре. На рассвете тела выносили и укладывали стопками на улице. Если на трупах еще были куртки, штаны или ботинки, даже белье, пусть самое грязное, их быстро стаскивали другие солдаты. Затем приходили южнокорейские пленники, которых китайцы использовали в качестве гужевого транспорта, и уносили голые тела прочь. Спустя неделю Тибор бросил считать погибших.

Поначалу похороны устраивали дважды в день. Китайцы открывали двери, выбирали четырех человек и забирали их с собой в сараи, которые служили пунктами сбора мертвых. Там они укладывали раздетые трупы на носилки из пустых рисовых мешков и сосновых веток, наваливая столько, сколько могли унести четыре человека. Почти всегда забирали армейские жетоны, иногда вырывая из замерзших ртов, иногда отбирая у солдат, которые спрятали жетон, дабы почтить гибель товарища. Вскоре стало ясно, что китайцы нарочно стремились утаить личности погибших. Охранники сопровождали похоронные процессии вдоль замерзшего канала на заброшенный кусок земли, усеянный зазубренными камнями и жирными, измазанными грязью обломками льда.

Погребения как такового не было. Даже с помощью острых саперных лопаток невозможно было вырыть нормальную могилу. Патрули рыли неглубокую ямку для каждого трупа и прикрывали его камнями так, как могли. Затем кто-то из взвода умершего говорил несколько слов, и они двигались дальше. Когда очередь доходила до Тибора, он произносил молитву дважды: сначала на английском, потом на иврите.

Два обеда в день состояли из полупустой жестянки зернистой субстанции, напоминавшей Дику Уэйлену куриный корм. Приготовленная правильно, она представляла собой мягкую кашу, но чаще обычного в ней попадались комки, похожие на ядрышки попкорна. В первый же свой обед Дик попал зубом на что-то твердое, как камень – и выплюнул пломбу.

Тибор понимал, как отчаянно хотели есть его парни, но не видел смысла рисковать жизнью ради жижи, которую они и так получали. Он был уверен, что китайцы едят здесь лучше. В первый полный день в лагере он наблюдал за ними, пока не

понял, где они живут. Родился план: как только появится шанс, надо нанести визит в один из их продуктовых складов.

Утренний поход на холм подарил ему шанс изучить топографию местности. Насколько он мог понять, китайцы заняли внешнюю сторону Пектона, а затем добавили несколько заборов и ворота. Перестенки с колено высотой делили территорию на дюжину подразделов, вероятно чтобы проще было контролировать передвижение людей и воды во время паводков. Охраны было не много: ворота были одни, на входе, смотрели они на окрестности городка. Как только Тибор понял общий план, ему захотелось как следует прогуляться и порыскать вокруг. Охранник предупреждал, что ночью все должны оставаться в доме, но Тибор сомневался, что их там достаточно для наблюдения за всей территорией лагеря. Как только его соседи уснули, он приоткрыл дверь и выглянул наружу. Рваные снежные облака уступили небо звездам. Ледяная пустошь молчала. Глаза привыкли к темноте, он осмотрел резко очерченную тень громкоговорителя на телефонном столбе. Поглядел вверх на серебристую луну, забеспокоился, что его тень выдаст его с потрохами. Вышел на шаткую деревянную веранду, но спрятался под карнизом, пока облака вновь не скрыли лунный свет. Как только тени притупились, он засеменил в ту часть лагеря, куда входили и выходили охранники.

Тут и там он замечал небольшие посты охраны и открытые костры, возле которых собирались китайцы, чтобы, конечно, погреться. Пока охранники стояли возле снопов колючих искр, Тибор вливался в темные прорехи между ними. Если замечал движение человеческой фигуры, моментально останавливался и прижимался к земле, пока не мог удостовериться, что охранник шел в другом направлении. Кажется, ребята предпочитали тепло огня патрулированию.

Ближе к реке Тибор заметил то, что искал. Как и надеялся, это были два сарая, стоявшие в самом начале ряда домиков. Он согнулся перед коленной стеной, чтобы перехватить дыхание и успокоить сердце. Никого вокруг не было; дураков шататься по такому холоду не нашлось – кроме, разумеется, сумасшедшего венгра. Тибор добежал до ближайшего сарая, прижался к стене, застыл намертво и повернул голову набок. Слышно было только мягкий шелест ветра, гуляющего по соседним хижинам, да далекое эхо трескающегося на берегу льда. Поискав глазами охранника или солдата, он обошел здание по стене, пока рука не нащупала металлическую защелку: секунду спустя он был внутри.

Несколько бочек с зерном стояли прямо рядом с дверью; скорее всего, это та же жижа, которой кормили пленников.

Обидно. Правда, возле дальней стены Тибор нашел груду деревянных ящиков, набитых каким-то крупным и круглым овощем, на ощупь напоминавшим картофель. Было слишком темно, чтобы разбираться, посему он набил несколько по карманам куртки и пошел дальше.

Он хотел уйти обратно в хижину, но не смог – слишком хотелось узнать, что там во втором сарае. Рванул до него, вошел внутрь через полугнилую дверь – только чтобы обнаружить там то же грубое зерно.

Ну как так! Сложно поверить, что эти жестокие и бесстрашные солдаты, рвущиеся в пасть американских пушек с такой отвагой, обедали такой примитивной гадостью. Ну ясно, что их офицеры ели лучше. Сомнений нет: где-то рядом есть нормальная еда, пусть не на территории лагеря, но в городке-то точно. Местные, конечно, не богаты, но выглядят крепышами и уж точно не голодают, как его товарищи. Тибор пообещал себе, что найдет еду получше, чего бы ему это ни стоило.

Пленников часто выводили за ворота – на работы или избавиться от мертвых, – но еще и до большого склада в Пектоне, откуда они забирали мешки с кукурузной крупой и тащили их обратно в лагерь. Его сожители боялись любой работы на суровом холоде, но Тибор рассматривал это как возможность. Он вызывался добровольцем в такие походы.

В первый свой выход до города он заметил, что земля по обеим сторонам главной дороги очень ровная. Инстинкт подсказывал ему, что это могут быть поля. Насколько хватало глаз, всюду виднелись мелкие клочья листьев и травы, перемежаемые неровными одеялами снега и льда. Что бы там такого съедобного могло расти?

Когда в Пасто заканчивался сбор урожая, фермеры обычно оставляли небольшое количество посевов в полях, которые они либо запахивали, либо прикрывали кукурузными стеблями. Остатки гнили, стебли превращались в перегной, который готовил почву к следующему сезону. Тибор прикинул, что корейские фермеры использовали ту же технологию, но единственным способом проверить это было совершить небольшую экскурсию в поля.

Первой проблемой были ворота. Охрана проходила их несколько раз в час, но не так часто, чтобы помешать решительному человеку войти или выйти. Тибор был уверен, что забор не под напряжением – поблизости не было линий электропередачи. Прямо за стенами лагеря валялись мотки колючей проволоки, но определенного порядка в их расположении не наблюдалось, были прорехи. Тибор решил, что

если ему удастся проползти под забором, он сможет обойти колючую проволоку зигзагами, а то и вовсе проползти под ней.

Охрана особо не напрягалась, а правила были нестрогими. Когда пленники позволяли себе прогуляться по территории лагеря, на них разве что кричали, приказывая вернуться в хижины. По ночам, когда температура опускалась ниже нуля, охранники зависали в маленьких будках возле печек. Итак, однажды безлунной ночью Тибор дождался, пока никто его не видит, проскользнул под забор и вскарабкался на участок земли с правильными бороздами, типичными для сельскохозяйственных полей.

Как он и подозревал, земля под слоем снега была укрыта замерзшими стеблями кукурузы; он раскопал почву и обнаружил там россыпь плодов, твердых и скукоженных, но, возможно, съедобных. Он набил штаны и отправился на соседнее поле. Там получилось вытащить несколько мерзлых луковиц.

Он пошел еще дальше, к темному участку земли с маленьким одиноким домиком и амбаром, окруженными рядом приземленных строений. Он быстро вошел в белый одноэтажный сарай и обнаружил там репу, кукурузу и что-то, похожее на батат – джекпот! Тибор набил куртку и штаны так плотно, что еле доковылял обратно до лагеря. Дико радовался своему походу, когда ложился на спину и протискивался под колючей проволокой. Тут куртка зацепилась за корягу.

Внезапно он застрял. Несильно потянул куртку, но она упрямо не поддавалась, причем в темноте неясно было, где же именно она зацепилась. Он подергался из стороны в сторону, но сдвинуться не смог.

Сорок лет назад, в первой войне, столкнувшей Венгрию с Россией, другой Рубин нарушил порядок в плену, тоже отправившись воровать. То был брат Ференца, Йозеф. Закончилось все плохо: Йозефа поймали за воровством еды с продовольственного склада, заставили выкопать себе могилу и пристрелили. Тяжелая судьба дяди, которого Тибор никогда не видел, нависла над ним самим.

Йозеф и Ференц вступили в ряды венгерской армии в 1914-м, оставив дома жен и малолетних детей, чтобы принять участие в войне, которая должна была положить конец всем прочим войнам. Братья служили в одной части, получили награды за доблесть, попали в плен к русским и отправились в Сибирь. Йозефа казнили, но Ференц пережил почти шесть лет неволи. Он вернулся в Пасто героем, хотя к тому моменту жена его вышла замуж за другого, а сын его был ему совершенно чужим человеком.

Тибор был самым младшим из четырех детей Ференца от второй жены, но та женщина умерла от рака, когда Тибор был еще ребенком. Роза, мать, которую он знал и любил, на самом деле была третьей женой его отца.

Несмотря на то что Ференц выжил в невыносимых условиях, он не любил говорить об этом. Почти все, что Тибор знал о молодости отца, его родной матери и Йозефе, ему рассказал Имре, который слышал эти истории от Миклоша, их сводного брата. И вот теперь, когда Тибор сам оказался в плену у мотка колючей проволоки, казалось, что самый грустный фрагмент истории той далекой семьи сейчас повторится. Рано или поздно охранник отойдет от костра и заметит скрюченную фигуру там, где ее быть не должно.

Быть может, как и Йозеф, он слишком долго испытывал свою удачу. А может, это Бог, которого Тибор проклинал на поле боя, наконец решил отомстить ему. Может, он ему так давал понять, что жалкий человечишка зашел слишком далеко.

Было в этом что-то смешное, ибо Тибор не мог контролировать тот импульс, то стремление, которое вогнало его в это положение. Чего уж там, он вообще бы даже не стал вспоминать Йозефа и его судьбу, не прерви колючая проволока его путешествие таким бесцеремонным образом. Каждое свое решение в тот вечер, как и решения многих вечеров до этого, он принимал спонтанно. И все они казались ему разумными, даже логичными – по крайней мере, в момент принятия. Но не сейчас. Рассмотрев все альтернативы, Тибор пришел к выводу, что нет никакой разницы, случилось ли это по вине Господа или ему просто не повезло. В самом простом смысле случилось то, что случилось.

Холод продирал его кости, и размышления Тибора подошли к концу. Руки и ноги коченели, а мысли его уже вернулись к побегу. Почти инстинктивно он вытащил из куртки половину овощей, тем самым освободив немного места между грудью и колючей проволокой. Затем втянул грудь так сильно, как только смог, и рванул вперед. Куртка громко порвалась. Тибор прикрыл порванное место, потом ногами вытолкнул себя до следующего участка проволоки, легко прополз там и выбрался на свободу.

В этот раз ему дали отсрочку – может, Бог, может, удача, а может, он сам, не потеряв голову. Все это не имело значения в тот момент. Тибор добрался до хижины и поделился уловом с семнадцатью очень голодными парнями.

9

Отец Капаун отказывался отбывать заключение в бараках для офицеров. Священник был убежден, что если он сможет достучаться до людей на духовном уровне, они смогут найти в себе силы протянуть здесь подольше и выжить. Он направил китайскому командованию сообщение, в котором говорил, что и его работа, и его вера обязывали его помогать всем людям, вне зависимости от ранга. Командование ответило, что его просьбу рассматривают, но охранники остановили его, когда он попытался выйти из зоны для офицеров.

Тогда он попросил разрешить ему проводить службы раз в неделю и по праздникам. Китайцы отказали. Приходил офицер и сказал, что народное правительство презирает религию и христианство в частности. Капаун ответил, что ладно, пусть они презирают формальную службу, но пусть хотя бы позволят ему общаться с солдатами индивидуально. Он сделал несколько попыток добраться до другого конца лагеря, но охрана неизменно догоняла и возвращала его к офицерским хибарам. И вдруг, однажды, без каких-либо объяснений его пустили. Отец немедленно провел службу, на которой объявил пленникам, что им пригодится помощь высшей силы. Он молился Святому Дисмасу, раскаянному грешнику, которого распяли вместе с Христом, и просил его помиловать людей и простить их за все то, на что их вынудили эти ужасные условия.

Отважный священник понял, что его голодающим людям нужны не только молитвы. Однажды ночью он проскользнул в пустой сарай и спрятался там до позднего вечера. После того, как мимо прошел не заметивший его охранник, Капаун выбрался и увидел сарай побольше, прямо за тем, в котором только что находился он. В том, втором, было полно кукурузы. Он украл так много, как только смог унести. После этого он, как Тибор, начал убегать из лагеря, чтобы рыскать по окрестным полям. Как и Тибор, Капаун разгребал кукурузную шелуху и доставал оттуда овощи; затем бежал обратно, делиться с офицерами-сокамерниками.

Бегая по близлежащей территории, Капаун начал таскать все, что плохо лежало. Собрав достаточное количество досок и сломанных заборных столбов, он устроил небольшой костер, ставший пунктом сбора для совета и поддержки. Он украл расплющенный жестяной лист, камнем придал ему форму чаши и кипятил в нем воду. Обменял часы на одеяло, распорол его и сшил носки всем, кто свои потерял или износил.

Капаун заметил, что китайцы уносят раненых на вершину холма, где, по их словам, был госпиталь, и как-то раз отправился за ними к большущей вычурной пагоде, бывшему буддистскому храму. До входа он, впрочем, не добрался – путь ему преградили охранники. Священник запротестовал: объяснил, что это его долг – предоставлять раненым духовную поддержку. Пока он упорствовал, прибыл китайский офицер, накинулся на него, закричал, что больным нужны лекарства, а не молитвы, что американские бомбы разнесли дорогу, и конвои теперь не могут доставить в «Лагерь 5» медикаменты. Отец не успокаивался. Ответил, что духовная поддержка почти так же важна, как и лекарства. Офицер заявил, что священника не пустят распространять там свою «заразную христианскую пропаганду».

В середине зимы госпиталь запретили посещать и доктору Андерсону, и второму доктору по фамилии Шадиш. Но спустя недели жалоб и требований охранники провели их в пагоду на гребне соседнего холма.

Утонченный фасад храма резко контрастировал с грязными бараками в долине. Стремящиеся арки крыши, аккуратно уложенные изразцы и декоративная деревянная резьба вселяли умиротворение и гармонию. Керосиновая лампа на входе отбрасывала успокаивающий свет. Но даже до того, как двое врачей успели войти внутрь, смрад смерти непробиваемой стеной встретил их. Внутри же был склеп. Почти сотня смертельно больных людей лежали на полу на соломенных ковриках, похожие на ряды треснутого кафеля. Одни не двигались и тяжело дышали, другие уставились в потолок, бормотали и скулили. К ним никто не подходил.

Врачи вернулись в хибару и доложили Капауну, что как только людей забирают на холм, надежды для них больше нет. Но отец не сдавался. Воспользовавшись менее известным путем вдоль замерзшего ручья, протекавшего позади лагеря, он обошел охрану и проскользнул в пагоду с заднего входа. То, что он увидел, привело его в отчаяние, он пообещал себе сделать все, что в его силах. Для начала он принялся носить раненым еду и бинты. Увидев больного, неспособного есть, он попытался его накормить. Он молился с ними, ухаживал за ними и зачастую провожал их в последний путь.

10

После вспышек дизентерии и пневмонии «Лагерь 5» захлестнула еще одна эпидемия. Синдром, который солдаты назвали «наплеватит», проявлялся в разных формах и убил не меньше узников, чем холод, голод или болезни. Иногда он начинался, когда человек прекращал есть или пить, уверенный, что так он сумеет прекратить понос или непрогнозируемые приступы рвоты, которые нередко следовали за приемом пищи. Какое-то время бурчание в животе прекращалось. Руки и ноги его не чувствовали холод. Он становился вялым и замкнутым. Переставал бороться со вшами и клопами и тихо лежал на спине весь день. Тело его захватывали личинки, клещи и вши. Вскоре следовала мирная смерть, которую многие считали милосердной. Но не было ничего милосердного в том, как огромные бугорки паразитов копошатся под униформой мертвеца, неистово пожирая.

В других случаях разбитые болезнью мужчины с пустым взглядом бродили бесцельно по лагерю, разговаривали с женами, подружками или родителями, которых там не было, а то и просто смеялись ветру в лицо. Одни, те, у кого были силы бороться с «наплеватитом», сторонились этих «бродячих призраков», словно это состояние было заразным; другие же, наоборот, присматривали за такими в ожидании, когда они лягут и замерзнут насмерть, чтобы стащить с них кепки и куртки.

Карл МакКлендон попал в плен в конце ноября 1950-го недалеко от Унсана, почти там же, где прижали батальон Тибора. Из-за того, что его дивизию, 25-ю пехотную, отправили в бой в самом начале войны, никто не успел научить его основам выживания в лагере для военнопленных. В первые же дни своего пребывания МакКлендон заработал глистов и дизентерию; через три месяца он похудел с девяносто килограммов до сорока пяти. Затем он потерял способность видеть в темноте. Поскольку он не знал, что эти симптомы говорят о недостатке некоторых нутриентов, он решил, что сходит с ума.

Он вырос в маленьком городке в Луизиане, где его кормили в традициях южной кухни США. Его, конечно, устраивала столовая еда, но он сильно скучал по обильным южным обедам, которые ему готовили мама и бабушка. Теперь же, вынужденный выживать на просе и кукурузной каше, он начинал бредить о яйцах, овсянке, свинине, батате и запеченных овощах с ветчиной. Никто ему не говорил, что худшее, что может сделать узник лагеря, – это мечтать о еде. Он и парни в его хижине постоянно говорили и

мечтали о блюдах, на которых они выросли, что только усиливало бурчание в их животах. Спустя несколько недель в «Лагере 5» голод стал настолько сильным, что он потерял аппетит. И тут слабину дали нервы.

МакКлендон опешил, когда увидел, как сосед по хибаре, имени которого он не знал, выполз из темноты, распахнул свою куртку и принялся пихать ему в лицо овощи. Английский у него был ужасный, но Карл вроде бы разобрал, что тот говорит ему заткнуться. Затем этот псих ушел раздавать еду остальным парням.

Что вообще происходит: это абсолютно незнакомый мужик, из другой роты. Ситуация приняла еще более загадочный оборот, когда этот парень вернулся с едой на следующую ночь.

Карл МакКлендон и его приятели обсудили его. Загадочный паренек – Рубин, из 8-й армии, которой как следует досталось под Унсаном, там же, где месяц спустя влетело и его роте. Карл подошел к Рубину и спросил, как он может ему отплатить. Последовал ответ на ужасном английском: «Не говорить никому».

МакКлендон услышал его. Он знал, хотя и не поименно, что есть люди, «стукачи» и «тушки», которые сдают своих же за дополнительную банку кашицы или сигарету. Его соседи говорили, что парни из других домов увиваются возле китайцев, чтобы получить ништяки, либо же раскалываются под пытками. Так что МакКлендон молчал. Он не хотел быть тем парнем, который сдал того, кого он лично называл «Санта-Клаусом».

Карл МакКлендон был не единственным солдатом, пораженным поведением чужестранца, которого все называли просто «Рубин». Как ни пытались, не могли его понять его и Дик Уэйлен с Лео Кормье. Он что, дурак, везунчик, или и то, и другое? Этим вопросом задавались они раз за разом. Зачем он крадет еду и кормит парней, которых он даже не знает?

Даже после того, как Рубин раскрыл свое происхождение и рассказал про упорство, которое привело его в Корею, он все равно оставался загадкой. Частично из-за того, как он говорил. Его ломаный английский перебивался словечками вроде «мицва» и «мазаль», которые никто из них не понимал. Когда его просили разъяснить их значение, он охотно рассказывал, но Лео и Дик все равно их постоянно путали.

Потом, конечно, его религия. Рубин говорил, что раз он еврей, то обязан совершать добрые поступки безвозмездно и втайне. Говорил, что это его долг – помогать нуждающимся, не ожидая ничего взамен. Это и много чего другого написано в книге, которую евреи называют Тора – там больше шести сотен законов, регулирующих жизнь еврея от рождения до смерти.

Рубин объяснил, что, конечно, невозможно каждому следовать всем законам, но целью было соблюсти как можно больше. Когда парни спросили его, сколько законов удалось соблюсти ему, он пожал плечами и ответил, что не помнит.

Дик Уэйлен и Лео Кормье верили Рубину на слово, но считали, что им движет не только вера. Оба согласились, что есть в его поведении качество, присущее всем сорвиголовам, спортсменам и может даже самым крутым преступникам, и что качество это больше, чем просто какие-то там верования. Но что это за качество, они понять не могли.

Дик и Лео, может, и не понимали Рубина, но в одном они были уверены: он неспособен сидеть на месте. Даже с травмой ноги он постоянно где-то шастал. Когда он не делился ворованной едой, то громко переругивался с китайцами или подбадривал пленных товарищей. Постоянно напоминал соседям, что дома их ждут семьи, что американские войска освободят их и что не падать духом – это их прямая обязанность. Но в каком-то смысле его слепая вера даже усложняла их пребывание здесь: они никак не могли понять, с чего вдруг он взял, что кто-то вообще выберется из этой дыры живым.

11

Делегация пареньков-южан из соседней хижины подошла к Рубину с обеспокоенными лицами: «Наш друг умирает, – скорбно объявили они. – Можешь помочь, Рубин?»

Они слышали про Тибора от Карла МакКлендона. Тибор поделился с ним своими переживаниями по поводу «тушек», но Карл поклялся, что этим парням можно доверять – они не сдадут. И все же Тибор слегка напрягся. Что именно им от него нужно?

– Как вы думать я помогаю ваш друг? – спросил он в надежде узнать, что они такого про него слышали, чего даже он сам не знал.

– Вы евреи все знаете, – ответил один из них без тени враждебности в голосе.

– Если бы я все знал, я бы тут не оказался, – отрезал Тибор.

– Но ты же можешь придумать что-нибудь, – возразил тот отчаянно.

Тибор не понял. Они что думают, у него за пазухой специальная машинка, на которой он строчит письма Моисею, царю Соломону, Давиду и святому Петру? Верят, что он обладает тайными зельями, известными только ветхозаветным евреям? Да нет у него ничего. Все, что он знал, так это как придумывать всякие истории.

Тибор неохотно пошел в соседнюю хибару, где обнаружил миловидного двадцатилетнего мальчика из Пенсильвании, лежащего на голом полу, полуутонувшего в теперь уже большой для него униформе. Товарищи его объяснили, что обезвоживание от дизентерии и неконтролируемые приступы чесотки вызвали у него проклятый «наплеватит».

Тибор присел возле него.

– Тебя как зовут?

– Джонни, – продребезжал парень, едва шевеля губами.

Цвет лица Джонни напоминал грязную воду. Клещи окопались на груди и шее, оставляя за собой маленькие рубцы. Дыхание его было поверхностным и трудным, изо рта воняло. Но он поднял глаза и посмотрел на Тибора – верный признак, что паренек еще не потерял связь с миром живых. Тибор пообещал приятелям Джонни подумать, что можно сделать, и посоветовал давать ему больше воды, даже если придется заливать ее насильно.

Китайцы держали дюжину коз в деревянно-проволочном станке недалеко от американской зоны. Подразумевалось, что животные здесь исключительно для нужд офицеров: Тибор видел,

как охранники заносили бадьи с молоком на холм, в штаб. Ни одну из них даже не зарезали. У каждой козы на шее висел колокольчик: если кто-то подойдет к ним слишком близко, животные засуетятся и колокольчики привлекут внимание охраны. Но он присматривал за козами с малых лет. Он знал их привычки и решил, что сможет тихо и без лишних движений пробраться в станок, не встревожив их.

Пока в лагере все спали, Тибор добрался до станка и прополз под забор. Завидев человека, некоторые козы беспокойно заскребли копытами по земле и уставились на него мраморными глазенками. Тибор замер и дождался, пока те не успокоились и вновь не заснули. Убедившись, что животные потеряли к нему всякий интерес, он быстро подобрал с земли маленькие горошины дерьма и набил ими карманы.

Он вернулся к Джонни на следующее утро. Тому стало хуже. Глаза слезились, верхнюю часть туловища трясло. Когда он делал вдох, откуда-то из глубины грудной клетки слышалось эхо.

– Это Тибор Рубин, – начал он. – Тебе повезло. Приезжал Красный Крест, они завезли новое лекарство.

– Смеешься, – пробормотал больной.

– Ты почти мертвый, Джонни, – вздохнул Тибор. – Какие уж тут шутки.

Он достал из кармана несколько темных горошин, разогретых до комнатной температуры. «Я давать тебе это лекарство, но ты должен обещать мне, что съешь все. Принимать надо три раза в день – утром, в обед и вечером. Иначе не сработает».

Джонни вяло закивал. Тибор жестом показал ему открыть рот, затем запихнул туда три горошины. Джонни проглотил их без единой жалобы. Как Тибор и догадывался, парень полностью потерял чувство вкуса.

Тибор был уверен, что козлиное дерьмо не повредит бедняге. Животные жили на траве – их отходы, разумеется, не помогут Джонни, но и повредить тоже вряд ли смогут.

Тибор приходил навестить Джонни три раза в день в течение недели. Спустя пять дней после того, как тот проглотил козлиное дерьмо, он уже мог сидеть и даже общаться. Две недели спустя он уже ходил. Разум над телом, радостно подумал про себя Тибор. Он предложил то же самое лекарство еще нескольким ребятам, и они, похоже, отреагировали точно так же. Тибор даже подумал, что в овечьем и козлином дерьме и правда есть что-то полезное, и сам проглотил несколько горошин.

Но иногда его попытки проваливались. Он не смог сохранить жизнь Чарльзу Лорду и Фрэнку Смолински. Они оба были из его роты, он сражался с ними бок о бок в первые дни в Корее, до

самого Унсана. Он попытался побороть их дизентерию способом, которому его научил старшина барака в Маутхаузене. Он взял обуглившиеся деревяшки из костра, растер их в порошок и попросил их съесть это. Оба отказывались, пока не стало слишком поздно. За отсутствием лучшего лекарства Лорд и Смолински вскоре умерли.

Тибор принял их гибель близко к сердцу. Он настаивал на том, чтобы похоронить обоих лично, хотя его и не заставляли. Потом молчал с неделю. Когда, наконец, сумел побороть ощущение, будто он подвел этих ребят, в нем появилась решимость отомстить их захватчикам.

– Китайцы и северокорейцы сами-то голодают, – сказал он Карлу МакКлендону на своем кривом английском, – так что воровать у них еду навредит им больше, чем убить МакКлендон сомневался, что Рубин хоть как-то сможет насолить китайцам, но сумасшедший венгр продолжал воровать у них еду. То, что ему каждый раз удавалось выходить сухим из воды, казалось МакКлендону истинным чудом. Но чудо это происходило посреди тотального отчаяния.

12

В начале весны в каждую казарму, как называли китайцы эти замызганные халупы, принесли пачку журналов о жизни в Китае. Парни не видели книгу, газету, да вообще ничего почитать месяцами, так что журналы быстро разошлись. Правда, быстренько пробежав глазами по фотографиям улыбающихся крестьян на пшеничных полях и большим кускам текста, восхваляющего жизнь в величайшей утопии этого мира, солдаты выбрасывали их за порог. В одной хибаре парни вырвали страницы и пустили их на туалетную бумагу. Когда китайцы пришли забрать журналы и обнаружили их разбросанными по земле, измазанными дерьмом, они чуть с ума не посходили. Всю «казарму» вывели на покрытую льдом реку и заставили стоять по стойке смирно несколько часов. Некоторые упали – и так больше и не встали.

Вскоре после этого, когда лютый холод прошел, но на улице еще было дико холодно, каждого, кто мог ходить, отправили на ежедневные занятия на открытом воздухе. Объяснили, что занятия, продолжавшиеся от двух до шести часов, – это часть их «перевоспитания», и чем быстрее они выучат свой урок, тем быстрее они вернутся домой, к своим семьям. Каждый день несколько рот отправлялись к открытым сценам, с которых обличали и разоблачали западный капитализм, империализм и эксплуатацию «пролетариата». Раз за разом им читали лекции о том, как на их фундаментальные права посягнули интернациональные корпорации и империалистические правительства. Коммунизм, говорили им, освободит их от ярма капиталистического гнета.

Первые лекции читал тучный, вспыльчивый товарищ Сунь, плюющийся сердитыми тирадами против Соединенных Штатов и культуры капитализма. Отец Капаун слушал его шумные проповеди, затем спокойно вступал с ним в дискуссию и опровергал его тезисы один за другим. Сунь отвечал ему криком и прыжками злого примата, но Капаун сохранял спокойствие.

– Когда Господь велел нам любить врагов наших, – говорил он солдатам, – вряд ли он имел в виду товарища Суня.

Китайцы заметили упрямство Капауна, но не стали распылять свою злость прилюдно. Вместо этого они утащили двоих его сокамерников в неприметную хибару на холме и там пытали их. Подвешенных за кисти офицеров заставили подписать документ, который утверждал, будто отец подрывает «учебную программу». Другие офицеры ждали, что документ используют против

капеллана на суде, но никакого суда не состоялось. Говорили, что китайцы боятся влияния Капауна, что если его накажут за разговоры, против них поднимется весь лагерь. Однако позже, когда священника поймали за воровством заборных досок, его раздели по грудь и заставили стоять на холоде несколько часов.

В марте у Капауна распухла нога – доктор Андерсон диагностировал тромб. Силы священника увядали, но он все равно сумел сколотить распятие для утренней службы на Пасху. Неделю спустя у него появилась дизентерия, затем сильная пневмония. Его колотила лихорадка, он впал в горячку. Соседи беспомощно наблюдали за приступами адского смеха и беседами с жителями его родного города.

Однако лихорадка спала, и Капаун, кажется, пошел на поправку, когда однажды в хибару вошла охрана с носилками. Им приказано было забрать его в «госпиталь». Офицеры не видели в этом никакого смысла – разве что командование лагеря хотело его убить. Они вступили в перепалку с охранниками.

– Он идет! Он идет! – кричали солдаты на офицеров.

Не желая стать причиной неприятностей у товарищей, отец Капаун знаком показал, что покинет дом, и попросил друзей сообщить его родным, что он умер «счастливой смертью».

13

Когда китайцы запустили свою кампанию по индоктринации, особое внимание они уделили офицерам. Вдобавок к занятиям они нагрузили их литературой, в том числе такой, как «Упадок и провал американского капитализма», «Манифест коммунистической партии» и «Жизнь Карла Маркса». Дабы гарантировать, что они их действительно изучают, офицеров заставляли читать произведения вслух в присутствии наставников. Когда на улице стало чуть теплее, китайцы расширили программу и на солдат. В середине весны они предложили тюремной роте Тибора – трем с половиной сотням людей – выбрать одного, который представлял бы их интересы в так называемом «комитете мира».

Этот представитель должен был посещать встречи с солдатами из других рот, чтобы обсуждать с ними, как положить конец войне, а заодно и другие важные вопросы. Раз уж он будет работать непосредственно с начальством лагеря, он получает право озвучивать любые недовольства или требования своих товарищей. Китайцы настаивали на том, что это честь – «бороться за мир».

Когда солдаты запротестовали, китайцы назначили несколько офицеров и капралов-американцев, которые навещали солдат и убеждали их, что, мол, да, китайцы просят несколько больше, чем положенные по уставу имя, звание и порядковый номер, но с ними все равно можно сотрудничать и в их личном деле это никак не отразится.

Никто в хибаре Тибора не хотел попасть в «комитет мира». Попахивало все это. Но один паренек, всеми, кстати, любимый, из соседнего дома, восемнадцатилетний рядовой Клод Бэчелор заявил, что возьмется за это дело. Тибор не очень хорошо знал Клода, но слышал, что тот помогал товарищам в самые лютые морозы, а значит, он тут не только о себе печется.

Клод Бэчелор был абсолютно неконфликтным парнем, которого отчислили из гимназии в Кермите, штат Техас, игравшем на трубе в военном оркестре до того, как его отправили в Японию, а затем Корею. Несмотря на то что он был довольно разговорчивым и любопытным от природы, Клод никогда не сталкивался с какой-либо политической догмой, тем более конфликтующей с его типично американским воспитанием. Однако же после того, как его выбрали в комитет, Тибор и другие стали замечать, что парень стал больше времени проводить в китайском штабе. Вначале никто не подозревал его в стукачестве.

Наоборот, ему удалось добыть больным ребятам побольше лекарств и внимания персонала. Тибор не считал его предателем – в конце концов, в комитете было еще двадцать узников.

И вот в июне Клод просит Тибора и товарищей подписать так называемое «письмо мира». Письмо требует от Соединенных Штатов убраться из Северной Кореи и предоставить Китаю место в ООН. Клод объяснил, что желает парням только добра и что их подписи помогут им быстрее добраться домой.

Тибор изучил бумагу. Там был длинный список имен – странно, кажется, здесь почти все американские офицеры. Тибор сказал Клоду, что хотя он и жил в Америке всего полтора года, ничего против нее он подписывать не будет. Клод подчеркнул, что никто не собирается настраивать солдат против Штатов. И все же Тибор не подписал документ, на что Клод отреагировал совершенно спокойно.

Через некоторое время Клод стал возвращаться с заседаний комитета с конфетами и сигаретами. Он с радостью делился ништяками с соседями, но вскоре прошел слух, будто сам рядовой Бэчелор получает кое-что получше. Кто-то видел, как он выходит из центральных ворот без сопровождения охраны, и обвинил его в том, что тот сдался «красным». Клод, впрочем, не скрывал своих отношений с китайцами и говорил, что хотя его и интересовали «прогрессивные» идеи, коммунистом он не был. Он просто хочет, чтобы война поскорее закончилась – тогда все наконец-то смогут вернуться домой.

14

Товарищ Лю представился начальником американской секции лагеря, хотя Тибор и его друзья считали, что этот парень на самом деле заведует лагерем целиком. Точно сказать они, впрочем, не могли, поскольку китайцы утверждали, что их система считала всех людей равными, и ни один человек не мог быть выше по рангу другого. Все были «товарищами», равными по статусу и важности; отличались только обязанности. Никто из солдат в это не верил, но притворялись, будто уважают порядок, и обращались к Лю и другим офицерам «товарищ такой-то» и «товарищ сякой-то». Сомнений, однако, не было: Лю – человек, с которым надо говорить, если проблемы у тебя, а также человек, с которым ты неизбежно увидишься, если у китайцев проблемы с тобой.

Лю был выше и шире в плечах, чем другие китайцы. Его теплые, овальные глаза и мягкая, чистая кожа говорили о смешанном происхождении. Кто-то говорил, что отец у него был французом, но это была только догадка. Однако Лю был красив, как никто другой из китайских офицеров, и говорил на, по меткому выражению Дика Уэйлена, на «королевском английском». Ходил слух, что у него есть дипломы Гарварда и Беркли. Если что-то его расстраивало в речах или поведении пленников, он этого никогда не показывал. Всегда оставался тихим и спокойным, даже когда узники открыто ему не повиновались.

С весны 1951-го Лю вызывал каждого пленника на индивидуальную беседу, во время которой уточнял имена их родителей, адреса и род занятий. Особенно он заинтересовался родителями Дика Уэйлена, представителями рабочего класса из северной части штата Нью-Йорк, которых он называл «пролетариат». Дик, будучи более начитанным, чем подавляющее большинство остальных солдат, оказался одним из немногих, кто знал значение этого слова, что заинтриговало коменданта и вызвало дополнительные вопросы.

– Что твои родители думают об американской политике? – начал он как бы невзначай.

– Они республиканцы, – ответил Дик осторожно.

– Что они думают о своем месте в американском обществе?

– Ничего особенного, думаю. Их оно не сильно напрягает.

– Что они думают по поводу того, что их сын участвует в этой войне?

– Не знаю. Как-то не было времени обсудить это с ними.

Дик старался говорить максимально уклончиво – это было первое его интервью, и он не знал, чего хочет этот человек. Однако было в Лю что-то приятное, нечто к нему располагавшее.

Еще Лю очень заинтересовался единственным в лагере венгром. Как только он узнал про происхождение Тибора, ни на секунду от него не отставал. Вызывал его на беседы каждые две недели.

– Зачем бьешься в войне богатых людей, рядовой Рубин? – спрашивал он неоднократно. – Ты венгерский гражданин. Не американский. Американцам плевать на тебя.

Тибор пожал плечами, будто не понимал.

Лю не сдавался: «Ты же понимаешь, что венгерский народ – наши товарищи, не так ли?»

– Нет, – ответил Тибор.

Тонкие губы Лю растеклись в улыбке: «Ну поймешь со временем».

Тибор знал, о чем говорит Лю. Когда коммунисты сомкнули железный занавес вокруг Восточной Европы, они сделали жизнь там куда сложнее, чем до войны. Впрочем, представление это было сугубо теоретическим: Тибор поклялся себе, что его нога никогда не ступит на землю Венгрии вновь.

– Наши народы объединились в международной борьбе с империализмом и эксплуатацией трудящихся, – заявил Лю будничным тоном.

– Интересно, – последовал ответ Тибора.

Лю улыбнулся.

– Мы участвуем в международной кампании за мир во всем мире. Сторонники мира должны сделать все, чтобы противостоять зачинщикам войны. Ты, жертва нацизма, должен бы понимать и ценить это.

Тибор кивнул, но язык придержал. Лю вежливо улыбнулся и жестом показал ему выйти.

Тибор решил, что Лю доконало его упрямое молчание, однако офицер все равно вызвал его несколько недель спустя.

– Рубин, – начал он тепло, – тебе несказанно повезло. Народы Венгрии и Китая едины в борьбе за реформацию мира. В качестве жеста доброй воли мы хотели бы отправить тебя обратно в Венгрию. Мы проследим, чтобы тебя обеспечили всем необходимым. Получишь хороший дом и работу. Что скажешь?

Несмотря на свой скептицизм Тибор поостерегся злить офицера.

– Обещаю подумать, – сказал он.

Когда МакКлендон, Уэйлен и Буржуа услышали о предложении Лю, они хором закричали на Тибора.

– Возвращайся! – резко вопил МакКлендон. – Скажи им все, что они хотят! Делай что угодно, только выберись отсюда!

Тибор закивал головой: «Хочу остаться с вами, парни».

Парни стояли ошарашенные. Он точно сошел с ума. Даже в доме, где больше не было голода, болезней и перенаселенности, страх все равно преобладал над разумом. Напряжение не ослабевало даже ночью. Если спящий ерзал, дергался или вынужденно чесался от укуса, соседи срывались на него. Случайный локоть в лицо мог перерасти в драку.

– Ты что, не понимаешь, что нет ничего хуже этой дыры? – не успокаивался МакКлендон.

– Херня все это, – отвечал Тибор. – В Штатах у нас есть блинчики, яйца, бекон. Этим ребятам нечего предложить мне.

Упрямство Тибора сводило Карла с ума.

– Да что с тобой не так? – он чуть не ревел. – Да ты хоть понимаешь, как тебе повезло?!

– Война скоро закончится. Мы стоим здесь вместе и домой идем вместе.

– Да никуда мы не идем! Мы сдохнем все в Сибири, как собаки!

– Надо держаться вместе. Ударим врага в пах, где больнее.

– Это как это, интересно? – заорал Карл.

Все это время Дик Уэйлен помалкивал. Он изучал историю и был знаком с положениями Женевской конвенции относительно обращения с военнопленными. Не то чтобы он сильно ненавидел китайцев, но, однако же, понимал, что они злостно нарушают протоколы. Когда он заявил об этом товарищу Лю, тот гордо ответил, что китайцы не подписывали никаких соглашений. Поэтому теперь упорство Тибора взбесило его.

– Никто в армии, да и вообще нигде не знает о нас! – твердо заявил Дик, едва сдерживая себя. – А даже если и знают, то что они могут сделать?

– Как они вообще найдут нас? – запинаясь, пробормотал Джеймс Буржуа.

Рубин не сдавался. Он сжал губы и уставился на них железным взглядом – ясно было, что он решения не изменит.

Отвергнув предложение Лю, Рубин обрек себя на дополнительную работу: носил еду, чистил отхожие места, колол и таскал дрова, выносил из лагеря дерьмо ведрами. Охранники гоняли его с утра до вечера. Соседи по хибаре решили, что его кто-то сдал, выдал его разговорчики, а может, охранник, немного умевший говорить по-английски, подслушал, как он поносит китайцев. Сюрприза, конечно, не вышло: стойкий маленький венгр выносил все без единой жалобы.

Зима 1950-го унесла с собой больше полутора тысяч человек. Точнее сказать невозможно – учета никто не вел, и не было имен на грудах камней, на бугорках земли вдоль канала, на кладбище за «домом смерти», который китайцы называли «госпиталем».

Рэндалл Бриер, которого определили в сержанты, разлучили с его взводом и отправили жить с другими сержантами, с каждой новой смертью становился все злее и горше. Он где-то раздобыл бумагу и ручку и сочинил поэму, в которой выразил всю свою ненависть и отчаяние, обернул ее вокруг серебряного доллара и ухитрился утаить во время многочисленных проверок, скрыть от казарменных воров. В этом отрывке Рэндалл метким языком передает те ужасы, которые преследовали его, не давали спать по ночам:

Ни рожка не слышно
Ни сигнала отступать
Никаких похорон пышных
Пока трупы идут по льду засыпать
На холм, где наших парней зароют.
И нет ненужных гробов
Что грудь укрыли бы, только солдатская кровь
Их в последний путь умыла бы.
Тут все цвета мира: черные, желтые, белые,
Полторы тысячи угасших огней.
В болезнях, бреду оголтелом, умах обледенелых
Они знали: не увидят больше родных аллей,
Кто-то умер легко, еще больше – в агонии кроваво-красной
И что, все полторы – напрасно?

Когда бы охранники ни проходили мимо его хижины, Рэндалл бесстрашно крыл их грязнейшими ругательствами, лютым матом. Повезло ему, что они почти ничего не понимали. А когда понимали и били его, он и тогда не успокаивался.

Снег сошел с дорог, ходить стало проще, и в лагерь пришли новые узники на смену умершим. Несмотря на это, жить там стало все равно попроще – не было уже этой удушающей людской густоты. В конце весны народу в хижинах стало ровно столько, что можно было спокойно спать на спине и ворочаться, не боясь потревожить соседей. За этот комфорт они заплатили высокую цену. Настолько высокую, что хватило и на холм, и на всю длину канала, и хотя могилы стыли безымянными, никто в «Лагере 5» никогда не забудет тех, кто там покоился.

15

Когда весна согрела землю, китайцы оградили забором часть парадной площади и устроили там огород. Через какое-то время появился крепкий урожай огурцов, помидоров, лука, редиски и всякой зелени. Китайцы назвали его «садом победы». Почти каждый день солдат нарочно проводили мимо сада и предупреждали, чтобы те и близко к нему не подходили.

Во время Второй мировой их родители устраивали сады победы для демонстрации своего патриотизма. Радио и газеты поощряли граждан выращивать собственные овощи, дабы помочь стране кормить армию – пусть все это носило чисто символический характер. Но вот в «Лагере 5» сад служил исключительно для унижения пленных американцев: вид свежих овощей – вот же они, только руку протяни! – сводил их с ума. Парни клялись, что отдали бы миллион баксов, лишь бы добраться до самого паршивого томата, хоть и понимали, что за этот самый томат их пристрелят.

Как-то во вторник, когда люди в хижине собирались лечь спать, Тибор хлопнул МакКлендона по плечу.

– Карл, – сказал он с задорной ухмылкой, – если Господь с нами, завтра будет праздник урожая.

МакКлендон его, конечно, не понял: «Господь понятия не имеет, где мы».

В ту ночь, когда парни заснули, Тибор смело выскочил из дома, перелез через непрочный заборчик, забрался туда, где росли самые крупные овощи, дождался, когда пройдет мимо охранник, и не глядя запустил руку в заросли.

Этого было мало – стащить несколько овощей из обожаемого китайцами сада победы. Набрав полные штаны и рубашку урожая, он с корнями вырвал из мягкой почвы пустые стебли. Задницей и кулаками превратил остатки овощей, которые не смог унести с собой, в жидкое месиво. Повалялся телом по стеблям, поломал кустики. Зарылся ногами в землю поглубже, добрался до самых крепких корней, изорвал их голыми руками.

Тут дело было не только в банальном хулиганстве. Он хотел отомстить за каждого погибшего зимой, за каждого убитого на дорогах, за умерших от голода, холода, от нелеченых болезней, за тех, кто просто лег, сдался и умер. И как только он начал, остановиться уже не мог. За считаные минуты он сровнял с землей пол-огорода.

Тибор почти потерял контроль над собой, но вовремя понял, что начал ломать высокие растения, служившие ему прикрытием.

Если охранник сейчас пройдет мимо, он, конечно же, заметит, что тут творится, и поднимет шум. Тибор помочился на останки огорода – словно подпись оставлял – и тихо уполз восвояси.

В полночь среды Тибор разбудил весь дом и, веселый, развязал штаны и рукава рубахи. Наружу выкатились томаты, огурцы, редис и бобы – самый богатый улов за всю историю вылазок Тибора. Парни стояли, разинув рты.

– Откуда это? – воскликнул Карл МакКлендон, хотя по голосу его было понятно, что он и сам знает ответ на этот вопрос.

– Китайцы подарили, – отшутился Рубин.

При свете дня не заметить стараний Тибора было невозможно. Сад победы превратился в мусорную свалку. Никто в лагере, кроме соседей Тибора, не знал, что произошло ночью. Товарищ Лим, очкастый сухопарый человечек ростом чуть выше полутора метров, носился по шеренгам на утренней перекличке, орал так, будто легкие его были в огне, требуя, чтобы мародер выдал себя сам.

– Мы знаем, кто ты, – вопил он. – Сдайся сам! Сейчас же!

Тонкая фигура Лима тряслась, пока он скакал от одного отряда к другому. Голова его, слишком большая для тела, раскачивалась, будто сейчас отвалится. – Мы знаем, кто ты! – верещал он снова и снова.

Когда он отошел достаточно далеко, Тибор повернулся к МакКлендону: «Если бы это дурачье знало, кто это сделал, давно бы уже поймали».

Лим буянил еще около часа, потрескивая всем телом на манер мультяшного персонажа. Он не успокоился, даже когда голос его сломался и он охрип. Просто останавливался несколько раз прокашляться, затем с новой силой выпаливал угрозы – но так и не смог выбить признание. В тишине упрямого молчания он распустил ребят по хибарам.

Охрана развезла остатки сада победы, навезла туда свежей земли. Угроз от китайцев больше не было. Тибор и товарищи поняли, что без наличия конкретных улик командование не особенно-то хочет наказывать кого-либо, тем более если это может настроить одну часть лагеря против другой. А вот товарищ Лим, тщедушный, бешеный офицер, оставил после себя неизгладимое впечатление. С того самого дня американцы называли его не иначе как «Кричащий Череп».

16

Когда он впервые увидел их на реке, Дик Уэйлен не мог поверить глазам. Он рванул к хижине звать парней. Весь дом высыпал во двор и побежал за ним к каналу.

Прибежали – и замерли. Дюжины две иностранных узников, из другой части лагеря, прорубили во льду отверстия и ныряли туда почти с головой.

– С ума, что ли, сошли? – пробормотал Дик.

Тибор знал, что это турки и что это – религиозный обряд, ритуал очищения, который им приписывает их библия – Коран. Зимой, когда река замерзла, они не могли его выполнять, но сейчас, в конце апреля, лед растаял, и их уже ничто не могло остановить.

Ребенком Тибор с восторгом рассматривал открытки с изображениями загадочного города Стамбула. А еще он видел шпионский фильм, действие которого разворачивалось среди его базаров и мечетей. Турция и Стамбул высоко располагались в списке мест, которые Тибор планировал посетить.

Иногда, кстати, он пересекался с турками во время своих ночных вылазок за едой. Они молча признавали присутствие друг друга, затем продолжали идти каждый своим путем. Турки казались ему не такими измученными, как его товарищи, и лучше подготовленными к жизни в лагере. Это подтверждал и тот факт, что в первую зиму их погибло очень мало. Их находчивость и упрямство восхищали Тибора, он хотел узнать о них побольше. А вот другие парни не хотели иметь ничего общего с маленькими, темнокожими иностранцами. Частично из-за правил – пленникам разных национальностей запрещалось общаться вместе. Частично, конечно, из-за непреодолимого языкового барьера. Но было еще кое-что. Тибор не знал точно, цвет кожи это, или густая растительность, или их религия, но у американских мальчиков было стойкое предубеждение против турков. Он слышал, как один из его соседей говорил, что вся турецкая армия – сплошные бандиты, хотя убедительных фактов в пользу этого заявления привести не смог.

Горя желанием узнать, какие же они на самом деле, Тибор проскользнул в секцию к туркам, пока не видели охранники. Оказалось, что один из них (турков, не охранников), Мехмет, говорил по-английски лучше, чем сам Тибор. Светлокожий, сын русских родителей, мехмет жил в Турции почти всю жизнь. Он слышал о Тиборе и уважал его непокорность лагерным правилам; двое быстро стали друзьями.

Так, как только смог, Мехмет представил Тибора своим приятелям – оказалось, некоторые из них видели его во время собственных ночных вылазок. Они хорошо приняли его, пожимали руки, знающе улыбались, а затем поднесли ему горько пахнущую сигарету.

Кали, кали, – пробормотал один их них.

– Марихуана, – перевел Мехмет.

Тибор слышал, как говорили про марихуану чернокожие музыканты. Они называли ее «травка», «шмаль» и «дурь». Он знал, что ее можно было достать на улицах Нью-Йорка и Окленда, но никогда не пробовал.

– А где вы достали ее?

Мехмет засмеялся: «Вон на холме. Она там повсюду. Китайцы запрещают приближаться к нему, но туркам плевать».

Тибор затянулся косяком толщиной с большой палец. Сначала жесткий дым обжег ему горло, он закашлялся, однако спустя минут двадцать он уже глупо хихикал без какой-либо на то причины. Потом закружилась голова. Ощущения были не такие сильные, как от алкоголя, но зато абсолютно новые – такого он еще не испытывал. Забавно, подумалось ему – турки отправили его в полет на волшебном ковре-самолете.

Тибор все еще курил, когда внезапно открылась дверь. Заглянул турок, что-то прокричал – Тибор не понял, но все в хижине занервничали. Тибору плевать было, он слишком хорошо сейчас себя чувствовал. Мехмет обернулся к нему и прошептал, что идет охрана. Тибору плевать. Мехмет схватил его за руку, зашептал: если охранники найдут здесь американца, достанется всем. Тибору плевать, он стоит и улыбается.

В суете Мехмет накинул ему на голову одеяло и уложил на живот. Трое турков уселись на него, словно это матрац. Мехмет приказал ему не двигаться.

Тибора было совсем не видно, когда орущие охранники ворвались в проход. Турки молчали, пока охрана носилась по комнате, перетряхивала коврики и одежду, бросала их как попало. Большой котел со звоном покатился по комнате, сопровождаемый криками.

Тибор боролся с желанием похихикать. Обыск продолжался, и турки вжали его так сильно, что он едва мог вздохнуть – но смеяться все равно хотелось. Таким легкомысленным и безмятежным он оставался еще несколько часов. Охрана уже ушла, сильно хлопнув дверью на прощание. В доме стало тихо, турки подняли одеяло и потянули Тибора за ноги. Посмотрели в его красные, сонные глаза, хлопнули по спине и расхохотались, словно стая ворон.

17

Никто не мог разобрать, что там за точка на горизонте. Лед растаял, вода открылась, но суда еще не ходили. А тут вдалеке явно что-то плыло, тонкий контур в открытом море. Тибор и Дик Уэйлен встали на самый край шаткого пирса и вглядывались в даль, пока не увидели парусное судно. Мачта и корпус медленно выбирались из морской пучины.

Как только судно вошло в канал, парус сняли. Три пары весел вылезли из планширей, словно у древнего галеона. Толпа любопытных пленников скопилась на берегу, указывая пальцами и переговариваясь, наблюдая, как судно все ближе подходит к доку. Когда оно пришвартовалось, китайцы выбрали несколько человек из толпы и отправили их на борт, затем в трюм.

Первое судно привезло большой запас чистой одежды – жест доброй воли от народной республики. Потребовалось еще несколько лодок, но зато вскоре все население лагеря было одето в темно-синие пиджаки, штаны и кепки – такие же, как у их так называемых товарищей на Большой земле. Люди с радостью избавились от вонючей и рваной формы. Мало кто жаловался, что синие ватные штаны, накрахмаленные рубашки и одинаковые кепки олицетворяли коммунистические идеалы; это была первая свежая одежда за долгие-долгие месяцы заключения. Правда, китайцы настаивали, чтобы солдаты сдали свои армейские ботинки в обмен на низкосортные, неподходящие кроссовки. Это, во-первых, мешало нормально ходить, а во-вторых, лишало солдат возможности вытащить из подошв ботинок металлические вставки, которые, приложив определенные усилия, можно было превратить в нож. Да, китайцы тоже умели думать.

Меж тем к «Лагерю 5» по реке Ялуцзян продолжали приходить лодки, которые привозили свежую кукурузную крупу, соевые бобы, рис, картофель, свинину и курицу. Свинина и курица отправлялись прямиком на холм к офицерам, зато остальное готовили и для охраны, и для узников. В рационе появились рис, лук, грибы и даже немного сахара. Правда, лето было в разгаре, и рыба и свинина, которых доставляли на лагерные кухни, дурно пахли, в них нередко попадались черви и прочие паразиты. Поварам – балбесам, набранным по самым слабым частям китайской армии и ни во что не ставившим заключенных, – все-таки хватало ума не использовать порченое мясо. Но когда лагерное начальство прознало, что в мусорках копится мясо, оно приказало поварам забрать его обратно и добавлять в обеды. Солдаты понятия не имели, что им делать с

гнилыми кусками мяса, появлявшимися в рагу и супах.

Погода устаканилась, день стал длиннее, холмы вокруг «Лагеря 5» зазеленели. С приходом лета вопрос выживания в лагере перестал быть актуальным. У солдат стали появляться котелки, бритвенные принадлежности, журналы и газеты.

Но вот парни были уже не те. Лео Кормье, например, раньше выглядел как футболист, а теперь похудел в два раза и похож был больше на приболевшего спринтера. Тибор и Джеймс Буржуа, и так-то худее среднего, совсем отощали. Раны на плечах Буржуа затянулись, но он все равно не мог поднимать руки выше головы. Карл МакКлендон похудел на двадцать два килограмма, нервишки у него пошаливали. У Дика Уэйлена повыпадали почти все зубы. Рэндалл Бриер был вполне здоров, но жил отдельно от товарищей по роте и с ума сходил от приступов гнева. Несмотря на многочисленные предупреждения и побои он постоянно срывал занятия громким матом в адрес коммунистов.

Уилльям Боннер, снайпер из роты Тибора, пережил зиму и два острых приступа болезни. Тибор помог ему восстановиться сначала после изнурительной дизентерии, затем после пневмонии. В начале июня Боннер шел на поправку наравне с остальными. Однако потом он внезапно свалился с бери-бери. Ослабленный недостатком питательных веществ, он быстро стал вялым, потерял чувствительность в руках и ногах. Резко похудел, а гениталии так опухли, что он мог передвигаться, только держа их в руках – верный признак того, что болезнь смертельна. Тибор готовил ему уголь, чтобы вылечить боли в желудке, но пищеварение Боннера продолжало ухудшаться. Тащил его до отхожего места и ночами не спал, вынимая вшей из волос. Боннер умер как раз тогда, когда вода стала достаточно теплой для того, чтобы он мог помыться в реке.

Тибор, понятно, тяжело реагировал на смерть товарища. Он-то себя убедил, что все, кто сумел пережить зиму, доживут до самого освобождения. И вот теперь, когда уже начались переговоры о перемирии, когда появилась реальная надежда на то, что они все поедут домой, Боннер умирает. Его смерть в тот момент, когда все худшее было уже позади, показалась Тибору очередной жестокой шутка Господа.

Он отправился хоронить Боннера, хотя это и поручили другим пленникам. Трое парней отнесли его скукоженное тело на холм, где земля уже достаточно оттаяла, чтобы в ней можно было вырыть могилу. Убежденный, что он не все сделал для спасения Боннера, Тибор долго молился, пока двое южан закидывали труп землей. Они явно обеспокоились, когда Рубин наклонился к могиле и начал петь на иврите.

– Чего ты ему говоришь? – нервно спросил один из них.

– Ему – ничего, – ответил Тибор. – Я прошу Господа отвести нашего друга в лучшее место. Так делают евреи.

– Ты не слишком громко поешь? – робко спросил другой.

Тибор кивнул: «Да. Хочу, чтобы Он меня услышал».

Парнишки казались потрясенными, но сам Тибор в глубине души сомневался: не бросает ли он слов на ветер? Не впустую ли он каждый день пытается сохранить в их сердцах надежду?

18

Когда почтмейстер Роттердама знал, что Фрэнку и Элси Уэйленам пришло важное письмо, он сам относил его до двери. Каждый житель маленького городка в штате Нью-Йорк знал, что их сын Ричард был объявлен «пропавшим без вести в бою» еще в ноябре 1950-го, и что с тех пор новостей больше не было. Плохой знак. Друзья и соседи хотели бы, конечно, успокоить их, но горький опыт предыдущей войны подсказывал, что все, что им остается – ждать и надеяться.

Вот и в этот раз, когда Уэйленам пришло письмо из-за границы, почтмейстер постучал к ним в дверь и передал письмо лично в руки. Чутье его не подвело. В письме сообщалось, что из Австралии была перехвачена радиотрансляция, во время которой перечисляли имена и фамилии военных, находящихся в плену КНР – среди них было имя Ричарда Уэйлена. Сообщение заканчивалось пожеланием «всего наилучшего от китайского народа» и желанием поскорее закончить войну, дабы их сыновья смогли вернуться домой. Уэйлены вздохнули с невероятным облегчением.

Минобороны отказалось подтвердить, равно как и опровергнуть сообщение. Фрэнк и Элси, как и многие другие родители и близкие, получившие это сообщение, вскоре вновь оказались в состоянии нервного напряжения. Однако затем некий источник сообщил им, что Дик в порядке – и этот источник стал их единственной надеждой.

19

В июле стало, наконец, так тепло, что пленникам больше не нужно было отапливать хибары, и надоевшие, но необходимые походы в лес за дровами прекратились. Вдобавок привезли лекарства и специальный порошок против вшей и клопов – жить стало совсем хорошо. У ребят появилось свободное время, в которое они убирались в домах и купались в канале.

По лагерным громкоговорителям звучала музыка и новости спорта, правда, все это перемежалось бесконечной пропагандой. Доклады о поражениях войск ООН, записи пойманных пилотов, призывающих покончить с войной, истории о том, как солдаты ООН зверски убивают гражданских, а также долгие восхваления выдающихся достижений миролюбивых народов России и Китая – и все это бесконечно, раз за разом.

Лекций летом стало больше, упор делали на надоевших Энгельса, Маркса и Ленина, но не забывали и про тотальное превосходство коммунизма. Череп говорил пленникам, какими благодарными они должны быть, ибо некоторые лекторы приехали к ним из самого Пекина.

Вполне естественно, что студентов заставляли сидеть прямо и смотреть только вперед. Специальные надзиратели ходили по рядам и тыкали в спящих солдат палкой. Если кто-то опускал голову, то быстро получал по шее. Если кто-то, наоборот, откидывался назад, то страдали его живот и грудь.

По завершении лекции студентов отправляли по домам с обязательным домашним заданием. Каждому дому поручили выбрать старшего, который наблюдал бы за обсуждением лекции, делал пометки, а затем составлял краткое резюме собрания. В доме Тибора старшим по группе единогласно был выбран наименее подходящий для этого человек.

– Почему меня? – ворчал Тибор. – Во-первых, я ни черта не понимаю из того, что они там говорят. Во-вторых, я не умею писать по-английски. В-третьих, мне насрать на все это.

Несмотря на его протесты, соседи решения не поменяли. Их забавляла идея сделать ментором именно Тибора, нравилось ему это или нет.

В первый день Тибора на новой работе Череп провел лекцию о том, как коммунисты захватили большую часть территории Китая. Подробно рассказывал, как Чан Кайши, диссидент, поддерживаемый Западом, сбежал на остров Формоза после того, как его сверг китайский пролетариат. Утверждал, что Запад нарочно мешал Китаю завладеть островом, который принадлежит

ему по праву, и что Соединенные Штаты возглавили империалистическую коалицию, собиравшуюся аннексировать его. После лекции Череп отправил людей по домам с заданием обсудить только что услышанное и потом сдать эссе, в котором они должны были своими словами объяснить, почему Запад морально обязан отказаться от контроля над Формозой в пользу Китая.

Тибор теперь, как старший по группе, должен был провести дискуссию среди своих товарищей, а затем проконтролировать написание эссе. Ясное дело, что никто в группе не то что писать, но даже говорить о Формозе не хотел. Тибору пришлось самостоятельно разбираться с заданием.

Он не справится. Он не запомнил ни единого слова с лекции. Пока Череп что-то там буровил про благородный и мирный народ Китая, Тибор мечтал о женщинах. И вот теперь ему надо что-то написать в тетрадке.

В ответ на вопрос «Почему китайцы – законные наследники Формозы?» Тибор написал – большими словами на две трети страницы – «фиг знает». Понимая, что китайцам это вряд ли понравится, он поставил несколько нолей вместо подписи старшего. Решил: если повезет, они даже не заметят.

Не повезло. Череп увидел тетрадь группы и сильно, сильно расстроился. Пошагал прямиком в их хибару и потребовал выдать ему старшего. Парни указали на Тибора.

Когда Череп показал ему два одиноких слова на странице, Тибор честно признался, что не умеет писать по-английски. Череп посмотрел на остальных.

– Какого лешего вы сделали его старшим? – заорал он. – Он же не знает ни хрена.

Ярость его была встречена тупым молчанием. Череп сжал зубы и начал тихо закипать. – Я вопрос вам задал! – и уставился на них ледяным взглядом.

Тишина.

Кожа на лбу Черепа натянулась. Он начал фырчать так, будто сейчас у него начнется приступ астмы. Парни продолжали молчать.

Череп ударил кулаком в стену.

– Все наружу!… Кроме Рубина!

Когда все шестнадцать солдат вышли на улицу, Череп повернулся к Тибору.

– Рубин, что скажешь в свое оправдание?

Тибор сложил руки и потупился.

– Товарищ Лим, – начал он шепотом, – мне очень жаль, но я не могу больше ходить на занятия.

Череп жестом показал ему поднять голову.

– Это еще почему?

– Мозгов нет.

Выражение лица Черепа смягчилось.

– У тебя есть мозги. Зачем говоришь, что нет?

Тибор замялся. Злить Черепа не хотелось, но добавить было нечего.

– Не помню, – ответил он.

Череп остался спокоен, но на лице появилось легкое разочарование.

– Ты помнишь, о чем была вчерашняя лекция?

– Нет, не помню, – тускло сказал Тибор.

Череп поднял тетрадь и указал ему на нули. Глаза как будто увеличивались в размере, но тон оставался ровным.

– Зачем ты вот сюда наставил нулей?

– Меня зовут так.

Череп сердито сжал зубы. Даже когда он не был в ярости, его неправильный прикус придавал ему вид человека слегка чем-то взбешенного. Сейчас же, когда он нарочно сдавливал челюсти, нижняя часть его лица начинала сжиматься, словно расклеивающаяся резиновая маска.

– Рубин, – проворчал он, – ты самый тупой сукин сын, которого я когда-либо встречал.

Череп вернул в дом солдат и снова начал орать:

– Какого черта вы выбрали его? Фак, он же ни хрена не понимает. Он же дебил!

Парни смотрели друг на друга пустыми, ничего не выражающими глазами.

Череп повертелся возле них до тех пор, пока не убедился, что говорить никто не собирается, затем выскочил наружу. Спустя несколько секунд молчания ребята начали хихикать.

Тибор засиял довольной улыбкой. Раньше он никогда не слышал, чтобы Череп говорил «фак» – в ежедневный лексикон китайцев это слово не входило. Да и вообще, они наказывали солдат за регулярные «факи» – «фак это, фак то». Кажется, для них это звучало как личное оскорбление. Тот факт, что Череп употребил «фак», заставил его чувствовать себя особенным.

Мальчишка-южанин похлопал его по плечу: «Чувак, ты реально разозлил этого дядьку. Чего ты ему такого сказал?»

– Он считает, что может промыть мне мозги, – ухмыльнулся Тибор. – Я ему объяснил, что у него ничего не выйдет. У меня нет мозгов.

20

Пока солдаты в «Лагере 5» выдумывали новые способы вывести врага из себя, капрал Клэренс А. «Бад» Коллетт пробирался через гористые пустоши Северной Кореи, выполняя ряд крайне опасных заданий, с помощью которых он, помимо уважения и продвижения по службе, получит неоценимый опыт и понимание того, как функционирует армия и как она умудрилась подвести людей, принесших ей самые большие жертвы – простых солдат.

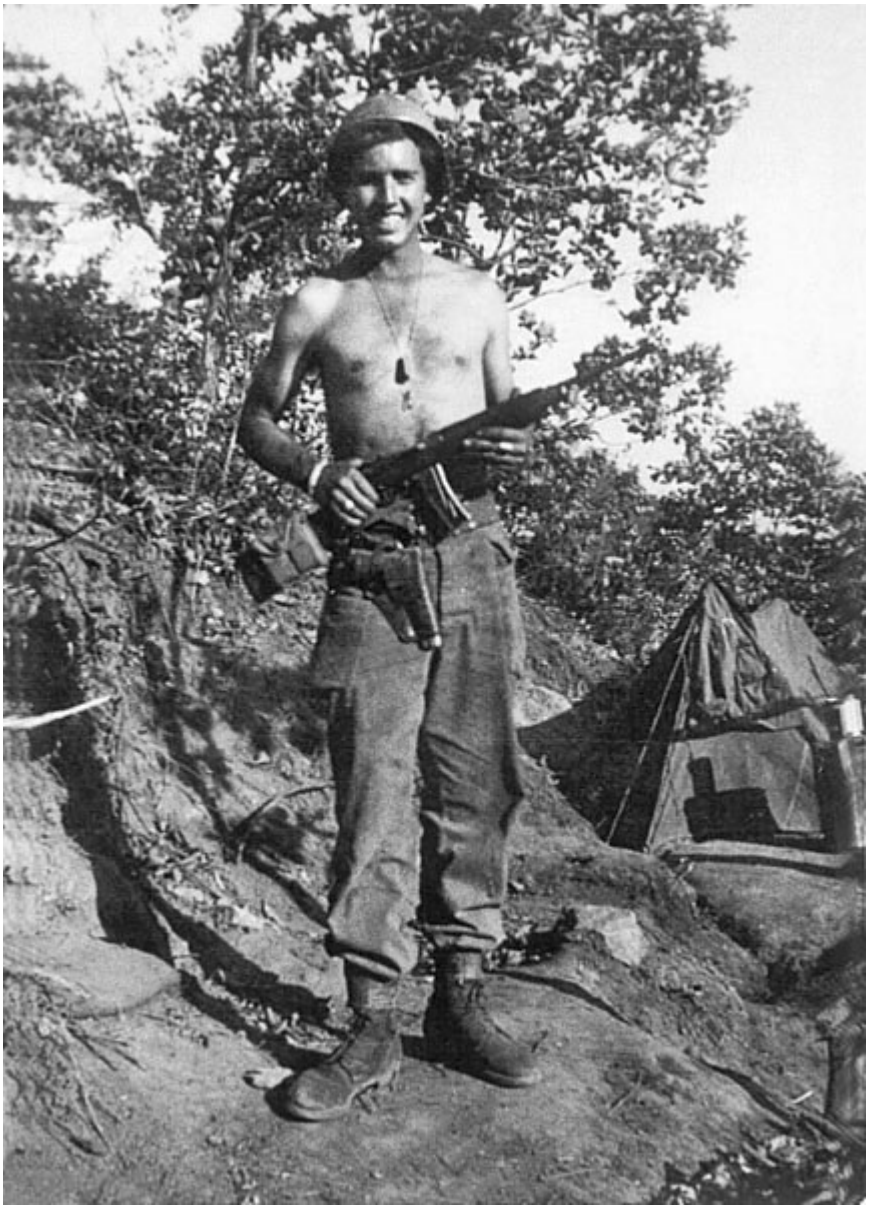
Прежде чем отправиться на войну Бад два года был морпехом, и теперь ему не терпелось как следует навалять коммунистам. Он не стремился попасть в бой, хотя и не боялся его. Патрулируя Пусан, его взвод попал под снайперский обстрел. Никто одуматься не успел, как Бад уже вытащил из-под огня раненого лейтенанта, затем прорвался в здание, где сидели снайперы, и вырубил их всех до одного винтовкой и гранатами. Чуть позже он вызвался добровольцем провести телефонную линию от штаба батальона к постам подслушивания, располагавшимся в нескольких километрах за линией фронта. Опасно? Да, но Бад преуспевал в этом.

Бад был жилистым парнем ростом метр восемьдесят пять, быстро бегал и отлично стрелял. Его уверенность, репутация ловкого и стойкого солдата сделали его идеальным кандидатом в напарники – когда бы офицеры ни отправлялись на рискованные миссии, они всегда брали с собой Бада.

Бад находился в штабе батальона, наблюдая за тем, как американские самолеты разносят вражеских солдат на удаленном холме, когда к нему подошли командир роты и капитан. «Есть работенка для тебя», – сказал командир.

Батальон планировал занять холм сразу после того, как его очистят самолеты. Бада приставили к капитану, который отправился на наблюдательный пункт примерно в шести с половиной километрах от штаба, чтобы оценить силу китайских войск в том районе.

Капитан оказался увешанным орденами десантником, прошедшим Вторую мировую, а также весьма умелым фотографом, прибывшим на место боевых действий с большой камерой и соответствующими аксессуарами. Поэтому Баду пришлось взять на себя воду, провизию и амуницию за двоих. Лишняя ноша его не радовала, но выбора не было.



Клэренс «Бад» Коллетт с винтовкой.

Двое мужчин неспешно передвигались от одного крутого утеса к другому, оба устали, но Бад устал больше. По пути им несколько раз встретились китайские наблюдательные пункты, которые, к счастью, оказались пусты.

Километров пять спустя Бад и капитан уткнулись в долину, в которой обнаружили китайских солдат, целый полк – раза в три-четыре больше того, что сообщала разведка. Нужно было срочно вернуться в штаб и доложить о необходимости отмены миссии.

Но тут в капитана, который рассматривал долину в бинокль, вошла снайперская пуля. Свинец попал точно в предплечье, не задев кость.

Двое быстро ретировались до ближайшего аванпоста, где южнокорейский медик залатал капитана.

– Может, лучше взять парочку этих ребят с собой? – предложил Бад, пока медик останавливал кровотечение.

– Не, – скорчился капитан. – Сами справимся.

Ответ Баду не понравился. Ясно же, что китайцы собираются захватить район.

– Я волнуюсь по поводу тех постов, которые мы видели по пути сюда. Есть вероятность столкнуться с незваными гостями.

– Разберемся, если потребуется. Пошли.

До штаба оставалось еще километра три, когда капитан начал пошатываться. Травма давала о себе знать. Тут он попал ногой в расселину и упал.

– Может, сделаем привал? – спросил Бад.

– Не-не, надо идти, – настаивал капитан, поднимаясь на колени.

Бад неохотно закинул винтовку на спину, помог капитану встать, обхватил его за грудь, и они поплелись дальше. Вскоре, однако, капитан начал припадать на одну ногу. Баду пришлось напрячься всеми силами, чтобы тащить на себе взрослого напарника и все оборудование по укрытому гравием спуску. Так они протянули еще метров восемьсот. Тут Бад заметил прямо впереди трех китайцев. Капитан к тому моменту уже обмяк.

– Нездоровая история, – сказал Бад, сбрасывая с себя офицера. – Эти парни нас заметили.

– Сержант, меня нельзя брать в плен, – пробормотал капитан, перепутав звание Бада. – Я знаю слишком много.

Выбора нет. Бад поднял вверх правую руку, сигнализируя о том, что они сдаются, хотя в уме лихорадочно пытался придумать, что же еще можно сделать. Тут его осенило.

– Личное оружие заряжено? – прошептал он.

– Вроде бы, – пробурчал капитан, – не уверен.

Офицеры нередко стреляли себе в ногу, когда доставали из кобуры личное оружие, а потому некоторые предпочитали оставлять его незаряженным. «Вроде бы» Бада не особо успокаивало. В данный момент он полагался на человека, который был наполовину без сознания, не смог вспомнить звание своего телохранителя, в таком крайне сейчас важном вопросе, как заряжено ли его личное оружие.

Двое подходили к врагу все ближе. Каждые несколько шагов Бад поднимал руку, напоминая, что они сдаются. Одновременно

второй рукой он обнимал капитана, стараясь удержать его на ногах. Когда до китайцев осталось шагов двадцать, Бад понял, что возможность ускользает. Сердце так бешено билось в груди, что непонятно было, что произойдет быстрее: оно взорвется само, или его пристрелят китайцы. Они подошли к ним метра на три. Прижимаясь к раненому, Бад выхватил кольт из кобуры и, не успев даже подумать, высадил всю обойму. К его удивлению, все трое свалились. Пока они корчились от боли на земле, Бад подбежал и отпихнул от них оружие подальше.

Всплеск адреналина оживил капитана: когда Бад отвернулся от лежащих китайцев, тот уже поспешно ковылял в сторону штаба. Зато плохо теперь стало Баду. Из последних сил он стряхнул с себя головокружение и догнал офицера.

– Вы только что назвали меня сержантом, – сказал Бад, едва дыхание восстановилось. – Но я капрал.

– Теперь сержант, – беззаботно ответил капитан, – да еще и с Бронзовой звездой.

Капитан сдержал слово: Бада немедленно повысили в звании и представили к награде. Правда несколько недель спустя он подрался с другим солдатом, и его без лишних церемоний разжаловали. Его это, однако, мало волновало: за время пребывания в Корее он получал и терял звание сержанта три раза. После первых двух случаев он смирился с ситуацией. Куда больше его волновало то, что письменной рекомендации, благодаря которой он должен был получить Бронзовую звезду, не оказалось в его увольнительных бумагах. Впрочем, к тому моменту, когда он обнаружил это недоразумение, Бад столько уже повидал примеров халатности в армии по отношению к военнослужащим, что его и это не удивило.

Такие рутинные проявления несправедливости открыли Баду Коллетту глаза и примирили его не только с неизбежными в военное время оплошностями и недосмотрами, но и со скользкой этикой, пронизывающей всю вертикаль военного командования. Чего он не знал, да и не мог тогда знать, так это что такие вот суровые примеры окажутся крайне полезными в тот прекрасный день, когда он встретит Тибора Рубина. Его совершенно не удивит та ситуация, в которой окажется Тибор почти тридцать лет спустя. В отличие от многих других, кто в лучшем случае просто проигнорирует проблемы Рубина, он будет знать: эти возмутительные нарушения – неотъемлемая часть системы. И, что важнее, он будет готов помочь Тибору их побороть.

21

В конце лета 1951-го из лагерных громкоговорителей послышались отрывочные сообщения о мирных переговорах. Обычно глухие к динамикам солдаты – пропаганда не останавливалась ни на секунду, рупоры даже прозвали «сучьими коробками» – тут стали прислушиваться к каждому слову. Сама идея того, что процесс пошел, невероятно их воодушевила.

В сообщениях, правда, не говорилось, что сражения зашли в тупик и что противники окопались по обеим сторонам 38-й параллели – границы между Северной и Южной Кореей, установленной после 1945-го. Не говорилось в них и о том, что китайцы воспользовались затишьем на поле боя, вырыли сеть траншей вдоль линии фронта и забили их сотней тысяч солдат.

Но парни в «Лагере 5» не видели в этих сообщениях никакой тайной коммунистической стратегии. Сколько бы они ни думали, ни гадали, все равно никак не могли представить себе, что еще могли означать эти сообщения о переговорах с Западом, как не конец войны. Не видели никакой скрытой мотивации за докладами о подготовке к немедленному обмену военнопленных. Посему дни их были полны оживленных разговоров о возвращении на родину. После невыносимых шести месяцев в лагере, после стольких потерь Тибор и его приятели и представить себе не могли, что, делая их жизнь здесь чуть более сносной, китайцы действуют в собственных интересах, и что вместе с британцами, турками и остальными пленниками им предстоит провести на реке Ялуцзян еще два года.

Тибор искренне удивлялся тому, как быстро он и Леонард Кьярелли стали друзьями. Несмотря на разное происхождение, они очень быстро нашли друг в друге что-то общее. Тибор считал, что этим связующим звеном была эксцентричность.

Они познакомились, когда китайцы перетасовывали жильцов, переселяя их в другие дома. Как-то утром охранники вошли в хижину Тибора, выбрали шесть человек и без лишних разговоров вывели их наружу. Несколько минут спустя эти же охранники вернулись с группой других парней. Среди них был коренастый, остролицый, быстроговорящий ньюйоркец, который бросил свои пожитки и улегся на пол раньше, чем кто-либо успел предложить ему чувствовать себя как дома. Ему, кажется, плевать было, что о нем подумают его новые соседи.

Китайцы в этом, конечно, не признавались, но Тибор думал, что таким образом они пытаются разъединить людей, которые что-то замышляют против командования. Но если это и правда

было истинной причиной, то тогда они совершили большую ошибку, поселив Тибора вместе с Ленни Кьярелли. Эти двое быстро сдружились на почве острого желания насолить китайцам как можно сильнее и как можно более изощренными способами. Они могли сидеть и обсуждать «а что, если…» и «как бы нам…» часами, а потом носились по территории лагеря, словно злые терьеры в поисках добычи.

Кьярелли был бруклинским пацаном, сыном итальянских иммигрантов, готовым каждому встречному и поперечному доказать, насколько он крут. Еще он дико гордился тем фактом, что никогда не выбирался за пределы Нью-Йорка до тех пор, пока не ушел в армию. Однажды, в середине 1950-го, он вышел из дома купить буханку хлеба – и вернулся домой солдатом. Поначалу он считал, что честно отдает стране долг, но в ретроспективе признавался, что на самом деле просто искал на задницу приключений. Все изменилось, когда он впервые оказался на поле боя.

Ленни взяли в плен к северу от Пхеньяна в битве почти такой же кошмарной, что и в Унсане. Тибору он сказал, что не мог погибнуть, потому что, во-первых, это крайне сильно расстроило бы его маму, а во-вторых, потому что он никогда бы больше не попробовал клубнично-ванильную содовую – и еще неизвестно, какая из причин была весомее.

Война не обескуражила и не напугала его: Ленни хвастался, например, с каким удовольствием и ловкостью он управлялся с «четверкой» – счетверенным зенитным пулеметом калибра 12,7x99 мм, страшной силы оружием, изначально предназначенным для противовоздушной обороны, но позднее приспособленным для использования в поле – встречать толпы узкоглазых, атакующих американские позиции. Кьярелли со смаком описывал, как его четверка превращала орды прущих китайцев в месиво. Тибор, однако, предупреждал, чтобы он помалкивал – стукачи могут быть повсюду, и Тибор сильно сомневался, что китайцы окажутся благосклонны к солдату, который сидит тут и хвастается, как пичкал их товарищей американским свинцом.

Тибор и Ленни оба считали, что должен быть способ дорваться до жрачки получше той, что им привозили на лодках. Они с завистью смотрели на мешки с сахарным песком, свежие овощи и жирных свиней, которых отправляли прямиком на холм, в кухню офицерского штаба. Охрана пристально следила за процессом, гарантируя, что добро доберется до места назначения в целости и сохранности, но Ленни и Тибор уже размышляли над тем, как бы увести провизию у них из-под носа. Они рассмотрели

все возможные опции и составили план.

В следующий раз, когда в канале появится лодка, Тибор вызовется добровольцем на ее разгрузку. Ранний вечер – время, в которое обычно приплывало большое судно – идеально подходил для плана, разработанного парнями.

Группа из нескольких военнопленных спускается в трюм сразу, как только лодку пришвартовывают. Пока охранники ждут на палубе, Тибор и полдюжины американцев внимательно изучают привезенные продукты. Обычно на входе лежат всякие овощи, а далее, ближе к стенкам, в специальных контейнерах уложены разделанные туши свиней. В этот раз все так и оказалось. Ну что, китайцы, подумал Тибор, не обеднеют.

В первый раз Тибор поднялся из трюма с мешком риса на спине. Подходя к трапу, он помахал рукой Кьярелли, который беспечно развалился на берегу метрах в тридцати от лодки. По сигналу Кьярелли тихо вошел в воду и поплыл в сторону от берега. Где-то в середине канала он остановился. Увидев, как Тибор возвращается на лодку за следующим мешком, он медленным брассом поплыл к доку, удерживая над водой лишь верхнюю часть головы – так, что его совсем почти не было видно.

Тибор спрыгнул в трюм и сразу направился к дальней стене, где хранились туши свиней. Секунду спустя спустились двое солдат, как обычно, набрали в руки овощей и ушли. Как только он остался один, Тибор запустил руки в тушу, надрал как можно больше мяса и распихал его по карманам куртки.

Приближаясь к лодке, Кьярелли опустил голову под воду, проплыл несколько метров и тихо вынырнул по другую сторону корпуса. Дыша через нос, он старался не издать ни единого звука. К этому моменту Тибор уже выбрался из трюма с мешком риса. Но вместо того чтобы пойти с ним дальше по трапу, он поставил его на палубу и жестом показал охраннику, что ему надо пописать. Охранник кивнул. Тибор подошел поближе к борту. Пока он стоял на краю и мочился, из-под куртки за борт выпал здоровенный кусок свинины. До того, как он успел шлепнуться об воду, Кьярелли поймал его и так же тихо скрылся под лодкой. Тибор едва заметно улыбался, пока нес рис с лодки на берег. Миссия выполнена.

Тибор и Кьярелли повторяли этот трюк до тех пор, пока не натаскали свинины на всех обитателей хижины. Сначала это было вызовом, потом превратилось в рутину – парочка ждала прибытия каждой новой лодки, предвкушая свежую добычу. Каждая подобная вылазка усиливала связь между ними и укрепляла их решимость придумывать новые способы обворовывать врага.

22

Август прошел хорошо. Натиск предсказуемой пропаганды не ослабевал, зато погода была отличной. Люди мылись в реке, купались, даже убирались в домах. Плохие новости пришли как гром среди ясного неба: сержанту Бриеру, которого Тибор знал еще с высадки в Пхохане, вынесли наказание, сравнимое со смертным приговором.

Рэндалл Бриер дерзил на занятиях, грубо издевался над лекторами, крыл матом офицеров и отказывался делать заявления для китайского радио. Вдобавок он всегда старался превратить свое сопротивление в публичные зрелища. После неоднократных предупреждений и побоев Череп вызвал Бриера к себе.

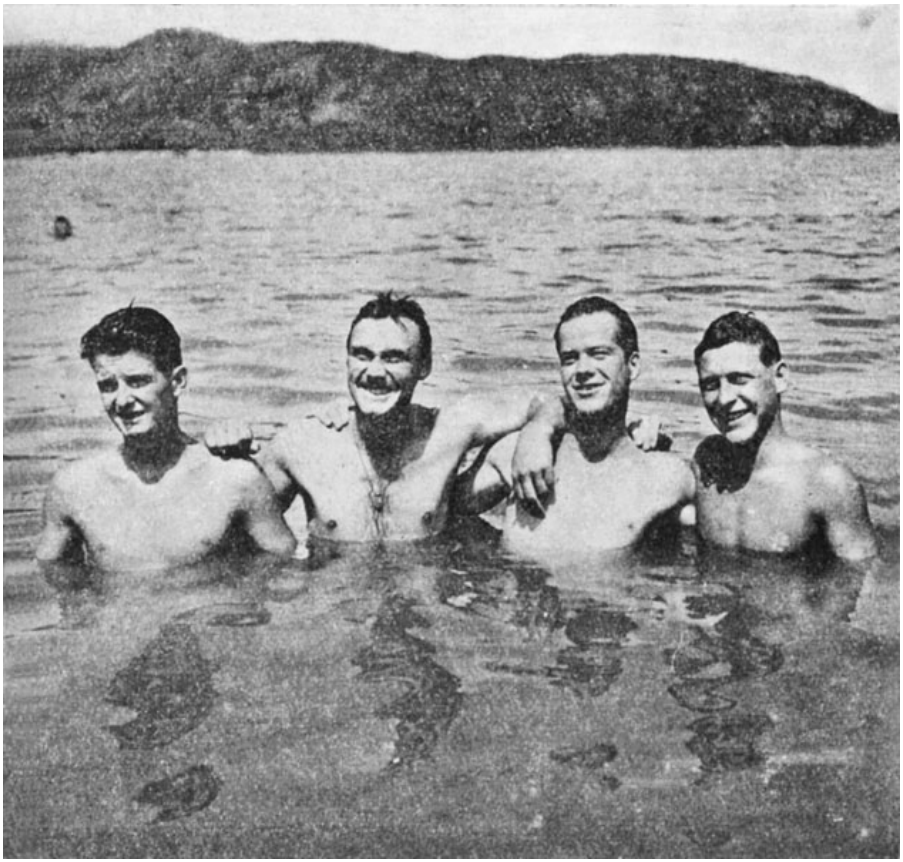
– Товарищ Бриер, – начал он холодно. – Ваше поведение неприемлемо. Поэтому вы отправляетесь в особый лагерь, где будете жить с такими же козлами, неспособными услышать голос разума.

Бриер даже не моргнул.

– Это все? – спросил он надменно.

– Марш собирать вещи. Отправляетесь сегодня.

Некоторых раньше уже отправляли за «реакционное» поведение, по слухам, в место под названием «Лагерь 4», но никто не знал наверняка, есть ли такое на самом деле. Все знали одно: тех, кого забирали, никогда больше не видели. Общее мнение было таково, что смутьянов вывозили на дорогу и убивали.



Солдаты плавают в реке Ялуцзян в начале лета 1951-го; постановочное фото для оптимистичного китайского пропагандистского журнала «Военнопленные ООН в Корее» (sic) Гарольд Т. Браун

Если Бриер и волновался по поводу переселения, то виду не подавал.

– Не парьтесь, ребята, – спокойно сказал он, когда охрана вела его к воротам.

Тибор переживал, что китайцы сейчас выведут Бриера и тут же казнят. Так или иначе, они умели навязать свою волю любому солдату, открыто им неповиновавшемуся. Вспомнился отец Капаун, который вот так же пропал после того, как бросил им вызов. Теперь уводят Бриера. Тибор проклинал своих тюремщиков, но отомстить им не мог.

23

Капрал Гарри Браун знал, что ему повезло. Он пережил мощный приступ дизентерии, опасную травму ноги и пневмонию. Он шесть месяцев провел в так называемой больнице – которую американцы прозвали «храм смерти на холме», – где умерли почти все солдаты, лежавшие там с ним. После, кажется, бесконечного чистилища странная операция избавила его от смертельной инфекции. И все же, несмотря на такую удачу, Гарри Браун считал, что он обречен. Чем лучше становилось его здоровье, тем больше он сомневался в своей способности справиться с ежедневной рутиной «Лагеря 5».

В начале войны Гарри заработал Серебряную звезду за то, что забрался на холм и обезвредил пулеметную ячейку врага. Попав в плен, он сбежал – ночью, во время марша смерти. Его снова поймали, когда он заснул в стоге сена, но и здесь ему повезло: не найди его китайцы, он бы замерз насмерть во сне. И это было только начало его испытаний.

По прибытии в лагерь Гарри уже был серьезно болен. Как-то его обнаружили в снегу возле хижины, без сознания – сразу отвезли в храм, позднее известный также как «кладбище». Следующие полгода он впадал и выпадал из мучительного сна, а люди вокруг него умирали прямо на полу. Однажды утром он проснулся и увидел ужасающее зрелище: медсестры вводили нескольким его соседям смертельные инъекции. Когда они умерли, рабочие перенесли их гнилые тела на небольшую возвышенность сразу за храмом. По каким-то неясным Гарри причинам его пощадили.

Он немного приободрился, когда в храме прописался отец Капаун. Несмотря на опухоль в ноге, из-за которой он хромал, священник непрестанно носился среди больных, воодушевляя их и убеждая сохранять надежду и не прекращать верить. Он заходил в самые скверные уголки комнаты, чтобы поднять раненых на ноги и вывести их на улицу, где они могли подышать свежим воздухом и принять участие в его внеконфессиональной службе. Для Гарри, активного католика, присутствие святого отца стало нитью, связывающей его с потерянным, казалось бы, миром живых.

Меньше чем через неделю, прямо перед закатом, в комнату вошли китайцы. В руках у них была большая урна, полная густой, похожей на молоко жидкости. Они принялись ходить от циновки к циновке с неглубокими чашками. Если человек отказывался пить, один из них хватал его, а второй силой вливал жидкость в

глотку. Непонятно почему, но она подействовала словно укол адреналина. К ночи обычная тишина сменилась диким галдежом. Люди бессвязно кричали в темноте, носились, падали, врезались друг в друга, словно слепые зомби. Неспособный оставаться на циновке, Гарри ползал по комнате, стирая ноги о плитку, разодрав колени в кровь. Встретив Капауна, он ужаснулся сумасшедшему смеху и пугливому выражению когда-то красивого лица священника. На рассвете изможденные люди падали на пол. Маниакальный смех превратился в глубокие вздохи и стоны. Гарри сумел вернуть себе сознание, но другие впали в необратимую кому. Среди них был и отец Капаун. Гарри был раздавлен, наблюдая, как мертвого священника выносили наружу, словно мусор.

Весной и в начале лета Гарри терял сознание по нескольку раз на дню, но ухитрился выдержать приступы лихорадки, летаргию и пригвоздившую его к полу рану в бедре, опухшем от гноя и опарышей. Но главное, он не потерял желание жить. Как только погода стала помягче, в госпитале появились китайские врачи, пришедшие вылечить его и еще нескольких парней.

Гарри так долго пролежал на спине, что когда он попытался пройтись, резиновые ноги его не выдержали. Он чувствовал себя ребенком, когда медсестра ростом с кружку пива буквально на руках вынесла его из пагоды. Он не знал, как его собираются лечить, но ему и плевать было – настолько он оказался беспомощен.

Его перевезли в чистый кирпичный дом с белыми плитками на полу и стенах. Две медсестры уложили его на металлическую платформу, такую холодную, словно ее только что вытащили из морозильника. Одна из медсестер развернула полотенце, на котором лежали тонкие иглы, и аккуратно выложила их в несколько рядов на столике рядом с платформой. Гарри не знал, зачем они, но вид их его серьезно напугал.

Он даже одуматься не успел, как медсестра быстро всадила несколько игл в правую часть его тела – они выстроились в ряд, как отряд солдат – от предплечья до груди. Гарри испугался, но особой боли не почувствовал.

В комнату вошел доктор, накапал ему на грудь ледяной воды – оказывается, его тело могло стать еще холоднее. Подошла медсестра с металлической чашей. Гарри ухитрился заглянуть за край чаши и увидел там тонкие темные мясистые полоски, плавающие в липкой жидкости.

Скальпель уперся ему в кожу прямо под иглами. Гарри приготовился к боли. Доктор быстро сделал несколько длинных надрезов от груди до пупка, затем аккуратно снял увесистый слой

кожи. Несмотря на парализующий страх, Гарри не почувствовал ничего, кроме холодного лезвия и легкого жжения. Медсестра вытерла кровь, а врач выложил темные полоски прямо на мясо, развернул их и наложил швы прямо поверху. Гарри все это казалось каким-то сумасшедшим экспериментом.

Он проснулся один, уже в другом доме, поближе к лагерю. Болела правая сторона, но не сам разрез – кажется, он быстро заживает. Врач появился день спустя и на хорошем английском объяснил, что он скоро поправится, но ему нужно оставаться в этом «промежуточном доме» еще месяц. Пока доктор снимал швы, Гарри спросил у него про таинственные полоски, которые ему, если он верно помнил, зашили прямо под кожу.

– Не переживай, – ответил доктор, улыбаясь. – Они безопасны.

– Я такого раньше никогда не видел.

– Разумеется. Китайская медицина, – кивая, продолжил он, – отличается от западной.

– А не скажете, что вы в меня зашили?

– Скажу. Свиную печень.

Больше вопросов Гарри не задавал – свое любопытство он удовлетворил. Доктор промокнул раны губкой, похлопал Гарри по голове и ушел.

Гарри полудремал, когда в комнату без предупреждения вошел невысокий солдат, которого он раньше никогда не видел, и начал что-то выискивать. Гарри сначала молчал: ну и что, воровать здесь все равно нечего. И все же он поглядывал на незнакомца, который сновал по комнате словно бездомная кошка и, кажется, не обращал на него никакого внимания.

– Чего тебе надо? – рявкнул Гарри, когда ему надоело смотреть на шляющегося солдата.

– Да так, ничего, – ответил он, нисколько не смущаясь. Собственно, он даже не посмотрел на Гарри.

– Зачем тогда пришел?

– Да просто интересно, чего тут есть.

Гарри немного опешил. Не нашелся, что ответить. Незнакомец продолжил вынюхивать.

– Хавчик есть тут? Для больных?

Ну, все ясно – парень пришел за больничной едой.

– Нет, нет у меня хавчика, – проворчал Гарри. – Здесь нет ничего. С чего ты вообще взял, что есть?

– Да я спрашиваю просто.

Незнакомец кивнул и отправился к двери. Уже на выходе он обернулся и – ему это явно только что пришло в голову – посмотрел на Гарри.

– А ты откуда? – спросил он мимоходом.

– Нью-Йорк. И штат, и город, – резко ответил Гарри.

Парень нахмурился. «Да ладно? И я!»

Какое-то время Ленин Кьярелли и Гарри Браун болтали о своих семьях, местных достопримечательностях, любимых ресторанах, даже поспорили о спорте. Вскоре Ленни уже рассказывал Гарри о еще одном солдате отсюда, из «Лагеря 5»: он тоже из Нью-Йорка, отличный парень. Рядовой, зовут Рубин.

– Веришь, нет, этот парень выжил в нацистском лагере, – хвастался за него Кьярелли. – Сукин сын крепкий орешек.

«Как странно, – подумал Гарри, – узник концлагеря в китайском лагере для военнопленных». Чем больше Кьярелли рассказывал об этом Рубине, тем больше Гарри хотел его встретить. Прошло еще несколько недель, но как только он смог встать на ноги, он доковылял до дома, где жили Кьярелли и Рубин.

Встретившись с Рубиным лицом к лицу, Гарри сразу понял, что этот парень отличается от остальных военнопленных. Исхудалый, да, но на лице его не было следов усталости, а кожа не была такой серой и вялой, как у других. Он двигался спокойно и уверенно, в нем чувствовалась внутренняя сила. Ну или он был просто сумасшедшим.

– Где сложнее, здесь или в концлагере? – поспешил спросить Гарри, пока они жали друг другу руки, словно вопрос жег ему дыру в кармане.

Рубин улыбнулся, будто ждал этого вопроса.

– Пстяк, – крякнул Рубин.

Гарри не понял. Пусть Рубин и выглядел, как кинозвезда, говорил он, как пришелец с другой планеты.

– Что? – спросил Гарри.

– Пстяк.

– Не понимаю.

– Паро пстяков это.

Кьярелли вмешался:

– Говорит, что здесь выжить – пара пустяков.

– Здесь?!

– Нельзя сравнивать. Китайцы хотят сохранить нам жизнь. Нацисты хотели нас убить.

Гарри кивнул, хотя до конца не был уверен, что этот парень говорит на английском.

Рубин пустился рассказывать о таких ужасающих отличиях между нацистами и китайцами, что Гарри вскоре попросил его остановиться.

– О'кей, я понял, понял, – закивал он.

После первого разговора с Тибором Рубиным Гарри должен был признать, что ему здорово повезло – в контексте ситуации, конечно. Правда, было ощущение, что это откровение ему навязали. Посему он теперь чувствовал себя еще хуже.

Здоровье его пошло на поправку, а вот воля Гарри начала слабеть – на ее словно давили со всех возможных сторон. Он вернулся из больницы и обнаружил, что у него украли все вещи, включая любимые молитвенные четки. До попадания в храм он провел в лагере не больше пары недель, так что нельзя сказать, что сейчас он возвращался к старым друзьям. Даже знакомые лица казались чужими – морщинистыми и каменными, – будто люди провели в лагере десять лет, а не восемь месяцев. Вдобавок он наконец-то увидел себя в зеркале. На него смотрел изможденный старик.

Ему нужно было на кого-то или что-то опереться, успокоить нервы, оживить уверенность в завтрашнем дне. Встретив Рубина, он решил, что нашел подходящего человека: вот так должен вести себя военнопленный. Но ролевой моделью Рубин для него не стал – он еврей из Венгрии, а Гарри католик с Манхэттена. Они с таким же успехом могли быть с разных планет.

Дух Гарри продолжал падать, несмотря на то что жизнь в «Лагере 5» стала лучше. На кухне лучше кормили, один из пустых сараев превратили в библиотеку, а у людей было достаточно места, чтобы спать на спине. Мало того, рядом с парадной площадью поставили стол для пинг-понга.

До войны Гарри был чемпионом чуть не во всей армии, и вид стола должен был привести его в восторг. Но мало кто захотел играть, и после нескольких игр стало ясно, что остальным до него далеко. Гарри не мог найти себе покоя, все время был не в духе и переживал, что скоро совсем сломается.

Как-то утром он шатался возле парадной площади, потерянный и пустой, когда к нему подошел Рубин.

– Хочешь сыграть? – спросил он, указывая на столик для пинг-понга.

– Я не очень хорошо играю, – ответил Гарри, надеясь расслабить соперника.

Рубин вынес его в одну калитку – один раз, второй, третий. Гарри был в шоке. Рубин был невероятно быстр и сфокусирован. Он запускал шарик с бешеной скоростью и даже не потел. Он даже глаза прикрыл. «Ну ладно, просто сегодня не прет игра, – думал Гарри, – нужно немного отдохнуть». Неделю спустя Тибор сделал его снова.

– Ты где так играть научился? – спросил Гарри, немного сердито.

– Три года в лагере для беженцев, – ответил Рубин, посмеиваясь.

– И что, много играл там?

– Только этим там и занимались.

Это все, что он сказал, и это все, что Гарри должен был услышать. Он кивнул. В голове кто-то словно разлил склянку с успокоением. Ему вдруг стало лучше, он перестал переживать – и по поводу Рубина, и по поводу себя. Он понял, что Рубину потребовались годы, чтобы стать тем, кто он есть сейчас, и что сам он не сильно от него отличается.

Рубин не сильно парился по поводу своей игры или своей жизни: он просто делал то, что нужно, и решал проблемы по мере их поступления. Гарри понял: надо следовать его примеру. Да, потребуется время, но теперь он был уверен, что справится с любыми трудностями в «Лагере 5». Теперь он верил, что *если Рубин может выжить здесь, смогу и я.*

24

В конце лета новости о мирных переговорах звучали из громкоговорителей буквально каждый час, не переставая. Все время говорили о каком-то Панмунджоне – что это вообще за место? В лагерной библиотеке появились американские журналы, правда, не свежие и с вырванными страницами – и ни слова о Корее или переговорах. Парни особенно старались добраться до *Daily Worker,* и то потому, что там обычно публиковали результаты спортивных матчей.

Температура резко упала в самом начале октября 1951-го. Пленники забросили купание и больше времени проводили в хижинах. Близилась вторая зима в «Лагере 5», но в этот раз они были готовы. Лодки привезли утепленные версии синей китайской робы, так плотно набитой ватой, что люди спали на них как на матрацах. Из выброшенных картонных коробок ребята сделали несколько колод карт и даже поле для «Монополии». Но главное, они научились пользоваться теми самыми примитивными обогревателями, согревающими только определенную часть хижины.

Снова стали ходить в лес за дровами. К удивлению китайцев, солдаты сами вызывались в эти походы, даже когда температура опускалась ниже нуля. Они-то думали, что американцы – ленивые бездельники, которые только и делают, что отлынивают от рабочих обязанностей. Два года спустя они поменяли свое мнение – отряды в лес набирались за несколько минут. Командование лагеря решило, что узники наконец-то начали вести себя, как полагается. Они не знали, что коварные солдаты обнаружили на холме заросли конопли.

Тибор знал, что курить марихуану перед походом за дровами рискованно. Турки предупреждали, что если китайцы поймают его обкуренным, его побьют и назначат несколько нарядов вне очереди, но полуденная прогулка в лес обещала быть холодной, нудной и утомительной. Да и что может случиться, в конце концов? Дурь слабее алкоголя. И потом, он сделал всего пару затяжек.

За час до отправления Тибор нанес туркам поспешный тайный визит. Мехмет сразу же предложил ему косяк. Тибор затянулся и уже собрался уходить, но Мехмет настоял, чтобы он выкурил косяк полностью, пока не начнет жечь пальцы. К назначенному времени Тибор оказался в состоянии такой эйфории, что даже вставать не хотел.

Капеллан проводит службу на улице, «Лагерь 5». Ещё одно китайское пропагандистское фото для журнала «Военнопленные ООН в Корее» (sic), опубликованное в 1953-м, во время мирных переговоров в Панмунджоне. Форма предоставлена китайцами. Гарольд Т. Браун

Он сумел пройти за ворота, но ноги его принадлежали кому-то другому. Он почти летел над землей, занимая место в очереди. Ему повезло, потому что его место оказалось почти у основания не самого высокого холма. Подниматься и спускаться по нему трезвым было несложно, но сейчас эта задача превратилась в безумный аттракцион. Парень, который стоял выше Тибора, тяжело спустился с холма и сбросил спутанную массу веток – он похож был на человеческий паровой экскаватор, двигавшийся в замедленном действии. Тибор медленно, даже величественно склонился над кучей, и она словно сама запрыгнула в его резиновые руки. Отсюда он вальяжно дошел до следующего парня, вручил ему подарок и вернулся на прежнюю позицию, легкий и беззаботный, словно бабочка.

Солнце грело шею, когда Тибор почувствовал резкую боль в спине. Он моментально пришел в себя. Рядом стоял китайский солдат и что-то орал, указывая на кучу веток высотой ему по грудь. Еще раз пнул Тибора под зад. После второго пинка Тибор уже не просто проснулся, он был встревожен, потому что перед ним лежало работы на весь день – работы, которая ему до сего момента только снилась.

– Что с тобой случилось? – спросил его китайский офицер, когда охранник привел Тибора в лагерь. – Сдурел?

Тибора отвели в штаб. Лю был недоволен. Товарищ даже не пытался притворяться терпеливым и понимающим.

– Мы тебя не нашли у турков, – начал он сухо, – но мы знаем, что ты там был и курил марихуану.

Острое презрение в его голосе расчистило последний туман в голове Тибора.

– Рубин, – продолжал Лю, – ты ничему не учишься на лекциях, ты не умеешь заполнять отчеты, и ты не выполняешь задания. Иди собирай вещи. Мы отправляем тебя в другой лагерь.

Ох. Насколько Тибор знал, не было никакого «отправляем тебя» – они просто выводили тебя на дорогу и убивали. Его одурманенный мозг пришел в себя.

– Товарищ Лю, – начал он, – все знают, что я был в немецком лагере. И что я вернулся домой. Все знают, что я теперь в китайском лагере. И если я не вернусь домой теперь, все захотят узнать, что же случилось с Рубиным.

Лю откинулся на стуле и пожал плечами.

– Рубин, с чего вдруг мы должны тебе помогать? Ты ясно дал понять, что презираешь китайский народ и наш образ жизни.

Жестко. Тибор вдруг понял, что Лю умнее его. Он безусловно чувствовал то тотальное презрение, которое солдаты испытывали к нему и товарищу Лиму. Тибор секунду колебался: «Товарищ Лю, я люблю китайцев, правда».

Лю вцепился в эту фразу: «Ой ли! Раньше ты ничего такого не говорил».

– Ну… Лучше поздно, чем никогда.

– Ой, не знаю.

Тибор весь сжался, пока Лю вздохнул и посмотрел куда-то за него.

– Все знают, что немецкий лагерь в сотни раз хуже *этого*.

Лю подвинул стул вперед, в его глазах блеснул интерес.

Тибор решил: вот оно. Попробуем еще.

– Товарищ Лю, я вам вот что скажу. Китайцы – не немцы. Китайцы гораздо лучше.

Лю подскочил, словно сел на гвоздь.

– Рубин, ты понимаешь, что сейчас сказал?

Он оказался на ногах так быстро, что Тибор растерялся и забыл, что он сейчас сказал.

– Не помню, – пробормотал он.

– Ты только что сказал, что китайцы лучше немцев!

Ах вот оно что.

– Да не просто лучше, – затянул он, – вообще отличные люди. Я вот даже думаю, что как выберусь из лагеря, поеду в Китай искать себе жену.

Лю метнул в него острый взгляд. – Чего ты несешь?

– Нет, правда, вы так хорошо обращаетесь со мной здесь, еду даете и одежду. И девчонки у вас красивые. Все знать, что есть китайские девушки очень красивые.

Лю зашагал по комнате. – Ну не знаю, Рубин. Надо мне потолковать с товарищем Лимом, рассказать, что ты тут только что наговорил. Он остановился и посмотрел Тибору в глаза. – Ты ведь не врешь мне?

Тибор закивал. – Товарищ Лю, я хоть раз вас обманывал?

Лю отправил его восвояси.

Хотя его судьба еще была под вопросом, Тибор вздохнул с облегчением. Прошло два нервных дня, все это время он не курил, чувствуя, что живет взаймы. Были моменты, когда ему хотелось громко смеяться, но были и такие, когда ему хотелось зареветь. На третий день Лю вызвал его к себе для разговора. Он довольно улыбался.

– Я рассказал товарищу Лиму твою историю – ты можешь остаться. Но нам надо продолжать говорить. Мы можем помочь друг другу.

Тибор поспешно вышел. Счастливый, он побежал рассказывать соседям про то, как обдурил Лю, который в колледже учился, был умнее его, образованнее, но зато не такой упрямый.

– Ты аккуратнее с ним, – предупредил его Кьярелли, услышав подробности встречи с китайцем. – Если они узнают, что ты их дуришь, тебе влетит.

Уэйлен и Кормье согласно кивали.

Тибор немного помолчал.

– О'кей, тогда я докажу им, что и правда сдурел.

Он посидел немного, подумал и решил, что ему надо прикинуться чудаком и вообще немного тронутым. Но сделать это надо аккуратно. Нельзя поднимать шумиху, нельзя расстраивать Лю, который почти наверняка раскусит любой замысел Тибора. А вот Череп попроще – с него и начнем.

Тибор выследил коротышку, спускавшегося с холма, нацепил ухмылку и направился прямиком к нему. Череп остановился и не без сожаления спросил: «Доброе утро, Рубин. Как твои дела?»

– Товарищ Лим, – застонал Тибор, – а вы не погладите мою собаку?

Череп осмотрел Тибора с ног до головы.

– Не вижу никакой собаки, – крякнул он. – Где собака?

– Да вот же, рядом со мной.

Череп терпеливо смотрел на него. «Здесь нет собаки».

Тибор все еще улыбался. «Нет, есть. Вот она».

Череп слегка зарычал сквозь сжатую челюсть. «Что с тобой не так, Рубин?»

Улыбка медленно сошла с лица Тибора. «Не хотите, значит. Я уведу его».

Он развернулся и пошел прочь. Спустя несколько шагов он обернулся и обиженно посмотрел на Черепа. Тот стоял на месте и озадаченно почесывал затылок.

В следующий раз, когда Лим спускался с холма, Тибор уже ждал его, лежа у подножья. На этот раз, правда, как только Череп заметил Тибора, он сразу же принялся отмахиваться от него. Тибор все равно догнал его и поравнялся с Лимом – даже в шаг с ним пошел.

– Товарищ Лим, – защебетал Тибор, – погладьте мою птичку.

– Нет у тебя птички, – пробурчал он.

– Есть. Посмотрите на нее. Вот же на плече сидит.

Череп встал и злобно посмотрел на него.

– У тебя нет птицы, Рубин.

– Гляньте, какие у нее красивые перышки. Что думаете о них?

– Нет птицы, Рубин.

Тибор нахмурился и пошел в сторону. Отойдя на порядочное расстояние, он окрикнул его: «А вы правы, нет птицы. Она улетела. Вы напугали ее».

25

Кьярелли и Уэйлен любили как следует поспорить: развивало скуку и не давало мозгам застояться. Истинный ньюйоркец, Кьярелли был вздорным от природы. А Уэйлен, хоть и проживший большую часть жизни в маленьком городке на севере штата, в сердце все равно тоже был ньюйоркцем – соревновательность была у него в крови. Двое могли спорить о чем угодно, но больше всего любили объединиться и вступить в полемику с туговатыми провинциальными южанами. Ньюйоркцы задирали их почти до драки, затем резко сбавляли обороты до того, как в ход ими кулаки.

Самым спорным вопросом по понятным причинам всегда была еда. Как-то раз Дик Уэйлен между делом заметил, что в Нью-Йорке продают лучшие овощи и фрукты. Кьярелли завелся с полоборота, ответил, что овощи из Бруклина точно лучше. Парнишки с юга подключились в течение нескольких секунд.

– Да фи-и-и-га с два, – послышался глубокий протяжный голос.

– В Нью-Йорке более продвинутые технологии выращивания, – категорично заявил Уэйлен.

Тибор понял, что Уэйлен говорил про северную часть штата, не про Манхэттен. Но южане этого не знали. Большинство их никогда не переступали линию Мэйсона-Диксона, и насколько они могли знать, весь Нью-Йорк представлял собой один сплошной кусок бетона.

– Дик, не надо говорить им этого, – начал Тибор. – Нью-Йорк… знаешь… они ведь не знают, что там есть фермы.

Но Тибор не успел, Кьярелли приподнялся и крикнул в другую сторону комнаты: «Да ни у кого нет таких садов, как у нас в Бруклине».

Южане издали лошадиный смех.

– У нас и томаты получше будут, – продолжил Ленни.

Парень из Джорджии встал и уперся лицом к лицу с Ленни. «Да что вы, ат-тальяшки, знаете про томаты?»

Ленни вскочил. Чувствуя, что недолго и до драки, Тибор встал между ними.

– Ленни, – сказал он. – Ну откуда им знать, что в Бруклине можно вырастить сад.

– Еще как можно, – сплюнул Ленни. – У мамы моей растут лучшие, мать твою, помидоры во всем Бруклине.

– Да вы знать не знаете, как помидоры надо растить, – зычно проорал алабамец. – Ни ты, ни мама твоя.

Тибор повернулся к раззадоренным южанам.

– Ну ладно вам, – сказал он спокойно, – может, они там в Нью-Йорке томаты на заднем дворе выращивают.

– Да вы, гопота, вообще, бл, ни о чем понятия не имеете! – Ленни уже горланил.

– Да это вы, ат-тальяшки, ни хрена-а-а не знаете!

Ленни и южане готовы были подраться в любую минуту. Тибор стоял между ними, лицом к Ленни. «Я же жил в Нью-Йорке, – сказал он бодро. – В Бруклине, может, и есть сады… – Он обернулся к южанам. – Но вся еда к нам с юга идет…»

Ленни смотрел на Тибора, глаза его горели. «Да в Бруклине вообще все есть! А вот у вас, дятлы членоголовые, ни хрена нет и не было никогда».

Обе стороны ждали только первого удара, пока Либор стоял посередине. «У людей на юге много чего есть, – он умоляюще смотрел на багровых южан. – Вы еще и на север везете, целыми грузовиками! На всех рынках севера ваша еда!»

Он повернулся к Кьярелли. «Ленни, земля в Бруклине, она дорогая очень. Лам в основном дома строят».

Ленни и Уэйлен отодвинули Тибора в сторону и подошли к южанам вплотную.

– У нас лучшие томаты и огурцы! – закричал Ленни, поднимая кулаки.

– Ленни, глянь на них! Они же фермеры! – заорал Либор. – Они этим на жизнь зарабатывают!

Лут в комнату ворвались двое солдат с каменными лицами. Они услышали крики и решили, что в хибаре драка. Быстро определили, кто здесь громче всех орет, и отправили их в лес за дровами.

На этом спор закончился.

26

В письме от 28 ноября 1951-го Министерство обороны извещало Уэйленов, Браунов, Имре Рубина и тысячи других родителей и жен, что их сыновья и мужья могут быть живы и находиться в плену у противника. В письме, со ссылкой на радиооператоров из Австралии и Новой Зеландии, говорилось, что эти данные не следует считать официальными – парни все еще числились «пропавшими без вести», – но, однако, вполне достоверными. Затем, 20 декабря, Министерство обороны прислало все тем же родителям и родственникам новое письмо, в котором бывшие «пропавшие без вести» теперь официально считались военнопленными. Для многих это стало долгожданным ответом на молитвы.

27

Зима 52-го выдалась длинной и тяжелой, хотя и не такой жестокой, как предыдущая, которая, по оценкам многих, оказалась самой суровой зимой за последние сто лет. Выживание больше не было задачей номер один, и солдаты теперь сидели по хижинам с кучей свободного времени. Британские пленники, многие из которых воевали еще в прошлую войну, придумали, как справиться со скукой: они устраивали пьесы и варьете. Подхватив идею у британцев, Ленин и Тибор придумали свое собственное развлечение.

Тибор взял метлу и, держа ее как гитару, зажал нос и загнусавил: «В прямом эфире из студии CBS в Нью-Йорке мы представляем вашему вниманию разговорное и музыкальное шоу! Наш первый гость, прямиком из Бруклина, Нью-Йорк, встречайте – Леонард Кьярелли, который споет нам одну из своих любимых опер!»

Кьярелли, который вырос, слушая оперу по радио, и часто пел в душе, пустился горланить арию. Голос у него был ужасный, хотя он этого, похоже, не знал. Пятнадцать парней в комнате слушали довольно внимательно, хотя минимум половина из них была обкурена.

– Спасибо огромное за эту прекрасную песню, – сказал Тибор, когда Ленни закончил под аккомпанемент теплых аплодисментов. Кьярелли так растрогался, что немедленно начал заново. Последовали новые аплодисменты. Не сомневаясь ни секунды, он начал в третий раз.

Тибору вскоре стало ясно, что парням хватит на сегодня оперы. Половина лежала на спине, закрывая руками уши. Тибор знал, что сейчас самое время пошутить.

Ленни заканчивал арию в третий раз, а Тибор шептал ему «хватит, хватит». Но Ленни было не остановить – первые аплодисменты воодушевили его.

– Ленни, пора остановиться, – сказал Тибор, но Кьярелли глубоко вдохнул, закрыл глаза и с новыми силами пустился петь дальше.

Когда он наконец пришел в себя и оглянулся, Кьярелли обнаружил, что аудитория спит. Выступление застопорилось. Ленни медленно поплелся с импровизированной сцены, а Тибор его успокаивал: «Старик, многовато для южан. Они пока не готовы к такому».

28

Дику Уэйлену нездоровилось. Спина периодически болела, его не оставляла усталость, сколько бы он ни спал, он терял вес.

За первую зиму из-за дизентерии и недоедания в доме сильно похудели все. Потом, летом и осенью 51-го, парни, в том числе Дик, пришли в норму, даже начали поправляться. Но теперь у него появился ряд подозрительных симптомов.

Будь в лагере рентген, он бы показал, что у Уэйлена туберкулез спинного мозга. Усталость и потеря веса были типичными симптомами этой болезни, которая обычно селилась в легких. Но у Уэйлена болела спина. Легкие оставались чистыми, и никто и не думал, что у него может быть туберкулез.

Даже если бы лагерные врачи верно поставили диагноз, они все равно не смогли бы остановить заболевание. Нужных лекарств не было. Дику, впрочем, повезло хотя бы в том, что плотная китайская роба позволяла ему спать и сидеть, не напрягая лишний раз больную спину.

Прежде чем болезнь окончательно уложила его, Дик пытался выполнять задания наравне с остальными. Но Рубин запретил, сказав, что ему не следует вылезать на холод и лишний раз напрягаться: «Сиди тут, ты совсем костлявый».

«Костлявый», как принялись называть его соседи, продолжал страдать от неизвестной болезни и почти весь 1952-й провел на полу. Иногда он мог свободно прогуливаться, но чаще он едва находил в себе силы дойти до отхожего места.

Когда он не мог дойти до столовки, Тибор приносил ему еду и следил, чтобы он все съел, даже когда у него не было аппетита. Хотя за ним присматривали и ухаживали, загадочная болезнь все равно негативно влияла на его боевой дух. Пока у него еще хватало сил держать лицо перед товарищами, но про себя он всерьез думал, что больше никогда не увидит Нью-Йорк и родителей.

29

С февраля 1952-го и до самого конца войны главным препятствием на пути заключения соглашения о перемирии было освобождение военнопленных. Запад требовал, чтобы коммунисты не только освободили всех союзных узников, но и разрешили остаться там своим собственным солдатам, не желавшим возвращаться на родину. Из ста тридцати двух тысяч заключенных корейцев и китайцев более тридцати тысяч изъявили желание остаться на юге. Однако Китай и Северная Корея настаивали на полной репатриации.

Проблемой также было точное число американских военнопленных. США, оценивая общее количество «пропавших без вести» и пленных, говорили о восьми тысячах человек, Северная Корея же заявляла, что пленных гораздо больше. На самом деле пленников было всего около четырех тысяч – просто американское командование не знало, сколько именно погибло за кошмарную зиму 1951-го.

Пока две стороны продолжали споры о количестве и местонахождении военнопленных, маленькая мерзкая война продолжалась. А люди в «Лагере 5» сидели и томились, не зная о том, что же мешает им отправиться домой, что будет держать их на привязи китайских хозяев еще полтора года.

Командование лагеря призывало ребят писать домой дважды в месяц. Озабоченные огромным количеством собственных пленников, китайцы хотели, чтобы общественность Штатов знала, что с их солдатами все хорошо. Кроме того, письма позволяли начальству понимать, что творится в головах узников. Но солдаты прекрасно понимали, что китайцы читают их письма, и потому составляли их в соответствии с рядом правил. Если хочешь, чтобы письмо прошло начальство и цензуру, нужно включать в его текст отчеты о том, как же здорово здесь жить и какие хорошие у них хозяева.

Тибору нравилось писать письма, но он знал, что Лю и Лим читают их, поэтому он чередовал строчки на английском со строчками на венгерском. Китайцы возвращали ему такие письма. Тогда Тибор прибегнул к другой тактике: он писал Имре и Ирэн, что он здесь здорово проводит время, купаясь и играя в волейбол и баскетбол. Семья знала, что Тибор ненавидит волейбол и баскетбол и что он до сих пор не умеет плавать.

Уэйлен, Кьярелли и многие другие писали, что захватчики обходятся с ними хорошо, а затем где-нибудь внизу, в постскриптуме, составляли список того, чего им здесь не хватало.

Идея была в том, что если писать о мясе, курице, ветчине, яйцах и сахаре, их родные поймут, как они тут на самом деле живут. Но списки безжалостно отрывали и выбрасывали.

30

Почти год сражаясь на стороне чешского Сопротивления, Миклош Рубин, сводный брат Тибора, получил завидное место в новой армии. Офицер личного состава интендантской службы, он имел доступ к продуктам, которые сложно было достать в послевоенной Праге. Два года все шло хорошо, но проблемы начались, когда Миклош отказался принимать участие в организации черного рынка, как это делали другие офицеры, имевшие доступ к продовольствию. Вскоре сослуживцы Миклоша стали относиться к нему с подозрением. Он слышал, как некоторые офицеры говорили, будто евреям нельзя доверять руководящие должности. Затем отклонили письменную просьбу Миклоша вступить в коммунистическую партию. Он почувствовал, что в рядах военных завелся антисемитизм, и как с ним бороться, он не знал.

Догадавшись, что его могут уволить из армии, Миклош вместе с семьей переехал в единственную страну, в которой принимали всех евреев независимо от их статуса – Израиль. Но страна только начинала свое становление: условия для жизни были тяжелыми, хорошо оплачиваемых работ было крайне мало. Миклош, Маркета и их маленькая дочь Вера первые несколько месяцев провели в кишащем вшами лагере для беженцев, и хотя Миклош нашел работу, платили крайне мало. Поинтересовавшись о возможности эмигрировать в США, Миклош получил ответ: шансов мало.

Имре отчаянно хотел помочь. Он работал день и ночь, чтобы овладеть английским, особенно письменным английским. Он старался, как мог, чтобы выглядеть, звучать и писать, как коренной американец. И больше всего он хотел заработать уважение.

Узнав о проблеме Миклоша, он обратился к государственным представителям за помощью. Он объяснил, что его младший брат, Тибор, добровольцем отправился на военную службу, не пробыв в Америке и полгода, и теперь он военнопленный в Северной Корее. Имре задал простой вопрос: разве жертвы Тибора не заслужили его семье возможность попытать счастья в Америке? В течение года Миклош и его семья вновь увидели Рубиных в Нью-Йорке.

31

Товарищ Лю продолжал бомбить Тибора предложениями отправить его обратно в Венгрию. Его настойчивость напрягала Тибора: это значило, что китайцы по-прежнему пытаются использовать его в качестве орудия своей пропаганды. А еще это значило, что Лю и Лим раскусили его клоунаду. Ситуация сложилась опасная. Тибор долго и упорно думал, как ему убедить «товарищей», что он был слишком непредсказуем, чтобы оказаться им полезным.

Лето 1952-го приближалось, и некоторые иностранные заключенные начали брить головы наголо. Это показалось американцам крайне подозрительным. Даже южане, летом стригшие волосы очень коротко, считали турков и греков, марширующих абсолютно лысыми, странными.

Тибор всегда носил длинные волосы. С детства ему говорили, что у него очень густая и волнистая шевелюра, и он всегда гордился тем, что следит за волосами. Пожалуй, единственное, что ему не нравилось в армии, – это уставные короткие стрижки, которые им сделали в первую неделю учебки. Они напомнили ему Маутхаузен. Нацисты постоянно брили узников налысо, частично в целях гигиены, но в основном чтобы лишить их индивидуальности. Тибор никогда не забудет жалящие бритвы капо и следы порезов на головах и телах. Но сейчас турки подбросили ему идею. Забыв на время о своих предрассудках, он нанес визит лагерному парикмахеру. Со стула он встал абсолютно лысым.

Когда приятели увидели его лысину, они не смогли удержать смех. Соседи прозвали его «бильярдный шар» и попросили потереть лысину на удачу. Парни, знавшие Тибора, восприняли его новую стрижку с юмором, но начальство лагеря смутилось и напряглось. Лю остановил его во дворе, вопросительно уставился и заметил, что без волос он выглядит неестественно: «В доме вши или еще какая гадость?»

– Нет, – невинно ответил Тибор.

– Тогда зачем ты сбрил свои хорошие волосы?

Тибор улыбнулся и пошел дальше.

Во время переклички Череп подошел к нему и отозвал в сторону. «Мне нужно что-то о тебе знать?» – спросил он озабоченным тоном.

Тибор в ответ только плечами пожал.

В течение следующих нескольких недель Лю и Череп стали наблюдать за ним еще внимательнее. Лим подходил к Карлу

МакКлендону и спрашивал, замечал ли он или еще кто-то из соседей Тибора какие-то изменения в его поведении.

– Ну, – ответил Карл робко, – он пару раз зависал с теми бугаями из Алабамы. Ну, вы понимаете, о ком я.

Череп изучал всех ребят под своим началом и знал про них ровно столько, сколько они ему рассказали. Но сейчас он, кажется, не понимал, о чем говорит Карл.

– Нет, но расскажи мне о них.

– Ну я слышал, что некоторые из них приходят в армию с судимостью.

– Я не знал этого, – сказал Череп, нахмурив брови.

– Они преступники.

– За что их судили?

– Ну, типичные гоповские выходки.

– Например?

– Негров достают. Кресты жгут у них на газонах, дома портят, детей преследуют, ну и все такое прочее. Это я слышал такое.

Все это, конечно, было ерундой. Карл просто клоунничал и повторял ровно то, что ему и другим парням сказал Тибор на случай, если их спросят про него. Тибор не знал, как далеко заведет его этот розыгрыш, но надеялся, что если Лю и Лим узнают, что он расист, от него отстанут.

Чтобы сохранить образ, Тибор вернулся к парикмахеру и попросил снова его побрить, как только на голове появился первый пушок. Он продолжал выделяться на перекличке и на уроках, словно ядовитый гриб на лужайке для гольфа.

Если китайцев и правда волновали лысина Тибора и его отношения с преступниками, они их умело прятали несколько недель, пока однажды утром Череп не прочитал лекцию о вреде расизма в Америке. Он нервно ходил по сцене от одного края к другому, разглагольствуя о рабстве, сегрегации и экономической дискриминации.

– Пусть даже это запрещено вашей конституцией, капитализм продолжает искать способы сохранить американского негра в рабстве, – бушевал Череп. – Он ухаживает за вашими фермами и фабриками, но не может воспользоваться общественным туалетом. Ему нельзя учиться в лучших колледжах и университетах, а его дети ходят в худшие школы. Он вынужден жить в криминальных районах, гетто. А если он пытается выступить против, его тут же терроризирует ваш Ку-клукс-клан.

Череп поднял большое фото членов клана в масках, белых простынях и колпаках, а затем показал отвратительный кадр с повешенным на дереве негром, вокруг которого стояла толпа улыбающихся белых людей. Половина была облачена в

ритуальные одежды клана, остальные были в гражданском и с коротко остриженными волосами.

– Вот это ваш Ку-клукс-клан называет «вечеринками линчевания». – Череп разошелся. – Вечеринками!

Он подошел к краю сцены и указал в толпу: «Вы хоть понимаете, что среди вас есть член этого Ку-клукс-клана?»

Он сделал драматичную паузу, пока парни с нетерпением перешептывались.

– Рубин! – заорал Череп. – Встать!

Тибор неохотно поднялся. Южане удивленно переглянулись.

– Видите этого человека, – зашипел Череп. – Он их лидер.

Кьярелли, Кормье и Уэйлен посмотрели друг на друга и захихикали. Сначала еле слышные, затем громче, по толпе побежали смешки.

Череп жестом приказал всем замолчать. Толпа стихла. Затем один из южан поднял руку. Череп узнал его.

– Товарищ Лим, – заорал он, – Рубин не может быть из клана. Он еврей! Они же их ненавидят!

Челюсть у Черепа откинулась сама собой под дикий ржач толпы. «Тихо! Тихо!» – вопил он, размахивая ручонками. Но было поздно. Приступ смеха разросся до таких масштабов, что его крики беззвучно утонули.

Тибор посмотрел на южан и молча кивнул.

32

Бесконечные занятия и насильные лекции растворились в сочных весне и лете 1952-го. И все же лагерные громкоговорители, «сучьи коробки», продолжали свой треп, транслируя голоса американских солдат, призывавших положить войне конец. Большинство сообщений были записаны сбитыми американскими летчиками в Пекине, хотя «прогрессивные» из «Лагеря 5» тоже принимали участие в этом бесконечном потоке пропаганды.

На втором году жизни в лагере население его становилось все более разделенным. Небольшое количество «прогрессивных», симпатизирующих коммунистической идеологии, и примерно такое же число «реакционеров», активно ей противостоящих, расселили в соответствующие части лагеря. Остальные, большинство, остались на месте, пытаясь лишний раз не высовываться. Слухов о «стукачах» и «информаторах», бродивших среди пленных, оказалось достаточно для того, чтобы люди не высказывали своих мнений в открытую.

Северокорейский пропагандистский плакат. Обратите внимание на невероятно завышенные цифры. Национальный музей ВВС США

В лагере появилась новая тема для обсуждений – прошел слух, что самолеты ООН сбросили на территорию Северной Кореи бомбы, набитые бактериями. Говорили, что беспорядочное использование биологического и химического оружия против Китая и Северной Кореи вывело войну на новый, еще более опасный уровень. Сбитые американские летчики, выступая по

«сучьим коробкам», признавались в уничтожении целых городов. Схваченные пилоты приезжали в «Лагерь 5» с подробными рассказами о химических веществах и их ужасном влиянии на людей и сельское хозяйство. Реакционеры аплодировали новостям, прогрессивные яростно протестовали. Остальные так переживали, что писали родным письма, в которых просили их надавить на правительство, дабы оно остановило «бактериологическую войну». Они уже и думать забыли, что все это голая пропаганда. Для большинства военнопленных все это в очередной раз лишь отдаляло их от дома и родных.

Тибору плевать было на военные тактики США. Пока Карл, Дик и другие спорили по поводу очередного вздора из коробок, он и его новый друг Ленни Кьярелли сосредоточили свою энергию в другом месте. Им больше нравилось воровать у их китайских захватчиков.

Двое продолжали таскать с лодок, но утащить больше нескольких кусков мяса зараз не удавалось. Скоро придет зима, канал замерзнет, и Тибору хотелось сорвать куш пожирнее.

Из всей еды, которую им не давали, больше всего солдаты хотели нормальной картошки. Лагерь хорошо снабжали всякими овощами, но картошка солдатам доставалась с долговязыми корешками и зелеными пятнами. Пораскинув мозгами, Тибор задал Кьярелли вопрос: «Как думаешь, если пропадет жалкий мешок картошки, китайцы заметят?»

– У них так много, что нет, не заметят, – ответил Кьярелли, не сомневаясь. – Но как мы его достанем?

– Пока не знаю, но скоро пойму.

Тибор часто таскал тяжелые брезентовые мешки картошки и на кухню к охране, и на офицерский склад. Это была самая тяжелая ноша на лодках, и роль вьючного животного пусть и унижала его, зато давала время подумать и составить план.

Чуть раньше он заметил, что сараи, в которых хранилась еда для охраны, располагаются как раз по пути к домам военнопленных. Допустим, думал он, что после длинного рабочего дня кое-кто так устал, что прошел мимо сарая и просто пошел дальше. Ну что это, преступление? Пусть даже запутавшегося и уставшего работягу заметят и прикажут ему остановиться – он просто развернется и пойдет обратна улице стоял бодрый ноябрьский денек, когда Тибор решил попытать удачу. Над Ялуцзян дул холодный ветер и бежали низкие облака, сбивая барашки с волн на берег – верный признак, что скоро будет снег и канал начнет замерзать. Кто знает, может, только что причалившая лодка – последняя в этом сезоне?

Наступили сумерки. Тибор обратил внимание на вялые,

безучастные лица охранников. Они весь день наблюдали, как пленники таскают провизию с одного конца лагеря на другой – им наверняка чертовски скучно и хочется уже разойтись. Тибор уже несколько часов ходит туда-сюда с мешками. Нет причин уделять ему больше внимания, чем остальным. Если действовать, то сейчас. Он взвалил на спину один из немногих оставшихся мешков картошки и в очередной раз отправился в сторону сарая. Только сейчас он немного изменил маршрут. Пройдя мимо того места, где надо было сбросить мешок, прямо за складом, он продолжил путь. Затем, ссутулившись, упершись глазами в землю, он резко повернул вправо и направился в сторону американской секции. Его ясно видели по меньшей мере два вооруженных охранника, но он свободно протащил картошку к двери своей хибары.

Когда южане увидели подарок Тибора, они радостно загудели. Ленин и Карл плясали, а Костлявый аплодировал лежа.

Спустя несколько минут половину мешка распихали в тайник под полом, а вторую половину порезали, бросили в большую кастрюлю и поставили на огонь. Как только вода закипела, ее слили и добавили в кастрюлю немного свекольного сахара. Получившееся месиво поставили в другой тайник. Через две недели ферментации в кастрюле оказался неприятный, но крепкий самогон, с которого вся хибара неделю ходила пьяная.

Военнопленные едят свинину. Ещё одно постановочное фото из журнала «Военнопленные в Корее» (sic), опубликованное китайцами в начале 1953-го. Военнопленным никогда не давали свинину. Гарольд Т. Браун

Дни стали короче, зима приближалась, но время все равно тянулось медленно. Спустя два года в «Лагере 5» почти никто уже не надеялся вернуться домой в ближайшем будущем. Из динамиков иногда доносились новости о мирных переговорах, но их разбавляли таким количеством пропаганды, что люди стали их игнорировать. Китайцы очень четко селили новых узников в других лагерях, чтобы население «Лагеря 5» ничего не знало о патовой ситуации на поле боя и о настоящем состоянии мирных переговоров. Писем пропускали все больше, еда стала еще лучше, а зимняя одежда хорошо справлялась с холодом, но одновременно с этим росла общая уверенность, что война не закончится никогда.

33

На Рождество 1952-го нескольким счастливчикам повезло услышать поздравления от родных. Их записали в Америке, отправили через океан, смешали с новостями и музыкой государственного радио Китая и прогнали по «сучьим коробкам». Их играли без предупреждения, в любое время дня и ночи. Пленники не знали, в какую секунду знакомый голос внезапно прервет надоевший треп.

Гарри Браун брел к своей хижине после очередного изнурительного похода в лес, когда ему показалось, что он услышал эхо своей мамы. Оно шло откуда-то издалека, и он не был уверен, что это она, но ему явно показалось, что он слышал свое имя. Не раздумывая ни секунды, он забыл про усталость и рванул к ближайшему громкоговорителю.

Несмотря на быстрый бег, он не успел послушать поздравление полностью. И он был не один – когда он добежал до динамика, вокруг него уже стояло несколько десятков человек, все как один навостривших уши к рупору.

Женщина уже закончила говорить, и Гарри не успел разобрать, его это мама или нет. Последний раз он слышал ее голос три года назад и, насколько он сумел разобрать, она произнесла его имя только разз. Но вот в следующем голосе сомнений быть не могло. Это был отец Гарри.

> *… мы тебе место оставили на День благодарения, надеялись, молились, что в следующем году ты встретишь его с нами. Твой брат Джон служит в ВВС, в Германии. Твой брат Майкл тоже теперь в армии. Он в Корее сейчас. Просил передать, что идет тебя искать. Мы все так по тебе скучаем. Береги себя, сынок.*

Как только он понял, что это голос его отца, Гарри буквально впитывал каждое слово, пытаясь закрепить их в сознании. Когда последняя фраза повисла в тишине эфира, по щекам Гарри текли слезы, замерзая в густой бороде.

34

Дик «Костлявый» Уэйлен на праздниках продолжал терять вес. Почти все время он лежал на полу, пытаясь сохранить остатки энергии, чтобы самостоятельно дойти до отхожего места. Когда подходила его очередь идти в лес, Тибор всегда заменял его либо просил кого-то другого; Дик был слишком слаб для такой работы. Помимо этого Тибор всегда контролировал, чтобы Дик получал свой дневной рацион. Несмотря на не покидавшее его чувство чего-то плохого, на уверенность, что ему никто не поможет, Дик старался не унывать.

В январе 1953-го Тибору стало тяжело ходить. Рана в ноге, беспокоившая его последние пару лет, стала сильно болеть. Он нагружал ногу все эти два года, а теперь инфекция, кажется, пошла дальше внутрь, ближе к кости. У него появилась лихорадка. Лодыжка покраснела, затем стала фиолетовой. Колено опухло, стало размером с софтбольный мяч. Он взрезал рану и промочил ее горячей водой, надеясь удалить яд, но он пошел дальше вверх, к коленке.

Появилась диарея, лютая усталость. Он жевал уголь, но толку было мало. Он переживал, что проблемы с кишечником связаны с больной ногой: каждый день ему становилось все труднее ходить. После того, как он пропустил несколько перекличек, китайцы пришли к нему в хижину. Решив, что это опять какие-то его штучки, охранники Тибора за руки, намереваясь заставить его пойти с ними. Его лицо исказила гримаса боли – они обратили внимание, что нога у него обмотана его же штаниной от колена до самого низа, и что кожа под ней изменила цвет. Сняв повязку, они увидели огромное опухшее колено.

У Тибора кружилась голова, когда его положили на носилки и вынесли из дома. Он боялся, что окажется в печально известном храме смерти – последней остановке на пути многих солдат здесь. Но вместо этого его положили в грузовик, вывезли за ворота и отвезли в самый обычный дом на окраине Пектона – госпиталь, где на полу лежало еще человек десять. Ему дали какую-то таблетку, которая на время успокоила боль и сняла опухоль.

Китайская медсестра, невысокая женщина с кукольным лицом и тонкой фигуркой, каждый день приходила в этот «больной дом». Она почти ничего не делала, разве что проверяла их пульс, но парни ждали ее и спустя несколько дней рассматривали ее невозмутимость и спокойствие как вызов. Как только она выходила за дверь, они начинали спорить, кто первый осмелится тронуть ее за задницу. Впрочем, все это были

разговоры – никто пока что так и не сделал этого.

– Я ухвачу, – объявил Тибор однажды, просто чтобы положить конец болтовне. Он не знал, что ему за это будет. Да и вряд ли он почувствует что-нибудь – сил совсем не было. Но сама идея, что кто-то дотронется своей больной плотью до выпуклой задницы медсестры, привела комнату в беспокойство.

– Да ладно, Рубин, ты не сделаешь этого, – прозвучал усталый голос.

– Сделаю.

– Иисусе, – просвистел кто-то.

Все внимание было приковано к нему. «Сделаю, сделаю».

Весь вечер и следующее утро в комнате царило веселье – все ждали часа, когда придет медсестра.

Она вошла, тихая и собранная, как всегда. Все взгляды устремились на Рубина, пока миниатюрная женщина методично поднимала руку каждого больного, проверяла его пульс и тихо считала в течение минуты. Мужчины напряглись – каждая кисть стала частью напряженного отсчета.

До Тибора оставалось еще несколько человек, когда он услышал чей-то шепот: «Хватай, Рубин, хватай!» За ним последовал другой: «Хватай, Рубин! Хватай, Рубин, хватай…» И еще.

Если медсестра и слышала их, она не обращала внимания. Так же, как и на прошлой неделе, она подошла к Тибору, подняла его руку и приложила к кисти два пальца. Хор шепотов «хватай, Рубин» становился громче, медсестра обернулась и слегка удивленно оглядела комнату. В этот самый момент рука Тибора приземлилась на ее задницу и сжалась.

Сестра вскочила на носочки, словно ее ужалили током. Не успел Тибор убрать руку, как она обернулась. *«Бу-ха! Бу-ха!»* – закричала она, угрожая пальцем.

Парни не знали китайского, но это слово поняли. *«Плохо».*

– *Динк-ао*, – ответил Тибор с ухмылкой.

И это парни знали. *«Хорошо».*

Сестра вывернулась и отошла от кровати. Она закончила осмотр в полной тишине, но как только вышла за дверь, комната взорвалась смехом. Тибор принимал поздравления с победой кивками головы, но тут же начал думать о последствиях содеянного. Они явно будут печальными.

Следующие пару часов он не отрываясь смотрел на дверь, ожидая там озлобленных солдат. Дверь не открылась. Охранники появились позже, рутинно принесли еду и удалились.

В тишине тощий рядовой, отрывисто кашляя, спросил: «Что будешь делать, когда она вернется?»

– Ровно то же самое, – ответил Тибор, ни секунды не сомневаясь.

Парни одобрительно загудели.

Сестра вернулась на следующее утро и молча продолжила выполнять свои обычные обязанности. Несмотря на смешки она оставалась почти неестественно тихой. Со знакомой легкостью она передвигалась от больного к больному, пока не добралась до Тибора. Остановившись в нескольких сантиметрах от него, маленькая женщина встала так, что ее ягодицы оказались вне досягаемости Тибора. Чтобы дотянуться до его кисти, ей пришлось сильно наклониться, почти на девяносто градусов. Поза была странной, зато ягодицы были в безопасности. Она протянула обе руки, зафиксировала пальцы на кисти Тибора и уставилась в часы.

Она была слишком далеко, чтобы Тибор мог ее ухватить, но и слишком далеко, чтобы нормально удержать кисть его руки. Тибор прикрыл глаза, будто уснул. Через полминуты маленькая медсестра посмотрела на его лицо, немного расслабилась и подвинулась чуть ближе, чтобы получше ухватиться большим и указательным пальцами. Незначительное изменение позы поставило задницу под удар; вновь послышался хор шепотов «Хватай, Рубин, хватай!», рука Тибора змеей пронеслась по воздуху, двигаясь прямо к цели.

Сестра заметила движение, но было уже поздно. Рука Тибора попала точно в цель и вцепилась в мягкую плоть под белыми штанами. Сестра вскочила, выпрямилась стрелой, став выше на несколько сантиметров. Шатаясь, она с яростью уставилась на Тибора.

– *Бу-ха! Бу-ха!* – кричала она, что есть мочи напрягая тонкий голос.

– *Динг-каоо. Динг-кааоо*, – вторил ей Тибор.

Медсестра повернулась, покраснела, подошла к следующему пациенту и так дернула его руку, что, казалось, сейчас вырвет ее из туловища. Она что-то бурчала на своем, пока заканчивала работу, потом вышла, хлопнув на прощание дверью.

Тибор был уверен, что пришел час расплаты. В первый раз сестра удивилась, застыдилась и растерялась; сейчас она была в ярости. Он готовился, уставившись в дверь. Прошло два часа. Ничего. Еще два. В комнате было необычно тихо. Тибору казалось, что другие думают то же самое – что ему сейчас вломят, а то и хуже. Но ничего не произошло. Пришли те же унылые солдаты, так же принесли ужин и так же молча вышли.

Разгорелся оживленный спор. Комната поделилась на два лагеря. Половина мужчин считала, что милую медсестру больше

здесь не увидят. Другая половина считала, что она вернется, но с острым предметом в руках.

Сестра и правда пришла на следующий день, но другая, короткая, похожая на пельмень, с прыщавым и хмурым лицом. Парни, особенно Тибор, вели себя тихо.

Тибору стало хуже. Область вокруг коленки вся стала фиолетовой, воспаление добралось до бедра. Он сильно потел по ночам, боль была постоянной, пульсирующей. Его никак не лечили до тех пор, пока он не впал в полубессознательное состояние. В комнату вошли двое китайских врачей, мужчина и женщина, и принялись что-то бурно обсуждать, словно сердитые птицы.

Тибора колотила лихорадка, когда женщина на английском извинилась за то, что они позволили инфекции распространиться по ноге, затем объяснила, что если не действовать прямо сейчас, он потеряет ногу. Тибор помнил, что кивнул ей, когда она спросила, услышал ли он ее, затем ему на лицо положили полотенце. Двое китайцев взяли его за плечи, по одному на каждую сторону. Тибор почувствовал выжигающую боль – гораздо, гораздо хуже, чем любая боль, которую он когда-либо испытывал за время войны. Ногу, от бедра к колену, затем прямо в пах словно прошил электрический ток. Он отрубился.

Женщина-врач глубоко всадила скальпель ему в ногу, затем отрезала от кости столько зараженной ткани, сколько смогла. У нее не было нормальной анестезии, но не сделай она сейчас, инфекция пошла бы дальше в пах, а оттуда по всему телу.

Тибор очнулся весь в поту, под грудью адски жгло. Нижняя часть правой ноги была укутана в тяжелый, неровный гипс. Тупая ноющая боль сменилась острыми приступами, коловшими все тело, от ног до таза.

После операции он спал несколько часов. Его присутствие здесь растянулось на недели, он потерял счет дням. Может, он был здесь четыре недели, может, восемь, десять. Когда он наконец нашел в себе силы двигаться, он попросил другого человека помочь ему поднять гипс с постели.

35

Морозным апрельским утром Тибора и других пациентов без предупреждения посадили в грузовик и отвезли в кабинет начальства лагеря. Тибор все еще не мог стоять самостоятельно: потребовалось трое китайцев, чтобы поднять его вместе с гипсом и посадить в кузов. Его аккуратно, под руки провели в дверь и медленно посадили на стул. Их мягкость удивила его.

Охранники так же аккуратно обращались и с остальными пациентами. Парни подозрительно переглядывались, обнаружив себя сидящими перед командованием лагеря и еще какими-то людьми в униформе, которых они раньше никогда не видели.

Ясно было, что китайцам что-то нужно. На столе лежали сигареты, чай, печенье и фрукты. Лю и Лим полулежали в своих креслах, словно хозяева на вечеринке. Тибор точно знал одно: эти парни не будут вкатывать к себе в кабинет десять больных американских солдат и предлагать им сладости и сигареты просто так.

Череп спокойно справился у каждого о самочувствии. Большинство отвечали односложно, а то и вовсе пожав плечами: «О'кей… Неплохо… Хорошо».

Никто не понимал, какой ответ от них ждут на самом деле.

Когда очередь дошла до Тибора, Череп стал необычайно вежлив: «Рубин, – сказал он, сияя зубами, – что бы ты сделал, если бы мы вдруг отправили тебя домой?»

Сложный вопрос. Намерения Черепа неясны.

– А мне почем знать? – ответил Тибор. – Сначала надо туда добраться.

Череп выдержал паузу, затем наклонился вперед: «И все же, что бы ты сделал…?»

Тибор все еще не понимал, что от него хочет Череп. Он внимательно посмотрел на других китайцев, пытаясь найти ответ в выражениях их лиц.

– *Что, Рубин, что?..* – повторял Череп, как учитель на экзамене с глупым студентом.

Тибор улыбнулся, но рта не раскрыл.

– Ты готов бороться за мир во всем мире? – терпеливо спросил Череп. – Мы это уже обсуждали, и не раз.

Тибор понятия не имел, что значит бороться за мир во всем мире, но как-то ответить надо было.

– Товарищ Лю, товарищ Лим, – начал он, – я обещаю вам, что если вернусь домой, буду бороться за любой мир, до которого только смогу добраться.

Китайцы посмотрели друг на друга и закивали. Наконец-то Тибор сказал что-то, что устраивало и его, и их.

У китайцев был план; это было совершенно очевидно, хотя непонятно было, хороший или плохой. Раньше людей уже уводили из лагеря – в никуда. Память о Долине смерти, о друзьях, сгинувших во время первой ужасной зимы в «Лагере 5», все еще была свежа, и ребята с большой осторожностью относились ко всему, что хоть как-то намекало на «отъезд» из лагеря. Но сейчас китайцы говорили именно что о возвращении домой. Их вернули в больницу, и там они только и делали, что тихо перешептывались, пытаясь понять значение каждого слова, которое они услышали за последние пару часов.

Опухоль на ноге Тибора сдулась вполовину. Голень и колено терлись о внутреннюю поверность гипса. Он пожаловался китайской медсестре, но та ничего не сделала. Тут ему в голову пришла идея. На маленьких клочках бумаги он стал записывать имена и отделения каждого, кого мог вспомнить, затем бросал бумажки в прорехи гипса. Когда он выписал всех, кого помнил, он обратился за помощью к другим пациентам. Вскоре у него в гипсе было больше сотни имен, каждое на маленьком клочке бумаги. Если китайцы и правда отправят его домой, там найдется много родителей, которые с радостью узнают, что их сыновья живы и здоровы.

Но что, если его обыщут? Что, если китайцы узнают, что он скрыл все эти имена и числа и попытался вывезти их за границу? Тибор лихорадочно порвал несколько страниц *Daily Worker,* скомкал их и под завязку запихал в свободную полость гипса.

В декабре 1952-го Красный Крест призвал обе воюющие стороны обменяться ранеными в качестве жеста доброй воли. Предложение радушно приняли американцы, но северокорейцы, китайцы и поддерживающий их Советский Союз отказались, настаивая на выдаче всех военнопленных с юга. В конце марта 1953-го был достигнут компромисс: пленники, не желавшие возвращаться в Северную Корею или Китай, будут отправлены на нейтральную территорию, где их статус будет рассмотрен отдельно. Формулировки предложения оказались достаточно размытыми, чтобы удовлетворить обе стороны.

Соглашение назвали «Малый обмен», первой его стадией стал добровольный обмен шести тысяч двухсот северокорейцев и китайцев на шестьсот восемь больных и раненых американцев, британцев и других солдат ООН. Как только цифры были согласованы, обе стороны отвезли своих солдат в Панмунджон. Рядовой Тибор Рубин был одним из ста пятидесяти американских солдат, доставленных под защиту ООН.

Никто, кроме непосредственных участников событий, не знал о «Малом обмене». И даже те, кого, собственно, меняли, не знали, что происходит, до того самого момента, как они прибыли в Панмунджон.

Товарищи Тибора так и не узнали, что с ним случилось после того, как его забрали в госпиталь. Он скрывал свою рану и держался так стойко, что никто из них не знал, насколько серьезной она была. Спустя несколько дней его отсутствия МакКлендон, Буржуа, Уэйлен и Кьярелли решили, что рядового Рубина поймали за воровством и убили.

Пропажа Тибора напомнила его приятелям, что китайцы полностью контролировали их жизнь и смерть, и что чувство безопасности, которое только-только начало в них зарождаться, было абсолютно безосновательным. Вся надежда и воля, которые привнес в их дом Тибор, моментально иссякли. Теперь, когда его не было рядом, не было смысла даже говорить о нем. Его товарищам ничего больше не оставалось, как заключить, что если Бог и существовал, то он был китайцем и он самостоятельно решил судьбу их друга и защитника, неистового патриота, который даже не был американцем, – Рубина.

Возвращение домой, 1953-й

1

Еврейский капеллан оказался первым западным человеком, с которым заговорил капрал Тибор Рубин в «Деревне свободы» в Панмунджоне. Когда носилки Тибора занесли в палатку, раввин Мюррей Ротман подошел к нему и спросил, как он пережил эти два с половиной года.

– Я знал, как нужно разговаривать с китайцами, – съязвил Тибор. – У меня уже был похожий опыт с нацистами.

Внезапно капрал Рубин стал не просто военнопленным: он теперь американский солдат, который прошел две войны. Родился в Венгрии. Иммигрант. Добровольно отправился в Корею. Даже не гражданин США. Раввин, капитан и персонал госпиталя никогда раньше не слышали ничего подобного.

Репортер из военной газеты *Stars and Stripes* взволнованно забрасывал Тибора вопросами.

Если сравнивать китайцев с нацистами, кто лучше?

– Китайцы, – отвечал Тибор.

Что они сделали, узнав, что вы венгр?

– Они мне говорят: «Ты венгерский солдат?», а я говорю: «Нет, я американец!»

– А они?

– Они много раз спрашивали, я хочу вернуться [в Венгрию]?

– Я сказать да, но только в оккупационных войсках. Им не понравилось.

– А что, если бы вы вернулись?

– Меня бы повесили на ближайшей яблоне.

– Что самое ужасное в лагере для военнопленных?

– Оказаться там.

История быстро добралась до Штатов через информагентство Associated Press. На следующий день ремарки Тибора уже напечатали в *New York Times.* В газетах по всей стране публиковали фотографии, на которых его выносили из китайского полевого госпиталя. 22 апреля Имре, который теперь жил в Калифорнии, получил от Western Union телеграмму, в которой сообщалось, что его брат в безопасности в армейском госпитале. Тибор писал Имре, что он «никогда еще не был так счастлив, что он американец», хотя формально он гражданином не был.

Тибор возвращается из лагеря для военнопленных. Тибор оказался одним из первых американских солдат, прибывших в Панмунджон в результате операции «Малый обмен». Фото Фрэнка Прэйтора. Использовано с разрешения, (c) 1953–2014 газета Stars and Stripes

Из Панмунджона Тибора отправили в военные госпитали Сеула, затем Токио, затем Гонолулу. На его ногу обратили внимание только в Токио. Китайский врач очистила берцовую кость, что, вероятно, спасло Тибору ногу, но костные ткани поразил остеомиелит. Рентген обнаружил усыпанные от колени до лодыжки маленькие кусочки шрапнели. Тибору повезло, что его освободили в апреле, иначе инфекция пошла бы дальше по ноге.

Он лежал в специальной палате для военнопленных в Токио, рядом с операционной, когда его внимание привлекла американская медсестра с черными как смоль волосами и улыбкой на миллион долларов. С момента, когда он находился рядом с такой красоткой, прошло несколько лет, посему он крайне обрадовался, когда она остановилась возле него и оглядела. «Тебе не помешает побриться, солдат, – сказала

медсестра, изучив его медкарту. – Бритву хочешь?»

Тибор медленно поднял руки и вяло потряс кистями.

– Что, руки не работают?

Тибор слабо покачал головой.

Сестра принесла бритву, мыло, полотенца и чашку с водой. Она намылила ему лицо и мастерски повела бритвой по недельной щетине. Ее улыбка, волосы, фигура и бодрящий чистый аромат вводили его в приятное оцепенение. Его глаза сияли, когда нежная, как у младенца, кожа ее рук прикасалась к его груди и плечам. От отупел от желания, и когда она закончила брить его, он так заволновался, что схватил ее за руку и крепко пожал. «Спасибо вам, спасибо, спасибо», – расплескивал он благодарности.

Поняв, что ее обманули, медсестра сказала стальным голосом: «Ах ты сукин сын! Да ты мог сам побриться!»

Тибор пришел в себя. «Знаю, – подмигнул он ей, – но вы делаете это гораздо, гораздо лучше».

Настроение у него было преотличное, когда армейский санитарный самолет, летевший из Гонолулу, приземлился на военной авиабазе «Трэвис» в Калифорнии. Солдаты в самолете радостно загудели, когда он сначала поставил десять баксов на то, что одна из двух сопровождавших их медсестер поцелует его, а затем пытался уговорить их на это. Медсестры рассказали репортерам, что он умолял их и клянчил поцелуй всю дорогу, но в итоге проиграл свою десятку. Тибор утверждал обратное.

2

Когда Тибор и еще тридцать восемь военнопленных – участников «Малого обмена» приземлились в Лонг-Бич, их встретила радостная толпа семей и поклонников. Ирэн и Имре, одетых в свои лучшие костюмы, провели мимо зевак и прессы, чтобы они смогли первыми встретить рядового Рубина, спускающегося с трапа.

Помогая себе тростью, Тибор доковылял до взлетной полосы и угодил в объятья Имре. Вот только что он небрежно откалывал шутки в компании таких же возвращенцев, весь из себя такой крутой. И тут, внезапно для него самого, его захватили эмоции. Фотографы сгрудились и попросили семью попозировать. Ирэн поцеловала Тибора в щеку – тут же их накрыл взрыв фотовспышек, ослепивший ее. Были объятья и рукопожатия и еще вспышки, но у Тибора так и не вышло оказаться наедине с братом и сестрой – военная «Скорая» увезла его из аэропорта. Он уехал так быстро, что у Ирэн и Имре осталось впечатление, будто он и не возвращался. Но он вернулся: доказательство красовалось на первой странице местной газеты на следующий день.

Это фото, на котором Тибор впервые за три с лишним года ступает на американскую землю, появилось во всех газетах. С того самого интервью для *Stars and Stripes* в Панмунджоне, когда американцы впервые узнали, что солдат-венгр был в плену и у нацистов, и у китайцев, он стал магнитом для репортеров и писателей всех мастей.

Ирэн целует Тибора в щёку по его приезде на военную авиабазу «Трэвис» в Калифорнии, 2 мая, 1953. AP Photo/Эрнест К. Бэннетт

Тибор Рубин придал старой истории новый поворот, и это делало его особенно интересным для прессы. Но в тот день в Лонг-Бич его брату и сестре было плевать на все это – они были слишком заняты, удивляясь, каким взрослым стал их двадцатитрехлетний брат.

Были еще фото, еще статьи, когда теперь уже капрал Рубин прибыл в военный госпиталь в форте МакАртур, что в городе Сан-Педро, Калифорния. Имре жил всего в нескольких километрах от него и смог навещать его. Хотя Тибору предстояло провести в этом госпитале ближайшие два месяца, он нашел силы попозировать с Имре на фотосессии, посвященной восьмой годовщине их освобождения из Маутхаузена – еще одна популярная у прессы история. Газета *Los Angeles Herald Examiner* напечатала большое фото, на котором два брата пьют молоко у кровати Тибора.

Военные врачи сделали Тибору несколько операций на ноге, пытаясь взять под контроль тяжелую и острую инфекцию, проникшую в костный мозг. Хотя он довольно скоро смог хромать по больнице в перерывах между процедурами, ему запретили покидать госпиталь.

Поток вопросов о «Лагере 5» завалил его. Тибор с живостью описывал условия жизни там, но ни слова не сказал ни про свои ночные похождения, ни про помощь другим заключенным, ни про заслуги на поле боя. Поскольку переговоры об их освобождении продолжались, он боялся, что его истории могут поставить под угрозу жизни тысяч людей, все еще находившихся в плену.

Но дело было не только в осторожности. Тибор просто не хотел хвастаться – и еврейский закон, и его личный кодекс запрещали подобное. И потом, ему было чем заняться: список имен, который он составил и спрятал от китайцев, чтобы связаться с семьями и рассказать им о сыновьях, мужьях и братьях, которые еще живы и скоро вернутся домой. Одной из первых звонок получила семья из Лонг-Бич – родители сержанта Ральфа Е. Бишопа, который находился в плену почти так же долго, как и сам Тибор.

Тибор очень хотел рассказать им, что видел их сына в «Лагере 5» и что он в порядке. Бишопы получили от сына семнадцать писем, начиная с января 1952-го, но это было совсем не то, что разговаривать с кем-то, кто видел его лично. На протяжении всего их телефонного разговора мать Ральфа пыталась скрыть слезы, но Тибор понял, что она ревет.

Звонил генерал Хобарт Гэй, командующий американскими силами в начале корейского конфликта; он хотел лично пожать руку тому самому венгру, который сражался с его парнями бок о бок. Тибора вызвали в генштаб, чтобы они вместе сфотографировались. Потом Тибор отправился на официальный обед для вернувшихся ветеранов, где его мимоходом познакомили с генерал-майором Робертом Синком. В местной газете появилось забавное фото, на котором генерал прикуривает сигарету Тибора.

3

Прямо перед рассветом, теплой июльской ночью по «сучьим коробкам» объявили: война закончилась. Объявление услышали всего несколько человек – те, кого мучила бессонница – и то приняли его за шутку. Только на следующий день, когда американские самолеты сбросили на «Лагерь 5» листовки соответствующего содержания, парни наконец поверили: их вечное заточение скоро закончится. Сомнение потихоньку переросло в эйфорию. Люди не спали следующие несколько ночей, разговаривая о свободе, о том, что будут делать, когда вернутся домой, делясь адресами, чтобы не потеряться в мирное время. Каждый день приходили свежие новости об освобождении, а парни уже вовсю отмечали.

В начале августа пошли дожди – такой силы, какой люди еще ни разу не видели за последние два с половиной года. Небеса буквально рвало, землю и траву утопило, быстрые потоки воды несли с собой огромные комья грязи. Парадная площадь превратилась в топкий бассейн, а Ялуцзян вышла из берегов. Лавины воды сносили деревянные столбы, на которых держались громкоговорители, окуная их в муть.

Людей сажали в грузовики раздутыми раза в два – дождь набил их китайскую ватную униформу. Они очень надеялись, что это последняя обида, которую они терпят от этого жестокого и безжалостного места.

Гарри Браун оглядел раскисшее месиво, которое до недавних пор было еще «Лагерем 5», и подумал о судьбе тех, кто здесь остается. Он бросил последний взгляд и увидел, как вода из канала накрыла берег и вместе с ним несколько каменных куч – импровизированных могил. Наверняка отлив уже унес с собой десятки трупов – а если уровень воды еще поднимется, то к ним присоединится и весь лагерь. Когда скрипучий грузовик проезжал ворота, Гарри не увидел на территории ни единого человека – даже на офицерском холме никого не было. Лю, Череп и остальные наверняка уже давно смылись: они явно хотели выбраться из этой дыры не меньше, чем он сам.

Операция «Большой обмен», во время которой освободили большую часть пленных солдат ООН, началась через полгода после освобождения Тибора. Разговоры об обмене продолжались целых два года. Потребовалась организация и участие специальной комиссии ООН по репатриации военнопленных, чтобы коммунисты и Запад смогли договориться по деталям соглашения о перемирии. В итоге семьдесят шесть тысяч

северокорейцев и китайцев вернулись домой. Почти двадцать три тысячи попросили официального переселения в другие места, а еще десять тысяч открытых предпочтений не выразили, но позже по-тихому поселились в Южной Корее. Из тринадцати тысяч солдат ООН, находившихся в плену Севера, триста тридцать три корейца, двадцать три американца и один британец решили остаться с коммунистами.

До подписания мирного соглашения капрала Клода Бэчелора и семерых таких же «прогрессивных» из «Лагеря 5» тайно вывезли в среднюю школу в Пектоне, где офицеры объявили им, что они скоро поедут домой. Китайский генерал от имени движения за мир похвалил их за старания и пожелал им скорее присоединиться к американской ветке коммунистической партии.

Несколько недель спустя Бэчелора вызвали на еще одну встречу, где он говорил с генералом по фамилии Чан. Генерал на повышенных тонах говорил о высоких оценках, которые другие «прогрессивные» дали Бэчелору за его лидерские качества. «Дома тебя объявят предателем, – предупредил его Чан. – Но если ты останешься здесь, сможешь сделать много чего полезного для мира».

Чан сказал Клоду, что если он откажется от репатриации, то будет ездить по университетам Пекина и Москвы, затем Европы, где будет читать лекции о мире во всем мире. Он встретит красивых женщин и глав государств, останавливаться будет в роскошных отелях, а ужинать в самых дорогих ресторанах. В Китае он будет жить лучше, чем его западные товарищи. Бэчелор согласился.

Бэчелора и еще двадцать два «невозвращенца» из разных лагерей вдоль реки Ялуцзян разделили на небольшие группы и отвезли в Пектон, где им читали лекции северокорейские и китайские офицеры. Им вдалбливали в головы, что они необязательно должны быть коммунистами, они – борцы за мир, и большинство американцев им совершенно не враги. В середине сентября двадцать три человека поселили в лагере возле Кэсона, самого южного города Северной Кореи, на обязательные девяносто дней ожидания. Лагерь был нейтральной зоной, созданной по условиям мирного соглашения.

Бэчелора и еще одного солдата назначили главными по группам. Их расквартировали в отдельных домах, китайцы пичкали их обещаниями работы, женщин, денег и путешествий. Но девяносто дней заканчивались, и появились некоторые разногласия. Ребята думали, что коммунисты, преследуя свои цели, руководствовались прозрачными принципами, вроде верности и любви к ближнему. Но китайцы дали им задание

следить друг за другом и докладывать о, как они называли их, «нарушениях преданности их принципам». Настроения в лагере изменились. Жалобы и разногласия переросли в стычки.

В октябре, через четыре недели после заселения, один из парней, капрал Эдвард Дикерсон, заявил, что ему нужно увидеться с доктором, вышел за пределы лагеря и сдался американским властям.

Период ожидания заканчивался, и Клод Бэчелор «все больше и больше запутывался в этом дерьме». Позже он скажет, что начал «искренне ненавидеть коммунизм». В Новый год он подошел к воротам, сказал охранникам, что ему нехорошо, и попросил вернуть его на родину.

4

В том августе в «Деревне свободы» на нейтральной территории в Панмунджоне оказалось три тысячи шестьсот американских военнопленных. Еще две тысячи семьсот, по данным китайцев и северокорейцев, погибли или пропали без вести.

В лагерях погибло примерно сорок процентов всех американских военнопленных – это самый высокий процент потерь в истории всех войн США, даже выше, чем ужасающие тридцать семь процентов погибших от рук японцев.

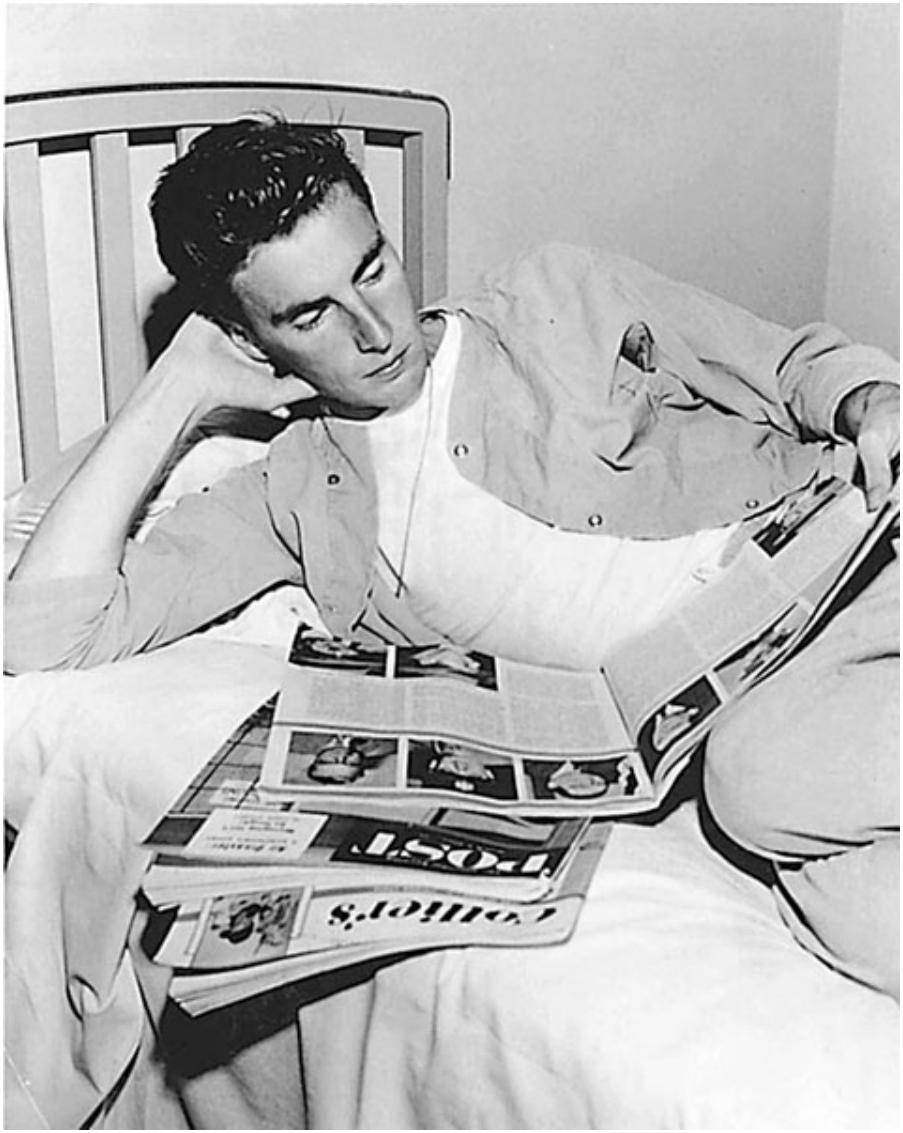
Самых больных, вроде Дика «Костлявого» Уэйлена, отправили в Штаты немедленно. Через день после освобождения Дик уже числился пациентом в Военно-морском госпитале Сент-Олбанс на Лонг-Айленде. Из-за туберкулеза и больных зубов он пролежит здесь больше года.

Тех, кто мог передвигаться самостоятельно, отвезли в портовый город Инчхон, где их уже ждали психиатры и психологи.

Гарри Брауна и других ребят, ехавших с ним, отправили прямиком в военный госпиталь Инчхона, затем в большую комнату с несколькими невзрачными кабинками. Никто не потрудился объяснить, зачем они здесь, и пока Гарри сидел в маленьком боксе один, он думал, что такое важное могло задержать их немедленный отъезд из Кореи. Вскоре вошел священник и сел за стол. Он выслушал все, что Гарри мог ему рассказать о коммунистической пропаганде и лекциях, и посмотрел ему в глаза.

– Сынок, – сказал он сухо, понизив голос, – то, что произошло в последние пару лет, давит на тебя?

Гарри начал закипать. «Ты кто такой, чтобы задавать мне такие вопросы? – рявкнул он. – Ты хоть представляешь, через что я прошел?»



Дик Уэйлен на военной авиабазе «Грэвис» в Калифорнии перед отправлением в военно-морской госпиталь Ант-Олбанс в Нью-Йорке. Фотография Армии США

Священник отвернулся и сложил руки на столе. Гарри решил, что это сигнал – ему неинтересно слушать о его испытаниях. Он вновь повернулся к нему и стальным взглядом опять посмотрел ему в глаза.

– Армия хочет узнать все, что вы, ребята, можете сказать про американцев, которые решили остаться с китайцами.

Гарри уловил хитрость. Ясно же, что отец пытается выяснить, сдался ли сам Гарри и сотрудничал ли он с коммунистами.

– Я ожидал большей поддержки от человека в рясе, – отрезал он.

Гарри получил Бронзовую звезду за отвагу в бою, несколько раз пытался сбежать из плена и пережил по меньшей мере восемь месяцев в храме смерти. Но в самом начале его пребывания в «Лагере 5» китайцы заставили его, тяжелобольного, записать сообщение родителям, в котором он заявил, что захватчики обращаются с ним гуманно. Оказалось, что одно только это заявление, вырванное из контекста ситуации, отбросило на него тень подозрения. Потребовалось два часа, чтобы Гарри сумел убедить священника, что он не сотрудничал с китайцами.

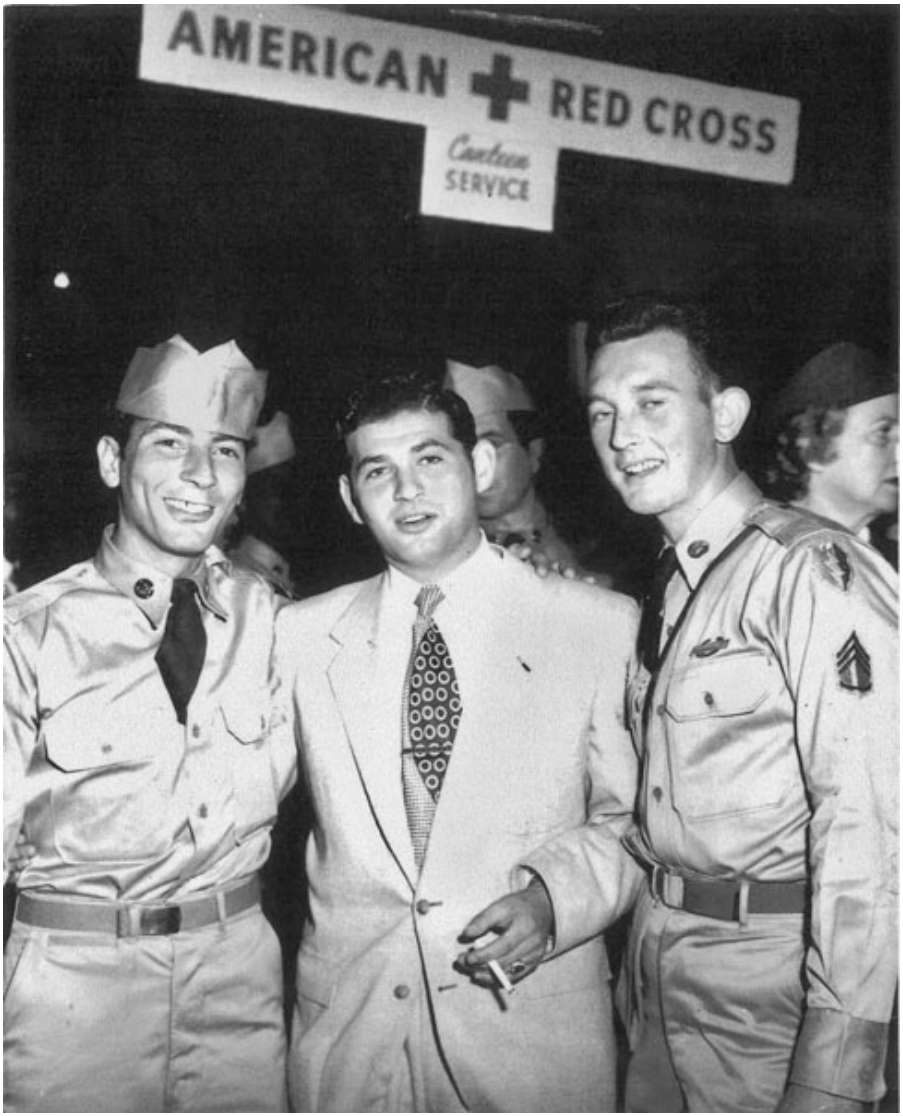
По пути домой были еще интервью. Хотя само словосочетание «промывка мозгов» не упоминалось, вопросы все равно были колкими и раздражающими. Гарри рассказывал про свои болезни, про ужасы заточения в храме, про свои попытки сбежать. Интервьюеры слушали внимательно, задавали вопросы и что-то записывали. Все это время они были довольно восприимчивыми, пока Гарри не начал рассказывать про свою операцию. Когда он описывал, как китайский доктор вскрыл его и засунул внутрь свиную печень, на лицах собеседников появилось выражение недоверия. Ну ладно, уступил Гарри, может это и не свиная печень была, может, доктор пошутил над ним. Он стал рассказывать про маленькие иглы, про то, как они буквально заблокировали боль во время операции, которую врач провел, пока Гарри был в полном сознании. Собеседники смотрели на него, как на сумасшедшего.

Когда транспортный корабль *Генерал Нельсон М. Уокер,* на борту которого находились Гарри Браун, Леонард Кьярелли и еще триста пятьдесят освобожденных военнопленных, вошел в залив Сан-Франциско, его встретили как полагается. Гудели рожки, брандеры запускали в воздух струи воды. Городские чиновники, высшие военные чины, жители города в слезах встречали военных в парадной форме, пока те спускались по трапу на берег. Люди держали таблички с именами любимых, а симпатичная брюнетка пела „My Него“ и „You Belong to Me“. Гарри не ожидал такой встречи, но счастлив был, что он часть всего происходящего. Толпа аплодировала, а мэр города пожимал руку каждому солдату и вручал им конверт – что-то вроде ключа от города, как показалось Гарри. Затем по громкоговорителю объявили, что всем нужно поторопиться в приемный зал, на вечеринку по случаю возвращения парней домой.

Гарри и Ленин вместе с толпой взволнованных людей вошли в огромный зал, где для них приготовили щедрые столы. Ветераны внезапно оказались в шаге от стейков, курицы, индейки

и отбивных, которые прямо при них жарили на гриле – именно об этом они мечтали в заточении. По иронии судьбы Гарри и Ленни не могли это есть. Нарушив приказ, они уже набили животы, причем сначала на пункте приема в Панмунджоне, а затем на корабле. В результате их желудки, сжавшиеся до одной третьей изначального размера, опухли до такой степени, что еда их уже не привлекала. Но настроение у них все равно было отличное. Девушки в летних платьях мило улыбались. Репортеры выкрикивали вопросы. Куда ни глянь – всюду фотовспышки. В суете рукопожатий и поздравлений к ним сквозь толпу пробрался юноша в модном костюме и ухватил их за лацканы. Рубин!

Это был совсем не тот Рубин, которого они помнили. Эта версия носила модный, широкий костюм и узорчатый галстук и сияла выражением неподдельной радости – таким они его никогда не видели. Это был уже не тощий парнишка – его лицо и тело наполнились силой. Аккуратно подстриженные волосы блестели и кудрявились. Лицо лучилось здоровьем.



Гарри Браун, Тибор и Ленни Кьярелли в Сан-Франциско, сентябрь 1953-го. Гарольд Т. Браун

– Ты откуда взялся? – закричал Гарри.

Тибор объяснил, что сел в машину и приехал из самой Южной Калифорнии, как только узнал, что в Сан-Франциско приходит корабль, набитый ветеранами. Знал ли он, что Гарри и Ленни будут здесь? Нет, но это его не остановило. Затем он сказал им, что если они хотят познакомиться с актрисами из Голливуда, он с радостью все устроит.

Появился фотограф и попросил троих друзей обняться для фото. Они еще пожимали руки, обменивались шутками с репортерами, а затем их посадили в автобус, который отправился

в военный городок, где их ждали официантки в форме, местные селебрити и новая еда. Военные и гражданские сталкивались и расходились, словно мячики в пинболе, и тут Гарри встретил одну из самых красивых девушек в своей жизни. Она представилась: «Мисс Пресидио».

Ленни испарился было в толпе, но потом вернулся с двумя солдатами, которые собирались снять машину и отправиться на побережье. Еще кто-то хочет? Это будет нон-стоп вечеринка, с выпивкой и девушками на каждой остановке. Ленни уже засобирался, но Тибор остановил его. На вечеринке неслучайно не было алкоголя: организаторы хотели, чтобы ребята добрались домой целыми и невредимыми.

Вечером того же дня, когда Гарри и Ленни нужно было выбрать, остаться ли в Калифорнии или сесть на самолет в Нью-Йорк, Гарри заявил, что хочет остаться в Сан-Франциско на несколько дней.

– Ты что, променяешь меня на девчонку? – в шутку возмутился Ленни.

– Да я на тебя насмотрюсь еще в Нью-Йорке! – ответил ему Гарри и присоединился к Мисс Пресидио, чья мать, как оказалось, была полковником.

Тибор сел на автобус, который повез Ленни в аэропорт. Их неожиданная встреча закончилась так быстро, что они толком и не успели все обсудить. Они смеялись и недоумевали: как все-таки это невероятно, что они вот сейчас вместе здесь, в Штатах, после всего того, что произошло в Корее. Тибор пообещал, что приедет повидать Ленни в Нью-Йорке, а Ленни сказал, что им бы надо устроить вместе какой-нибудь бизнес. Они пережили войну и почти три года в «Лагере 5» – их уже ничто не остановит.

Самолет улетел, и Тибор вернулся в военный городок. Народу было еще много, но в основном это были гражданские. Бывшие военнопленные разъехались, кто-то с новыми подружками, кто-то домой, а кто-то нажраться – и чем сильнее, тем лучше. Тибор не смог найти никого из «Лагеря 5», сел в свою машину и отправился обратно в Лос-Анджелес. Он, конечно, с радостью повидался бы и с другими узниками, но, главное, он встретил своего лучшего друга, Ленни Кьярелли. Поездка того стоила.

Гарри остался в Сан-Франциско, где пил и гонялся за девушками два дня без перерыва. Он наслаждался каждой минутой происходящего, но по приезде в Нью-Йорк он почувствовал тяжесть в груди. Местная пресса звонила его родителям договориться об интервью с Гарри, но он слишком неважно себя чувствовал, чтобы отвечать на вопросы. Родители вызвали врача на дом, тот пришел, послушал легкие и

немедленно отправил Гарри в военный госпиталь на Губернаторском острове, где его подключили к аппарату искусственного дыхания – у него была пневмония. В постели он пролежал две недели.

С момента северокорейского вторжения на территорию Южной Кореи, двадцать пятого июня 1950-го, и до самого подписания мирного соглашения двадцать седьмого июля 1953-го, в Корейской войне погибло примерно миллион двести пятьдесят четыре тысячи военных и гражданских. Потери американцев составили тридцать пять тысяч человек, восемь тысяч числились пропавшими в бою. Южная Корея потеряла сто тридцать пять тысяч солдат и более трехсот семидесяти пяти тысяч гражданских. Совокупные военные потери китайцев и северокорейцев составили около шестисот пятнадцати тысяч человек, хотя точные цифры неизвестны. Мирное соглашение оставило Корейский полуостров территориально разделенным примерно так же, как это было до вторжения. Однако в результате этой маленькой, но жестокой войны коммунистический Север начал стагнировать, тогда как Юг превратился в одну из самых успешных экономик мира.

5

Имре и Глория жили в Калифорнии, когда Тибор вернулся домой в результате «Малого обмена». Поработав в Бруклине плотником пару лет, Имре захотелось отхватить от американской мечты кусок побольше. Он стал лысеть в тридцать, чувствовал себя старше своих лет, его жгла необходимость компенсировать четыре года, потерянных в попытках покинуть Европу. По предложению родственников Глории, довольно успешных в Калифорнии, Имре переехал в Лонг-Бич – колоритный маленький город к югу от Лос-Анджелеса, где он работал в нескольких разных местах, включая винный магазин на полставки. Идея была такой, что он изучит бизнес изнутри и однажды откроет свой собственный магазин.

Имре упорно занимался, чтобы привести в идеальное состояние свою речь и письменный английский, и с легкостью сдал экзамен на гражданство. В первые несколько лет на западе он ни разу не работал меньше, чем на двух работах одновременно. Когда он не стоял за прилавком в винном, Имре собирал шкафы и водил грузовики с цементом на стройках, хотя прав у него не было. По выходным он бесплатно помогал организации, которая оплатила его переезд в Штаты, и писал письма в поддержку евреев, которые тоже хотели эмигрировать. Имре не просто хотел стать американцем: он хотел стать идеальным американцем.

Как только Тибор поселился у них, Имре сразу же сказал ему учиться на гражданство. Но Тибор почти три года провел в корейской тюрьме – это почти в два раза дольше, чем он провел в Штатах. Даже по возвращении ему сначала пришлось полежать в госпитале, где врачи колдовали над его измученным телом.

Тибор, конечно, хотел получить гражданство, но пристегнуть себя к столу учиться он не торопился. После освобождения из форта МакАртур первым пунктом в списке его дел стояло веселье. В его распоряжении было жалованье за три года, куча льгот для военнослужащих и никого, кто говорил бы ему, что надо со всем этим сделать. Первым делом он купил блестящий седан Mercury каштанового цвета с крутой кожаной крышей. Потом он зачислился в местный колледж – но только потому, что правительство давало ветеранам сто десять баксов в месяц, лишь бы они учились. Правда, главной его задачей в колледже было запихнуть в седан как можно больше сокурсниц. Каждый день «Тэдди» Рубин колесил по кампусу в поисках девчонок, offering those in need a ride home.

В первый семестр Тэдди больше времени провел в местном баре под названием «Западный загон», чем в библиотеке. Не раз учитель истории, миссис Шмидт, находила его на лекции развалившимся на стуле, крепко спящим. Он не забыл, как сдавал экзамен в армию, и потому сел с самой умной девочкой в классе. Вскоре он уже «ночевал» у нее в тетради.

– Тэдди, ну нельзя же, – протестовала она. – Как миссис Шмидт узнает, где тут чья работа?

– Не переживай ты, она поймет, что это твоя работа. Ты же самая умная ученица в классе.

Тибор времени не терял и с миссис Шмидт тоже работал. Приносил ей цветы, обнимал в коридорах, каждый день встречал ее фразой «Ну как поживает моя мамочка?»

Миссис Шмидт пыталась, конечно, отвадить его от подобного поведения. «Да меня уволят за такое», – говорила она сердито.

– Нет, нет, нет, – отвечал Тибор. – Я им сказать, что вы моя приемная мамочка.

Пришло время ставить оценки, и миссис Шмидт напомнила Тибору о его поведении.

– Ты спал на уроках, даже задания не сдавал. Как думаешь, какую оценку я тебе поставлю?

– Ну, мне для сдачи нужна тройка, – сказал он. – Так что можно мне четверку?

6

Тибор гнал по туннелю и в конце пути оказался в совершенно другом мире. Туннель представлял собой бесконечную вереницу врачей, больниц, тестов, рентгенов, обезболивающих и долгие часы слабости и постоперационной тошноты. Про все это было легко рассказывать, потому что время внутри этого туннеля было четко определенным. Но вот мир по ту сторону туннеля – беспощадная Корея, война, «Лагерь 5» – словами описать было нелегко. Тот свет был таким резким, а текстуры такими грубыми, что он никак не мог уловить решительно никакой связи с этой мягкой реальностью, в которой он находился сейчас, с этими кипучими дорогами, домами, с торговыми центрами, которые, кажется, сильно расплодились за время его отсутствия. И эта вереница красоток, особенно девчонки из колледжа в облегающих свитерах. Оказавшись в самом сердце рая, Тибор не видел ни единой причины хотя бы минуту говорить о грязном, злом, диком месте, которое осталось в его прошлом. Даже думать о нем было отвратительно и глупо.

В конце августа, когда Тибор готовился начать второй семестр в колледже Лонг-Бич, его вызвали свидетелем в военный суд над Клодом Бэчелором, человеком, которого он в свое время выбрал в комитет мира «Лагеря 5». Бэчелора арестовали по подозрению в сотрудничестве с китайцами, и хотя сам термин в обвинительном заключении не появлялся, список обвинений недвусмысленно намекал: это государственная измена.

В марте 1954-го, через три месяца после того, как Бэчелор покинул лагерь в Кэсоне, его арестовали и посадили в форт Сэм Хьюстон в штате Техас. Он ничего подобного не ожидал – в конце концов, он же написал сто сорок восемь страниц объяснительной, в которой детально рассказал, как именно китайцы ввели его в заблуждение. Затем он подал заявление о зачислении в школу военной разведки, в котором указал, что хочет свести счеты с коммунистическим режимом и загладить свою вину, «сделав все возможное, чтобы защитить мою страну от этой напасти». Армия ответила ему угрозой смертной казни.

Армейская контрразведка все силы положила, чтобы выяснить все, что бывшие узники знали о китайцах. Почти каждый знал кого-то, кого можно было уличить в предательстве. Этот говорил с охранником, этому подкладывали больше еды, этого крутили по «сучьим коробкам», этот в открытую курил китайские сигареты. Вдобавок были доказательства, что тысячи военнопленных подписали документы, призывающие закончить

войну, или писали антивоенные заметки для лагерных досок объявлений. По некоторым подсчетам, примерно каждый пятый в лагере оказался «прогрессивным». Но обстоятельные расследования привели к тому, что обвинения в сотрудничестве с врагом получили лишь четырнадцать человек – пять офицеров и девять рядовых.

Тибор понятия не имел, зачем сторона защиты прислала ему специальную судебную анкету. Он слышал, что такие же получали и другие ветераны, но они либо отказывались их заполнять, либо отвечали таким образом, что вызывать их в суд не было никакого смысла. Сосед, ветеран Второй мировой, посоветовал Тибору игнорировать анкету.

Тибору было плевать – он чувствовал, что должен рассказать всю правду о Бэчелоре. Он заявил местным газетам, что Бэчелор был одним из самых популярных ребят в лагере, что делал все возможное, чтобы помочь больным и раненым в самые тяжелые месяцы, и что до тех пор, пока его не выбрали в комитет мира, его имени никто толком и не знал.

– У него и убеждений никаких не было особых, – объяснил Тибор. – Он был таким же, как мы.

Но в сентябре 1953-го, пока Бэчелор ошивался в нейтральной зоне, журнал *Life* взял интервью у одного из его ближайших друзей, тоже бывшего пленного по имени Берни Смит. Смит рассказал, что Бэчелор хотел отказаться от американского гражданства и остаться с китайцами.

– Разве это не делает его предателем? – спросили репортеры у Тибора.

– Я не буду защищать Бэчелора, – ответил он. – Он был солдатом, и он виновен в том, что стал коммунистом.

Я ненавижу коммунистов. Но он делал все, что мог, чтобы помочь другим пленным.

Репортеры продолжали забрасывать его вопросами. Бэчелор стучал? Других пленных мучили и убивали по его наводке? В лагере знали, что он перебежчик?

– Насколько я знаю, он ни на кого не стучал, – говорил Тибор, – хотя в лагере были люди, готовые продать товарища за сигарету.

Тибор сделал небольшое заявление в суде, и его отпустили. После судебного процесса, длившегося месяц, Клода Бэчелора признали виновным в сотрудничестве с врагом и приговорили к пожизненному заключению. Стосорокавосьмистраничную объяснительную, которую он вручил агентам контрразведки и в которой он сам описал свое разочарование в коммунизме, использовали против него в суде.

Десятерых из четырнадцати обвиняемых военнопленных, включая трех офицеров, судили разные суды, расположенные в разных военных учреждениях. Насколько Тибор мог судить, ни в процессах, ни в приговорах не было никакой систематичности. Совершенно непонятно было, почему именно Бэчелор получил самое строгое наказание.

Они что, не понимают, какие условия были в «Лагере 5»? Да уйма народу выступала против войны по громкоговорителям, включая офицеров. Почему их не наказали? А как тогда быть со сбитыми пилотами, которые выступали по китайскому радио, чьи заявления крутили потом в качестве пропаганды? В ВВС вообще ни единого не наказали! Страна что, боится коммунистов? Они не понимают, что ли, что все эти русские и китайцы могут контролировать своих граждан только лишь путем изоляции за железным занавесом или Великой стеной? Да как эти диктаторы и их ставленники могут угрожать величайшей стране в мире?

Тибор не получил ответов на свои вопросы. Кажется, что правительство видело «красных» повсюду. Тибор плюнул на весь этот бред и пошел дальше наслаждаться своей свободой.

Общественность бурно отреагировала на обвинения Бэчелора и других пленных. В течение следующих нескольких лет каждый приговор пересмотрели и смягчили. Клода Бэчелора освободили через четыре с половиной года заключения. Его уволили из армии, лишив всех прав и привилегий. Ему сломали дух, но вернули свободу.

7

Двадцать седьмого ноября 1954-го, в день, когда Тибор стал гражданином Соединенных Штатов, газета *Los Angeles Daily News* напечатала историю американизации «Тэда» Рубина, украшенную фотографией, на которой он дает клятву на фоне американского флага. Заголовок гласил: «Мечта бывшего военнопленного стала реальностью – он теперь гражданин». Текст кратко пересказывал все то, что его друзья и семья и так уже знали – что он был пленником и у нацистов, и у китайцев. Но ни слова не было о его подвигах ни на поле боя, ни в лагере – сам Тибор так никому ничего и не сказал. Для «Тэдди» Рубина военная карьера капрала Тибора Рубина осталась в прошлом.

8

Ирэн Рубин с радостью посещала фотосессии и давала интервью, сопровождавшие возвращение Тибора домой. Когда ее вместе с братьями пригласили на телевидение – рассказать, как они все трое прошли путь от венгерских беженцев до американских граждан, – она охотно согласилась. Ей особенно нравилось, что интерес к Тибору был неразрывно связан с пережитыми ей и Имре ужасами нацистского плена. Ирэн была уверена: чем больше людей узнает о Холокосте, тем лучше. Нацисты жестоко уничтожили ее семью, и история выживания ее братьев – это чудо, о котором надо рассказывать всем и каждому.

Ирэн невероятно радовалась тому, как изменился Тибор с того момента, когда она видела его в прошлый раз, больше четырех лет назад, в Нью-Йорке. Он ушел в армию красивым юным бездельником, а вернулся уверенным в себе притягательным мужчиной. Фигура стала массивнее, английский – лучше, хотя он все еще говорил с сильным акцентом. Сильные черты и копна темных волос придавали ему сходство с Джоном Гарфилдом, актером, ставшим сенсацией после ролей боксера в фильме «Тело и душа» и безработного убийцы в «Почтальон всегда звонит дважды». Гарфилд умер от сердечного приступа в предыдущем году, в возрасте тридцати девяти лет. И вот теперь двадцатитрехлетний Тибор пришел с востока, словно реинкарнация актера. Но несмотря на поразительное физическое сходство, они были абсолютно разными по характеру: Гарфилд был тяжелым, задумчивым, напряженным, а брат Ирэн – открытым, болтливым и озорным.

Понятно было, почему медиа не отставали от живого и забавного Тибора в первые несколько недель его пребывания в госпитале. Но, к ее удивлению, Голливуд не отставал от Тибора и после первых фотосессий и интервью. Продюсеры приглашали его на бесконечные мероприятия и премьеры. Его познакомили с Вирджинией Майо, популярной актрисой, с чьей сестрой его позднее видели на нескольких пышных голливудских вечеринках. Paramount Pictures провели его по красной ковровой дорожке на премьере фильма «Лагерь для военнопленных № 17» – престижной картины о лагере времен Второй мировой. Перед началом показа Тибора сфотографировали возле кинотеатра вместе с Джен Стерлинг, яркой блондинкой, игравшей вместе с Кирком Дугласом и Тони Кертисом. Хотя Стерлинг была замужем, ее так потрясла живость Тэдди, что она пригласила его на вечеринку в своем голливудском доме. Когда Тибор вернулся

оттуда, он уверял Ирэн, что в бассейне Стерлинг гости плавали голышом.

Известные авторы предлагали Тибору превратить историю его жизни в книгу, а может даже и фильм. Популярный венгерский оперный певец устроил встречу с важным писателем. Казалось, что слава его вот-вот выйдет на новый уровень, но тут по причинам, неизвестным Ирэн, его отношение к происходящему изменилось. Певцу он сказал, что занят, авторов отправил восвояси. Звонки из Голливуда все чаще оставались неотвеченными, пока Тибор все больше и больше времени проводил в барах Лонг-Бич.

Ирэн переживала. Когда она спросила брата, почему он игнорирует все это внимание, он пожал плечами и ответил, что ему все это надоело, все эти актрисы, продюсеры и фотографы. Но Ирэн чувствовала, что здесь есть что-то еще. Наверное, думала она, люди подробно расспрашивают его про войну, а Тибор не любит говорить о ней.

Семья Рубиных в Лос-Анджелесе, середина 1950-х Задний ряд слева направо: Эдит, Тибор, Ирэн. Передний ряд: Имре и Миклош. Эдит приехала навестить родственников из Швеции. Семья Ирэн Рубин

И Тибор, и Имре так же неохотно говорили про Маутхаузен. Ирэн пыталась узнать у братьев, что мешает им, подходила к ним

и вместе, и по отдельности, но не смогла ничего толком выяснить. В этом братья были похожи на отца. Ференц тоже упрямо молчал о шести годах сибирского плена. Поэтому, с одной стороны, поведение Тибора она понимала. С другой стороны, оно ее сильно беспокоило.

Ирэн видела много жертв Холокоста, рассказывавших о своих страданиях и в личных беседах, и в фильмах. Ей казалось, это помогает им ускорить без сомнения тяжелый и длительный процесс заживления душевных ран. Право Тибора молчать, конечно, неприкосновенно, но Ирэн переживала, что ее обычно такой разговорчивый брат вынужденно замалчивает свои переживания. Один Бог ведает, через что он прошел, какие мерзости он там видел. Как будет проще ему, думала она, если он поделится своим опытом с другими, выпустит на свободу запертую боль.

9

В самом конце 1954-го Тибор отправился путешествовать. Полноценный гражданин США, он мог выезжать и въезжать, когда ему заблагорассудится. Он провел шесть недель в Израиле, затем поехал на Кипр, оттуда в Анкару, где встретился с Мехметом, турецким военнопленным, который познакомил его с марихуаной. Турки встретили его с великой радостью, водили повсюду, от мечетей до борделей. Это было одно сплошное удовольствие – с момента, когда он сел в самолет и до самого возвращения в Штаты.

Тибору было двадцать три года, когда он уволился из вооруженных сил. Он не собирался ни строить карьеру, ни жениться – счастлив был работать на полставки в новом винном магазине Имре, а все остальное время заниматься всем, что душе угодно. Подружки появлялись и исчезали, он садился в машину и уезжал, когда хотел, но всегда был доступен для своей семьи, особенно когда требовалось понянчить детей Миклоша, Ирэн или Имре. Дети обожали дядю Тибора, весельчака, который всегда приходил с конфетами, шутками, а иногда и интересной подружкой.

Ирэн, Эдит и Тибор на отдыхе, примерно середина 50-х. Семья Ирэн Рубин

Единственным членом семьи, кого серьезно напрягал Тибор, была жена Имре, Глория, которая невзлюбила его с того самого момента, как Имре поселил брата у них дома. Месяцы стирки его грязного белья и уборки комнаты только укрепили ее к нему презрение. Она жаловалась Имре, что его младший брат – ленивый бездельник, которого волнуют только женщины. Она никак не могла понять, зачем он отверг предложения писателей и продюсеров, которые хотели сделать его знаменитым, равно как и почему он не хочет остепениться и завести семью, как это сделали Имре и Миклош.

10

Десять лет прошли с его возвращения из Кореи, и все это время семья Тибора видела в нем клоуна, плейбоя, беспечного хулигана. Но Джо Хантли, венгерский иммигрант, который женился на Ирэн в 1954-м, был о нем слегка другого мнения.

Джо был лютеранином, и Имре был против брака сестры, ибо считал, что ей не следует выходить за нееврея. Они сильно спорили, но в итоге Ирэн, которая уже успела развестись с первым мужем и знала, чего хотела, отстояла свое решение. К удивлению Джо и Имре, Тибор с самого начала занял сторону Ирэн. Джо удивился, потому что знал, как близки были братья и как неохотно Тибор шел в открытую против Имре. После продолжительного давления со стороны Ирэн и Тибора Имре сдался, помирился с Джо и принял его в семью. Джо навсегда остался благодарен Тибору за его поддержку.

Тибор часто останавливался в доме сестры после свиданки или гулянок, садился за кухонный стол, пил кофе и часами болтал с Ирэн. Рано или поздно разговор сводился к жизни до войны, к Пасто. Джо казалось, что Ирэн, которая была на четыре года старше Тибора, лучше помнила их детство. Имре отказывался говорить о Венгрии – его воспоминания очерняла гибель родителей и сестры, а также такая удивительно резкая готовность его земляков сотрудничать с нацистами. Но Ирэн помнила жизнь до войны, те счастливые дни в Пасто, и с радостью утоляла голод Тибора по ним.

Тибора, кажется, волновали несколько тем: воспоминания Ирэн об их родной матери; почему Роза Вылонски, учительница и вообще серьезная женщина, вдруг оставила карьеру в Будапеште, чтобы выйти за их отца; почему Ференц был так строг с детьми; и почему мать и отчим Миклоша уехали из Пасто в Чехословакию.

Джо понял, что Тибор был слишком молод, чтобы помнить свою биологическую мать, и потому полагался на Ирэн, которая помогала ему оживить детские воспоминания. Джо также заметил, что хотя Тибор с готовностью слушал истории про семью, он совершенно не хотел делиться воспоминаниями о войне. Среди Рубиных словно был некий негласный договор, запрещавший эту тему. Из всего им услышанного Джо сделал вывод, что в Тиборе есть что-то такое, что большинство просто не замечали.

К концу пятидесятых Тибор успешно свел на нет всю шумиху вокруг его возвращения домой – про него все забыли. Но наедине

с собой он продолжал праздновать свою личную победу над Кореей. Он был на волоске от смерти столько раз, что едва мог вспомнить все подобные случаи. Кошмары обеих войн будили его по ночам, но он отказывался им поддаваться. Если они поднимали его в четыре утра, он стряхивал их усилием воли и снова засыпал.

11

С того самого момента, как они впервые станцевали, Ивонн Мейерс пленила Тибора. Ее красота так сбила его с толку, что он постоянно наступал ей на ноги. Он только что встретил ее, но когда она пожаловалась, что он испортил ей туфли, он тут же пообещал купить ей новые.

Тибор впервые увидел Ивонн на танцах для одиночек-евреев в самом начале 1962-го. Он и его напарник заскочили туда после двух других мероприятий и уже собирались поехать на следующее, как он заметил ее в дальнем конце комнаты. В тот же миг ее лицо и фигура заставили его изменить план вечера. Он подошел к ней и уловил манящие ноты знакомого парфюма «Майя», который он впервые услышал еще в самые первые дни своего пребывания в Нью-Йорке. «Майя» был одним из нескольких классических ароматов, которыми пользовались обеспеченные клиенты того самого гастронома, где он работал на кассе. С тех самых пор Тибор ассоциировал «Майя» с утонченностью и элегантностью.

– Ты выглядишь как настоящая европейка, – ляпнул он в неловкой попытке привлечь ее внимание. Прежде чем она успела что-то ответить, он уже вел ее на танцпол.

Тибор представился только после первого танца. Ему нужен был какой-то сигнал, намек на заинтересованность. Легкой улыбки было достаточно.

После танца «Тэдди», как он представился, делал все возможное, чтобы не подпустить к Ивонн других ухажеров. Сочная красная помада, живые круглые глаза, густые, блестящие волосы покорили его. Но в ее поведении была тень сомнения, какой-то едва ощутимый барьер. С самого начала она бросила ему вызов, который он с азартом принял.

Он попросил ее рассказать о себе. Ивонн было двадцать, она жила в Штатах меньше четырех лет и все еще привыкала к ним. Но Тибор чувствовал в ней уверенность и самообладание кинозвезды. Он-то знал – зря что ли он в свое время встречался и флиртовал с целой вереницей актрис.

Что до ее сдержанности, то инстинкты не подвели его. У Ивонн было сложное детство. Ее родители, Регина и Алекс, жили в Амстердаме, когда в город вошли нацисты. Регина была в магазине фототоваров вместе с двухлетней Ивонн, когда немецкий солдат заметил на ее пальто желтую звезду и отвел в сторону.

– У вас красивая дочь, – отметил он, улыбаясь ребенку. Он

понизил голос. – Вам нужно уходить. Они всех вас убьют.

Регина и Алекс услышали предупреждение. По совету голландского подполья они отдали дитя христианам в католический монастырь. Пока монахини скрывали происхождение ребенка, Регина и Алекс сбежали на ферму на слабо-заселенном севере Голландии, который не представлял почти никакого интереса для нацистов. Однако в их отсутствие Ивонн удочерила христианская пара, которым ничего не сказали о ее происхождении – они считали ее сиротой. Поэтому для них полным сюрпризом оказался Алекс, появившийся на пороге четыре года спустя.

Шестилетняя девочка запуталась – ее вдруг оторвали от единственных родителей, которых она знала. В тот момент детство ее закончилось – у Ивонн не было иного выхода, кроме как заново пересмотреть все, что она успела узнать о мире. С того самого момента она подсознательно стала искать во всем стабильности и уверенности.

Ивонн, ее родители и четверо братьев и сестер в 1957-м поселились в Фэйрфаксе, оживленном районе Лос-Анджелеса, который годами служил магнитом для евреев-иммигрантов. Подросток быстро выучила английский и в шестнадцать лет пошла работать клерком в банк. Шустрая и целеустремленная, она вскоре получила новую работу в брокерской конторе и зарплату повыше.

Когда Ивонн пришла в тот вечер домой, мать спросила ее, встретила ли она кого-нибудь интересного на танцах. Ивонн рассказала, что танцевала с забавным ветераном, который чуть не уронил ее на танцполе.

– Так он понравился тебе? – спросила мать.

– Болтает много, – ответила она рутинно. – И, кажется, он староват для меня.

– А сколько ему?

– Тридцать два.

– Ну, тебе виднее, – закончила разговор Регина.

Ивонн не понравились не только бесконечные разговоры Тэда Рубина. Он слишком напирал на нее. Первые же слова его были о том, что она похожа на европейку. То есть в каком-то смысле он напоминал ей, что она все еще иммигрант. И это ей не нравилось.

Ивонн очень старалась довести свой английский до совершенства. У нее была работа, о которой мечтала любая американская девочка ее возраста. В тот вечер на ней был наряд из Burdines, одного из лучших универмагов Лос-Анджелеса. И тут, значит, этот ухажер недвусмысленно намекает, что она все еще иностранка. Он, может, и симпатичный, очаровательный и

доброжелательный, но Тибор Рубин ее бесит.

Когда он позвонил на следующий день, Ивонн была с ним откровенна.

– Ты славный парень, – сказал она, когда он предложил ей встретиться снова, – но немного староват для меня.

– Зато у тебя будет и парень, и отец, и дядя, и дедушка – и все в одном лице, – ответил ей Тибор.

Ивонн засмеялась, но на свидание идти отказалась и повесила трубку.

Ивонн слишком нравилась Тибору, чтобы он вот так просто сдался, но кое над чем подумать ему все-таки пришлось. Когда бы его ни спрашивали, он всегда говорил, что ищет жену, пусть даже это была неправда. И вот черт знает откуда появляется эта голландская девушка и сводит его с ума так быстро, что он и понять ничего не успевает. Внезапно Тибор понял, что он и правда хочет жениться, и что Ивонн идеально для этой цели подходит. Как обычно, он все свои переживания держал при себе. Но тут случай был особый, Ивонн произвела на него слишком сильное впечатление, и он рассказал о ней приятелю.

– Если бы мне кто-то сказал, что я для нее слишком старый, я бы ей никогда не перезвонил, – посоветовал он ему Тибор был не согласен. «Какой толк от гордости? Ее в банк не отнесешь, процентов по ней не платят».

Он позвонил Ивонн и почти умолял ее пойти с ним на свиданку Она снова отказала. Он попытался в третий раз, и снова – отказ, затем еще один. Тибор ретировался, чтобы пораскинуть мозгами. Сколько бы он ни звонил ей, Ивонн всегда отказывала. Нутро подсказывало ему, что как только он перестанет звонить, она начнет скучать по нему Он подождал два месяца, затем снова набрал ей.

– Это Тэдди Рубин, – объявил он по телефону. – Готова пойти со мной на свидание?

Ивонн немного опешила. Она-то считала, что ясно дала понять свою позицию. Но услышав его голос, она моментально вспомнила тот вечер, в который они познакомились. Он развлекал и раздражал ее так, как не умел никто другой, и ей даже стараться не пришлось, чтобы вспомнить, как он выглядит. Каким-то образом Тэд Рубин забрался к ней в голову и там остался, несмотря на неоднократные попытки его оттуда выкурить.

Тэдди и Ивонн встречались год, а затем, двадцать седьмого января 1963-го, закатили большущую свадьбу. Присутствовал весь клан Рубиных в полном составе.

Молодожены поселились в Лонг-Бич, где Тибор начал

работать в винном магазине Имре на полную ставку. Вскоре у них родились мальчик и девочка: Фрэнк в 1964-м и Рози в 1966-м. Имре пообещал сделать Тибора партнером, если и когда тот женится. Тибор даже напомнить ему не успел, как Имре сделал брата руководителем отдела продаж.

Хотя Глорию бесило постоянное присутствие Тибора, клиенты магазина его обожали. Тибор любил поболтать, а у Имре появилось свободное время заняться бумажными делами магазина. И все же Глория недолюбливала деверя, даже когда у него появились двое собственных детей. Несмотря на все его достижения она по-прежнему считала его несерьезным бездельником, который негативно влияет на ее мужа и детей.

Из всех Рубиных Глории досталось от войны больше всех. Нацисты убили в газовых камерах всю ее семью. Об этом обычно не говорили, но считалось, что ее неспособность иметь детей напрямую связана с тем, как с ней обращались в концлагерях. Она была отличным поваром, заботливой мамой двух приемных детей и радушной хозяйкой для всех Рубиных. Но когда доходило до решения семейных вопросов, Глория чувствовала себя чужаком. Она завидовала той нерушимой связи между Имре и Тибором, и зависть свою скрыть не могла. Вдобавок ей чудилось, что Имре за ее спиной обсуждает свои переживания по поводу их брака с Тибором и Ирэн. Она боялась, что Имре жалеет, что не женился на лучшей подруге Ирэн, Дэйзи, которая была более открытой, более утонченной, интересной. Эти сомнения делали ее жизнь невыносимой.

Тибор и Ивонн на свадьбе. Семья Ирэн Рубин

12

Шестидесятые и семидесятые оказались благосклонными годами для клана Рубиных. Миклош и Маркета процветали в Бербанке: за десять лет они прошли путь от управляющих до владельцев нескольких многоквартирных домов. Их дочь Вера и сын Мартин оба были отличниками в школе, а затем и в колледже.

Джо Хантли по ночам учился на авиационного техника и в итоге получил работу в авиастроительной компании McDonnell Douglas.

Ирэн посвятила себя воспитанию детей, Дебби и Роберта, но находила время и для благотворительной работы.

По примеру родителей Ирэн стала апологетом безымянной помощи. Во время Вьетнамской войны она помогала Тибору ухаживать за ранеными солдатами в местном госпитале для ветеранов. Хотя ее стали узнавать в больнице, она отказывалась вступать в официальные благотворительные организации. Ей плевать было на признание за добрые дела. Она приносила больным домашнюю пищу и приглашала отметить с Рубиными важные праздники тех, кто был далеко от дома и родных.

У Ирэн и Джо была машина, на которой Джо ездил на работу. Однажды утром, в середине марта 1974-го, подруга Ирэн попросила отвезти ее в больницу на противоопухолевую терапию. В тот день Ирэн отвезла Джо на работу и взяла машину. Не было ничего необычного в том, что она предложила подвезти подругу – Ирэн постоянно всем помогала. Но в тот день в Лос-Анджелесе шел сильный дождь, на дорогах было скользко. Возвращаясь за подругой, Ирэн попала в ужасную автомобильную аварию и погибла.

Дождь шел и на похоронах Ирэн. В церкви было не протолкнуться, народ стоял на улице. Потоп продолжался, а пятьсот с лишним человек один за другим подходили к могиле. Каблуки и подошвы тонули в грязи, словно сама земля оплакивала смерть Ирэн.

Ее гибель потрясла семью Рубиных до основания. Подростки Дебби и Роберт испортились на глазах, стали грубыми и злыми. Джо скатился в рутину, приезжал с работы, ел и ложился спать. Его уволили из McDonnell Douglas. Тибор и Имре пытались помочь ему с детьми, но не смогли защитить его от глубочайшей депрессии.

Ирэн ушла из жизни, так и не узнав о подвигах своего брата. Пока она была жива, Тибор не считал нужным рассказывать ей о

Корее: ему и в голову не приходило, что их славная жизнь в США может закончиться так резко и несправедливо. Смерть должна была закончиться вместе с теми двумя войнами, которые он прошел. Но даже после трагедии Тибор не видел смысла рассуждать, почему он был так скрытен и молчалив.

Его горечь усугубляла роль Бога в этой истории. Сначала Тибор винил Его за то, что Он так нагло забрал жизнь у Ирэн. Потом он принялся молиться ему, спрашивая, зачем Он сделал это, ругался с Ним. Но в конце концов он просто перестал общаться с Ним, раз и навсегда.

Когда его дети были маленькими, Тибор водил их в синагогу. Ему нравилось отмечать там еврейские праздники со всей семьей. Но все это было, скорее, дань уважения традициям. Сейчас Тибор решил, что если Бог есть и Ему правда есть, что сказать Тибору, то Он найдет, как донести это. Частые их диалоги принадлежали теперь ужасному прошлому Тибора, которое он упаковал и оставил в Венгрии, Маутхаузене и Корее.

13

Каждый год между домами Рубиных в Калифорнии и Кьярелли в Нью-Йорке путешествовали пухлые конверты с письмами и семейными фотографиями. Тибор наговорил на большущий телефонный счет, поздравляя Ленни с Рождеством, и обожал писать ему длинные письма. Ленни не очень хорошо умел складывать слова на бумаге, зато его жена, Джози, с радостью вела переписку, которая не позволяла двум семьям потерять друг друга. В течение почти двадцати пяти лет дружба Ленин и Тибора была единственной нитью, связывавшей каждого из них с прошлой жизнью на войне и в «Лагере 5».

Когда Ленин вернулся в Бруклин в 1953-м, его встречали как героя. Репортеры не отставали от него. Его фотография появилась на обложках местных журналов. Мэр Нью-Йорка звонил и предлагал ему работу в городском совете. Звучало предложение интереснее, чем оно было на самом деле, но Ленни не переживал – был уверен, что найдет что-нибудь получше. Не нашел.

После Корейской войны страна локомотивом перла вперед, но Ленни, кажется, собиралась оставить на перроне. Его планы по открытию собственного дела – сначала бильярдной, а затем мастерской по ремонту телевизоров – провалились. Он хотел было запартнериться с Гарри Брауном, но они так и не сумели найти общее видение.

С самого первого дня своего возвращения Ленни ударился в бесшабашный отрыв, заставив друзей переживать. Жалование он потратил на дорогое авто, гонял на нем, как сумасшедший, проезжая на красный свет. Когда пешеходы орали на него, он угрожал им в ответ, что сейчас выйдет из машины и как следует наваляет. Деньги он разбрасывал по всему Бруклину, кутил в местных барах, ужинал в лучших ресторанах.

Ленни ждал, что успешная карьера свалится на него сама, но на деле получал только отупляющие работы с придирчивыми боссами. Он бросал одну работу за другой, включая хорошо оплачиваемое место на бруклинской военно-морской верфи, откуда он ушел, не раздумывая. Но как только он женился и завел троих детей, ему потребовался стабильный доход. К тому моменту, правда, он как следует запятнал свою репутацию и о приличной работе мог уже не мечтать. Пришлось соглашаться на все, что предлагали.

Там, на войне, Ленни и его «четверка» крушили врагов сотнями. Он пережил корейскую зиму 1951-го, самую холодную за сто лет, в одном пальто. Он ухитрялся обкрадывать своих

китайских захватчиков, ни разу не попавшись. Но здесь он имел дело с совсем другими боссами, и если он хотел прокормить семью, ему необходимо было их слушать. Его это бесило. Эти парни никогда не носили униформы и не были на войне. Их никогда не брали в плен и не морили голодом неделями. Все, что они знали про Корею, они прочитали в газетах. И вот, значит, эти сосунки, домоседы считают себя вправе указывать Ленин, что ему делать?

Проходили годы, и Ленин понимал, что никогда не был так счастлив, как на войне. А теперь он жил в мире, который не принимал его и отказывался признавать то, что он сделал ради его спасения.

Совсем почти отчаявшись, в сорок с чем-то лет он обратился к единственному человеку, который мог его понять – к его брату по оружию Рубину. Он набрал Тибору и заплакал, сказал, что скучает по старому другу и что все идет не так, как он планировал. Он хотел бы начать все сначала в Калифорнии. Но Тибор в то время жестоко страдал от хронических травм войны; ему было так больно, что он почти не вставал с постели. Тибор ответил, что не знает, чем может помочь Ленни, по крайней мере, пока не восстановится. Ленни сильно расстроился.

Он хотел стабильной веселой жизни, но ответственность за жену с тремя детьми угнетала его. Единственным способом справиться с давлением счетов и заботы о семье были азартные игры, и вот тут Ленни отводил душу. После многочисленных визитов в ветеранские госпитали с целым ворохом психологических проблем его в конце концов признали нетрудоспособным.

В 1977-м жена Ленни, Джози, умерла после продолжительной болезни. Ей было чуть больше сорока. Ленни был раздавлен – Джози поддерживала его все эти годы. После ее смерти он свалился в глубокую депрессию, почти ни с кем не говорил, а когда через год пришел в себя, решил, что покончит с прошлым раз и навсегда. Кэсси, его старшая дочь, никогда не встречала Тибора, но знала его по письмам и фотографиям, и посоветовала отцу связаться со старым другом. Но это значило снова вернуться в прошлое, где он был кем-то, где у него была цель – в место, которое уже не имело никакого отношения к реальности.

Спустя несколько месяцев сомнений он наконец попросил Кэсси написать Тибору о том, что Джози умерла. Кэсси выполнила просьбу отца, но не для того, чтобы воссоединить двух товарищей. Ленни видел в письме, которое он не читал и даже не подписал, сигнал к окончанию двадцатипятилетней дружбы.

Тибор запутался. Больше года от Ленни не было ни слуху ни

духу. Джози уже давно не было, когда Тибор узнал про ее болезнь и смерть, и сейчас было уже слишком поздно: телефон Ленни отключили, а несколько писем Тибора остались неотвеченными.

За годы Тибор осознал, что горе его было глубоко личным и таким тяжелым, что вряд ли его сможет понять кто-либо еще. Его нельзя было побороть силой воли, нельзя было ослабить, как бы сильно он ни старался. Помочь ему могло только время.

Узнав о смерти Джози, он не знал толком, как на это реагировать – Ленни и он не виделись и даже не разговаривали друг с другом так давно, что он понятия не имел, насколько глубоко тот несчастен. Все, что он мог делать, это надеяться, что когда Ленни оправится от потери, он сам свяжется с ним. Этого не произошло.

Тибор не пытался всерьез анализировать свое прошлое вплоть до 1981-го. К тому моменту его дети, Фрэнк и Рози, уже выросли и стали почти самостоятельными. Сын Ирэн, Роберт, стал кадровым сотрудником, Дебби училась в колледже, а Джо процветал на новой работе. Остальная семья зрела в комфорте и достатке. Миклош, старше Тибора на пятнадцать лет, собирался на пенсию, а его жена Маркета продолжала управляться с их многочисленной недвижимостью. Их дети выросли, у них уже были свои карьеры и семьи. Винный магазин Имре тоже процветал. Приемные дети Имре тоже уже выросли, и он с радостью готовился отойти от дел.

Пока его дети были маленькими и первые несколько лет после гибели Ирэн семья вынуждала Тибора забыть про мир за пределами округа Ориндж. Двадцать пять лет он получал нескончаемый поток писем от ветеранских организаций, которые благополучно игнорировал. Но теперь, когда ему исполнилось пятьдесят, он вновь задумался о Корее и людях, с которыми служил. Во многом из-за любопытства, но в основном из-за визитов в местный ветеранский госпиталь, где он разговаривал с раненными во Вьетнаме солдатами. От бесед с ними нахлынули воспоминания. Он начал размышлять о старых товарищах, о том, кто из них еще жив и что с ними со всеми стало.

Тибор знать не знал, что из этих новых для него мимолетных мыслей словно из молодых зерен прорастет путешествие длиною в двадцать пять лет, полное страха и неопределенности, которое однажды приведет его в Белый дом.

Медаль, 1981-й

1

В 1981-м Тибор со своей дочерью Рози отправился в Лас-Вегас на национальную встречу ветеранов. Решение поехать было спонтанным, цели у поездки были самые скромные: прогуляться по неоновым улицам и смешаться с толпой незнакомых людей в роскошном отеле.

В лобби отеля было не протолкнуться: ветераны Второй мировой, Корейской и Вьетнамской войн болтали, шутили, пили, обнимались и жали друг другу руки. Униформы, ветеранские жилеты и медали мелькали то тут, то там; у многих пиджаки и штаны уже едва справлялись с линией талии.

Тибор и Рози пробирались сквозь группы незнакомцев, никого не узнавая. Тут Тибор обернулся и столкнулся лицом к лицу с бывшим заместителем комвзвода Рэндаллом Бриером. Сказать, что он испытал шок – значит, ничего не сказать: он видел сослуживца впервые за почти тридцать лет и считал, что того убили где-то за воротами «Лагеря 5». Он не раздумывая открыл рот и заорал.

Рэндалл лишился дара речи, когда незнакомый мужик прокричал в упор «Рядовой Рубин!» и сжал его в объятьях. Это шутка, что ли? Рубин, которого он помнил, был угловатым двадцатилетним мальчишкой, сдержанным и тихим, с копной волос на голове. Бриер был уверен, что тот парень не вернулся домой. Мужчина перед ним был коренастым и лысеющим, с мягкими чертами лица и живым, озорным выражением глаз. Но акцент – такой акцент не забудешь. Он сделал шаг назад и внимательно посмотрел на незнакомца. Да это правда рядовой Рубин.

– Ты где был все эти годы? – проревел Рэндалл.

– Гарден-гров, Калифорния, – выпалил Тибор и представил Рози.

Бывший сержант пожал ей руку, затем пристально осмотрел Тибора с головы до ног.

– Так, а медали где? – спросил он требовательным тоном.

– Так я не был на таких мероприятиях раньше! – ответил Тибор радостно. – Не знал, что нужно все с собой носит.

– Ну то есть ты их получил в итоге?

Тибор рассказал, что вдобавок к наградам за службу на иностранной территории и за нахождение в плену врага он получил два Пурпурных сердца. Рэндалл же про это, да?

– Нет, я про Серебряную звезду и Медаль Почета.

Тибор ничего о них не знал.

Рэндалл обнял Тибора и Рози и повел их в ресторан отеля.

Они присели за столик, и Рэндалл рассказал, что до «Большого обмена» провел два года в спецлагере для реакционеров. Сейчас он и его жена, Эстер, живут в Сан-Антонио, Техас, где он помог создать несколько отделений «Американских экс-ветеранов» – организации, помогающей ветеранам приспособиться к гражданской жизни.

Рэндалл по собственному опыту знал, как тяжело бывает привыкнуть к внешнему миру. Он с готовностью рассказывал о трудностях и ужасах Перл-Харбора, Гуадалканала и оккупации послевоенной Европы, но про Корею и особенно жизнь в лагере отмалчивался. Он считал, что ветеранов Корейской обделили и по части медицинского обслуживания, и по части выплат. Работая сержантом-инструктором по строевой подготовке, он непрестанно и грубо шутил по поводу неподходящих ему казенных вставных зубов. Когда нужно было проходить обязательное стоматологическое обследование, Рэндалл вручал санитару полный пакет зубов с требованием вернуть их обратно после осмотра. Но про Корею он не говорил. Его жена Эстер чувствовала тяжесть, которую он нес на себе; она сквозила через его молчание, вспыльчивый характер и безразличие к семье. Когда их дочери Лизе было всего четыре года, Эстер в слезах спросила ее, как она смотрит на то, что папа и мама разведутся.

Всю оставшуюся трудовую жизнь – после армии Рэндалл занимал несколько государственных постов – он был холодным и авторитарным отцом и мужем. Работая в Вашингтоне и Чикаго, он изолировал Эстер и троих детей во Флориде. В редкие моменты дома он требовал от сыновей почти военной дисциплины. Он не проявлял ни терпения, ни сочувствия, так необходимых при воспитании подростков. Пока другие мальчишки носили длинные волосы и яркие мятые футболки, сыновья Рэндалла стриглись по-армейски и утюжили стрелки на джинсах и рубашках, словно это была униформа. Дочь свою он игнорировал – разве что запрещал ей носить что-то кроме строгих платьев.

Даже на пенсии Рэндалл остался беспокойным и злым. Он по привычке вставал в четыре утра и шумно ходил по дому. Находившаяся на грани безумия Эстер потребовала, чтобы он нашел себе занятие. В итоге Рэндалл стал помогать таким же ветеранам – это позволило ему найти, наконец, некое подобие спокойствия и умиротворения.

От него самого армия, конечно, легко избавилась: по-дружески хлопнула по спине, отвалила лишь шестьдесят процентов полагающихся выплат по инвалидности и «пнула под зад» после двух жестоких войн – но Рэндалл никак не мог понять,

почему Тибор так и не получил ни единой медали за свои выдающиеся подвиги. Он был уверен, что причина могла быть только одна: их рота потерпела такие потери – погибло семеро командиров и почти все солдаты, – что рассказать про его храбрость было просто некому.

Тибор сомневался, что кто-то, кроме, собственно, Рэндалла, знал и помнил события в Корее тридцатилетней давности.

– Меня повысили до капрала и дали кучу всяких льгот, – хмыкнул он. – Мне кажется, неплохо для парня с таким дерьмовым английским.

– Я был там, рядом, когда тебя представляли к Медали Почета, причем минимум дважды, – давил на него Рэндалл. – Ты что, не помнишь?

Тибор смотрел на него пустыми глазами, словно не понимал и не мог понять важность произнесенного товарищем.

Рэндалл перечислил все доступные военные награды страны, закончив список Медалью Почета. Это была высшая военная награда США, которую выдавали за «выдающиеся храбрость и отвагу, проявленные с риском для жизни и превышающие долг службы, при участии в действиях против врагов Соединенных Штатов». Кроме заоблачного престижа и уважения медаль давала особые привилегии и значительную сумму денег. «Это должно быть крайне важно для тебя, – закончил он. – Половину их выдают посмертно».

– Как ты говоришь?

– Посмертно. Значит, бедняга уже помер.

Тибор засмеялся.

– Ну вот значит, помру, тогда и наградят.

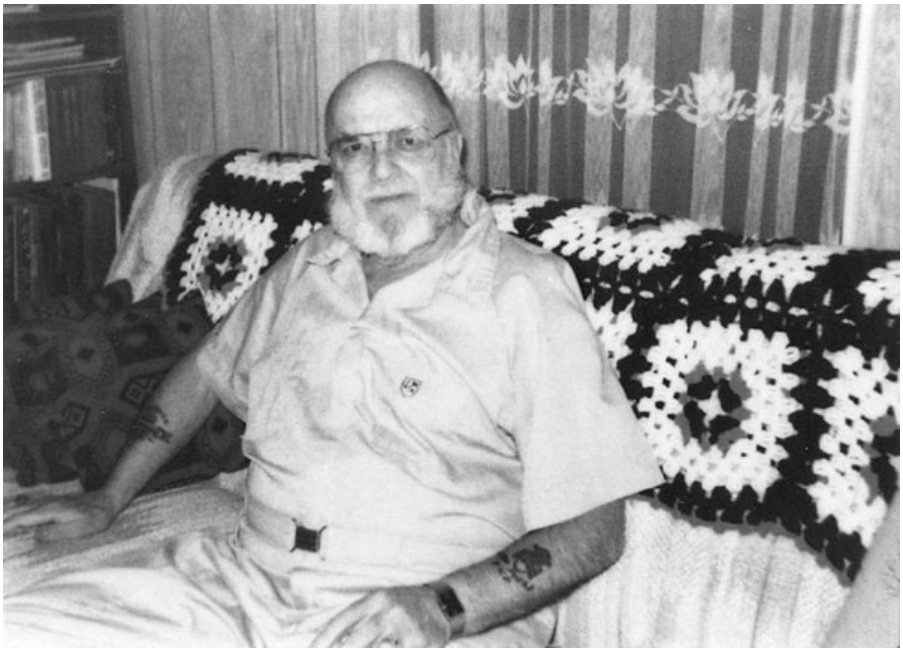
– Это если за дело не возьмусь я, – сухо ответил Рэндалл.

На следующий день они посетили несколько незапланированных встреч и семинаров, в основном для того чтобы Рэндалл смог представить Тибора и похвастать его подвигами. Рэндалл настаивал, что про его военного товарища, удивительного «маленького венгра», нужно рассказывать всем и каждому. Тибор улыбался, но говорил мало. Они смеялись над сержантом Артуром Пейтоном – особенно его позорным презрением к меньшинствам и тем, как он пропал под Унсаном, – но никому не говорили про то, как он мешал Тибору получить полагающуюся награду.

Тибор не хотел раздувать скандал из-за Пейтона. Он боялся, что бывший старшина шастает где-нибудь тут, в отеле, и что они с Рэндаллом обязательно на него наткнутся. Но Пейтона там, конечно, не было.

Собрание ветеранов подходило к концу, и Рэндалл пообещал

найти еще людей, которые помнят Тибора, и сделать все возможное, чтобы его героизм был вознагражден. Тибор поблагодарил старого друга, но попросил его не устраивать из этого кампаний. К тому моменту, как Рози привезла его обратно в Гарден-Гров, он уже выбросил эту историю из головы.



Рэндалл Бриер, примерно середина 1980-х. Лиза Бриер

2

Лео Кормье был ошарашен, узнав от Рэндалла Бриера, что Тибор Рубин жив. Но это была чистая правда: Бриер вот только что стоял с Рубиным в одной комнате. Бывший кадровый солдат немедленно захотел увидеть его воочию. Лео жил в Хоумленде, Калифорния, всего в одном округе от Тибора. Подумать только: большую часть этих тридцати лет двое друзей жили в двух часах езды друг от друга.

Ивонн почти уже положила трубку, когда с ней заговорил незнакомец по фамилии Кормье. Так же назывался местный автосалон, и она подумала, что звонит их продажник, пытается впарить ей новую машину. Из военных друзей Тибор упоминал только Ленин Кьярелли, и потому она не знала, что и думать, когда Кормье сказал, что он и ее муж знакомы больше тридцати лет. Незнакомец объяснил, что он сидел в одном с Тибором лагере в Северной Корее, и почти что потребовал, чтобы Ивонн позвала к телефону мужа. Она в последний момент позвала Тибора в комнату и передала ему трубку.

– Это Кормье! – прокричал Лео почти одновременно с «алло» Тибора.

– Ты где был все эти годы? – Тибор выдохнуть не успел.

– Да у тебя на заднем дворе жил! Никуда не уходи! Я приеду!

Он появился на пороге дома Тибора в тот же день и просидел у него до часа ночи.

Лео работал в калифорнийском отделении «Американских экс-ветеранов». Упрямый крепыш, Лео оставался на службе до тех пор, пока травмы не вынудили его, наконец, уволиться. Но он был солдатом до мозга костей: в дополнение к другим медалям его грудь украшали четыре Пурпурных сердца, которые он надевал по любому подходящему поводу.

Как только Лео узнал, что Тибор ничего не получил за свой героизм, он моментально завелся. Проинструктировал Тибора немедленно заняться этим и обещал оказать содействие. Спустя несколько дней он предоставил ему список военных и гражданских чиновников, с которыми надо связаться. Тибор улыбнулся и сказал, что подумает, а затем отправил список прямиком в мусорную корзину.

Полный решимости помочь Тибору, Лео стал навещать Гарден-Гров значительно чаще. В половине случаев он приезжал на скрипучем старом микроавтобусе, набитом его взрослыми детьми, их детьми и еще уймой соседей – всеми, кого удалось запихнуть. Вся эта ватага выбиралась из бряцающего ржавого

ведра и, словно опергруппа, оккупировала маленький домик и задний двор Рубиных.

Помимо основной Лео преследовал еще одну цель: он хотел, чтобы как можно больше его детей и их друзей познакомились с настоящим героем. Пока два семейства знакомились и общались, капрал в отставке усаживался на кухне Рубиных, гремел и раздавал Тибору приказы, словно старый капризный инструктор по строевой. После нескольких таких посиделок Тибор прозвал его «полковник Кормье».

Тибор не хотел и не собирался вновь связываться с армией. Жизнь была слишком хороша. У них с Ивонн был милый дом в хорошем районе, в их полной собственности. Они вырастили двоих детей, Рози и Фрэнка, которые скоро покинут отчий дом. Они были небогаты, но и в деньгах не нуждались – из-за осложнений от полученных травм он получал полное пособие по инвалидности. Но главное, он мог делать все, что душе угодно. Когда раны не сильно болели, он на полставки работал мясником или помогал Имре в винном магазине. В свободное время он встречался с друзьями и соседями или навещал ветеранов в местном госпитале. Зачем ему снова копаться в прошлом, которое к тому же никто кроме него и не помнил? Зачем бороться со страной, которую он любил? И зачем вновь вступать в конфронтацию с антисемитом, который не раз пытался его убить?

Но в его упрямстве было кое-что еще, о чем он не говорил Лео и Рэнди. За прожитые годы он стал скептически относиться к своему героизму. Каждый раз, когда он думал о Корее, нутро подсказывало ему держать воспоминания о боях, Долине смерти и «Лагере 5» при себе. Этот же внутренний голос утверждал, что Тибор просто выполнял свой долг, не больше и не меньше, и что если бы его подвиги были действительно чем-то выдающимся, люди бы и так узнали о них. А раз они не знали, настаивал голос, значит и говорить здесь не о чем.

Из-под первого голоса пробивался второй, еще более скептический, который недвусмысленно намекал, что Тибор – ленивый, необразованный жалкий поц, который так ничего и не достиг и никогда не достигнет. Этот голос, который Тибор впервые услышал еще в школе и который по тону напоминал почти что талмудический, отрицал его храбрость, целеустремленность и силу воли, называя все его достижения и подвиги слепой удачей. Этот второй голос, темный и угрожающий, обещал ему, что как только он откроет рот на людях, все сразу же поймут, что он обманщик и самозванец.

Лео Кормье, конечно, ничего не знал об этих внутренних конфликтах Тибора, не отставая от него со своими идеями. Он

чуть яростно доказывал товарищу, что его бандитски лишили положенной награды, призывал его бросить все и гордо вернуть себе свои медали, как бы тяжело это ни казалось. Он хотел, чтобы Тибор понял вот что: Медаль Почета, принадлежавшая ему по праву, – это ведь не только ради него, это ради всех погибших парней, подвиги которых остались неизвестными, ради солдат, храбро сражавшихся и умиравших в безвестности. И не важно, как и почему Тибора не наградили – сознательно или случайно. Смысл в том, что про его выдающуюся отвагу и доблесть должны услышать, их обязаны наградить.

Тибор продолжал сопротивляться. Он сказал Лео, что не знает даже, с какой стороны подступиться к этому вопросу – даже если бы он вдруг и захотел его решить. Лео снова пообещал помочь, сказал, что уже бился с армией за свои Пурпурные сердца и пенсию и победил. Он клялся, что и Тибор победит.

Лео хотел, чтобы Тибор написал несколько писем в Минобороны и потребовал изучить его военное дело. Он также должен был посещать всевозможные собрания ветеранов, встречаться с воинскими организациями и рассказывать им про свою проблему. Тибор отказывался. Лео не сдавался: он приезжал в Гарден-Гров каждую неделю и надоедал Тибору, пока тот наконец не сдался и не согласился делать все, что скажет ему Лео. Лео был так упрям, что, сам того не зная, сумел победить внутренние голоса Тибора – ну или по крайней мере заставить их на какое-то время замолчать.

Конечно, Тибора и Ивонн поддостали регулярные набеги друзей и семьи Лео. До Гарден-Гров из Хоумленда дорога была неблизкой, и путники всегда приезжали голодными. Когда муж объявлял ей, что Кормье уже в пути, Ивонн неслась в магазин за продуктами. Но главное, что заставило Тибора изменить свое мнение, это то, что он наконец понял: Лео искренне переживал за судьбу друга, и был незначительный шанс, что этот бульдог-карапуз все-таки прав.

3

Если бы Ивонн не упомянула Медаль за одним из воскресных семейных ужинов, никто бы в клане Рубиных про нее и не узнал. Ибо Тибор молчал о своем героизме и медалях так долго, как это вообще было возможно. Но Ивонн стало любопытно, что смогут добавить родственники к рассказам появившихся из ниоткуда бывших сослуживцев мужа.

Имре и Миклош ничего не знали, но детали, которыми с ними поделилась Ивонн, сделали любопытными и их тоже. Решив, что ему будет комфортнее говорить о своих испытаниях наедине, они по очереди расспросили его по-венгерски. Тибор отвечал, что понятия не имеет, о чем они.

Миклош, у которого было отличное, невозмутимое чувство юмора, начал дразнить Тибора.

– Да ты и в Корее-то не был наверное? – усмехнулся он. – Купил, небось, Пурпурные сердца в магазине по дешевке.

Тибор закивал и засмеялся.

– Мы тут все знаем, что было на самом деле, – продолжал Миклош. – Ты полвойны провел в постели с кучей окинавских девок.

Тибор смеялся и не принимал его слова всерьез. Стали говорить о детях, делах и спорте. Тибор вздохнул с облегчением. Не проронив ни слова, он сумел замять разговор о медалях и почестях. На какое-то время ему удалось поставить барьер между семьей и своими нерешенными проблемами. Но главное, он избежал обсуждения амбициозного предприятия, которое для него, скорее всего, закончится ничем, кроме позора.

4

Когда «Тэд» Рубин начал рассказывать свою историю группе раненых ветеранов на собрании в Ирвайне, Калифорния, их лидер, Бад Коллетт, засомневался в ее правдивости. Во-первых, его, как и остальных парней в комнате, смущал акцент Тэда. Во-вторых, как это венгр вообще оказался в рядах вооруженных сил США? Но незнакомец в деталях описывал тот ужасающий ураган, что вынес его из тихой деревушки в нацистский лагерь смерти, затем на поля Кореи, а дальше – в китайский лагерь для военнопленных на реке Ялуцзян, и Бад растрогался. Когда Тэд закончил, Бад оглянулся и увидел, что все его друзья сидят в слезах.

Будучи ветераном «забытой войны», как ее окрестили Бад и его товарищи, и сооснователем Южного Калифорнийского Военного Ордена Пурпурного Сердца, он чувствовал себя обязанным помочь этому необычному патриоту. Он столько раз видел, как ребята отдавали жизнь за страну, и никто или почти никто не знал об этом. При этом он часто видел, как медали уходили кому-то, кто не сделал ровным счетом ничего, чтобы заработать их, кто просто оказался в нужном месте в нужное время.

Часто бывало так: когда репортеры появлялись на поле боя, чтобы написать о солдатах в их родные места, сверху приходил приказ состряпать импровизированную церемонию награждения с раздачей медалей. Все это было лишь для, что называется, пиара – как только репортеры уходили, старшины отнимали медали и выбрасывали их в ближайший лес. За время службы в морской пехоте Бад не раз слышал о подобном от ветеранов Второй мировой, поэтому не удивился, когда то же самое произошло в Корее. Вдобавок его собственные повышения и понижения приучили его к регулярной несправедливости по отношению к рядовому солдату.

Бад и его парни понимали, что Америка считала Корейскую войну не настоящей войной, а «полицейской операцией». Да что там, и военные, и обычные американцы считали мужчин и женщин, воевавших в Корее, второсортными воинами, недостойными стоять в одном ряду с братией, прошедшей Вторую мировую. Бад и его друзья жаждали изменить сложившуюся ситуацию.

Чем больше он узнавал про Тэда Рубина, тем сильнее он понимал: парня обманули. Рубин оказал выдающуюся услугу и товарищам по оружию, и своей приемной стране. И теперь эта

страна его игнорировала.

5

В конце 1981-го Рэндалл Бриер и Лео Кормье начали по всей стране искать выживших из роты Тибора и «Лагеря 5», всех, кто видел Тибора Рубина в действии и смог бы подтвердить его подвиги. Но первые результаты были неутешительными: Бриер и Рубин – похоже, единственные выжившие злополучной роты. Они также не смогли найти людей, помнивших Тибора по лагерю. Сложно было найти адреса этих людей, половину запросов встречали некрологи. Кто-то, правда, выжил, но переживал далеко не лучшие времена и по известным только им причинам отказывался говорить или писать о Корее. И все же к концу года Рэндалл и Лео получили положительные ответы от двух бывших военнопленных, Джеймса Буржуа и Ричарда Уэйлена, которые с энтузиазмом согласились сделать все, что нужно, чтобы помочь Тибору Рубину.

Осенью 1981-го Джеймс Буржуа, тихий южанин из Луизианы и бывший капрал роты М, столкнулся с военнопленным, который рассказал ему, что на какой-то из встреч ветеранов видел Тибора Рубина. Бывший узник с радостью передал ему адрес и телефон Рубина. Джеймс Буржуа позже сделал, по его собственному выражению, «звонок всех звонков», надеясь вновь услышать голос человека, который творил чудеса, чтобы спасти ему, Джеймсу, жизнь. Тибор с большим удовольствием поговорил с ним, но ни слова не сказал про недавно родившуюся идею вернуть ему Медаль Почета. Буржуа узнал про старания Рэндалла Бриера и Лео Кормье, только когда последний написал ему письмо. Он с готовностью присоединился к ним.

Буржуа написал письмо в Конгресс, в котором подробно рассказал, как его ранили, затем взяли в плен, как его выходил незнакомец, упомянул, что если бы не нестандартные методы лечения этого парня – он, например, прикладывал к больным плечам личинок, – Джеймс умер бы от гангрены. Мало того, этот солдат рисковал жизнью, лишь бы Буржуа получал достаточно еды, чтобы не умереть от голода, – еды, которую он, кстати, воровал у их китайских захватчиков. Джим Буржуа заканчивал письмо словами «никто настолько не уверен в том, что Рубин достоин Медали, чем я».

Дик Уэйлен, который тоже написал в Конгресс, рассказывал, что когда в «Лагере 5» наступили самые тяжелые времена, Тибор действовал вопреки преобладающему принципу «каждый сам за себя». Он четко прописал, что несмотря на недостаток еды Тибор ежедневно рисковал своей жизнью, чтобы накормить всех соседей

по хибаре – сначала в Долине смерти, а затем в «Лагере 5». «Без его помощи и сильного духа, – утверждал он, – я никогда бы не выбрался оттуда живым».

Рэндалл Бриер написал два бойких рассказа о «невероятном маленьком венгре», который в одиночку удержал холм, а позже ухитрился в лесу захватить в плен целую кучу северокорейцев.

Письмо Лео Кормье сначала повествовало о подвиге Тибора под Унсаном, а затем о его похождениях в лагерях, где он делился украденной едой и ухаживал за ранами товарищей в то самое время, когда «каждый был сам за себя». «Слава богу, что Тибор Рубин оказался с нами, – писал он. – Он спас жизнь мне и многим другим нашим солдатам». Кормье не забыл упомянуть, что Рубин не проявлял никакого интереса к наградам за свои подвиги и что «он понятия не имел ни о каких медалях». Дальше он объяснял, почему ему потребовалось так много времени, чтобы рассказать историю Тибора.

Мы все сильно хотим забыть все то ужасное и неприятное, что случилось в нашем прошлом… Я не стыжусь признаться, что рассказать эту историю мне помешало мое самолюбие. Я стал главой сначала окружного, а затем и регионального отделения «Бывших военнопленных», пытаясь в первую очередь позаботиться о себе. Но теперь я не испытываю такой необходимости и могу рассказать свою настоящую историю… Да, Тибор Рубин – настоящий герой для меня и многих других, и мы, ветераны, будем благодарны стране, если он получит от имени Конгресса высшую военную награду США, МЕДАЛЬ ПОЧЕТА. Для меня большая честь рекомендовать его. Конгресс должен вручить ему Медаль.

Рэндалл и Лео продолжали искать новых союзников, а Бад Коллетт связался с местным конгрессменом от штата Калифорния, республиканцем Робертом Дорнаном. Встретившись с Бадом и прочитав все письма, Дорнан пообещал сделать все возможное, чтобы привлечь внимание коллег-конгрессменов к героизму Тибора. Два напарника Бада, Джо Лихтенфельд, ветеран ВМС еще со времен Второй мировой, и Рэй Крынски, также служивший в Корее, сделали несколько звонков региональным и федеральным законодателям и их советникам. Никто из них раньше не сталкивался с бюрократией, и потому когда несколько конгрессменов пообещали помочь им, те решили, что успех уже рядом. Никто и не догадывался, что это лишь самое начало их борьбы.

6

После знакомства с Бадом Коллеттом Тибор стал активно устраивать встречи с другими ветеранскими группами. Вначале это был для него вызов. Каждый раз, когда он входил в комнату и видел новых незнакомых людей, его мутило. Встречавшие его пустые выражения лиц, кажется, ставили под вопрос саму необходимость его присутствия здесь, возмущались, что он посмел отнимать у них время. Он начинал и не понимал, как им вообще может быть интересно то, что он говорит.

– Я из маленькой деревни Пасто, что в Венгрии. Мы никогда никого не обижали. Мы хотели только жить и никого не трогать…

Он мордовал слушателей своим грубым акцентом и исковерканной дикцией, но при этом чувствовал, что их гложет любопытство. Наверняка они пытаются понять, как это он ухитрился попасть в армию США и зачем он все это им рассказывает.

– Я добраться в Соединенные Штаты и больше всего хотел вернуть долг армии за то, что она освободила меня из Маутхаузена и спасла мне жизнь.

Максимально просто, как только мог, Тибор рассказывал историю о своем чудесном и опасном путешествии, которое началось на военном транспортере, доставившем его на Окинаву, а закончилось в армейском санитарном самолете, который вернул его в Лонг-Бич четыре года спустя.

– Все было примерно так… Там вот что случилось… Я сделал то, что должен был… Напуган был до смерти, но не думал, что могу умереть… Думаю, мне повезло…

Голоса изнутри не затыкались, но так и не смогли заставить его сдаться или сбить его с нужного курса – с самого начала беседы он фокусировался на своих слушателях. И, кажется, они начинали симпатизировать ему. К тому моменту, когда речь заходила о Чире, Унсане, Долине смерти и «Лагере 5», люди были уже поглощены его рассказом, и Тибор не смог бы остановиться, даже если бы захотел. Внимательная тишина, кивки признания, аплодисменты, рукопожатия и множество вопросов успокаивали его и заглушали сомнения. В итоге он рассказывал даже больше, чем планировал. Каждая такая встреча делала его немного расслабленнее и заставляла ждать новой еще сильнее.

Став увереннее держаться на публике, Тибор решил добавить в свои рассказы немного юмора, немного легкомысленности и даже веселости, которые выручали его в самые тяжелые дни на

войне и в плену. Слушатели смеялись, когда он описывал, как они с Ленни воровали еду с лодок, как он издевался на Черепом, как он лечил солдата козлиным дерьмом, как турки подружили его с марихуаной. Но особенно публика ценила – иногда он срывал аплодисменты, – когда Тибор делал театральную паузу в самом разгаре истории о злополучном холме и добавлял, что если он когда-нибудь и попадет в рай, то засудит до последней копейки того, кто всем там заправляет.

Вскоре остальные ветераны стали рассказывать ему свои истории: про бои и плен, про потерянных товарищей, про ужасные раны и не прекращающиеся кошмары, про храбрость, тяготы и утраты, про те моменты, когда было так невыносимо тяжело, что оставалось только смеяться. Тибор внимательно слушал каждого из них. Ему хватало нескольких слов или одного жеста, чтобы заставить другого человека рассказать о своей боли. Он счастлив был думать, что выкладывая свою собственную историю, он помогает другим делиться своими.

В конце концов Тибор стал понимать, почему Рэндалл Бриер и Лео Кормье так настаивали на всем этом. Он понял, что Джеймс Буржуа и Дик Уэйлен ни разу не покривили душой в своих письмах. Он понял, что для Бада Коллетта он – не просто способ выпустить наружу свою злость и разочарование. Стало ясно, что каждый из этих людей по-своему верит в него. Его сомнения растаяли. Его упрямство превратилось в энтузиазм, а затем, со временем, в решимость.

7

Дик Уэйлен шел по парковке строительного магазина в Скенектади, Нью-Йорк, весной 1984-го, когда заметил на номерном знаке одной из машин стикер «военнопленный». Это показалось ему необычным: он столько лет жил в этом районе и никогда не видел бывших военнопленных. Впрочем, Дик редко общался с кем-то за пределами узкого круга знакомых, в основном потому что не покидал этой части штата уже почти тридцать лет.

В 1953-м Дика положили в Военно-морской госпиталь Сент-Олбанс с туберкулезом и полным ртом сгнивших зубов. Спустя год лечения, в процессе которого ему с нуля перебрали почти все зубы, он вернулся домой, в Роттердам, женился, вырастил троих детей и сделал карьеру независимого страхового агента, ни разу не пересекая границу штата Нью-Йорк. Он решил так: раз он уже поддался жажде приключений, и ему как следует надрали задницу. Второй раз он так рисковать не будет.

За прошедшие три десятка лет Дик не единожды получал приглашения на ветеранские встречи, но всегда их игнорировал. Ему хватило говорливых ветеранов и их фиглярства в госпитале – на следующие двадцать пять лет он выбросил их из головы. Но увидев стикер на бампере авто, припаркованного всего в нескольких милях от его родного города, Дик поддался любопытству. Он вернулся в магазин и громко спросил, есть ли здесь бывший военнопленный. Гарри Браун, укладывающий в тележку газонные принадлежности, обернулся и ответил: «Я!»

Дик узнал Гарри сразу, даже имя его вспомнил. А вот Гарри Дика не помнил.

– Откуда ты меня знаешь? – спросил он.

– Ты заглядывал к нам в хибару.

– Почему я тебя не узнаю тогда?

– Возможно, потому что я валялся больной на полу.

– Рубина знаешь?

– Конечно.

– И Кьярелли?

– А то.

Гарри на несколько секунд замолчал.

Они стали вспоминать имена и места. Гарри был в шоке, узнав, что Дик не просто помнил его с «Лагеря 5» – они двадцать лет жили в пятнадцати минутах езды друг от друга.

Гарри Браун дружил с несколькими ветеранами из «Лагеря 5», но избегал ветеранских встреч ровно по тем же причинам, что

и Дик. В первую же ночь в Штатах он почти что отправился колесить по стране с двумя другими парнями, с которыми познакомился с Сан-Франциско. Но в последнюю минуту отказался. И правильно сделал: те двое ужрались и разбились насмерть. Узнав об этом, Гарри справедливо подумал, что после всего, через что он прошел, было бы как минимум глупо разбиться в случайной аварии, и решил держаться от ветеранов подальше.

Однако в первые годы дома, в Нью-Йорке, он почти все свое свободное время проводил за бутылкой с Ленин Кьярелли. Когда Ленин женился, Гарри был шафером. Но маниакальные попойки и взрывной темперамент бруклинца вскоре достали его. Ленни не церемонился со знаками «стоп» и орал на всех, кто ему за это предъявлял. Он дрался с парнями вдвое больше его. Когда Ленни в очередной раз проехал на красный и чуть не убил их обоих, Гарри решил, что дружбу пора сворачивать. У него и своих проблем хватало.

Женившись, Гарри устроился на работу в бизнес семьи его жены – фирму с большой фабрикой по производству огнеупорных изделий. День ото дня его ответственность росла, росло и число несчастных случаев на производстве – сначала незначительных, затем более серьезных. Несчастья продолжались, и до Гарри дошло – причина в его вспыльчивости. Его аж в дрожь бросало, когда откуда-то изнутри в очередной раз поднимался гнев. Что-то явно было не так – он только не понимал, что.

Однажды Гарри слишком резко потянул какой-то рычаг и спустил на себя часть оборудования. Он и понять ничего не успел, как нога его оказалась проколота и почти что раздавлена. Врачи изучили его историю болезней, назначили психиатрическое лечение и прописали торазин от приступов гнева. Но лекарство лишь усугубляло эффект, и он прекратил принимать его. Гарри осмотрели несколько разных врачей и признали его «нетрудоспособным» с диагнозом, о котором он никогда раньше не слышал: боевой посттравматический синдром.

Поразмышляв немного над своим диагнозом, Гарри перевез семью на север штата. Он, конечно, не ждал, что переезд поможет решить его психологические проблемы, но по крайней мере на новом месте он сможет найти занятие, которое отвлечет его от них. Гарри купил часть земли у озера и составил чертежи дома. Сам процесс постройки, работы руками день за днем возымел терапевтический эффект. Как только он построил первый дом, он сразу принялся за второй. Чем больше проектов он брал на себя, тем легче ему становилось. К моменту встречи с Диком Уэйленом он почти полностью расправился с неконтролируемыми

приступами гнева.

Беседа Гарри и Дика перетекла к Рубину и Кьярелли. Дик рассказал, что гораздо ближе общался с Рубиным, и что те двое оставались хорошими друзьями с самого их возвращения из Кореи. Гарри больше времени проводил со своенравным Кьярелли; они ошивались вместе почти два года. Потом, правда, он переехал и контакт с бедовым бруклинцем потерял. Сейчас, в 1984-м, ни Дик, ни Гарри не знали, что неукротимый Кьярелли уже умер. Что до Рубина, то Дик общался с ним по телефону и даже письма писал в его поддержку, но живьем не видел уже тридцать лет.

Разговор о медалях показался Гарри странным. Он вообще не слышал про похождения Тибора и искренне удивился, узнав, что Дик и другие парни пишут в его защиту какие-то письма.

Причина была проста: друзья Тибора предпочитали молчать о его подвигах – «Лагерь 5» кишел предателями и стукачами. А ужасной зимой 1950-51-го, пока Тибор активнейшим образом разворовывал съестные припасы китайцев, Гарри отчаянно боролся за жизнь в храме смерти. Гарри не был знаком с Тибором вплоть до самого лета, когда условия в лагере значительно улучшились. Словом, он и понятия не имел, что Уэйлен, Кормье, Буржуа, МакКлендон и еще дюжина других парней обязаны жизнью именно Рубину. И хотя Дик и Гарри наконец-то встретились и продолжали встречаться еще двадцать лет, оба не горели желанием обсуждать самые их темные дни в «Лагере 5». Это был один из симптомов того самого боевого посттравматического синдрома, о котором они мало что знали.

8

В 1984-м врачи удалили злокачественную опухоль из желудка Имре Рубина. Здоровье у него было хорошее, и первоначальные прогнозы были положительными. В шестьдесят два года он следил за фигурой и за диетой. Курить бросил давно, пил редко. С деньгами тоже проблем не было: он продал винный магазин, но остался собственником здания и сдавал его в аренду. Необремененный бизнесом, он смог сфокусироваться на здоровье и расслабленном образе жизни. Но через полгода он стал терять вес, усталость не проходила. Врачи обнаружили злокачественные новообразования по всему телу.

В семье заспорили: дети Имре торопили его продолжить делать операции, остальные сомневались, что это ему поможет. В итоге Имре лег под нож.

Почти двадцать лет, что они работали вместе, Тибор и Имре созванивались каждый вечер. Это раздражало Глорию: зачем болтать после работы, если они только что несколько часов провели вместе в магазине? Но Имре становилось все хуже, и она стала относиться с этим звонкам с пониманием. Она даже с радостью встречала Тибора, когда он стал приходить к ним каждый вечер, чтобы посидеть у постели ее больного мужа и поговорить с ним, пока тот не засыпал.

В семье, конечно, об этом не говорили, но Имре умирал. Имре знал это, хотя делал вид, что все в порядке, лишь бы не напрягать остальных. Однажды вечером, в июне, когда рак уже ослабил его настолько, что он едва мог говорить, Имре жестом позвал Тибора подойти поближе. Тибор забрался к нему в постель.

– Так тебе дадут эти медали, или как? – прошептал Имре.

Тибор молчал. Они уже несколько месяцев не обсуждали Медаль. Когда Тибор впервые заговорил о ней три года назад, Имре пошутил, что один-единственный венгр противостоит целой американской армии, и лично он бы не ставил на венгра, когда дело касается чего-то настолько важного.

– Поклянись, что сделаешь все возможное, чтобы получить наконец то, что заслужил, – сказал Имре строго.

Тибор кивнул.

Имре с заметным усилием заговорил громче: «Я не этого прошу. Поклянись, потому что совсем скоро меня не будет рядом, чтобы присматривать за тобой».

Тибор словно вернулся в детство, в Венгрию «Хорошо, я сделаю», – ответил Тибор.

Имре впился в него взглядом. «Хорошо» мало, брат. Клянись».

Тибору вдруг стало стыдно, будто брат страдал по его вине. Пару секунд он искал потерянный где-то голос «Клянусь».

Имре кивнул и похлопал его по руке. Через несколько дней он ушел.

Тибор так сильно и глубоко страдал, что ни с кем не говорил. Он кое-как продержался на похоронах, а затем произнес надгробную речь, которая оставила толпу друзей и родственников в слезах – но самых мрачных своих мыслей он не озвучил: забрав Имре, Господь сыграл с ним свою самую злую шутку.

Имре прожил прекрасную жизнь. Он соблюдал законы Божьи не меньше, чем кто-либо другой на этой земле. Его хватка удерживала семью в целости в самые тяжелые моменты, начиная с Холокоста и вплоть до ужасной смерти Ирэн. Он посвятил себя добрым делам. Он отказался от алкоголя и сигарет, мороженого и конфет, и призывал Тибора последовать его примеру, чего Тибор не сделал. Господь в ответ на все это отравил его тело. Печали и злости Тибора не было предела. Нужны ли еще какие-то доказательства, что, всю жизнь разговаривая с Богом, он лишь обманывал сам себя?

9

Когда небольшая группа ветеранов Корейской войны начала кампанию в поддержку «Тэда» Рубина, они понятия не имели, во что ввязываются. Свидетельств о боевых заслугах Тибора не было ни в одном отделении Минобороны США. В его личном деле значились срок службы, отчеты с учений, рота, звание и прочие мелочи. Все командующие офицеры, знавшие Тибора, погибли в бою. Ничего не было и в бумагах по корейской «битве при Литтл-Бигхорне» под Унсаном. Солдаты, которые могли бы подтвердить заслуги Рубина, либо погибли, либо умерли за прошедшие тридцать лет. Упоминали ли его соседи по «Лагерю 5» в отчетах начальству? Похоже, что нет. А даже если и упоминали, в личное дело эта информация не попала.

Единственные интересные данные о рядовом Рубине, которыми располагали военные, поступили из его интервью газете *Stars and Stripes,* где он рассказывал, что он – венгерский еврей, жертва нацистского террора, вступивший в ряды армии США, чтобы вернуть ей долг за освобождение из концлагеря. Правда, это все было, конечно, необычно, но на Медаль Почета не тянуло.

Отсутствие официальных записей было лишь одной из проблем Тибора. Куда серьезнее был вопрос, который не ожидал вообще никто из его команды: существовал устав, налагавший ограничения на награждение медалями участников военных действий в Корее. Отдел 3744 (Ь) раздела 10 Кодекса Соединенных Штатов Америки устанавливал, во-первых, что рекомендации на получение Медали Почета за участие в Корейской войне должны быть сделаны в течение двух лет с момента героического поступка, а во-вторых, что сама Медаль должны быть вручена в течение трех лет с момента такого поступка. Учитывая некоторые уникальные факторы Корейского конфликта, вроде неясной судьбы почти восьми тысяч пропавших без вести солдат, Конгресс продлил дедлайн на один год, то есть до 1957-го. Но к моменту, когда друзья Тибора нашли его, прошло уже больше двадцати пяти лет. Про Корею все успели забыть.

Конгрессмен от Калифорнии Роберт Дориан и конгрессмен от Висконсина Лес Аспин – который на тот момент возглавлял Комитет Сената США по вооруженным силам – раздельно представили два законопроекта, предлагавших Конгрессу снять временные ограничения, чтобы Министерство армии смогло рассмотреть дело Тибора Рубина. Представители Министерства

резко воспротивились обоим законопроектам. В своем письме председателю Аспину Дэлберт Л. Сперлок-младший, помощник министра, утверждал, что «в случае капрала Рубина не было найдено либо представлено ни единого доказательства его рекомендации к награждению Медалью Почета, равно как и доказательств того, что эти рекомендации были потеряны или не выполнены».

Сперлок также добавил, что капрал Рубин спокойно мог претендовать на Медаль в любой момент до 1957-го. Ссылаясь на газетную заметку о встрече Тибора с его комдивом, генералом Хобартом Гэйем, Сперлок заметил, что у Тибора была уйма возможностей рассказать о своих подвигах. И хотя его гуманные действия в «Лагере 5», конечно, похвальны и достойны уважения, «Медаль Почета была создана для признания храбрости и отваги, проявленных с риском для жизни в действиях против врагов Соединенных Штатов. Сперлок заключил, что у Тибора не было бы шансов получить Медаль, *даже если бы его дело представили вовремя.*

Бад Коллетт тоже получил такое письмо от помощника министра Сперлока. Он воспринял его как личное оскорбление. Его взбесило предположение, будто Тибор не рисковал жизнью и не проявил храбрость и отвагу в действиях против врага.

По мнению Бада, Министерство армии просто использовало эти ограничения, чтобы не признавать собственную оплошность. Сперлок отказался рассматривать в качестве доказательств и свидетельские показания Рэндалла Бриера, и обвинение сержанта Пейтона в сокрытии оригинальных рекомендаций. Хвастаться собственными подвигами во время коротких встреч с генералом Синком и генералом Гэйем показалось Тибору неуместным – он никогда не умел беспардонно рассказывать о своих заслугах.

Представители Дориан и Аспин, Бен Гилман из Нью-Йорка и два конгрессмена из Флориды, Уильям Леман и Роберт Уэкслер, пытались продвинуть дело Тибора на законодательном уровне. Но их законопроекты настойчиво заворачивало Минармии: Комитет не пропускал их до голосования в Палате представителей. Словом, оппозиция действовала скрытно и крайне эффективно.

10

Письма Рэндалла Бриера другим ветеранам либо не получали ответа, либо возвращались с пометкой «нет такого адресата». В контексте конфликта с Министерством армии ему начало казаться, что кроме Кормье, Уэйлена, Буржуа и его самого в поддержку Тибора Рубина выступить было больше некому. И тут объявился Карл МакКлендон.

Когда хворый ветеран получил письмо, в котором черным по белому написано было, что Рубин живет в Калифорнии, он чуть в обморок не упал. Ему все это время казалось, что китайцы пришили того парня, которого он называл Санта-Клаусом. Он немедленно взялся помочь Бриеру и остальным в их кампании за Рубина, правда, понятия не имел, как именно он может это сделать.

Через тридцать лет после освобождения из «Лагеря 5» Карл все еще не мог говорить о войне. Его преследовали яркие воспоминания об ужасах Долины смерти и лагеря. Если он проводил больше нескольких минут в комнате, полной незнакомцев, у него начинались приступы паники, он задыхался. Его чуть не убил инфаркт, затем он едва пережил коронарное шунтирование. Его по-прежнему доканывали бери-бери, глисты, озноб, дизентерия и куриная слепота. Его лечили в нескольких разных ветеранских госпиталях, но везде почти безуспешно. Единственным способом для него не сойти с ума был отшельнический образ жизни.

Карлу МакКлендону потребовалось две с половиной недели, чтобы написать все, что он знает о Тиборе Рубине. Он не прекращал плакать, пока писал. Он молился Богу, чтобы тот дал ему сил справиться с самым болезненным для него за последние тридцать пять лет заданием.

Тяжелее всего ему было писать о тех, кого Тибору спасти не удалось, чьи имена и лица продолжали преследовать его. Как и многие другие, вспоминавшие годы в «Лагере 5», Карл пытался понять, сможет ли он когда-нибудь отплатить Рубину за еду, спасшую их от голода, и моральную поддержку, спасшую их от сумасшествия. Выразительное письмо на несколько страниц он закончил словами «Рубин – человек такой отваги, смелости и дружбы, каких я больше никогда не встречал».

11

Эдвин Голдвассер познакомился с Тибором Рубиным на встрече ветеранов в Сан-Диего. Это был 1985 год, и организация, которую представлял Голдвассер, «Евреи – ветераны войн США» (ЕВВ), только-только про него узнала. Тибор Эду сразу же понравился, он связался с местной прессой, которая заинтересовалась его историей. Эд был убежден: Тибора Рубина несправедливо лишили Медали Почета.

Во время службы в армии Голдвассер принимал участие в операции по интеграции чернокожих и белых солдат в Форте Монро, Вирджиния. В Сеуле он работал в команде по мирным переговорам в Панмунджоне. К моменту увольнения он успел выработать четкое понимание того, как работает военная культура. Он продолжил изучать право, создал семью и бесплатно консультировал жертв домашнего насилия.

Как только Эд Голдвассер прочитал в свидетельских показаниях по делу Рубина про сержанта Пейтона, он сразу понял, что во всей этой истории густо замешан антисемитизм.

Обменявшись несколькими письмами с Робертом Цвайманом, «крестным отцом» ЕВВ, лидеры организации решили, что займутся делом Тибора. Сомнений не было: эта ситуация совпадает с их миссией «бороться с нетерпимостью и невежеством в рядах вооруженных сил» и «защищать память и свидетельства патриотической службы мужчин и женщин нашей веры».

Старейшая ветеранская организация в стране, ЕВВ была основана в 1896-м с целью бороться с обвинениями евреев в непатриотизме и нежелании служить в вооруженных силах. Исследования ЕВВ доказывали как раз обратное – если сравнивать количество служащих в армии в процентном соотношении к общей численности гражданского населения каждой этнической группы, выходило, что евреи занимали первое место. Дело Тибора Рубина было не просто вопросом справедливости – это было идеальным способом привлечь внимание к организации в масштабах целой страны.

Тибору не понравился подход ЕВВ. Он сказал Эду, что не считает необходимым поднимать вопрос об антисемитизме. Эд не согласился. «Если дискриминация имела место, мы открыто об этом заявим». Затем он заставил Тибора внимательно слушать, пока он вслух читает письма Рэндалла Бриера. В конечном счете Тибор с ним согласился.

Когда Эд стал национальным командором ЕВВ в 1986-м, он и местный конгрессмен, Бенджамин Гилман, отправились с этим

вопросом прямиком в Белый дом. Во время рутинной встречи в Овальном кабинете Эд решительно обратился к президенту Рональду Рейгану и рассказал ему о ситуации, в которую попал Тибор. «Я прошу вас отменить все ограничения, – закончил он свое обращение. – Храбрость и героизм Рубина не имеют срока давности».

Президент посмотрел на Гилмана и сказал: «Я хочу, чтобы вы занялись этим вопросом».

Эд и конгрессмен встретились с Каспаром Уайнбергером, министром обороны США. Уайнбергер заявил, что антисемитизм тут ни при чем и что Рубину не полагается никакой Медали Почета. «Мы не награждаем Медалью за то, что человек делал в лагере для военнопленных», – отрезал он.

– Забавно, – ответил Голдвассер. – Я тут изучил вопрос и могу сказать, что по меньшей мере два, а то и три военнопленных получили медали.

Уайнбергер ничего на это не ответил.

Эд выяснил, что Медалью наградили военнопленного, который сбежал, но примерно через сутки снова оказался в плену. Он никак не мог понять, чем неудачный побег лучше одиночной защиты целого холма, или спасения товарища под снайперским огнем, или побега из лагеря и последующего возвращения с целью накормить голодающих солдат. Они там чем вообще думают?

12

Одним из первых заданий Мишель Спивак в роли национального руководителя по связям ЕВВ стало изучение интересовавшего организацию дела ветерана Корейской войны, рожденного в Венгрии. Ознакомившись с документами Тибора Рубина, она искренне им заинтересовалась.

Одной из причин, по которой она взялась за эту работу в начале 1986-го, стало желание следовать по стопам двадцати других членов семьи, которые все так или иначе были связаны с армией. Ее отец, Морис, получил Бронзовую звезду за Арденнскую операцию. Морис был в составе 11-й дивизии Паттона, которая освободила Маутхаузен. Он никогда не встречался с Тибором Рубиным, но видел, в каких условиях содержались узники концлагеря. Поэтому история этого иностранного ветерана показалась Мишель очень близкой.

Мишель было всего тридцать, когда она начала работать на ЕВВ, но она уже была опытным журналистом. Она год провела на Ближнем Востоке, вела собственное шоу на местном радио и занимала ответственный пост в новостном агентстве Scripps Howard.

Вместе с юристом она немедленно связалась с конгрессменами Томом Лантосом, Лесом Аспином и Робертом Дорианом. Следующими были члены ЕВВ и редакторы нескольких еврейских изданий, которых она попросила подписать петицию в Минармии США с просьбой открыть личное дело Рубина для всех. Мишель была убеждена, что чтобы раздуть дело до национальных масштабов, начать нужно именно с еврейских организаций. «Американский легион» и «Ветераны иностранных войн» были куда могущественнее, в их рядах числилось больше тридцати миллионов ветеранов, но достучаться до них было гораздо сложнее. Да и в прошлом они уже не раз давали понять, что неохотно берутся за дела ветеранов-евреев. Мишель просила редакторов и председателей ветеранских групп поменьше, регионального масштаба, писать письма в Конгресс и в Минобороны. Наконец, она начала серию долгих, поздних телефонных диалогов с живым мужчиной средних лет, который просил называть его Тэдди и бесстыдно с ней заигрывал, узнав, что она рыженькая. Мишель влюбилась в него с первого же разговора.

Мишель встретилась с Тибором только два года спустя, когда прилетела на собрание ЕВВ на Западном побережье. Она договорилась, что он выступит, но его рассказы были столь

необычны, что она сама не могла представить, о чем именно он будет говорить.

Она немного опоздала на его речь. Войдя в комнату, она обнаружила толпу людей, завороженно слушающих невысокого, веселого мужчину с чокнутым синтаксисом и высоким смехом – кажется, если бы вороны умели выражать восторг, они бы делали это именно так.

Блеск в его глазах намекал, что Тибор – особенный, этакий нонконформист, дерзкий, но добрый; совсем не угрюмый, замкнутый герой, типичный для американской мифологии. Он не производил впечатление жесткого, обиженного человека. Его оживленный тон и энтузиазм говорили об одном: несмотря на все испытания он любил жизнь. Может, поэтому толпа так впилась в него своим вниманием.

Мишель вспомнила, как в один из вечеров Тибор заметил, что хоть и воспитывал детей в еврейских традициях, в Бога он не верил. Поэтому ей показалось странным, что Бог занимал такое значительное место в его повествовании. В самые тяжелые моменты Тибор взывал к Богу. Когда все шло плохо, виноват был Бог. Когда все шло хорошо, это было частью божьего промысла.

Мишель была одной из тех, кто верил в высшую сущность – ей особенно нравилась ремарка Эйнштейна «Никто так и не объяснил первую искру», – и ее заинтриговала игра Тибора в прятки с Богом. Если он не верил в Бога, зачем так долго тянет с Ним диалог? Она сделала ментальную памятку обязательно спросить об этом у него, как только представится подходящий случай.

Когда они встретились после его речи, их беседа началась ровно с того момента, на котором они остановились в последнем телефонном разговоре. Ей польстило, что он сразу же обратил на нее все свое внимание. Он взял ее за руку, проводил до ее машины, показал дорогу до одного из любимых ресторанов и настоял на оплате ужина, хотя она и говорила, что все расходы берет на себя организация. На следующий день он попросил свою дочь Рози показать ей Лос-Анджелес. Он принял ее как дальнюю родственницу, с какой-то безусловной благосклонностью.

Мишель Спивак и Тибор, год 1987-й. Предоставлено Мишель Спивак (Келли) и Ричардом Б. Келли

Мишель вернулась в Вашингтон полная решимости работать с его делом еще упорнее. Петиции в его поддержку копились у них в офисе, и национальный командор ЕВВ отправил в армию запрос начать официальный пересмотр его дела.

Запрос отклонили. Формальный ответ – слишком поздно рассматривать дело кого-либо, воевавшего так давно. Но Мишель уже накопала несколько случаев, когда солдат награждали

Медалью Почета по прошествии десятков лет после их подвигов. Отношение Минобороны запутало ее.

Она начала копать еще глубже и поняла, что дело не просто во временных ограничениях. По секрету ей сообщили, что люди, ответственные за выдачу военных наград, с неохотой награждали ветеранов Корейской войны, попавших в лагерь для военнопленных. В частном порядке обсуждали – хотя на бумаге это не фиксировали, – что слишком многие из них сотрудничали с врагом, пока находились в заключении.

Никто этого открыто не заявлял, но Мишель нашла несколько подтверждений тому факту, что в Минобороны даже простые посещения лекций по индоктринации считали компрометирующими и достаточными для подозрений. Несмотря на большое количество докладов и отчетов об открытом сопротивлении китайской пропаганде репутация военнопленных Корейского конфликта была запятнана. Мишель считала такое отношение постыдным.

В конце 1988-го он встретилась с полковником в отставке Гербом Розенблитом, директором ЕВВ по юридическим вопросам, чтобы вместе попытаться разобраться, почему Мин-армии так упрямо сопротивляется именно в этой конкретной ситуации. Потому ли, что истории о Тиборе слишком невероятны? Или потому, что ключевые свидетели мертвы, а живых слишком мало? Или потому, что он был в плену у китайцев? Или, может, потому что он еврей? В конце концов, почему армия так уперлась в закон, который сама же не единожды нарушала в прошлом?

Так, очевидно, что сержант Пейтон руководствовался антисемитскими убеждениями. Мишель и Герб не думали, что в Минобороны тоже сидят сплошные антисемиты. Теперь свидетельские показания Рэндалла Бриера. Они там что, считают, что заместитель комвзвода, ветеран двух войн, недостаточно надежный свидетель? Или им нужны еще свидетели? Комитет отказывался давать комментарии по делу, и Мишель оставалось только гадать.

А тут еще этот устав с временными ограничениями. Мишель и Герб решили, что Минармии использует закон, чтобы помешать именно Тибору, ведь его уже нарушали раньше, чтобы наградить Медалью других.

Теперь «уникальность» корейских военнопленных. Ясно было, что других героев войны – отца Эмиля Капауна, например – обделили военными наградами несмотря на задокументированные свидетельства их отваги. Из того, что Мишель слышала от знающих людей, она сделала вывод, что «красная угроза» в совокупности с преувеличенными рассказами о

промывке мозгов и нескольких случаях предательства заклеймили всех участников Корейского конфликта, попавших в плен к врагу. Ясно, что никто открыто в этом не признается, и Мишель и Герб не смогут победить эти предрассудки напрямую. Вместо этого им придется обходить проблему, а это будет нелегко.

Шли годы. Тибору, кажется, хватало периодических напоминаний от ЕВВ, что организация про него не забыла. Он никогда не выражал недовольства отсутствием прогресса. Даже наоборот.

Каждый раз, когда Мишель приезжала на Западное побережье, он обращался с ней как с королевой. Если она прилетала в Лос-Анджелес, ее встречали в аэропорту Рози или Ивонн. Если она останавливалась в отеле неподалеку, Тибор настаивал на совместном ужине.

Раньше она никогда не задумывалась о том, как живет Тибор, а потому ее первый визит к нему домой, который случился лишь через несколько лет, стал для нее откровением. Она и не думала, что Тибор живет так скромно, в компактном ранчо в небольшом пригороде под названием Гарден-Гров.

Зал представлял собой одну сплошную картотеку. Кофейный столик, стулья, даже диван едва было видно из-под груды документов, газетных вырезок, фотографий и писем, на многих из которых стояла печать ЕВВ. В каждом углу стояли пакеты, забитые бумагами. Копии статей – сотни их – были упакованы в картонные коробки, сложенные у стены. «Как только Тэдди на что решится, его не остановить, – заметила Ивонн, пока Мишель осматривала комнату. – Когда дети были маленькими, он решил бросить курить. В один день он просто раз и бросил. Больше никогда не курил. Вот такой он у меня».

В решительности Тибора никто не сомневался: доказательства смотрели Мишель прямо в лицо. В тот момент она решила, что никогда не бросит «маленького венгра», что с этой минуты его борьба – это и ее борьба. Единственное, чего она не знала, так это куда их заведет эта борьба.

13

Рэндалл Бриер знал, что есть как минимум один человек, который в курсе всех подвигов рядового Рубина вплоть до катастрофы под Унсаном – тот, кого назначили составить и отправить доклады о героизме Рубина вверх по командной цепочке. Этот человек получил конкретный приказ сдать бумаги, в которых Рубин рекомендовался к награждению Серебряной звездой и Медалью Почета. Этим человеком был старшина Артур Пейтон.

Рэндалл писал письма и делал звонки, пытаясь найти Пейтона. Но он как сквозь землю провалился. Официальные органы не смогли сообщить ему текущий адрес. Ветеранские организации также потеряли его из виду, хотя были какие-то обрывки информации, что он за последние тридцать лет несколько раз переезжал. Складывая кусочки мозаики, Бриер сделал вывод, что у Пейтона есть несколько друзей, которые могли бы знать, где он сейчас. Он набрался решимости вычислить Пейтона и заставить его ответить за свое поведение.

Стремление Бриера найти его объяснялось не только желанием отомстить ему за Рубина. По мнению Рэндалла, старшина предал своими действиями всю роту. Он бросил своих людей в тот момент, когда был нужен более всего – в пылу сражения, когда приказа отступать еще не было. Он попросту слился с фронта, не прихватив с собой ни единого товарища.

Связавшись со всеми ветеранскими организациями, о которых он только знал, Бриер нашел старый адрес Пейтона в маленьком сельском городке в Неваде. Он отправился и стал задавать вопросы. Те местные, кто хоть что-то про него знал, сообщили, что он много пил и уехал отсюда.

На следующий год на собрании военнопленных в Индиане Бриер через Национальное управление архивов и документаций узнал, что Артур Пейтон мертв. Он умер в ноябре 1986-го.

Смерть лишила Бриера шансов отомстить, и хотя он давно ждал этого момента, но быстро сумел справиться с разочарованием и продолжил поиски людей, готовых помочь делу Тибора. Он знал, что шансы невелики, но хотел добиться свидетельств от солдат из той роты, в которой служил Тибор, когда в одиночку удерживал холм в Чире. Он накатал еще пачку писем, но большая их часть вернулась с пометкой «возврат в место подачи».

В середине 1980-х по всей стране в еврейских и центральных газетах стали появляться статьи о Тиборе и кампании в его

поддержку. Один за другим его сторонники стали публиковаться в прессе. Газета *Orange County Register* 16 сентября 1986-го напечатала историю о его лагерных подвигах. Подзаголовок звучал так: «Товарищи по службе помогают ему получить медаль за героизм, проявленный тридцать три года назад». В истории в том числе рассказывалось про законопроект Дориана, который позволил бы сделать исключение для Тибора и снять временные ограничения. Выражая свое недоумение по поводу упрямства Минармии, Дориан высказывал мнение, что сейчас Тибор сможет получить медаль, только если напрямую попросит об этом президента.

Но это бы не сработало. Бад Коллетт писал и президенту Рейгану, и его жене, но получил вежливый и бесполезный ответ: разбираться с героями войны и наградами не входит в полномочия президента.

В самом начале 1988-го Бад сумел организовать встречу с сенатором Джоном МакКейном. МакКейн, бывший летчик палубной авиации, сам был в плену у вьетнамцев, в тюрьме, печально известной как «Ханой Хилтон». Через минут пять знакомства Бад всучил в руки сенатора папку, забитую информацией о Тиборе Рубине. МакКейн ознакомился с содержимым, заинтересовался и связался с Министерством армии. Лейтенант Леланд Кляйн, координатор работы с Конгрессом, вскоре ответил, что «запрос» по поводу военного дела Тибора Рубина находится на рассмотрении. Чувствуя, что преодолел важный барьер, Бад сообщил об успехе в ЕВВ. В письмо Мишель Спивак он вложил два небольших рассказа о ветеранах Второй мировой, евреях, которым обещали, но так и не дали медалей. С точки зрения Бада, этих солдат лишили заслуженных наград только потому, что они были евреями.

Тибор терпеливо ждал решения. Время от времени он получал ободряющие письма и телефонные звонки от Бада, ЕВВ, Мишель и даже конгрессмена. В самом конце 1988-го Бен Гилман написал ему, что благодаря несгибаемой преданности этому делу ЕВВ, конгрессменов Дорнана и Лемана и сенатора МакКейна, он «уверен», что до Медали Почета осталось «совсем немного». Но в середине следующего года ЕВВ выяснили, что Минармии так и не начало пересмотр дела Тибора; их решение по-прежнему не изменилось.

14

Рэндалл Бриер все это время игнорировал проблемы с сердцем, усугубляемые вялотекущими симптомами бери-бери и других заболеваний, полученных в Корее. На исходе седьмого десятка он глотал нитроглицерин, словно это были мятные конфетки. А в 1989-м, в первый год их новообретенной дружбы с дочерью и одним из сыновей, у него случился тяжелый сердечный приступ, и он умер, немного не дожив до семидесятилетия.

Тибор внезапно потерял одного из своих главных и самых рьяных защитников, человека, который так много писал про его защиту холма в Чире и его самоличный захват в плен кучи северокорейцев. Поскольку Дик Уэйлен и Джеймс Буржуа не знали Тибора до лагеря, Лео Кормье оставался единственным живым свидетелем отваги Тибора в бою.

Смерть Бриера стала ударом по кампании. В Минармии по-прежнему считали, что военнопленные не заслуживают Медаль, что какими бы храбрыми и гуманными ни были похождения рядового Рубина в плену, их все равно недостаточно для получения высшей военной награды.

Узнав о смерти Рэндалла Бриера, Лео Кормье, Джеймс Буржуа, Карл МакКлендон и Дик Уэйлен стали писать новые письма в Минармии. Эта новая волна нотариально заверенных письменных показаний лишний раз указала на причины, по которой история Тибора так долго оставалась в тени.

Все четверо выражали негодование и разочарование по поводу нежелания Минармии разбираться с делом Тибора. Они не понимали, почему, получив столько петиций – число подписей в поддержку Тибора составило на тот момент уже больше тридцати пяти тысяч, – оно все равно отказывалось решать вопрос. Тот факт, что за последние восемь лет ни с кем из выживших ни разу не связались и ни о чем не спросили, их еще больше злил. «Вы оскорбляете не только Тибора Рубина, – писал Лео, – вы оскорбляете всех нас, всех, кто вступился за него… и весь народ Соединенных Штатов, поддерживающий Рубина своими подписями и письмами».

Дик писал, что Тибор абсолютно искренно считал, что его добрые дела – это вопрос, который касается лишь его и Бога. Уверенный, что Тибор погиб, Дик добавил, что после года, проведенного в госпитале Сент-Олбанс, он «яростно пытался забыть все кошмары» и начать новую жизнь.

Джеймс Буржуа тоже понимал, что времени остается мало. «Нас в живых всего четверо, – писал он. – Мы готовы были

свидетельствовать перед Конгрессом… но нас так и не вызвали». В ответ на объяснение Минармии, что подвиги Рубина в «Лагере 5» недостаточны для получения Медали, он приводил примеры четверых офицеров, которых наградили Медалями Почета за сопротивление врагу как раз в лагерях для военнопленных во время обеих мировых и Вьетнамской войн. С некоторой иронией он вспоминал также «Буффало Билла» Коди, разведчика и исследователя Дикого Запада, который вообще никогда не служил в вооруженных силах и которого наградили Медалью Почета в 1989-м, всего через каких-то шестьдесят лет после его смерти.

«Что касается ограничений, – писал Лео, – то ни у кого из нас… не было необходимого уровня образования. Мы не знали ни о каких ограничениях и к кому нужно обращаться с подобными вопросами».

Бад составил еще одно письмо, в котором спрашивал, чем Тибор Рубин отличается от капрала Фредди Стоуэрса, которого наградили Медалью Почета через семьдесят три года после его службы в Первой мировой.

К несчастью, через несколько месяцев после того, как четверо друзей отправили свои письма, не стало тихого южанина Джеймса Буржуа. Стараясь помочь его жене собрать необходимую сумму денег на военные похороны, Тибор написал в Минармии длинное письмо, в котором выразил уверенность, что невыносимые условия жизни в «Лагере 5» имели непосредственное отношение к хроническим болям Джеймса, а также к опухоли мозга, которая его в конечном счете и убила.

15

После смерти Рэндалла Бриера в живых оставался лишь один человек, способный засвидетельствовать храбрость рядового Рубина, проявленную под огнем противника – Лео Кормье. Лео видел, как Тибор перехватил пулемет под Унсаном и сдерживал китайцев, обеспечив безопасное отступление своим товарищам. До плена Лео находился в роте М. Он не знал Тибора, когда тот в одиночку защищал холм, пленил северокорейцев и спасал Леонарда Хэмма. Он не видел, чтобы Пейтон отправлял Рубина одного на опасные разведмиссии. Не видел он и как Рубин молился перед стволами северокорейской расстрельной команды.

Знали ли в Минармии, что один из самых преданных сторонников Тибора умер? Укрепило ли это их решимость сопротивляться дальше? Новостей от них не было никаких. Но перед самой своей смертью Рэндалл чудесным образом сумел передать эстафету, причем человеку, про которого все успели забыть: Леонарду Хэмму, которого он нашел в городе Чарльстон, Индиана.

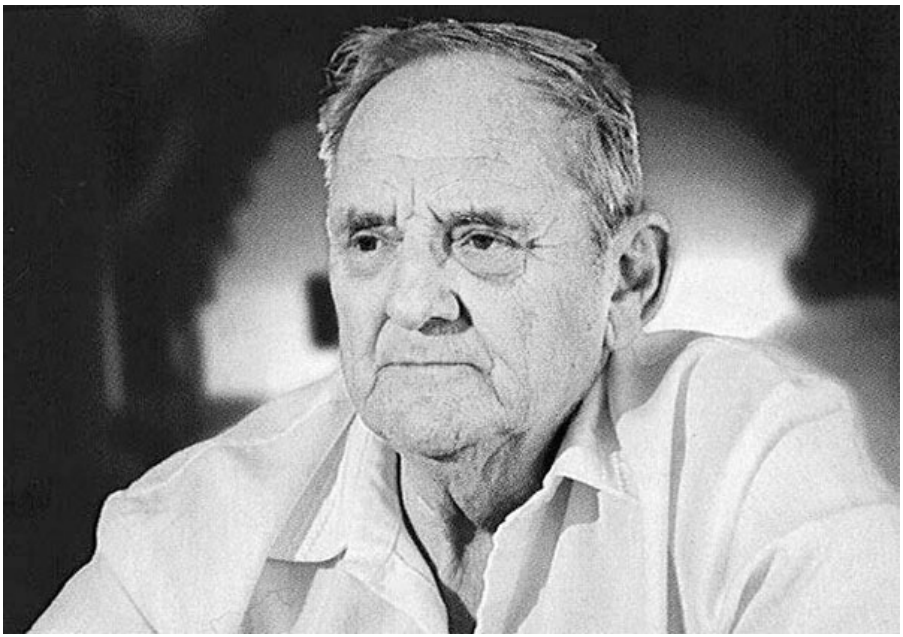
Ленни с радостью и удивлением узнал, что Тибор выжил, добрался домой и живет в Калифорнии. С того самого момента, как китайцы отпустили его в 1950-м, в знак «доброй воли», его мучила совесть за то, что он оставил там парня, который рисковал словить снайперскую пулю, вытаскивая его из канавы.

Леонард Хэмм по-прежнему сильно страдал от полученных ранений. Врачи безуспешно пытались вытащить из него осколки минометного снаряда. Сорок лет его мучили адские головные боли и звон в ушах. Он не мог пройти дальше одного квартала, как у него начинали болеть легкие, заставляя его останавливаться на отдых. Но проблемы были не только физического характера. Он никак не мог избавиться от ужасающих видений, в которых расстрельная команда почти лишает его жизни; его воспоминания были такими яркими, что нередко заканчивались рвотой. Иногда ночами он просыпался в поту, уверенный, что находится в самом разгаре рукопашной драки. «Я часто думаю, не умер ли я», – признавался он.

Здоровье Хэмма мешало ему путешествовать, и хотя он подписал несколько писем в поддержку Тибора, возможности лично рассказать свою версию событий у него не было. Все изменилось в 1992-м.

Ему потребовалось больше месяца, чтобы составить письмо на восемнадцать страниц, на одиннадцать тысяч слов, в котором он рассказывал о выдающихся достижениях Тибора на поле боя,

от обороны холма в Чире до спасения Хэмма из северокорейской засады, от ночных вылазок в Долине смерти до непрекращающихся попыток спасти жизни товарищей по оружию. Яркие и складные воспоминания бывшего капрала свидетельствовали о храбрости Тибора и неспособности Хэмма все это забыть. «Я был там не только телом, но разумом и духом», – писал он.



Лео Кормье, тот самый бывший капрал, которого Тибор называл «Полковник Кормье». Фото Бет Рис из архивов армии США

Ленни вспоминал те же истории, что и Рэндалл, но рассказывал их с еще более личной точки зрения. Рубин отказался подчиняться приказу Пейтона, чтобы спасти Ленни. Но даже эта история выглядела блекло на фоне леденящего душу рассказа о том, как Рубин противостоял северокорейской расстрельной команде.

Никто, кроме тех, кто непосредственно был там, не может представить той мучительной агонии, в которой мы все находились… Парень рядом с Рубиным упал, и Рубин помог ему подняться, держал на себе и одновременно призывал нас взяться за руки и молиться… Он стоял рядом со мной и крепко сжимал мою руку, и смотрел прямо в глаза нашим палачам.

По поводу замолчанных Пейтоном рекомендаций Рубина Хэмм писал: «У нас было два командира роты, которые оба

писали рекомендации, один на Медаль Почета и Серебряную звезду, второй только на Медаль Почета… По злой иронии судьбы, они оба погибли почти сразу после этих рекомендаций… Я был там, я видел, какие события привели к этим рекомендациям и, я свидетель всего происходившего.

Обладая мрачным чувством юмора, которое в большей или меньшей степени есть у всех ветеранов, он также добавил:

Что нам делать с Рубиным? Ну, старшина Пейтон делал все возможное, чтобы убить его, так почему бы нам не закончить начатое им? Давайте подтянем ЦРУ, пусть они разберутся с этим евреем, заставят его замолчать навсегда. Может быть, тогда прекратятся все эти гребаные письма.

Ленни был уверен, что Тибор никогда не планировал становиться героем, пусть даже сам он считал его «самым храбрым человеком в мире» и «величайшим героем» Корейской войны.

Тибор и Ленни разговаривали по телефону и переписывались, но их проблемы со здоровьем – ноги Тибора и всяческие недуги Хэмма – мешали им нормально передвигаться по стране. В 1999-м оба смогли, наконец, поправиться достаточно для того, чтобы посетить встречу ветеранов Корейской войны в Денвере, где они провели вместе целый день, рассказывая другу о своей жизни – через сорок один год после того, как китаец вытащил Тибора из транспортера и, казалось, навсегда разделил их с Ленни пути.

16

Хотя Рэндалл Бриер умер, один из его ближайших друзей, ветеран по имени Дадли Миддлтон, который также служил в Корее, продолжил искать свидетелей похождений Тибора. Только все решили, что Леонард Хэмм – последний из выживших в роте Тибора, как Миддлтон нашел бывшего капрала Гарольда Спикмэна, жившего в Айслине, Нью-Джерси.

Раненного осенью 1950-го, Спикмэна отправили в Штаты еще до того, как силы ООН остановили наступавших северокорейцев на Пусанском периметре. К его счастью, он не попал под Унсан, но зато он был на фронте, когда Тибор удерживал холм. Он прекрасно знал, что Тибора рекомендовали к Медали и что Пейтон помешал ему получить ее. Спикмэну доставалось от Пейтона сразу после Тибора, посколько сержант ошибочно принял капрала за еврея.

В своем письме в отдел кадров Минармии Спикмэн утверждал: «Я искренне считаю, что Пейтон с готовностью пожертвовал бы собственной безопасностью, лишь бы не допустить получение Медали Почета человеком еврейского происхождения или вероисповедания. Он абсолютно сознательно скрывал эти рекомендации».

Спикмэн, как и остальные, понимал, что армия не хочет признавать свои ошибки. «Но мы должны смотреть реальности в лицо на условиях сегодняшнего дня… и исправить несправедливость, вызванную действиями старшины Пейтона, – писал он. – Мы должны склонить чашу весов правосудия в пользу рядового Тибора Рубина… Сегодня мы молимся за то, чтобы правительство по достоинству наградило его за заслуги».

Ответом на эти письма было молчание.

17

Осень 1992-го. Брюс Гляйт не знал, чего ждать от первого рабочего дня адвокатом. Ему предоставили список клиентов, с которыми он должен был встретиться, но никаких пометок рядом с именами не было. Так что он никак не ждал, что к нему в кабинет зайдет лысеющий и хромающий мужчина с коробкой сливочного печенья.

Его фирма в основном занималась компенсационными выплатами и возмещением личного ущерба. Поэтому когда он увидел хромую ногу вошедшего, Брюс решил, что Тэд Рубин пришел к нему поговорить о несчастном случае. Но оказалось, что он был ветераном, который пытался получить медаль, и босс Брюса направил его к нему за помощью.

Веселый мужчина с тяжеленным акцентом, Тэд Рубин приехал к нему без единой бумаги. Брюс поблагодарил его за печеньки, а Тэд спросил молодого адвоката про его семью. Брюс не знал, зачем это новому клиенту, но рассказал, что его дед и бабка эмигрировали в Штаты из Польши через Австралию, и что им повезло сбежать от нацистов. Рубин закивал и сказал, что тоже сумел пережить нацистский террор, правда, не сказал, как именно. В течение следующего часа они поговорили про свои семьи. Затем Тэд поблагодарил Брюса за потраченное время и ушел, ни слова не сказав, зачем вообще приходил. Брюс почесал голову и переключил внимание на следующее имя в списке.

Через пару недель Тэд Рубин вернулся с еще одной коробкой печенья. Но на этот раз с ним была целая папка писем, некоторые из них от конгрессменов. Брюс забрал их домой и внимательно изучил. То, что он прочитал, потрясло его. Он еще раз подумал про озорного дядьку, сидевшего у него в офисе. Как этот коренастый, добродушный персонаж смог столько всего натворить? Затем ему в голову пришла другая мысль: события, описанные в письмах, случились во время Корейской войны, еще до его рождения.

В следующий раз, когда Тэд Рубин проковылял в его кабинет, Брюс не знал, как начать. Его аж распирало от вопросов, и как только они уселись в конференц-комнате, он затараторил.

– Невероятно! Как вам удалось не дрогнуть перед расстрелом?

– Я просто не думал о смерти, – спокойно ответил Тэд.

– А вот когда вы были один, на холме, и на вас шло столько народу – о чем вы думали?

– Ну, я посмотрел на Бога. Сначала я спросил его, зачем Он

оставил меня здесь. Затем я как следует Его выругал.

– Сердиты были, да?

Тэд закивал и указал в потолок.

– Я себе пообещал, что если когда-нибудь выберусь оттуда, первым делом засужу Его.

– И в концлагере вы были?

– Ага, четырнадцать месяцев.

– Как вы выжили?

– Мне повезло.

Брюс чувствовал себя дураком, задавая все эти вопросы, но остановиться уже не мог. Потрясающие детали сваливались на него одна за другой, словно мощные волны. Брюс поразился прямоте и скромности этого человека. Он никогда не встречал подобных, не знал, что такие вообще существуют.

Тэд Рубин продолжал приходить к Брюсу каждые две недели. Хотя целью визитов была юридическая помощь, он никогда не просил адвоката сделать что-то конкретное. В основном он просто задавал вопросы и слушал. Полтора года спустя Брюс открыл собственную фирму и предложил помочь Тэду Рубину, хотя и знал, что шансы на победу у него невысоки.

У Брюса не было достаточно ресурсов, чтобы судиться с Минармии, но он и его коллега, Пол Камбио, считали, что если ударить организованно, вместе с конгрессменами и ветеранскими организациями, они смогут добиться успеха.

Адвокаты прекрасно понимали, что у них мало времени. Кое-кто из сторонников Тэда уже умер. Один из самых его влиятельных защитников, конгрессмен Лес Аспин, бывший министр обороны при президенте Клинтоне, умер в пятьдесят шесть. Пятеро из семи солдат, засвидетельствовавших свою поддержку Рубину, тоже умерли – последним стал Карл МакКлендон. Адвокаты не хотели, чтобы Тэд получил Медаль посмертно.

Гляйт и Камбио составили шестистраничное письмо на имя министра армии Того Уэста, в котором вкратце пересказали суть дела Тибора, а также привели в пример пять случаев, когда солдат награждали медалями спустя много лет после их службы. Другими словами, они обернули старую информацию в новую обертку. Но кое-что от себя они все же добавили: исследование Университета Шо по делам семи чернокожих героев Второй мировой, которых нарочно лишили заслуженных медалей. Исследование заключало, что «определенный политический климат и устоявшиеся армейские традиции» помешали признать заслуги этих людей в установленный законом срок.

Хотя пятьдесят восемь чернокожих солдат все-таки наградили

Медалью с момента ее первого вручения в 1863-м, ни один черный герой Второй мировой ее не получил. После того, как исследование получило огласку, дела этих семерых пересмотрели. В 1997-м провели церемонию награждения, и президент Клинтон наградил всех семерых – правда, шестерых посмертно. Гляйт и Камбио закончили письмо вопросом: «Чем случай Тибора Рубина отличается от остальных?»

Того Уэст заявил о получении письма, но не более того. Этим он позволял адвокатам довести дело до суда. Но когда Гляйт и Камбио предложили этот вариант Тибору, он отказался – ни в какую не хотел судиться с армией. И все же оптимизм он не потерял – по крайней мере, так показалось адвокатам.

– Когда я получу Медаль, вы будете стоять по обе стороны от меня, – объявил он в заключение очередной встречи, на которой Гляйту и Камбио вновь нечем было его порадовать.

Если душа Тэда Рубина и пострадала от всего, что произошло с ним в Европе и Корее, он этого никогда не показывал. Брюс Гляйт всегда чувствовал воодушевление после бесед с этим человеком. Однако проблему это не решало: спустя шестнадцать лет и столько безуспешных попыток множества людей Министерство армии даже не посмотрело в сторону Тэда Рубина.

18

В марте 1951-го рядовой Леонард Кравиц, обороняя позицию недалеко от Енпхена, перехватил пулемет у раненого товарища и направил его на толпы прущих китайцев. Спустя две оголтелых атаки взвод Кравица вместе с еще одним получили приказ отступать. Но Кравиц отказался покидать позицию и остался у пулемета, обеспечивая огневое прикрытие, даже когда его товарищи, уже находившиеся в безопасности, просили его отступиться. Когда на следующий день американцы вернули себе позицию, они обнаружили возле пулемета искромсанное тело Кравица, окруженное мертвыми китайцами.

Командир роты Кравица рекомендовал его к получению Медали Почета, которую он не получил. Вместо этого ему дали вторую по значимости военную награду – Крест «За выдающиеся заслуги». Несколько десятков лет его друзья не могли найти ответ на вопрос, почему другие, например рядовой Уилльям Томпсон, получили высшую награду за ровно такую же жертву, которую принес своей стране Кравиц. Они также не понимали, почему из всех ста тридцати двух медалей, полученных героями Корейской войны, ни одной не досталось еврею.

В 2001-м Палата представителей и Сенат предложили законопроект, целью которого был пересмотр личных дел Кравица и других еврейских ветеранов, скорее всего, незаконно лишенных Медали Почета. Финальный вариант законопроекта, подписанный президентом в рамках Акта об авторизации национальной обороны 2002-го, был также составлен на испанском языке для испаноговорящих ветеранов, которых тоже лишили медалей. Новый закон предписывал военным обратиться в ЕВВ и другие организации с целью составить список имен, который затем нужно было сдать в наградной комитет на рассмотрение. Затем рекомендации, составленные на основе этого списка, отправятся президенту на подписание. Несмотря на то что закон снимал старые временные ограничения, на выполнение всей вышеописанной процедуры он устанавливал срок всего в один год.

19

Мишель Спивак только что выключила прикроватную лампу и накрылась одеялом с головой, как зазвонил ее мобильный. День на работе был тяжелый, да еще ее дочка никак не могла уснуть. Она решила не отвечать на звонок, но в последний момент глянула экран и увидела надпись «Т Рубин».

Это был 2002-й, прошло почти три года с момента ее ухода из ЕВВ ради высокого поста в Министерстве по делам ветеранов США. Она больше не работала с делом Тибора, хотя они все равно созванивались каждые пару недель.

Мишель очень обрадовалась, когда законопроект «Ленни Кравица» вступил наконец в силу. Но даже до закона она чувствовала, что в Капитолии что-то менялось. Гражданам США японского происхождения, оказавшимся в лагерях для интернированных после Перл-Харбора, стали выплачивать репарации. Семерых чернокожих солдат наградили в 1997-м. А в сентябре 1998-го директива Конгресса помогла получить военные награды двадцати с лишним азиатам, заслуги которых игнорировали со времен Второй мировой. Кажется, пришло время и Тибору получить свою Медаль.

Как только проект «Кравиц» вступил в силу, ЕВВ отправило на рассмотрение в различные военные инстанции около 130 личных дел. Несмотря на такой поток документов, Мишель твердо верила, что дело Тибора было особенным. Она позвонила знакомым и поспрашивала, какие были новости. Ходил слух, что индивидуальные дела рассматривались отдельно и что когда жирную папку Тибора принесли на заседание, кто-то сказал: «Ох, глянь-ка вот на эту». Она спросила себя: если они и правда прочитают все это, все эти письма, с открытыми глазами и сердцем, разве это их не тронет? Но шел декабрь, и ни единого еврея не порекомендовали к получению Медали Почета, даже самого Ленни Кравица.

Тибор позвонил Мишель и радостно спросил, не против ли ее муж, если она побеседует немного со своим венгерским бойфрендом. Она встала и вышла с телефоном в зал.

Пожаловалась на колики дочки и на холодную погоду. Тибор похвастался лимонами на заднем дворе. Они посмеялись. Затем его тон изменился.

– Ленни Хэмм умер, – сказал он после долгой паузы.

Тибор и Ленни вместе находились на конференции в Вегасе, когда Ленни вдруг свалился. Он и Тибор шли по оживленной улице, когда он вдруг стал задыхаться и упал на колени. Потом

ему стало лучше, он даже посетил церемонию закрытия, но спустя два дня умер.

Мишель знала, каким это было ударом. У Тибора осталось всего два военных друга, Лео Кормье и Дик Уэйлен. И хотя Бад Коллетт по-прежнему боролся за него, почти все защитники Тибора потеряли к нему интерес и занялись своими делами. Тибор проигрывал войну на изнурение.

– Ты в меня еще веришь, Мишель? – спросил он, словно прочитав ее мысли.

– Конечно, верю. Ничего не изменилось.

Она хотела звучать убедительно, но голос ее прозвучал пусто. Пятнадцать лет прошли с того момента, как она взялась за дело Тибора. Она успела развестить с первым мужем, снова выйти замуж и родить еще одного ребенка. Вдобавок к ответственной работе она воспитывала двух мальчишек-подростков и маленькую девочку. Она, конечно, следила за делом Тибора, но помочь ему уже не могла. Ему она об этом не говорила – она и себе-то признаться не хотела. Тибор по-прежнему посылал ей пачки бумаг, вырезок и писем, многие из которых были копиями того, что он присылал несколько недель или даже месяцев назад.

Мишель захлестнули эмоции, она попыталась и не смогла вспомнить, когда они виделись последний раз. Годы прошли, не меньше. Его голос звучал теперь почти отдельно от его образа. Удовольствие, которое она получала, помогая ему, успокаивающее тепло его присутствия, даже неотвеченные вопросы о его убеждениях, которые так долго не давали ей покоя – все это осталось в прошлом. Ее любовь к нему все еще была сильна, но теперь она стала беспомощной. Она не знала, что с ней делать.

20

Приближались праздники 2003-го, и Тэдди Рубин начал делать открытки и отправлять их своим друзьям и сторонникам, кто все эти годы помогал ему в уже третьей войне в его длинной и удивительной жизни. Мишель, Бад, конгрессмены, Брюс Гляйт и многие другие получили письма, в которых семидесятипятилетний ветеран желал им здоровья, спрашивал о семьях и шутил по поводу пяти попаданий в больницу в этом году, три из которых чуть не оказались смертельными.

Тибор пережил несколько стентов в сердце, диабет, проблемы с сосудами в ногах и резкие боли из-за шрапнели, которая до сих пор оставалась в руке, груди и «нормальной» ноге. Ко всему прочему колено на его больной ноге снова опухло до размеров софтбольного мяча. «Врачи говорят, что дела у меня плохи, – писал он, – но я подумал и решил пока не умирать».

Он благодарил их за все, что они сделали, чтобы он получил Медаль, и конечно молчал о реальном положении дел: ничто не говорило о том, что он ее вообще когда-нибудь получит.

21

В 2004 – м Кэсси Кьярелли, учительница, жившая на Лонг-Айленде, решила, что слишком долго избегала истории своего отца. Прошло десять лет с тех пор, как Ленни Кьярелли умер от сердечного приступа в казино «Трамп-Плаза» в Атлантик-Сити, в возрасте шестидесяти четырех лет. «Скорая»

не успела отвезти его до больницы. Его двоюродный брат, который был там с ним, сказал, что Ленни умер, занимаясь любимым делом.

На момент смерти Ленни проживал в Вирджинии со своей второй женой и маленькой дочкой. Кэсси считала, что он пусть худо-бедно и примирился сам с собой, но для взрослых детей оставался загадкой. Он никогда не обсуждал Корейскую войну ни с Кэсси, ни с ее сестрами, ни с их матерью. Даже его кузены в Бруклине не знали, что произошло «там».

Когда она попыталась разобраться в мутной жизни своего отца, Кэсси вспомнила имя Тибора Рубина и переписку двух семей. Ребенком она видела фотографии Рубиных в Диснейленде – красивую женщину, улыбающегося мужчину и двух здоровых детишек, мальчика и девочку. Она помнила, как отец говорил, что Рубин помог ему справиться с ужасами Кореи, хотя никогда не вдавался в подробности.

Письма и фотографии пропали. Она позвонила второй жене отца, но та никогда не слышала про Тибора Рубина. Кэсси понятия не имела, жив или нет боевой товарищ ее отца, и где его надо искать.

Она обратилась к другу, который разбирался в этих вопросах, с просьбой помочь ей найти Тибора Рубина. Через несколько дней он поделился с ней удивительной новостью: «Ты знала, что он типа герой войны?» – спросил он. Нет, она не знала. Он показал ей статью в Интернете. Это действительно был человек с фотографии. Она моментально узнала его улыбку.

Последний раз она писала ему в 1979-м, сообщить про смерть матери. С тех пор прошло двадцать пять лет. Кэсси решила написать ему снова, но переживала, что если будет долго подбирать слова, письмо так никогда и не напишется. Поэтому она позвонила в Калифорнию.

Тибор продержал Кэсси на телефоне два часа, они говорили в основном про ее отца. Он обрисовал ей упрямого и гордого бруклинца, который воровал еду у китайцев и всеми силами сопротивлялся их образовательным потугам. Когда он закончил, Кэсси едва не взорвалась: «Я даже не знаю, что сказать сестрам и

теткам, – поделилась она. – Они вообще никогда не слышали ничего такого».

Две недели спустя она получила пятистраничное письмо от Тибора, в котором он пересказал суть их телефонного разговора. Но письмо оставило больше вопросов, чем ответов. Она снова позвонила ему и спросила, можно ли ей приехать к нему. Он ответил, что у него проблемы с сердцем; врачи планировали стентирование, и до полного восстановления ему нельзя ни с кем видеться. Но через две недели после праздников он позвонил ей и радостно сообщил, что ему гораздо лучше и он будет счастлив, если она сможет приехать в Гарден-Гров. Кэсси прилетела в Калифорнию в День Мартина Лютера Кинга, в 2005-м.

Такси высадило ее перед одноэтажным типовым домом недалеко от аэропорта округа Ориндж. Ивонн, Рози, Фрэнк и Тибор встретили Кэсси как родную и усадили за обеденный стол.

С праздников прошел уже месяц, но в зале было так много нераспакованных подарков – сувениров, книг, игр, мозаик, – что Кэсси с трудом могла пройти по комнате. Тибор ворчал, что все это подарки для пациентов ветеранских госпиталей, но его сердечные дела помешали ему доставить их вовремя. Тем не менее он был уверен, что к следующему Рождеству он их точно доставит.

Тибор не стал говорить, что его беспокоило не только сердце, но и нога, мешавшая нормально ходить. Впрочем, никакая болячка не помешает ему насладиться семейным ужином. Попивая вино, он заметил, что врачи посоветовали ему пить поменьше. Чуть позже, уплетая батончики *Butterfinger,* он признался, что у него диабет.

В свои семьдесят пять Тибор по-прежнему был неустанным рассказчиком. Он с удовольствием поведал им, как они с отцом Кэсси неоднократно дурили китайцев, как воровали с их лодок и складов. Поначалу она искренне смеялась, но потом задумалась о том, что ее отец на самом деле был куда находчивее, чем она думала.

Вечером, когда остальная семья отправилась спать, Тибор рассказал Кэсси, как трудности «Лагеря 5» изменили ее отца. Он объяснил, что в самом начале пленники чувствовали себя загнанными кошками в плену не только у китайцев, но и у собственных страхов. Их мучали голод, холод, болезни, но больше всего осознание того, что они, возможно, уже никогда не увидят родной дом. Но время шло, и многие побороли свои страхи и стали учиться выживать. Кое-кто нашел в себе силы и желание бороться с китайцами. Ее отец был из таких. Эта небольшая группа была похожа на стаю львов. Риски, на которые

они шли, чтобы отомстить захватчикам, сделали их королями джунглей под названием «Лагерь 5».

Тибор хотел, чтобы Кэсси поняла: годами властвуя в корейских джунглях, львы вдруг оказались на свободе – в джунглях совсем иного рода, с другими правилами. Для тех, кто забыл эти джунгли, Америка стала еще одной формой плена, к которой они оказались не готовы. Насколько Тибор мог судить, Ленни не был готов. Он оставался воином. Он закончил свою речь просьбой: из уважения ко всему, через что прошел Ленни-солдат, Кэсси обязана простить его за его грехи.

Через пару дней она уезжала из Гарден-Гров с другим отношением к отцу. Она освободилась от жестокой неопределенности, раздиравшей ее при любом воспоминании об отце. Она начинала понимать, как сложно было ему привыкнуть к мирной жизни и как тяжело наблюдать собственные неудачи на фоне успехов других.

22

Телефонный звонок прорвал тишину комнаты, словно сирена. Тибор старался игнорировать его – как раз собирался вздремнуть. Но когда звонок прозвенел в третий раз, он рванулся к трубке, пытаясь обогнать автоответчик, которым он так и не научился пользоваться.

Дома никого не было; Ивонн ушла обедать с подружками. Нога Тибора мешала ему, но он успел схватить телефон на четвертом звонке, как раз вовремя. Голос заговорил еще до того, как он успел сказать «алло».

– Это мистер Тибор Рубин? – спросил звонивший с густым, южным акцентом.

– Он, да.

Там секунду помолчали.

– Капрал Тибор Рубин, 3-й батальон, 1-я кавалерийская дивизия?

– Он самый.

– Говорит президент Соединенных Штатов.

Теперь молчал уже Тибор.

– Вы там, капрал Рубин?

Тибор замер. Джордж Буш? *Президент* Джордж Буш? Там помолчали еще некоторое время. Затем послышался смешок, потом – знакомый хохот. Это не президент Буш. Это Бад Коллетт.

Это был не первый его розыгрыш, но это был, пожалуй, лучший. Тибор заревел.

Бад был «начальником штаба» кампании Тибора, как он сам его называл, вот уже двадцать пять лет. Он написал почти двести писем в поддержку Тибора, почти все печатая двумя пальцами. Несмотря на все неудачи, его энтузиазм до сих пор не угас. Если кто и мог как следует рассказать историю борьбы за Медаль Почета, так это Бад.

Как выяснилось, Баду нечем было порадовать Тибора. Он позвонил пожаловаться на жену, здоровье и текущее положение дел в мире. Тибор рад был, что у друга все хорошо. Что до Медали, то им обоим уже плевать было, сомнителен ли их успех, маловероятен или просто невозможен. На дворе – середина 2005-го. Они все еще отправляют письма и петиции. Плевать, отвечают на них или нет. Бад недавно здорово пошутил, что они уже такие старые, что не могут даже против ветра пописать, не обмочив штаны. Провал кампании за Медаль не волновал их. Они смирились с поражением.

23

Третьего июля 2005-го дневной сон в доме Рубиных нарушил еще один звонок. На этот раз к телефону подошла Ивонн.

– С тобой хотят поговорить, – крикнула она из зала. – Представился офицером.

Бад Коллетт в униформе, 75 лет. «Начальник штаба» Тибора.

– Скажи, что я сплю, – прокричал в ответ Тибор. – Пусть позже позвонит.

Офицер и правда перезвонил, но Тибор смотрел телевизор и раздраженно взял трубку, которую ему передала Ивонн. Звонящий представился подполковником Бандини. «Мистер Рубин, я звоню поздравить вас, сэр. Вас награждают Медалью Почета, высшей военной наградой нашей страны».

Тибор посмотрел на Ивонн, которая с нетерпением ждала узнать, что ему там говорят. «Говорит, что мне дают Медаль Почета». Он неловко посмеялся.

– Тебе? Медаль Почета? – улыбнулась Ивонн. – С дуба что ли рухнул?

– Ну он так говорит.

Тибору уже не раз звонили с розыгрышами. Вопрос был только в том, кто это делает сейчас.

– Повесь трубку, – сказала Ивонн. – Эти люди тебя с ума сведут.

Тибор повесил трубку, но минуту спустя подполковник перезвонил. В этот раз он был более настойчив. «Я звоню вам из Пентагона, сэр. Вы получаете Медаль Почета. Мне нужно рассказать вам о церемонии».

Тибор замолчал и секунду подумал.

– Вы сейчас серьезно?

– Абсолютно, мистер Рубин.

Тибор приподнялся на стуле. Внезапно ему нечего было сказать. Пока он пытался успокоить дыхание, подполковник перечислял, что нужно сделать, чтобы, как положено, оказаться на церемонии в Белом доме. Слов у него, может, и не было, но слушал Тибор внимательно. Ему оплатят дорогу туда и обратно. Приглашают всю семью Рубиных. Охране нужны их имена, даты рождения и номера соцстрахования. Тибору предоставят четырех охранников. В завершение подполковник попросил Тибора не разглашать эту информацию, пока они не сделают официального заявления для прессы.

Как только звонок закончился, Тибор пересказал его содержание Ивонн. «Ну не знаю, Тэдди», – сказала она задумчиво.

– Меня рассматривали в качестве кандидата на Медаль, но там была куча чужих дел, – сказал Тибор безучастно. – Может, они наконец добрались до меня.

Ивонн сомневалась: «И что, надо ехать в Вашингтон?»

– Ивонн, – пробормотал он, – они все оплатят. Самолет, отель, еду. Они мне даже телохранителей дадут.

– Телохранителей? – усмехнулась Ивонн. – Тебе что, драться за эту Медаль надо будет?

– Нет, Ивонна. Я за нее уже достаточно подрался.

Тибор начал звонить друзьям и сочувствующим, рассказывать про Медаль – и никак не мог остановиться. Жена силой заставила его отойти от телефона в два часа ночи. В восемь утра он схватил телефонную книгу и продолжил с того места, где остановился вчера. Он был так счастлив, что некоторым позвонил дважды.

Мишель Спивак ничего слышала от Тибора уже несколько месяцев, посему его звонок июльским вечером в четверть двенадцатого, когда в ее доме уже все спали, застал ее врасплох. Она увидела имя Тибора на экране телефона, тихонько встала с постели, чтобы не разбудить спящего мужа, и на цыпочках вышла в зал. Было подозрение, что что-то не так. Она приготовилась услышать плохие новости.

– Мишеееель, я везу тебя в Белый дом! – закричал Тибор. Она на секунду решила, что он из ума выжил.

– Ты серьезно? – сказала она, пытаясь не кричать.

– Да! Они дают мне Медаль! Обещаю! Мы едем в Белый дом!

Осознав происходящее, Мишель начала одновременно плакать и смеяться. «Расскажи мне все, – тараторила она. – И не торопись. Я все равно уже не усну».

Брюс Гляйт тоже спал, когда ему позвонил Тибор. Было поздно, уснул он давно, а потому когда мощный акцент прокричал в трубку «Я получил медаль!» и «Мы скоро стоять в Белый дом!», Брюс решил, что это ему снится. Несколько секунд спустя, разобрав, кто ему звонит и о чем он говорит, он быстро посчитал в уме и понял, что прошло уже пятнадцать лет, как Тэдди Рубин не заходил к нему в офис.

Брюс был дико удивлен, и не успел он собраться с мыслями и расспросить о деталях, как Тибор повесил трубку. Он попытался ему перезвонить, но линия была занята. Всю оставшуюся ночь Брюс лежал и думал, что же в итоге перевесило чашу весов в пользу Тибора. Он пялился в потолок и смеялся: старик в конце концов победил.

Племянник Тибора Роберт, кадровый сотрудник в отставке, тоже получил несвязный звонок в середине ночи. Роберт тихо поздравил дядю, но рано утром первым делом позвонил в Пентагон. Представившись, он вскоре говорил с подполковником Бандини. Роберт вздохнул с облегчением, узнав, что подполковник и правда существует.

– Да, его правда награждают, – заверил его Бандини, – но я просил его никому не рассказывать пока об этом.

– Ну тут вы прокололись, – ответил ему Роберт. – Вы

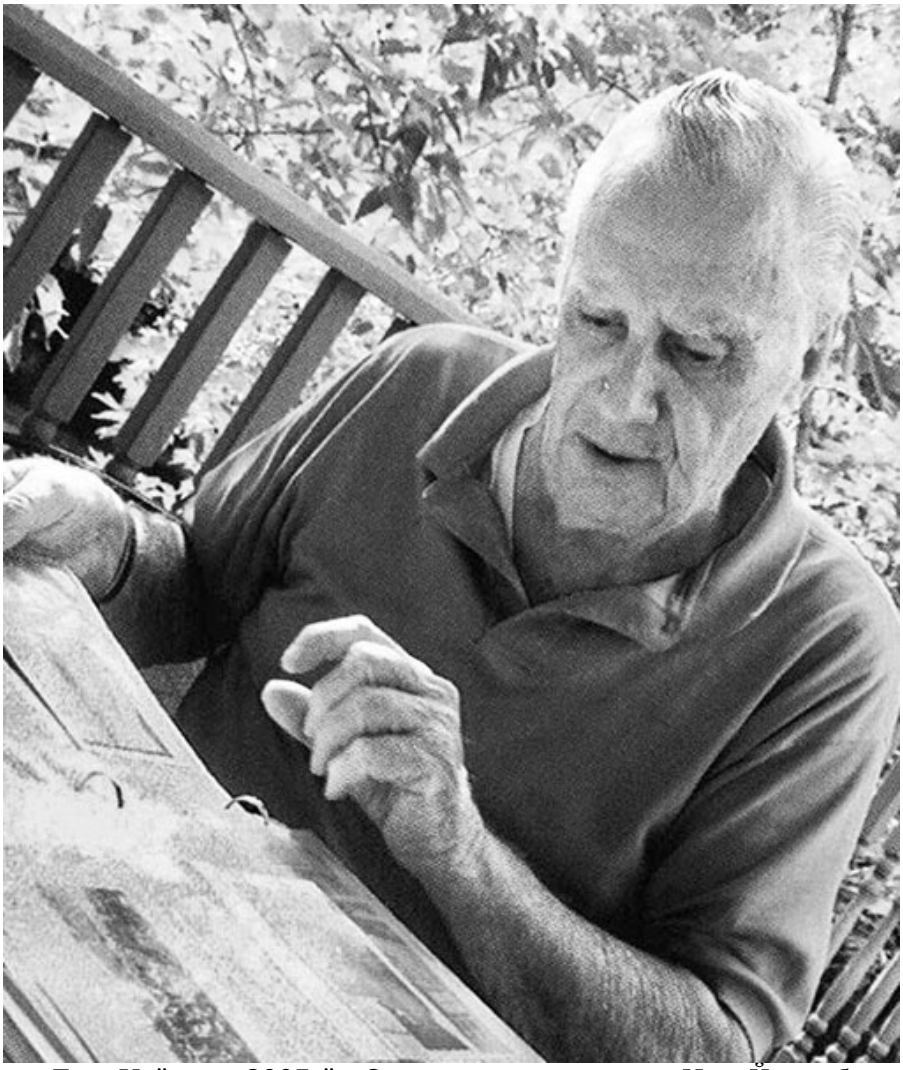
попросили сохранить секрет семидесятишестилетнего еврея.

В конце июля Бад Коллетт вернулся из пятинедельного отпуска и обнаружил, что его автоответчик забит до отказа. Почти все сообщения были от Тэда. Все они звучали примерно одинаково: «Перезвони мне, прямо сейчас!»

– Я получил ее! Они дают ее мне! – орал Тибор в трубку, как только Бад до него дозвонился. Бад слышал, как радуется его друг раньше, но таким он его не помнил. Сначала он решил, что Тибор сходит с ума. Потом он понял, что значит «ее». Даже после поздравлений Бада Тибор не мог остановиться.

– Успокойся, – сказал ему Бад. – Ты ведь не хочешь, чтобы тебя удар хватил. По крайней мере, сейчас.

23 сентября Дик Уэйлен сел на поезд и отправился в Вашингтон. Он нервничал, потому что прямого маршрута из Роттердама до столицы страны не было. Каждый раз, когда он пересаживался с одного поезда на другой, его бросало в пот. За последние пятьдесят пять лет он впервые выехал за пределы штата Нью-Йорк.



Дик Уэйлен, 2005-й. Он не покидал штат Нью-Йорк более пятидесяти лет. Фото Бет Рис из архивов армии США

Он вообще-то не собирался покидать Роттердам, особенно на пенсии, но получив приглашение на церемонию награждения своего друга Рубина Медалью Почета, он решил сделать исключение. Прибыв в Вашингтон, он понял, что ему путешествие даже понравилось. Дик вдруг снова вспомнил это острое чувство, эту жажду приключений, которая принесла ему столько проблем в юности.

24

Тибор долго думал, что скажет президенту Джорджу Бушу, когда их познакомят. Забавно выходило: это был второй срок республиканца, а Тибор оба раза голосовал против него. Поразмыслив как следует, он решил сказать вот что: «Господин президент, я не голосовал за вас на прошлых выборах, но на следующих, обещаю, мой голос будет вашим».

Он поделился шуткой с Ивонн и детьми. Они не оценили. Тогда он рассказал ее племяннику Роберту, который по долгу службы бывал на многих церемониях награждения. Роберт предложил ему подумать еще. Тогда Тибор отвел Мишель в сторону и рассказал шутку ей. Мишель, убежденная демократка, посмеялась, но сказала, что в данном случае лучше обойтись без юмора. Тибор решил пока придержать шутку.

Днем двадцать шестого сентября 2005-го три автобуса, набитые друзьями и родными Тибора, подъехали к Белому дому. Двести с лишним человек набились в Восточную комнату в ожидании начала церемонии, запланированной на 14:45. Появились конгрессмены Уэкслер и Гилман, министр армии и другие военные чины. Бад Коллетт и Мишель Спивак тоже присутствовали. Была и Дэйзи Поллак, бывшая невеста Имре и лучшая подруга Ирэн на протяжении тридцати с лишним лет. Но важнее всего для Тибора было присутствие двух единственных выживших боевых его товарищей, Дика Уэйлена и Лео Кормье, которые смогли разделить с ним этот выдающийся и ценнейший момент.

Президент Буш говорил десять минут, пересказывая историю Тибора с самого венгерского детства и вплоть до героических подвигов в Корее. Когда он закончил, зачитали приказ о награждении.

Капрал Тибор Рубин отличился выдающимся героизмом в период с двадцать третьего июля 1950 года по двадцатое апреля 1953 года, находясь в составе первой роты 8-го кавалерийского полка 1-й кавалерийской дивизии в республике Корея. Когда его отряд отступал к Пусанскому периметру, капрал Рубин получил задание остаться и охранять важный участок дороги Тэгу-Пусан, используемый союзными силами для отступления. Во время последовавшего сражения превосходящие числом северокорейские силы атаковали холм, защищаемый одним лишь капралом Рубиным. За время своей двадцатичетырехчасовой вахты он сумел нанести врагу непоправимый урон, в одиночку задержав продвижение противника и позволив 8-му кавалерийскому полку

успешно завершить отступление.

В рамках прорыва Пусанского периметра 8-й кавалерийский полк продвинулся далее на север и оказался на территории Северной Кореи. В процессе продвижения капрал сумел захватить в плен несколько сотен северокорейских солдат. Тридцатого октября 1950 года его отряд подвергся массивному ночному нападению китайских сил под Унсаном, Северная Корея. В ту ночь и в течение всего следующего дня капрал управлял тридцатикалиберным пулеметом на южной линий обороны отряда после того, как троих предыдущих стрелков ранили и убили. Он продолжал управлять пулеметом до тех пор, пока в нем не закончились патроны. Его решительные действия позволили задержать продвижение врага в том секторе и обеспечить остатки отряда возможностью безопасно ретироваться на юг.

В пылу битвы капрала Рубина серьезно ранили и захватили в плен китайцы. Сознательно решив остаться в лагере для военнопленных несмотря на предложения китайцев вернуть его в родную Венгрию, капрал Рубин рисковал собственной безопасностью, выбираясь из места заключения по ночам в поисках еды для своих товарищей. Вламываясь в склады и сады врага, в случае обнаружения он рисковал собственными здоровьем и жизнью.

Капрал Рубин обеспечивал голодающих солдат не только пищей, но также критически необходимой медицинской помощью и моральной поддержкой. Его храбрые, самоотверженные действия были напрямую направлены на спасение жизней сорока боевых товарищей. Доблестные действия капрала Рубина, направленные против врага, и несгибаемые храбрость и отвага, проявленные в лагере для военнопленных, соответствуют высочайшим традициям военной службы и служат причиной для гордости за него и за всю армию Соединенных Штатов Америки.

Все, что армия упускала или не признавала два с половиной десятилетия, было в этом приказе. Подвиги Тибора были признаны официальными, вписанными в журналы боевых действий, чтобы каждый мог на них посмотреть и никто не мог их отрицать. Он стал пятнадцатым евреем, награжденным Медалью Почета с того самого момента, как Авраам Линкольн создал ее во времена Гражданской войны.

Снова заговорил президент, а Бад Коллетт обернулся и оглядел толпу присутствующих в Восточной комнате Белого дома – столько военных чинов сидит здесь, высочайшие представители вооруженных сил страны, мужчины и женщины, сделавшие головокружительные карьеры на службе своей родине. Бад был

счастлив оказаться частью этого события и не хотел отвлекаться на всякие дурные мысли – но кое-какие вопросы сами всплывали у него в голове.

Интересно, хоть кто-то из этих уважаемых защитников родины читал хотя бы одно или два письма из тех двух сотен, что он им отправил, и если да, то сразу ли они выбросили их в мусорку, или подождали немного? Еще интереснее вот что: кто из этих выдающихся солдат, которые сейчас стояли и аплодировали Тибору, так активно мешал ему получить эту Медаль? Они же все солдаты здесь, верно? Интересно, думал Бад, их личные достижения сравнимы с подвигами Тибора? И раз уж мы тут все собрались, может, обсудим заодно, почему Тибор так долго ждал награды за то, что сделал пятьдесят лет назад? Чего такого они узнали сейчас, чего не знали про него, скажем, десять или двадцать лет назад? А, и вот еще вопрос, важный вопрос: а знают ли они о судьбах других мужчин и женщин, которых вот так же лишили заслуженных наград, и если да, то сделали ли они хоть что-нибудь, чтобы помочь им?

У Бада аж зачесалось все, так ему захотелось вскочить и обратиться к этим бездельникам в комнате. Но он не стал. Он был хорошим солдатом и умел держать язык за зубами.

Сыновья и дочери Тибора, Миклоша, Имре и Ирэн все были на церемонии в Белом доме, вместе с новым поколением – своими собственными сыновьями и дочерьми. Джо Хантли, муж Ирэн, тоже был, был и Брюс Гляйт с семьей. И Глория была; последний из иммигрировавших живой представитель фамилии Рубин, кроме Тибора. Миклоша, Маркеты, Имре и Ирэн уже не было в живых. Глория, та из Рубиных, что больше всех сомневалась в Тиборе и его заслугах, осталась одна. Но она теперь знала. Она, может, и не понимала Тибора, может, и никогда его не поймет, но теперь ей хотя бы стало ясно, что она так сильно ошибалась по поводу младшего брата своего мужа.

Позже, в Пентагоне, портрет Тибора повесили в Зале Героев. Гостей было так много, что все, кому не хватило места, стояли в соседних комнатах и наблюдали за церемонией по специальным экранам. На званом обеде Дик Уэйлен и Лео Кормье рассказывали юному поколению, как Тибор спас им жизни. Почти никто из молодых ребят не знал этих историй. Дик и Лео с гордостью рассказывали и пересказывали их. Старые солдаты, они считали это своим долгом.

25

Эдит Гоффман и ее подруги играли в карты в кантриклабе Олд Уэстбери на Лонг-Айленде, когда разговор вдруг зашел о членах семьи, служивших в армии. Был День памяти, 2007-й, и они рассказывали про родных, сражавшихся на полях Второй мировой, Кореи и Вьетнама. Женщины говорили: «Как здорово все-таки, что почти все они вернулись живыми». Тут одна из них вслух подумала: «А евреев награждали Медалями Почета?» Все решили, что да, наверняка награждали, учитывая, сколько их вообще воевало за все это

время. Но никто не смог назвать имя хотя бы одного из них. Да и не только евреев: единственный обладатель Медали, которого они смогли вспомнить, был Оди Мерфи. В пятидесятых, после Второй мировой, Мерфи стал кинозвездой и даже сыграл сам себя в автобиографической ленте «В ад и обратно». Но Мерфи не был евреем.

Позже, дома, Эдит залезла в Интернет и выяснила, что с момента создания Медали Почета во время Гражданской войны ее получили восемнадцать евреев. Заинтересовавшись их историями, она прочитала их все по соответствующим ссылкам, вплоть до Джека Робертса, который получил Медаль за Вьетнам. В конце она обнаружила, что единственный еврей, награжденный Медалью за Корейскую войну, получил ее только в 2005-м, пятьдесят пять лет спустя.

Фото Тэда Рубина показалось ей знакомым. Заинтригованная, Эдит стала читать дальше. Она ничего не знала про его подвиги, хотя про отдельные детали его биографии она уже, кажется, где-то слышала; собственно, они были похожи на историю одного из друзей ее мужа, с которым она пару раз встречалась в отеле «Марсель», еще в Нью-Йорке, где она и муж только познакомились. Она не знала этого человека, и все это было очень и очень давно, но она вспомнила, что Норман Фрайман, еще один друг ее мужа, близко знал Тибора Рубина, когда те жили в лагере для беженцев в Европе.

Она показала мужу, Исааку, фото семидесятишестилетнего Рубина с медалью на шее. «Это разве не твой друг из Нью-Йорка?» – спросила она.

Исаак удивленно посмотрел на фото. «Мне откуда знать? – крякнул он. – Это же старик какой-то».

Эдит вернулась к компьютеру и нашла фото, сделанное в Корее, на котором Рубину было примерно двадцать с чем-то лет. Исаак тут же узнал юного солдатика с уверенным выражением

лица. «*А* это ж Тиби Рубин!» – крикнул он.

Он немедленно позвонил Норману Фрайману.

– Я искал этого парня везде, где только в голову приходило, – ответил ему Норман, когда Исаак рассказал ему про фото, найденное Эдит. – Ничего про него не слышал после того, как он в армию ушел.

– Ты не поверишь, – сказал Исаак. – Солдатик наш *роем* стал.

Исаак хорошо помнил первые встречи с Тибором и те вопросы, которые он у него вызывал почти шестьдесят лет назад. Фото и история, которые он видел перед собой сейчас, шли вразрез с его первым впечатлением о Тиборе: тогда он показался ему красивым, очаровательным, но замкнутым одиночкой. Приказ о вручении Медали Почета стал для Исаака откровением, подарившим ему уйму новых вопросов. Как Тибор Рубин умудрился совершить столько потрясающих подвигов? Как это Исаак в свое время не смог заметить в нем даже намека на такой самоотверженный героизм? Ему срочно требовалось увидеть Тибора и выслушать его историю живьем, дабы вот эти распечатанные листки бумаги обросли плотью и костями. Быть может, наконец-то, спустя все эти годы, он сумеет понять его? А может и нет. Быть может, ему не суждено разгадать истинную сущность Тибора Рубина.

А вот Нормана Фраймана в тексте приказа и статьях ничего не удивило. Норман был уверен, что бескорыстие Тибора начинало свой путь с самого младенчества и что его характер начал закаляться еще в колыбели. Его желание помогать другим породили в нем его родители и вера. Кроме того, думал Норман, тот ад, через который прошел Тибор в Маутхаузене, сделал его сильнее и приготовил к Корее лучше, чем кого-либо. Вместо того, чтобы сбить его с пути, каждый новый вызов готовил его к следующему. Тибор, по мнению Нормана, физически неспособен был заглушить в себе чувство долга. Так уж он устроен.

Через несколько месяцев Норман, Исаак и Тибор вместе с женами собрались вместе за ужином в честь Тибора на юге Флориды. Они договорились не обсуждать события прошедших пятидесяти лет до тех пор, пока не увидятся лицом к лицу. В тот день, когда они встретились, одно стало совершенно ясно: им не хватит одного вечера, чтобы обсудить все. Потребуются недели или даже месяцы.

26

В свои восемьдесят три года, через шесть лет после церемонии в Белом доме, Тибор по-прежнему отвечает на просьбы приехать на различные мероприятия. Он по-прежнему навещает ветеранские госпитали, чтобы поговорить с ранеными и раздать им подарки на праздники. И он по-прежнему играет Санта-Клауса для местных детишек.

Он стал популярным спикером, почетным гостем на разного рода общественных мероприятиях – от встреч памяти жертв Холокоста и ветеранских собраний до гонок NASCAR. Когда он рассказывает про Маутхаузен, Корейскую войну или «Лагерь 5», он не скрывает бесконечные ужасы этих мест. Тибор твердо решил: его слушатели должны знать, что война – это нескончаемая агония, и что никто никогда не уходит с поля боя или из концлагеря невредимым. Но его истории всегда скрашивают его неукротимая жизненная сила и грубоватый юмор. Когда он заканчивает говорить, слушателям становится лучше. Его рассказы развиваются в самых неожиданных направлениях. Тибор честно говорит о самых тяжелых своих моментах, но не забывает и про забавные мелочи. Он акцентирует внимание на войне умов, нежели на войне оружия. Говорит об удаче, выживании, личных качествах и врожденной благородности своих товарищей. Подчеркивает важность человеческой изобретательности и упорства даже в самых сложных обстоятельствах. И никогда не упускает случая поговорить о юморе, который он и его боевые друзья призывали на помощь в самые темные моменты.

Но он произносил эти речи не только ради личного удовольствия. Спустя столько лет молчания Тибор начал понимать, что он – хранитель жизней и судеб людей, чьи истории никогда не будут рассказаны. Он поклялся помнить и чтить имена и личности всех, с кем служил, и особенно тех, кто сделал все возможное, чтобы он наконец получил свою медаль. После стольких лет испытаний Тибор стал верить, что если в мире и есть призраки, то группа самых достойных из них все время крутится вокруг него, когда бы он ни говорил – и слушают, кивают, соглашаются.

От автора

В конце лета 2011-го я начал интервьюировать Тибора «Тэдди» Рубина, единственного узника Холокоста, которому удалось получить высшую военную награду США Медаль Почета. Я тогда еще не знал точно, смогу ли помочь ему рассказать миру эту историю. Впервые я услышал ее за три месяца до этого, на собрании, на котором он захватил внимание целой комнаты слушателей серией шокирующих, но при этом часто смешных рассказов о своем участии в Корейской войне. Я тогда не посмел прерывать его, и у меня накопилось несколько страниц неотвеченных вопросов. Но когда я встретился с ним один на один, пришло время их задать. Я собирался написать книгу, сюжет которой покрывал бы две войны, три континента и восемьдесят лет, а заодно выяснить, каким образом только что прибывший иммигрант из Венгрии, выживший в кошмарном концлагере Маутхаузен, ухитрился попасть в армию США и воевать в Корее. Еще более загадочным мне показался тот факт, что его новой родине потребовалось пятьдесят лет, чтобы признать его заслуги. Я тогда и представить себе не мог, как глубоко меня заведут эти вопросы.

От моего офиса в Санта-Монике совсем недолго ехать до дома Тибора в Гарден-Гров, тихой пазухе мегаполиса, растянувшегося от северных границ Лос-Анджелеса до Ньюпорт-Бич в округе Ориндж. Путь занимал меньше часа, и мне как раз хватало времени прочистить голову и сосредоточиться на вопросах, которые я приготовил для нашей беседы. Но легкий доступ к Тибору оказался обманчивым. Несмотря на то что он говорил честно и смешно, мне всегда казалось, что он что-то утаивает от меня.

Во время одного из наших интервью, после чашки чая и нескольких минут светской беседы, я глянул на часы и заметил, что скоро наступит еврейский Новый год.

– Собираетесь на службы по случаю Высоких Праздников? – спросил я между делом.

– Нет, – ответил он не задумываясь. – Бог разрешил мне не ходить. Он уже слышал мою историю.

Я засмеялся. Тибор засмеялся еще громче, уже знакомым мне смехом, которым он сопровождал свои резкие шутки. Я смеялся, потому что он застал меня врасплох и потому что его слова показались мне близкими, но оценить всю прелесть и иронию его ответа я не смог. Я еще не успел познать всю сложность и противоречивость моего персонажа, и не мог познать еще

примерно год.

Тибор не то чтобы нарочно скрывал что-то – с самого начала он сказал мне: «Спрашивайте меня все, что считаете нужным». Но мне потребовалось очень много времени, чтобы начать задавать правильные вопросы. Мне еще предстояло найти то, что психолог Элис Гоффман называет «нетронутым ключом», который позволит приоткрыть дверь в душу Тибора.

Правда была такова, что когда мы только познакомились, я стремился просто и честно рассказать о выдающемся герое. Я и представить себе не мог, что именно *делало* его героем: все, с чем мне предстояло работать, была память Тибора, которую он стимулировал собственным энтузиазмом, и письма нескольких его боевых товарищей.

Но письма пролили свет на кое-что поважнее. Свидетельские показания о сверхчеловеческих подвигах Тибора на поле боя и, позднее, в лагере для военнопленных, появились в результате нежелания Министерства армии признавать его героизм. И хотя многие их авторы едва успели закончить школу, почти на каждой странице этих писем были кровь и слезы. Истории солдат отличались стилем, манерой и длиной, но все они были связаны одной общей темой: долгом перед плохо говорящим по-английски венгром, евреем, преданным ритуалам, еще более чуждым им, чем его плохое произношение, незнакомцем, который раз за разом доказывал, что он самый храбрый человек, которого они когда-либо встречали.

Письма добавили веры и важности жизнеописанию Тибора, но их было недостаточно для того чтобы объяснить, зачем он не переставая рисковал жизнью ради людей, которые для него мало что значили. В тот момент я решил, что не смогу найти ответ на этот вопрос. Отчасти потому, что мне не с кем было поговорить об этом. Я считал, что все свидетели уже умерли. Тибор подразумевал это, когда я спросил его о двух его ближайших товарищах, Рэндалле Бриере и Леонарде Хэмме.

Я стал работать в заданных рамках наших бесед и писем, добавляя к ним впечатления молодых Рубиных и собственные исследования. Но затем, через пару месяцев, один из наших разговоров прервал телефонный звонок, продолжавшийся почти полчаса. Тибор вернулся и извинился, объяснив, что ему звонил старый друг, Дик Уэйлен.

– Кто? – спросил я, думая, что ослышался.

– Дик Уэйлен, из лагеря в Корее.

– Он еще жив?

– Ну да, – кивнул он так, словно я знал это всю дорогу.

– А можно мне его номер?

– Ну разумеется!

В тот же вечер я позвонил Ричарду Уэйлену. Он сообщил мне, что он и «Рубин» – как называли его приятели – вместе жили в китайском военном лагере и что Тибор спас ему жизнь. Он с радостью говорил о нем. Я наткнулся на золотую жилу.

После нескольких наших бесед с Диком Уэйленом у меня появилась целая прорва новых вопросов к Тибору. И, конечно, я спросил его, есть ли еще кто живой из Кореи или даже из Европы. Он рассказал мне, что да, есть: его лучший друг, переживший Освенцим; бывшая невеста его брата и лучшая подруга его сестры; еще один знакомый из Маутхаузена; больная сестра и ее муж в Швеции; и девяностолетняя медсестра, которая, по словам Тибора, спасла ему жизнь после освобождения из концлагеря. Оказалось, что Тибор периодически общается со всеми из них. За пару месяцев число моих источников выросло экспоненциально.

В течение следующих двух лет все эти люди добавили в историю Тибора деталей, мнений и чувств. Одни рассказывали про послевоенную Европу и жизнь иммигрантов в Штатах, другие про «забытую войну» в Корее, третьи про «Лагерь 5» на реке Ялуцзян, а четвертые про других членов семьи Рубиных. Но что важнее всего, эти новые люди помогли мне узнать больше о самом Тиборе Рубине, сделать неизбежные выводы о том, как закалялся характер этого человека. В конце концов именно это стало основой моей книги.

Эти разные и страстные голоса, за которыми скрывались собственные удивительные истории, стали опорой этой книги. Появлялись новые персонажи, в частности целая группа людей, двадцать пять лет помогавших Тибору получить заработанную им медаль. Иногда их истории не совпадали друг с другом или даже с рассказами самого Тибора, но никогда не противоречили ему.

Диалоги, которые добавляют живости многим сценам этой книги, появились в результате бесед с Тибором и его современниками. В некоторых случаях описанные сцены были составлены на основе двух или более источников: например, интервью и писем. Эти «сцены» настолько точны, насколько точны авторы, их рассказавшие, и пусть даже они могут не совпадать в мельчайших деталях с происходившим на самом деле – подробности иногда менялись от рассказа к рассказу, – я уверен, что они максимально точно передают дух того времени и тех событий. С глубочайшей благодарностью и уважением я признаю незаменимый вклад указанных источников в создание этой книги.

Благодарности

Писатели могут создавать книги в одиночку, но такие книги, как эта, требуют участия многих и многих людей. Мне повезло собрать большой круг заинтересованных и терпеливых лиц. К большому счастью, почти все они упомянуты в тексте этой книги, ибо у меня нет возможности отблагодарить их всех здесь, не проверяя при этом на прочность терпение моих читателей и издателя. Но с моей стороны было бы недобросовестно не указать следующих людей, так здорово мне помогавших.

Семья Рубиных, с Тибором во главе, оказалась незаменимой. Ивонн, Рози, Фрэнк, кузены Роберт и Вера: спасибо. Отдельно хочу поблагодарить двоюродную сестру Тибора, Дебору Кесслер и ее отца, Джо Хантли. Дебора заботливо хранит семейные архивы и предоставила мне много фотографий и личных документов, которые впервые публикуются именно в этой книге.

Кроме Тибора, этим трем узникам концлагерей: Норману Фрайману, Майку Попику и «Исааку Гоффману» (который выразил желание остаться неизвестным), за их щедрые и честные воспоминания тех ужасов, которые они пережили.

Двум бывшим узникам «Лагеря 5», Дику Уэйлену и Гарри Брауну, которые провели со мной многие часы, вспоминая шокирующие подробности войны и плена. Они оба продемонстрировали выдающиеся стойкость и чувство юмора.

Бад Коллетт, благородный воин, «глава штаба» Тибора и прекрасный рассказчик, который всегда был готов ответить на мои вопросы. Бад поделился со мной обширным архивом документов и фотографий. За двадцать пять лет Бад написал почти двести писем в поддержку Тибора. Я понимаю, что уже говорил об этом в тексте, но о таком стоит упомянуть еще раз.

Я сильно полагался на опыт Мишель Спивак Меллингер, которая, работая в EBB, двадцать лет неустанно помогала делу Тибора. Мишель провела много часов, проясняя для меня имеющие отношение к делу тонкости, чтобы я смог из сотен документов на моем столе составить целостное повествование.

Лиза Бриер здорово помогла рассказами о жизни своего отца, старшины Рэндалла Бриера. Если бы не настойчивость Рэндалла, Тибор так и остался бы неизвестным.

Воистину удивительная женщина, Дэйзи Поллак появляется в самом тексте ненадолго, но ее влияние куда значительнее. Дэйзи очень сдружилась с Имре, Ирэн и Тибором в лагере для беженцев в Поккинге, Германия. Судьба разделила их примерно через год, когда она вместе с братом переехала в другой лагерь. По

поразительному стечению обстоятельств, Дэйзи вновь встретилась с Рубиными в Америке, в 1953-м, почти сразу после того, как Тибор вернулся из Кореи. Она тридцать лет была лучшей подругой Ирэн. Ее сверхъестественная память, способность вспомнить почти каждый день их жизни в Поккинге, Тибора в подростковом возрасте и ее отношения с семьей Рубиных оказались неоценимыми для моего понимания истории и динамики этой семьи. Дэйзи была для меня голосом Ирэн.

Беверли Коэн оказывала мне необходимую поддержку на протяжении долгого процесса написания книги.

Джордж Коу, мой дядя и ментор, помогал мне преодолеть многочисленные ступоры и ошибки.

Моя любимая жена, Кэтрин Гэлан, оказала неоценимую помощь и не раз помогала мне советом за те два с половиной года, которые я писал «В одиночку». Кэтрин терпела со мной многочисленные редактуры – геркулесов труд, воистину – особенно на ранних стадиях работы, пока книга еще не нащупала свой уникальный стиль. Кажется, тогда, в 2012-м, первый драфт книги чуть не поставил под угрозу целую неделю нашего пляжного отдыха.

Библиография

Книги

Appleman, Roy Edgar. *South to the Natkong, North to the Yalu*. Washington, D.C.: Center of Military History, United States Army, 1992.

Braham, Randolph L. *The Politics of Genocide, the Holocaust in Hungary*. Detroit: Wayne State University Press, 2000. Published in association with the United States Holocaust Museum.

Carlson, Lewis H. *Remembered Prisoners of a Forgotten War*. New York: St. Martin's Press, 2002.

Chinnery, Philip D. *Korean Atrocity! Forgotten War Crimes1950-1953.*Annapolis: Naval Institute Press, 2000.

Ent, Uzal W *Fighting on The Brink; Defense of the Pusan* Perimeter.Nashville: Turner, 1997.

Funchess, William H. *Korea P.O.W.: A Thousand Days of Torment.* Clemson, SC: South Carolina Military Museum, 2002.

Gillespie, Bailey. *Korean War Remembered, Prisoner of War, 1013 Days in Hell.* Spindale, NC,1995.

Halberstam, David. *The Coldest Winter, America and the Korean War*. New York: Hyperion, 2007.

Hastings, Max. *The Korean* War.New York: Simon and Schuster, 1987.

Le Chene, Evelyn. *Mauthausen: The History of a Death Camp.*Great Britain: Methuen & Co., 1971.

Lech, Raymond B. *Broken Soldiers.* Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 2000.

Marlantes, Karl. *What It Is Like To Go To* War.New York: Grove Press, 2011.

Michael J. Martin. *Life as a POW*. Farmington Hills, MI: Lucent Books, 2004.

Parmenter, Ed. *The Korean War, Fiction Versus Fact.* Bloomington, Xlibirs Books, 2010.

Wenzl, Roy and Heying, Travis. *The Miracle of Father Kapaun.*San Fransisco: Ignatius Press, 2009.

Периодические издания и сайты

1stCavalry Division History-Korean War 1950–1951. www. first-team.us/tableaux/chapt_04/

Audio Guide 10: The Tent Camp.http://en.mauthausen-memorial.at/db/admin/de/show_article.php

Death Statistics for the Mauthausen Concentration Camp. scrapbookpages.com/mauthausen/KZMauthausen/History

FACT SHEET: Operations Big and Little Switch. www. nj.gov/ military/korea/factsheets/opswitch.html

Goodman, Howard. Bravery, But No Medal of Honor for Jewish Soldier. www: articles.sun-sentinel.com/2004-06-03/ news/0406030121

Holocaust Encyclopedia, Displaced Persons. The United States Holocaust Memorial Museum. www.ushmm.org/wlc/en/articlephp? ModuleId + 10005462

Immigrants: Not Just Numbers. Time, May 24, 1948. www.Time.com/time/magazine/article/0,9171,794362,00.html

Japan: 900 Second World War bombs found under restaurant. www.telegraph.co.uk/history/world-war-two/7892102. Telegraph Media Group Limited 2013.

Jewish Displaced Persons Project. United StatesMemorial Museum. www.ushmm.org/museum/exhibit/online/dp/politics

Jewish Displaced Persons Project. www.ushmm.org/museum/ exhibit/online/dp/politics.htm

Korean War: 1stTurkish Brigade's Baptism of Fire, historynet. com/ koream-war-lst-turkish-brigades-baptism-of-fire. June 12, 2006. First Published in *Military History* magazine.

Mauthausen Concentration Camp. Holocaust Education & Archive Research Team, www.holocaustresearchproject.org/othercamps/ mauthausen.html

Mauthausen/Gusen Death Book. www.jewishgen.org/databases/ Holocaust/0117_Mauthausen-Gusen-Death-Book.html

Mellinger, Michelle Spivak. *Fifty-Six Years Late and Just on Time: TiborRubin Recieves the Medal of Honor.The Jewish War Veteran,* Volume 58, Number 4. 2005.

*Myths, Little Known Facts and Potpourri.*Congressional Medal of Honor Foundation. www.cmohfoundation-org/documents/myths-and-little-knkown-facts.

Ouzan, Francoise. Rebuilding Jewish Identities in Displaced Persons Camps in Germany, 1945–1957, (English Transation.) Bulletin du Centre de Recherch Francais a Jerusalem,2004.351

Заметки

Часть 1: Пасто, 1938

Материал для этой части я получил из серии интервью с Тибором, состоявшихся в течение нескольких месяцев, с осени 2011-го до зимы 2012-го.

Часть 2: Маутхаузен, 1944

Главы 1-3

Основную часть материала для этих первых глав я получил от Тибора. Его показания иногда путались, поэтому мы периодически возвращались к этому вопросу в течение двух лет. Персонаж «Арон» – это сборный образ нескольких мальчиков, встреченных Тибором в разное время. Все они пропали.

Описания ежедневной жизни в лагере дополнены информацией из книги *Mauthausen, The History of a Death Camp,* автор Эвелин Ле Шен.

Дополнительный материал я получил благодаря интервью с Майком Попиком, тоже пережившим Маутхаузен.

Главы 6-8

«Исаак» – это псевдоним человека, выжившего в Маутхаузене и попросившего не называть его настоящего имени.

Главы 10-11

Детали жизни в палаточном городке предоставлены Миклошем Попиком и «Исааком».

Глава 12

Воспоминания Тибора дополнены интервью с Бернадин Пластерс, состоявшимся осенью 2011-го. На тот момент мисс Пластерс было девяносто два года.

Статистика из книги Ле Шен, Mauthausen, History of a Death Camp, сс. 180–200.

Часть 3: После лагеря, 1945

Глава 1

Из концлагерей ежедневно освобождали по шестьдесят пять тысяч узников. Информация получена из монографии Франсуазы Узан *Rebuilding Jewish Identites in Displaced Persons Camps in Germay, 1945–1957.* К сентябрю 1945-го на родину вернулись почти шесть миллионов узников.

Глава 3

Материал о лагере для беженцев получен из “Holocaust Encyclopedia”, размещенной на официальном сайте Мемориального музея Холокоста. Многие детали жизни в

Поккинге я узнал из нескольких интервью с Дэйзи Поллак.

Глава 5

Этот раздел составлен на основе интервью с «Исааком Гоффманом», состоявшихся осенью 2011-го. Мистер Гоффман, переживший Маутхаузен и власть террора в Будапеште, предпочел остаться неизвестным.

Глава 8

Информация о *Marine Flasher* появилась из статьи Кесслер *Story of the Marine Flasher* and *Immigrants, Not Just Numbers,* журнал Time, от 24-го мая 1948-го.

Глава 12

Описание отеля «Марсель»: *Wrought Iron News,* http// www.ironews.com/hotel-marseilles-new-york-city-icon-since-1905. Исаак Гоффман рассказал о том, чем занимались в лобби отеля.

Часть 4: Война, 1950

Многие подробности первых дней Корейской войны получены из книги Дэвида Хальберстама *The Coldest Winter*. Тот раздел, информацией из которого я пользовался, начинается на странице 47.

Глава 3

Рассказ о высадке в Корее: IstCavalry Division History – Korean War.

Детали и статистика: Урал Энт, *Fighting on the Brink, cmp.*

Глава 4

«Артур Пейтон» – это псевдоним. Рассказы о том, как «Пейтон» обращался с Рубиным, и фразы вроде «да что с вами такое, евреи? Вы как кошки. Девять жизней, все дела» и «Я искренне считаю, что Пейтон с готовностью пожертвовал бы собственной безопасностью, лишь бы убить Рубина» встречаются в письме Гарольда Спикмэна от 1995-го.

Замечание «Ты не еврей. Ни один сучий еврей не будет настолько глуп, чтобы показать свой нос на этой войне. Все настоящие евреи уже вернулись домой и рубят бабло» появляется в письме Леонарда Хэмма.

Глава 7

«Отступать больше некуда…» Дэвид Т. Забекки, Stand or Die.

Описание людей в роте Тибора словами «оборванные, усталые, избитые» Письмо старшины Рэндалла Бриера.

Столкновение американских войск с инмингун: Рой Эдгар Эпплман, *South to the Natkong, North to the Yalu.* страница 438.

Рассказ Тибора об обороне холма в Чире составлен на основе интервью с Тибором и трех писем Гарольда Спикмэна, Рэндалла Бриера и Леонарда Хэмма. Письма отличаются лишь

незначительными деталями. Фраза «Хочешь оказаться на месте этого сукиного сына?» взята из письма Леонарда Хэмма.

Глава 8

Материалы об отце Капауне взяты из книги Роя Венцля и Трэвиса Хейринга *The Miracle of Father Kapaun.*

Глава 9

Рассказ об обороне Пусанского периметра взят из книг Дэвида Т. Забекки, *Stand or Die* и Роя Эдгара Эпплмана, *South to the Natkong, North to the Yalu.*

Глава 14

Рассказ о битве под Унсаном взят из трех источников, *The Coldest Winter* Хальберстама, *South to Natkong North to the Yalu* Эпплмана и the *1stCavalry Division History-Korean War* 1950–1951. *Также использованы интервью с Тибором и Ликом Уэйленом.*

Старшина «дал деру». Письмо Леонарда Хэмма.

Часть 5: В плену, 1950

Глава 1

Рассказа о марше на север составлен на основе интервью с Тибором и Диком Уэйленом, с добавлением материалов книг Рэймонда Леха *Broken Soldiers, стр. 45* и Дэвида Хальберстама *The Coldest Winter, стр. 35.*

Расположение шахтерского городка взято из книги Филлипа Д. Чиннери *Korean Atrocity,* стр. 104–108.

Глава 3

История спасения Джеймса Буржуа составлена на основе письма Джеймса Буржуа и интервью с Тибором.

Глава 4

Условия в Долине смерти: Питер Чиннери, *Korean Atrocity, стр. 109*

Глава 5

Война против насекомых: Питер Чиннери, *Korean Atrocity, стр. 108*

Судьба людей в «доме смерти»: Рэймонл Лех, *Broken Soldiers,* стр. 42

Инцидент с расстрельной командой взят из письма Леонарда Хэмма.

Глава 6

История пути Лео Кормье к «Лагерю 5» рассказана со слов его сына Рори Кормье.

Глава 7

Рассказ о входе солдат в «Лагерь 5»: Рэймонд Лех, *Broken Soldiers,* стр. 68

Глава 10

Описание «наплеватита», Льюис Эйч. Карлсон, *Remembered Prisoners of a Forgotten War,* стр. 156. Похожие рассказы встречаются в интервью Тибора, Дика Уэйлена и Уилльяма Фанчесса и в *The Korea Story,* стр. 17.

Глава 12

Рассказы об отце Капауне и товарище Суне встречаются в книге Питера Чиннери *Korean Atrocity, стр. 158*

Глава 13

Создание «комитетов мира» взято из книги Рэймонда Б. Леха *Broken Soldiers,* стр. 108.

В книге Лех вспоминает случай Клода Бэчелора в мельчайших подробностях. Я использовал его версию истории Бэчелора для большинства напечатанной здесь информации.

Глава 16

Обсуждение турецких военнопленных из интервью с Ричардом Уэйленом.

Глава 17

Солдаты делают из металлических вставок в ботинках ножи. Интервью с Уилльямом Фанчессом.

Глава 19

Методология китайских программ по индоктринации, Рэймонд Б. Лех *Broken Soldiers,* сс. 91–95.

Глава 20

Интервью с Бадом Коллеттом.

Глава 21

Тупик в переговорах ООН и Северной Кореи: Макс Гастингс, *The Korean War,* стр. 228-235

Глава 23

Интервью с Гарри Брауном.

Глава 29

Рассказ об условиях обмена военнопленных; Макс Гастингс, *The Korean War, сс. 305–306.*

Глава 35

Информация и цифры по «Малому обмену» из книги Макса Гастингса, The Korean War, стр. 320 и *FACT SHEET: Operations Big and Little Switch,* www.nj.gov/military/korea/opswitch.html

Часть 6: Возвращение домой, 1953

Глава 1

Замечания Тибора по поводу китайцев впервые появились в выпуске Stars and Stripes от 23 апреля. Схожая история появилась в New York Times либо 22-го, либо 23-го: *Captive Able to Laugh at Past,* Грег МакГрегор.

Глава 3

Подробности последних дней американских военнопленных в «Лагере 5» из интервью с Гарри Брауном.

Глава 4

Статистика по потерям Корейской войны доступна: для самых свежих данных я смотрел CNN: http://www.cnn.com/2013/06/28/world/asia/korean-war-fast-facts/

Глава 6

Об участии Тибора в судебных разбирательствах по делу Клода Бэчелора сообщали по меньшей мере две местных газеты. Это статья *Tibor Rubin Subpoenaed to Testify at CourtMartial of Turcoat PW,* Берта Резника для Long Beach Press Telegram от 31 августа 1954-го, и статья *Long Beach Ex PW Speaks for Batchelor* для The Independent (Лонг-Бич) от 1 сентября 1954-го. Хотя изначально эти материалы появились в местных газетах, в дальнейшем их отправили и в другие газеты страны.

Глава 8

Точка зрения Ирэн Рубин ясна благодаря интервью с Дэйзи Поллак, ее лучшей подругой на протяжении тридцати с лишним лет.

Глава 10

Интервью с Джо Хантли, мужем Ирэн Рубин.

Глава 13

Интервью с Кэсс Кьярелли, дочерью Ленни Кьярелли.

Часть 7: Медаль

Глава 1

Интервью с Лизой Бриер, дочерью Рэндалла Бриера.

Глава 2

Интервью с Рори Кормье, сыном Лео Кормье.

Глава 7

Интервью с Гарри Брауном.

Глава 9

Письма Бада Коллетта.

Глава 11

Интервью с Эдом Голдвассером и Гербом Розенблитом. Глава 14

Материалы и цитаты взяты из серии писем Ричарда Уэйлена и Джеймса Буржуа.

Глава 15

Почти все подробности этой главы взяты из письма Леонарда Хэмма на одиннадцать тысяч слов, подтверждающего свидетельства Рэндалла Бриера и Гарольда Спикмэна.

Глава 17

Интервью с Брюсом Гляйтом и Полом Камбио.

Глава 21
Интервью с Кэсси Кьярелли.